Федеральное государственное бюджетное учреждение
Институт языкознания РАН

Эмоциональная сфера человека в языке и коммуникации: синхрония и диахрония — 2019

Материалы международной конференции

Москва 2019

УДК 81
ББК 81
Э

Утверждено к печати
Федеральным государственным бюджетным учреждением
Институтом языкознания РАН

Издание осуществляется при поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ)
проект № 18-012-00736-а

Редакционный совет:
доктор филологических наук М. Л. Ковшова
доктор филологических наук Н. К. Рябцева
кандидат филологических наук П. С. Дронов
Ответственный редактор:
доктор филологических наук Е. Р. Иоанесян
Рецензенты:
доктор филологических наук Т. Б. Радбиль (Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского)
кандидат филологических наук О. А. Гулыга (Институт языкознания РАН)

Эмоциональная сфера человека в языке и коммуникации: синхрония и диахрония — 2019: Материалы международной конференции. — 288 с.

Сборник посвящен описанию разных способов номинации эмоций, проявленных в лексике и фразеологии на материале разных языков — славянских, германских, романских, финно-угорских, сино-тибетских. Рассматриваются проблемы взаимодействия эмоционального и рационального в состояниях сознания и их интегральное представление в языке и дискурсе. Анализируются средства вербализации состояний сознания, синтезирующих эмоциональное и рациональное, а также выявляется их роль и функции в научном познании.

ISBN 978-5-6041117-1-0

© Авторы
© Институт языкознания РАН

Содержание

W. Mieder (Вермонтский университет)
“Age is just a number”. American proverbial wisdom about age and aging
«Возраст — это всего лишь число»: американские пословицы о возрасте и старении 7

О. Б. Абакумова (ОГУ им. И. С. Тургенева)
Эмоции и оценки в коммуникативном процессе с использованием пословиц (на материале английского художественного текста) 22

С. П. Виноградова (ИЯз РАН)
К вопросу о психологии эмоций: Гаты Заратуштры 31

П. С. Дронов (ИЯз РАН)
Метафоры израсходования и избытка ресурса в эмотивной фразеологии 41

Е. Р. Иоанесян (ИЯз РАН)
Симптоматическая лексика: классы и функции 48

М. Л. Ковшова (ИЯз РАН)
Семантика и прагматика прилагательного эмоциональной оценки *приятный* 63

Е. Е. Королёва, **О. Г. Ковзеле** (Институт социальных и гуманитарных исследований Даугавпилсского университета)
Инвективы как способ выражения отрицательных эмоций в диалектном социуме (староверы Латгалии) 82

С. Ю. Куликов (БФУ им. И. Канта; ООО «Ай-Теко ВЦ»)
Лексикографирование оценочных наименований сторонников украинских политиков в украиноязычном онлайн-дискурсе 97

Е. М. Лазуткина (ИРЯ РАН им. В. В. Виноградова)
Структура моделей предложений как способ обозначения воздействия эмоций и чувств на человека 102

Е. М. Масленникова (ТвГУ)
Шекспировские метафоры-эвфемизмы: потерянные значения 111

Л. Э. Найдич (Еврейский университет в Иерусалиме),
А. В. Павлова (Майнцский университет)
Магия парности (на материале русской поэзии) 120

О. С. Орлова (ИЯз РАН)
Непрямая номинация смерти в русских традиционных загадках 134

Г. В. Петрова (МГИМО МИД России)
Анатомия зависти (на материале португальского языка в сопоставлении с русским) 146

Н. К. Рябцева (ИЯз РАН)
Интегральное представление эмоциональной сферы человека: эмоциональное и рациональное в состояниях сознания 162

К. Я. Сигал (ИЯз РАН)
Силлепсис как показатель эмоциональной акцентуации в речевом общении 178

А. А. Смирнитская (ИВ РАН)
Типологические особенности эмоционально-экспрессивной семантической деривации терминологии родства 184

С. С. Тахтарова (КФУ)
Категория коммуникативного смягчения: лингвоэкологический аспект 197

Г. В. Токарев (ТГПУ им. Л. Н. Толстого)
Эмоциональность и значение символа 204

А. Л. Токарева (РГГУ; МГПУ)
Трансформации валентной структуры метафоризированных глаголов в современной итальянской художественной прозе 208

Л. Л. Фёдорова (РГГУ)
Лапушка и *лапочка*: к мотивации традиционных обращений 214

О. И. Федосов (Университет им. Л. Этвёша, Будапешт)
Басовый ключ, *творог* и *мебельный склад* как «эмоциональные отдушины» в венгерском языке 222

О. Е. Фролова (МГУ)
О чувствах, страстях и эмоциях. К вопросу категоризации 231

Ш. В. Хайров (Университет Глазго)
— *Кто?* — *Конь в пальто!* Диалогические идиомы в славянских языках: языковая игра и речевая агрессия 241

А. В. Шаров (ИЯз РАН)
Русское *надеяться* и венгерское *remélni*: сравнительный анализ значений 248

В. И. Шаховский (ВГСПУ)
Эмотиология о коммуникации человека в эмоциональном пространстве языка 253

Е. Б. Яковенко (ИЯз РАН)
К вопросу о семантике удовольствия в истории английского языка 265

Янь Кай (Университет Сунь Ятсена, Гуанчжоу)
Этнокультурная специфика лексикографического описания наименования эмоции РАДОСТЬ в русской и китайской лингвокультурах 275

Сведения об авторах 285

Contents

Wolfgang Mieder (University of Vermont, Burlington, VT)
"Age is just a number". American proverbial wisdom about age and aging 7

O. B. Abakumova (Orel State University named after I. S. Turgenev)
Emotions and evaluation in communicative process
with the use of proverbs (based on the English texts of fiction) 22

S. P. Vinogradova (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)
Towards the Psychology of Emotions: The Gāthas by Zarathushtra 31

P. S. Dronov (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)
Metaphors of depletion and overabundance
in emotion-related phraseology 41

E. R. Ioanesyan (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)
Symptomatic lexis: classes and functions 48

M. L. Kovshova *(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)*
Semantics and pragmatics of the Russian evaluative adjective *приятный* – 'nice, pleasant' 63

J. J. Koroļova, O. G. Kovzele (Institute of Humanities and Social Sciences at Daugavpils University)
Invectives as a way of expressing negative emotions in a dialectal society (the Old Believers of Latgale) 82

S. Yu. Kulikov (Immanuel Kant Baltic Federal University, I-Teco VC, LLC)
Dictionary representation of the evaluative naming of people: the case of the Ukrainian politicians' supporters in online discourse 97

E. M. Lazutkina (V. V. Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences)
The structure of sentence models as a way of designating the impact of emotions and feelings on a person 102

E. M. Maslennikova (Tver State University)
Shakespearean euphemistic metaphors: lost meanings 111

L. Naiditch (The Hebrew University of Jerusalem), A. Pavlova (University of Mainz)
Magic of doubling (with examples from Russian poetry) 120

O. S. Orlova *(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)*
Indirect nomination of death in traditional Russian riddles 134

G. V. Petrova (Moscow State Institute of International Relations)
Anatomy of envy (in Portuguese in comparison with Russian) 146

N. K. Riabtseva (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)
Human Emotions and Their Integral Representation: The Emotional and The Rational in States of Consciousness 162

K. Ya. Seagal (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)
Sillepsis as an indicator of emotional accentuation in verbal communication 178

A. A. Smirnitskaya (Institute of Oriental studies, Russian Academy of Sciences)
Emotive interjections derived from kinship terms: the case of Dravidian semantic shifts 184

S. S. Tahtarova (Kazan Federal University)
Category of communicative mitigation: a linguoecological aspect 197

G. V. Tokarev (Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University)
Emotionality and meaning of the symbol 204

A. L. Tokareva (Russian State University for the Humanities; Moscow City University)
Transformations in the valency structure of metaphorical verbs in contemporary Italian fiction 208

L. L. Fedorova (Institute of Linguistics, Russian State University for the Humanities)
Lapushka and *lapochka*: towards the motivation of the traditional address forms 214

O. Fedoszov (Institute of Slavistics, ELTE, Budapest)
Bass clef, *curd* and *furniture* warehouse as an „emotional vent" in Hungarian 222

O. E. Frolova (Lomonosov Moscow State University)
On feelings, passions and emotions: categorization, revisited 231

Shamil Khairov (University of Glasgow)
— *Кто?* — *Конь в пальто!* Slavonic dialogue idioms as language play and verbal aggression 241

A. V. Sharov (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)
Russian *надеяться* vs. Hungarian *remélni*: a comparative analysis of the two verbs denoting hope 248

V. I. Shakhovsky (Volgograd state socio-pedagogical University)
Emotiology of human communication in the emotional space of language 253

E. B. Yakovenko (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)
Revising the semantics of pleasure in the history of English 265

Yan Kai (Sun Yat-Sen University, Guangzhou, China)
Cultural and national specificity of lexicographic description of the emotion of JOY in the Russian language against the backdrop of the Chinese linguoculture 275

Contributors to the issue 285

Wolfgang Mieder (Department of German and Russian, University of Vermont, Burlington, Vermont, USA)
В. Мидер (кафедра немецкого и русского языков, Вермонтский университет, г. Бёрлингтон, штат Вермонт, США)

"Age is just a number" American proverbial wisdom about age and aging
«Возраст — это всего лишь число»:: американские пословицы о возрасте и старении

Abstract

American proverbs contain considerable wisdom about various aspects of age and aging. They reflect the future-oriented worldview of the American society by pushing aside the natural process of growing old and emphasizing the desire of staying young for as long as possible. While some of the older proverbs praise the knowledge and expertise that are gained with age, modern American proverbs tend to stress that aging has to be slowed down in favor of a vibrant and active life. Three very common proverbs show this mental attitude in particular: "You are as old as you feel", "Life begins at forty", and "Age is just a number". Other American proverbs contained in *The Dictionary of Modern Proverbs* (2012) echo this viewpoint of a youthful life-style void of the worries and pains of old age. Some of the proverbs actually represent a denial of the natural aging process. To a certain degree they encapsulate the American obsession with wanting to be young and lively. Remaining young at heart and spirit appears to be the message of this proverbial wisdom that is doubtlessly part of the American psyche.

Американские пословицы содержат много мудрых мыслей о различных аспектах возраста и старения. Они отражают картину мира американского общества, ориентированного на будущее: в пословицах подчеркивается желание оставаться молодым как можно дольше, а естественный процесс старения отходит на задний план. Хотя более ранние пословицы прославляют знания и опыт, приобретаемые с возрастом, в современных акцент делается на том, что старение нужно замедлить ради активной и насыщенной жизни. Эта психическая установка особенно хорошо заметна в трех широко распространенных пословицах: *You are as old as you feel* ('Ты настолько стар, насколько себя ощущаешь'), *Life begins at forty* ('В сорок лет жизнь только начинается') и *Age is just a number* ('Возраст — это всего лишь число'). Эта установка на душевную молодость без возрастных волнений и болезней отражается и в других пословицах, включенных в «Словарь современных американских пословиц» 2012 г. В некоторых из них даже представлено неприятие и отрицание естественного процесса старения. В какой-то степени

они воплощают неотступное стремление быть молодыми и активными. Очевидно, идея этих пословиц — сохранение молодости в сердце и душе — является частью американской ментальности.

Key words

Age, aging, American, anti-proverb, emotion, life, mentality, modern proverb, origin, pattern, variant, worldview

Возраст, старение, американский вариант английского языка, антипословицы, эмоции, жизнь, ментальность, современные пословицы, происхождение, модели, варианты, языковая картина мира

Proverbs contain generalized wisdom about all aspects of human existence, and it should not be surprising that proverbs about life as such abound in languages throughout the world with new proverbial insights being added as challenges and opportunities change [Ayaß 2001; Honeck, Welge 1997; Mieder 2015b: 38—41]. Naturally there are many proverbs about birth and death and various other rites of passage that are part of life with its unavoidable aging process. Every human being faces the multifaceted steps from youth to a hopefully fulfilled old age with proverbs containing much knowledge about getting old in particular. Little wonder that a few paremiologists have looked at these proverbs in some detail, to wit such scholarly contributions as J. Olowo Ojoade's "The Old Woman as Seen through African Proverbs: Fragmentary Remarks about African Society through Sayings" [Ojoade 1985], Ingrid Schellbach-Kopra's "Das Alter im Sprichwort der Deutschen und Finnen – eine kontrastive Betrachtung" (Schellbach-Kopra 1988), J. O. J. Nwachukwu-Agbada's "The Old Woman in Igbo Proverbial Lore" [Nwachukwu-Agbada 1989], Kewzi Ruduri's "Les thèmes de la 'jeunesse' et de la 'vieillesse' dans quelques proverbes Rwanda: Considérations socio-culturelles" [Ruduri 1993], Wolfgang Mieder's "'Alter schützt vor Torheit und Weisheit nicht': Sprichwörter über das Alter(n) aus Literatur und Massenmedien" [Mieder, 1999], Frank H. Nuessel's "The Depiction of Older Adults and Aging in Italian Proverbs" [Nuessel 2000], José Henrique Barros de Oliveira's "Proverbs about Aging and the Old Ages: Educative Applications" [Barros de Oliveira 2008], Carolin Krüger's "Zur Repräsentation des Alter(n)s im deutschen Sprichwort" [Krüger 2009], and Iu. S. Nazar'eva's "Англо-американские афоризмы как средство объективации концепта 'Old Age' ('старость)" [Назарьева 2010]. As some of these titles indicate or imply, there are anthropological and socio-cultural differences in the gerontological worldview of people, with the following deliberations taking a look at American proverbial thoughts about getting and being old.

As anthropologists, cultural historians, folklorists, and psychologists have pointed out repeatedly, Americans in general are forward-looking and exhibit a linear and future-oriented worldview [Dundes 1972: 98] that can easily be observed in the "future-orientation in American folk speech" such as "proverbs, folk metaphors, and other traditional linguistic clichés and symbols found throughout the United

States” [Dundes 1969: 56]. As such, proverbs contain “strategies of life management” [Freund and Baltes 2002: 426] and can together with other indicators “provide relevant and interesting data for mentality studies” [Hakamies 2002: 229]. As Geoffrey M. White has shown, certain proverbs can be seen as “cultural models [for] an American psychology of problem solving” [1987: 151] with one of these “problems” being that of advancing age. How then do authentic American proverbs at the intentional exclusion of British proverbs deal with aging?

In his fascinating book on “The Journey of Life: A Cultural History of Aging in America” [Cole 1992] Thomas R. Cole observes that “since the mid-nineteenth century, Americans have come to view aging not as a fated aspect of our individual and social existence but as one of life’s problems to be solved through willpower, aided by science, technology, and expertise” [Op. cit.: xxii]. Citing the modern proverb “There are no second acts in American lives” that had its origin with F. Scott Fitzgerald’s “My Lost City” (1932), he points out that “the middle-class American vision of aging has amounted to a kind of perpetual middle age, at once valued above and disconnected from childhood and old age” [Op. cit.: 241]. The proverb, also current in its shortened variant “There are no second acts” [Doyle, Mieder, Shapiro 2012: 2] contains the message that life must be lived to its fullest before aging sets in or, more extreme, to avoid aging altogether. The considerably older American proverb “You are only young once” from 1804 [Mieder 2015a: 252] expresses a similar attitude, pushing aside aging by stressing that one is always young enough to enjoy life [Mieder 2018]. Even the appearance of the anti-proverb turned modern proverb “You’re only old once” (1927) ([Doyle, Mieder, Shapiro 2012: 183—184; see also [Valdaeva 2003]) in the humorous book title “You’re Only Old Once. A Book for Obsolete Children” (1986) by the famous Dr. Seuss (Theodor Seuss Geisel, 1904—1991) does not change matters. It still argues for living it up and ignoring age as best as possible. But speaking of anti-proverbs, the American humorist Ogden Nash is supposed to have quipped “You are only young once, but you can stay immature indefinitely”, and there are also these additional three parodies: “You are only young once. After that you merely think you are”, “You are young only once. If you act foolish after that you’ll have to find some other excuse”, and “You’re only young once, and if you work it right, once is enough” [Litovkina, Mieder 2006: 338].

The quintessential proverb to express this viewpoint is without doubt “Life begins at forty” that had its origin with Walter B. Pitkin’s best-selling book title “Life Begins at Forty” (1932) and that was popularized by the 1935 motion picture starring Will Rogers [Doyle, Mieder, Shapiro 2012: 141]. In a prophetic tone the book starts with: “Life begins at forty. This is the revolutionary outcome of our New Era. This is the supreme reward of the Machine Age, the richest blessing of science. Day before yesterday it wasn’t even a dream. Yesterday it was a silly lie. Today it is half a truth. Tomorrow it will be an axiom” [p. 5—6]. The anthropologist Stanley Brandes even wrote an entire book on “Forty: The Age and the Symbol” (1985), arguing that this is a “midlife crisis: the widely recognized importance of the age

forty" (4), representing "middle age" (18), and "a significant turning point, cutting the life span neatly in two" (21). This turning point might well have to be increased to fifty, as life expectancy is on the increase. But no matter what, the proverb does not really deal with advancing age but rather with staying young and fit for several more decades. After all, the proverb is basically saying that the previous thirty-nine years have not really amounted to real living. In this regard, John Lennon's "little ditty" as he called his short song "Life Begins at Forty" (1980, released in 1998) comes to mind:

They say life begins at forty
Age is just a state of mind
If all that's true
You know that I've been dead for thirty-nine
And if life begins at forty
Well, I hope it ain't the same
It's been tough enough without that stuff
I don't wanna to be born again
Well, I tried to sweep the slate clean
With a new broom every day
If that don't work
I'll jerk around until my next birthday
Yeah, life begins at forty
Age is just a state of mind
Well, if all that's true
You know that I've been dead for thirty-nine

The Beatles song appeared on the album "Free as a Bird" that contains songs that were recorded between 1977 and 1994 (released in 1998), with Lennon's little song stemming from the year of his death in 1980. It is worthwhile that Lennon also alludes to the classical proverb "New brooms sweep clean" in his song. And then there is "Age is just a state of mind" that most certainly has a proverbial ring to it and results in many Google hits (earliest reference found thus far is from 1930). Doubtlessly it should be added to the growing list of modern proverbs that need to be recorded in new proverb dictionaries [Doyle 1996; Mieder 2014; Мокиенко 2003]. Its message is also one that rationalizes the fact of getting old into something that can be overcome by a youthful mind-set. This is also the viewpoint of Sylvia Chidi's poem "At Forty Life Begins" (2005) which, like that of Lennon, wants to push aging aside and look forward to a rejuvenated start:

Relaunching itself
into a birthless age
It's a phase
It's a stage
It's a case
a renewed forty year package
The rebirth of youth

It’s time to lose
all your old fashioned suits

And yet, there are anti-proverbs that question the wisdom of the proverb “Life begins at forty” with its message of pushing aside aging. Clearly the rationalizing proverbs is in need of a reality check, as it were:

It may be true that life begins at forty, but everything else starts to wear out, fall out, or spread out.

Life doesn’t begin at forty for those who went weighty when they were twenty.

Life may begin at forty, but so does rheumatism.

Life not only begins at forty — it begins to show.

They tell us that life begins at forty, but they don’t say what kind of life.

[Litovkina, Mieder 2006: 199]

And here then are a few stanzas of the recent poem “Life Begins at Forty” (2015) by Ray Blyde that echo this rather pessimistic view of the proverb:

Life begins at forty,
At least that’s what they say,
You’ll have to come to terms with it
In each and every way.
Unfortunately the things you find,
you’d really like to do,
Are no longer recommended
For one as old as you.
[…]
Life begins at forty,
And, when all is said and done,
You’ll awaken one fine morning,
To find you’re forty-one!

And yet, there is no doubt that the proverb “Life begins at forty” continues to be employed as a highly positive statement that helps to create the mindset that there is much to look forward to after having reached somewhat of a mid-point in life-expectancy. After all, nobody in their right mind wants to be reminded of what the Scottish poet Alan Riddell has expressed in his concise poem “Old Adage” (1965) that is based on the 14th-century English proverb “You have to crawl before you can walk”:

crawl before you
walk before you
run before you
creep

[Sobieski, Mieder 2005: 189]

This little proverb poem depicts in but a few words what old age might have in store as our minds and bodies decline. The thought of it all leads us to not wanting “to think about aging because the prospect of losing bodily integrity, giving-up our

much-prized independence, and nearing the end of life's journey is terrifying to us" [Gillick 2006: 266]. Muriel R. Gillick's book title *The Denial of Aging. Perpetual Youth, Eternal Life, and Other Dangerous Fantasies* (2006) says it all, but it does not contain any references to the fact that American proverbs are part of this denial.

Of course, not all American proverbs deal with such denial [Mieder 1989]. In the "Dictionary of American Proverbs" (1992, abbreviated as *DAP*), edited by Wolfgang Mieder, Stewart A. Kingsbury, and Kelsie B. Harder, one finds the following insights presented here in chronological order of their first recorded appearances:

Age gives good advice when it is no longer able to give bad example. (1828, Ralph Waldo Emerson, *DAP*: 12)

Age before beauty (1843, *DAP*: 12)

The surest sign of age is loneliness (1868, *DAP*: 12)

These three texts from the nineteenth century are well known, but this dictionary also includes the following texts that were collected between 1945 and 1985 in the United States. However, they only have limited regional distribution and do not belong to the common stock of proverbs. They do not exhibit any age denial but rather present some sensible observations and generalizations:

Age is like love: it cannot hide (*DAP*: 12)

Who honors not age is not worthy of it. (*DAP*: 12)

Old in body, young in spirit. *(DAP*: 437)

The best time to prepare for old age is when you are young. (*DAP*: 437)

We get too soon old and too late smart. (*DAP*: 438)

This dictionary also registers the proverb "You are never older than you think you are (1946, *DAP*: 438) which might well be a somewhat uncommon variant of the well-known and often cited American proverb "You are as old as you feel" (1907) which in turn most likely goes back to Charles Dickens's statement that "A man is as young as he feels" [Dickens 1851: 3] and the longer and somewhat misogynous English proverb "A man is as old as he feels and a woman is as old as she looks" (1871 [Speake 2015: 199]). Be that as it may, the proverb definitely belongs to the American worldview of trying to push aging aside by implying that as long as we feel good advancing age is of no matter. That this strategy does not always work is well expressed by an anonymous writer in a short piece on "Consciousness of Age" (1907) that bears its first printed reference: "Over and again the question has been asked: 'When does old age begin?' And another adage says, 'You are as old as you feel.' Very well, according to that, we have seen fresh looking women, clear-eyed, brown or black-haired, who, after a little siege of rheumatism, have declared they felt a hundred years old. And — we say it with dew reverence — almost any sick man feels and acts old as Methuselah" (Anonymous 1907: 584).

Related to all of this is a proverb that originated with the poem "The Windy City [Chicago]" (1922) by the American poet Carl Sandburg: "It ain't how old you are, / It's how old you look." It is cited today as "It isn't how old you are but how old you look" with variants substituting "look" with "feel" [Doyle, Mieder, Shapiro 2012: 183]. But this somewhat long modern proverb is not in much use any longer

since the shorter “You are as old as you feel” expresses basically the same idea.

With this said these deliberations have reached those authentic American proverbs that have been recorded in “The Dictionary of Modern Proverbs” (2012, abbreviated as *DMP*), edited by Charles Clay Doyle, Wolfgang Mieder, and Fred R. Shapiro. There are but 27 modern proverbs dealing with age and aging, with the proverb just dealt with and the two proverbs “Life begins at forty” and “You’re only old once” having already been discussed above. They contain to a certain degree “the folklore of aging” or “the folklore of the life course” [Sellers 2018: 1—2]. While much of this wisdom is applicable to other cultures as well, the proverbs as a group illustrate “the American middle-class mentality to suppose that any state other than that of contentment is somehow untenable” [Myerhoff, Simić 1978: 16]. Part of that is being young or at least fighting against getting old. Simon Bronner has put his finger on this in a short encyclopedic article on “Old Age”: “Particularly in the United States, given the nation’s prominent image as youthful and future-oriented, an ‘age consciousess’ suggests that reaching certain ages carries expectations of cultural behavior, community formation, and social status” [Bronner 2018: 1].

Some of this can readily be seen from this first group of three proverbs that begins with the proverbial imperative “Act your age” that is followed by two expanded variants that elaborate somewhat sarcastically on this behavioral rule attached to a certain age:

Act your age. (1925, *DMP*: 3)

Act your age, not your shoe size. (1967, *DMP*: 3)

Act your age, not your IQ. (1995, *DMP*: 3)

Another group of four proverbs that all follow the identifying pattern of “Old age is …” proves to be quite telling about attitudes towards the later stage of life. Sure, old age might be better than the alternative, but with its ailments and disabilities it is a high price to pay. Above all, old age is “hell”, as one of the proverbs states very negatively. The Russian proverb “Starost’ ne radost’” (Old age is no pleasure) is much milder in comparison:

Old age is hell. (1952, *DMP*: 4)

Old age is better than the alternative. (1960, *DMP*: 4)

Old age is a high price to pay for maturity. (1969, *DMP*: 3)

Old age is not for sissies. (1969, *DMP*: 4)

The last proverb is of special interest since it is often attributed to the American actress Bette Davis, with the phenomenon of such false attributions being quite common [Mieder 2012: 159—162].

But there is always hope to make the best of old age, especially if one’s health is still robust. This is well expressed in the following metaphorical proverbs:

The older the fiddle, the sweeter the tune. (1909, *DMP*: 76)

Just because there’s snow on the roof doesn’t mean the fire is out inside. (1943, *DMP*: 236)

Old rats like cheese too. (1977, *DMP*: 214)

The older the moon, the brighter it shines. (1991, *DMP*: 171)

It should be observed that that certainly the "snow [gray hair]" and "rats" proverbs can be interpreted as indirect sexual comments, implying that there is plenty of sexual desire left in old age. There is no doubt that the matter of sexuality is part of age-related proverbs. with "the sexuality of the old, and of the very young, seeming to be particularly disconcerting to our [American] society" [Saporta 1991: 334]. Little wonder that there are also several rather disturbing proverbs that refer indirectly to sexual activities at a young age. They were clearly coined by aggressive males having forceful sex and not sincere love in mind:

When they are big enough [in body], they are old enough. (1932, *DMP*: 20)

Old enough to bleed [menstruation], old enough to breed. (1971, *DMP*: 22)

If there's grass [pubic hair] on the field, you can play ball. (1998, *DMP*: 111)

Proverbs are by no means sacrosanct, and some of these modern proverbs express things rather directly as they are, basically saying live now and never mind old age. Live to the fullest and don't worry about the aging process:

Get them young, treat them rough (and tell them nothing). (1920, *DMP*: 95)

Live fast, die young, leave a good-looking corpse. (1930, *DMP*: 44)

Of course, ignoring the worries of old age, proverbs also express the thought that life passes by way too quickly. Not reaching a ripe old age certainly means that many experiences and much learning was missed:

We get old too soon and smart too late. (1942, *DMP*: 183)

We live too short and die too young. (1991, *DMP*: 148)

Getting old does not necessarily mean that wisdom comes with it. This is fittingly expressed in an American anti-war proverb that originated about two years before the outbreak of the First World War:

Old men make wars, and young men fight them. (1912, *DPM*: 161)

This proverb brings to mind an additional anti-war proverb which had its start from a couple of verses out of the British soldiers' song "Old soldiers never die" (1916) sung especially during the First World War:

Old soldiers never die, / They simply fade away. (1916, *DMP*: 236)

This British proverb is nowadays in America associated with its use by General Douglas McArthur in his farewell address to Congress on April 19, 1951: "I still remember the refrain of one of the most popular barracks ballads of that day [from the time of World War I], which proclaimed most proudly that old soldiers never die; they just fade away. I now close my military career and just fade away." But while the common attribution to McArthur is false, this proverb has led to an American variant that in itself has become known as an anti-war slogan of sorts:

Old soldiers never die, but young ones do. (1951, *DMP*: 236–237)

The same idea is expressed in Raymond Souster's mini-pom "Old Soldiers" (1977) based on this proverb:

Old soldiers never die —
they live on to send their sons off
to other wars.

[Sobieski, Mieder 2005: 214]

Two years later Souster wrote a short depressing sequel “Old Soldiers Never Die” (1979) to this poetic insight with a painful allusion to retired soldiers finding refuge in alcohol from their horrific war experiences:

Old soldiers never die,
never, that is,
as long as their livers
can float them home
from Legion halls.
[Sobieski, Mieder 2005: 214]

By now the proverb has been reduced to the structure “Old Xs never die; they just …” (Dundes 1975) with literally dozens of jocular parodies ignoring the original seriousness of it all. Here are but a few samples:

Old accountants never die, they just lose their balance. (1965)
Old cows never die, they just kick the bucket. (1983)
Old farmers never die, they just go to seed. (1987)
Old golfers never die, they just lose their balls. (2004)
Old physicians never die, they just lose their patients. (1997)
Old professors never die, they just lose their faculties. (2004)
Old quarterbacks never die, they just pass away. (1987)
Old soldiers never die, they just go on television. (2003)
[Litovkina, Mieder 2006: 244–248]

The original proverb and its parodies comment in a proverbial or more generally folkloric way on “stages of life” or the general “notion of the milestone [implying a] gradual progression, or ‘development,’ toward a goal” [Hufford 1996: 12]. This can well be seen from an American proverb that in its literal sense would refer to the value of a used automobile. It certainly makes sense in this way coming from a society that thrives on cars:

It’s not the years, it’s the mileage (miles). (1957, *DMP*: 284)

But there is more to it when the proverb is used metaphorically! In that case it refers to individuals whose physical condition is different from what their age or experience might suggest.

All of this is quite worrisome, especially as yet another birthday serves merely as an unfortunate reminder of life passing by too swiftly. And perhaps a friend even sent a birthday card with the vexing proverbial message:

Today is the first day of the rest of your life. (1968, *DMP*: 256–257)

And yet, at least more life lies ahead, and perhaps growing old won’t be all that bad! At least that is the way how John Denver interprets the proverb in his song “Today is the First Day of the Rest of My Life” (1965):

Today is the first day of the rest of my life
I wake as a child to see the world again
On monarch wings, and birthday wonderings

Want to put on faces walk in the wet and cold
And look forward to my growing old
To grow is to change, to change is to be new
To be new is to be young again
I barely remember when
My memories are stolen by the morning
Blotted out by the sun's hypnotic light
Out by the sun's hypnotic light
Today is the first day of the rest of my life
I wake as a child to see the world begin
On monarch wings, and birthday wonderings
Want to put on faces walk in the wet and cold.

Denver clearly puts a positive spin on this proverb by looking at the challenges his future life will entail. So, the proverb does not always have to express the negative view of time having passed too quickly. All of this is clearly a convincing example of the polysituativity, polyfunctionality, and polysemanticity of proverbs at their best [Mieder 2004: 9]. It is doubtful that John Denver also thought of yet another modern American proverb that expresses a somewhat similar idea:

Inside every old person there is a young one trying to get out. (1973, *DMP*: 195–196)

This clearly encapsulates the American obsession with wanting to be young as long as possible or even forever! So, the best thing is to forget about getting old altogether which is expressed in the frequently cited American proverb that is an attempt to rationalize age and aging away once and for all:

Age is just a number. (1957, *DMP*: 4)

Folklorist Mary Sellers in her enlightening article on "Folklore and Folklife of Age Groups and Aging" (2018) deals convincingly with this proverb and the already discussed proverb "You are only as old as you feel" as American expressions of defiance (!) as far as old age is concerned:

Folkloristic research on social media should include the context of aging in the ways that traditional rites of passage and processes of mourning and celebration have been adapted for online use. Memes as visual humor can be interpreted for their reinforcement of youth orientation in culture by mocking the technological ineptness of seniors, Memes also circulate within age groups, including seniors, with defiant images containing captions such as "You Are Only as Old as You Feel" or "Age Is Only a Number" [Sellers 2018: 17].

The message is obviously to ignore physical age and to be young at heart and spirit. This idea is contained in Slinger Francisco's (also known as Mighty Sparrow) Calypso song "Age is Just a Number" (2000):

Age is just a number
Dance to the beat of your new life
A life filled with purpose and meaning
Oohoohoo

Stomp your feet and swing those hips
Chorus
Age is just a number
Age is just a number
Oohoohoohoohoohoohoo
Age is just a number
Believe you me
Walk in the glow of your new life
Out of the darkness
Into the light
You never too old to change
Cos life begins at 50
[*Chorus*]
It’s not the way you look
But the way you feel
Life is your oyster
Grab it with both hands
Just as number
Just a number
Oohoohoo tapatararara
Age is just a number
Age is just a number …
Don’t despair: Age is just a number

It is interesting to note that in addition to proclaiming that “Age is just a number” the song also changes the proverb “Life begins at forty” to “Life begins at 50” in light of the fact that people are getting older these days. So rather than looking at the mid-life point of forty it has been expanded to fifty.

But there is also Carl Joseph Roberts’ proverb poem “Age is Just a Number” (2015) that summarizes the future-oriented American worldview by way of this modern proverb from the 1950s. The author clearly employs the proverb as a liberating piece of wisdom to not give in to age but rather remain youthful to the very end. This is also stressed by the refusal of the proverbial imperative “Act your age”:

Age is just a number
So refuse to act your age
Reach that point in your life
You don’t care what others say
Do what makes you happy
What keeps you young inside
As long as it hurts no one else
Just go and live your life
Date those that are younger
Or older if you choose
Pick the path that you take

The one that's best for you
Don't look back and then wonder
On things you should have done
Do all the things that you want
And begin to have some fun
Age is just a number
So refuse to act your age
Reach that point in your life
You don't care what others say

This is basically an argument for the classical advice of "Carpe diem" at the neglect of its opposite warning of "Memento mori". Live for now and ignore the end that eventually must come. After all, there are three American proverbs that contain this youthful and future-oriented wisdom:

You are as old as you feel. (1907)
Life beings at forty. (1932)
Age is just a number. (1957)

Those three proverbs incapsulate to a considerable degree the American mentality concerning age and aging. They are doubtlessly among the most popular age-related proverbs that justify the conclusion that they are part of America's future-oriented, positive, progressive, and hopeful worldview. Since "Proverbs are never out of season" [Mieder 1993] and will not disappear as has sometimes been argued [Albig 1931; Stewart 1991: 17–19), it can be stated with conviction that this view of life will be maintained for the foreseeable future. However, were this forward-looking attitude to change, there will most certainly spring up new proverbs to express that view as well.

References

Albig, William. Proverbs and Social Control // Sociology and Social Research, 1931, 15 P. 527–535.

Anonymous. Consciousness of Age // The Christian Work and The Evangelist, 1907, 82, no. 2098 (New York, May 4). P. 584.

Ayaß, Ruth. On the Genesis and the Destiny of Proverbs // Verbal Art across Cultures: The Aesthetics and Proto-Aesthetics of Communication. Eds. Hubert Knoblauch and Helga Kotthoff. Tübingen: Gunter Narr, 2001. P. 237–254.

Barros de Oliveira, José Henrique. 2008. Proverbs about Aging and the Old Ages: Educative Applications // Proceedings of the First Interdisciplinary Colloquium on Proverbs, 5th to 12th November 2007, at Tavira, Portugal. Eds. Rui J.B. Soares and Outi Lauhakangas. Tavira: Tipografia Tavirense. P. 318–324.

Blyde, Ray. Life Begins at Forty. 2015 //http://www.crazyoik.co.uk/spike/selected_poems.htm.

Brandes, Stanley. Forty: The Age and the Symbol. Knoxville, Tennessee: University of Tennessee Press, 1985.

Bronner, Simon J. Old Age // Encyclopedia of American Studies. Ed. Simon J. Bronner. Baltimore, Maryland: Johns Hopkins University Press, 2018. (online).

Chidi, Sylvia. At Forty Life Begins. 2005 // https://www.poemhunter.com / poem/at-forty-life-begins.

Cole, Thomas R. The Journey of Life. A Cultural History of Aging in American. New York: Cambridge University Press, 1992.

Denver, John. 1969. Today is the First Day of the Rest of My Life. 1992 //http://www.metrolyrics.com/today-is-the-first-day-of-the-rest-of-my-life-lyrics-john-denver.html.

Dickens, Charles. What Christmas is to a Bunch of People // Household Words. A Weekly Journal, Christmas 1851: 3.

Doyle, Charles Clay. On ‘New’ Proverbs and the Conservativeness of Proverb Dictionaries // Proverbium, 1996.13. P. 69—84.

Doyle, Charles Clay, Wolfgang Mieder, and Fred R. Shapiro. The Dictionary of Modern Proverbs. New Haven, Connecticut: Yale University Press, 2012.

Dundes, Alan. Thinking Ahead: A Folkloristic Reflection of the Future Orientation in American Worldview // Anthropological Quarterly, 1969, 42. P. 53—72.

Dundes, Alan. Folk Ideas as Units of Worldview // Towards New Perspectives in Folklore. Eds. Américo Paredes and Richard Bauman. Austin, Texas: University of Texas Press, 1972. P. 93—103.

Dundes, Alan. On the Structure of the Proverb // Proverbium, 1975. no. 25. P. 961—973.

Francisco, Slinger (Mighty Sparrow). Life is Just a Number. 2000 //http://www.metrolyrics.com/age-is-just-a-number-lyrics-mezzo.html/

Freund, Alexandra M., and Paul B. Baltes. “he Adaptiveness of Selection, Optimization, and Compensation as Strategies of Life Management: Evidence from a Preference Study of Proverbs // Journal of Gerontology: Psychological Sciences, 2002, 57. P. 426 —-434.

Geisel, Theodor Seuss. You’re Only Old Once! A Book for Obsolete Children. New York: Random House, 1986.

Gillick, Muriel R. The Denial of Aging. Perpetual Youth, Eternal Life, and Other Dangerous Fantasies. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 2006.

Hakamies, Pekka. 2002. Proverbs and Mentality // Myth and Mentality: Studies in Folklore and Popular Thought. Ed. Anna-Leena Siikala. Helsinki: Finnish Literature Society, 2006. P. 222 —230.

Honeck, Richard P., and Jeffrey Welge. Creation of Proverbial Wisdom in the Laboratory // Journal of Psycholinguistic Research, 1997. 26. P. 605— 629.

Hufford, Mary. Folklore and Aging // American Folklore. An Encyclopedia. Ed. Jan Brunvand. New York: Garland Publishing, 1996. P. 12—14.

Krüger, Carolin. Zur Repräsentation des Alter(n)s im deutschen Sprichwort. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2009.

Lennon, John. Life Begins at 40. 1980 // http://www.metrolyrics.com/life-begins-at-40-lyrics-john-lennon.html.

Litovkina, Anna T., Mieder, Wolfgang. Old Proverbs Never Die, They Just diversify. A Collection of Anti-Proverbs. Burlington, Vermont: The University of Vermont; Veszprém, Hungary: The Pannonian University of Veszprém 2006.

Mieder, Wolfgang. American Proverbs: A Study of Texts and Contexts. Bern: Peter Lang, 1989.

Mieder, Wolfgang. Proverbs Are Never Out of Season. Popular Wisdom in the Modern Age. New York: Oxford University Press, 1993.

Mieder, Wolfgang. Alter schützt vor Torheit und Weisheit nicht': Sprichwörter über das Alter(n) aus Literatur und Massenmedien // Jura Soyfer: Internationale Zeitschrift für Kulturwissenschaften, 8: 5—16. Also in W. Mieder. // Aphorismen, Sprichwörter, Zitate: Von Goethe und Schiller bis Victor Klemperer. Bern: Peter Lang, 2000, 1999. P. 95—125.

Mieder, Wolfgang. Proverbs. A Handbook. Westport, Connecticut: Greenwood Press, 2004.

Mieder, Wolfgang. 'Think Outside the Box': Origin, Nature, and Meaning of Modern Anglo-American Proverbs // Proverbium, 29, 2012. P. 137—196.

Mieder, Wolfgang. "Futuristic Paremiography and Paremiology. A Plea for the Collection and Study of Modern Proverbs." *Folklore Fellows' Network*, no volume given, 2014, no. 44 (July), P. 13—17 and 20—24.

Mieder, Wolfgang. Different Strokes for Different Folks. 1250 authentisch amerikanische Sprichwörter. Bochum: Norbert Brockmeyer, 2015a..

Mieder, Wolfgang. "Origin of Proverbs." *Introduction to Paremiology. A Comprehensive Guide to Proverb Studies*. Eds. Hrisztalina Hrisztova-Gotthardt and Melita Aleksa Varga. Berlin: Walter de Gruyter., 2015b. P. 28—48.

Mieder, Wolfgang. 'Life is not a Spectator Sport': Proverbial Emotions about Modern Life // Эмоциональная сфера человека в языке и коммуникации: синхрония и диахрония. Материалы международной конференции. М.: ИЯз РАН, 2018. С. 7—17.

Mieder, Wolfgang, Stewart A. Kingsbury, and Kelsie B. Harder. A Dictionary of American Proverbs. New York: Oxford University Press, 1992.

Myerhoff, Barbara G., Simić Andrei (eds.). Life's Career – Aging. Cultural Variations on Growing Old. Beverly Hills, California: Sage Publications, 1978.

Nuessel, Frank H. The Depiction of Older Adults and Aging in Italian Proverbs // Proverbium, 2000,17. P. 299—314.

Nwachukwu-Agbada, J. O. J. "The Old Woman in Igbo Proverbial Lore // Proverbium, 1989, 6. P. 75—89.

Ojoade, J. Olowo. The Old Woman as Seen through African Proverbs: Fragmentary Remarks about African Society through Sayings // Folklore (Calcutta), 1985, 26, no. 6. P. 110—114.

Pitkin, Walter B. Life Begins at Forty. New York: McGraw-Hill, 1932.

Roberts, Carl Joseph. Age is Just a Number. 2015 // https://hellopoetry.com/

poem/1074870/age-is-just-a-number.

Ruduri, Kwezi. Les thèmes de la ‘jeunesse’ et de la ‘vieillesse’ dans quelques proverbes Rwanda: Considerations socio-culturelles // Proverbium, 1993, 10. P. 281—295.

Saporta, Sol. ‘Old Maid’ and ‘Dirty Old Man’: The Language of Ageism // American Speech, 1991, 66. P. 333—334.

Schellbach-Kopra, Ingrid. Das Alter im Sprichwort der Deutschen und Finnen — eine kontrastive Betrachtung // *Jahrbuch für finnisch-deutsche Literaturbeziehungen*, 1988, 20. P. 95—106.

Sellers, Mary. Folklore and Folklife of Age Groups and Aging // The Oxford Handbook of American Folklore and Folklife Studies. Ed. Simon J. Bronner. New York: Oxford University Press, 2018. (online)

Sobieski, Janet, and Wolfgang Mieder (eds.). So Many Heads, So Many Wits. An Anthology of English Proverb Poetry. Burlington, Vermont: The University of Vermont, 2005.

Speake, Jennifer. Oxford Dictionary of Proverbs. 6th ed. Oxford: Oxford University Press, 2015.

Stewart, Susan. Notes on Distressed Genres // *Journal of American Folklore*, 1991. P. 104: 5—31.

Valdaeva, Tatiana. Anti-Proverbs or New Proverbs: The Use of English Anti-Proverbs and Their Stylistic Analysis // *Proverbium*, 2003, 20. P. 379—390.

White, Geoffrey M. Proverbs and Cultural Models: An American Psychology of Problem Solving // Cultural Models in Language and Thought. Eds. Dorothy Holland and Naomi Quinn. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.P. 151—172.

Мокиенко В. М. Новая русская фразеология. Opole: Uniwersytet Opolski —Instytut Filologii Polskiej, 2003.

Назарьева Ю. С. Англо-американские афоризмы как средство объективации концепта ‘Old Age’ (‘старость’) // Научный вестник. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования, № 2, 2010. С. 83—92.

О. Б. Абакумова (Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева)
Olga B. Abakumova (Orel State University named after I. S. Turgenev)

Эмоции и оценки в коммуникативном процессе с использованием пословиц (на материале английского художественного текста)
Emotions and evaluation in communicative process with the use of proverbs (based on the English texts of fiction)

Аннотация

В статье рассматриваются особенности употребления английских пословиц о счастье в коммуникативном процессе и его имитации в художественном тексте с позиций выражаемых в них эмоций и оценок и языковых средств их выражения посредством когнитивно-дискурсивной модели актуализации смысла пословицы в дискурсе, предложенной автором. Анализ показал, что пословица в дискурсе реализует в разной степени все функции, характерные для эмоциональной речи: 1) апеллятивную; 2) функцию гиперболизации оценочного суждения; 3) эмфатического выделения; 4) функцию облегчения структурирования эмоциональной речи.

The paper deals with the usage of English proverbs of happiness in communication process and its imitation in the text of fiction and their analysis by means of cognition-discourse model of proverb's sense actualisation, offered by the author. The study has shown that proverb actualised in discourse implements all the functions of emotional speech in different degrees: 1) appeal function; 2) hyperbolisation of evaluation statement; 3) emphatic singling out; 4) facilitation of the structure of emotional speech.

Ключевые слова

Пословицы, эмоции, оценочность, коммуникация, традиционная культура, художественный текст

Proverbs, emotions, evaluation, communication, traditional culture, texts of fiction

Одно из наиболее известных исследований по определению базовых эмоций было проведено П. Экманом и его коллегами в 1972 году, в результате которого они выделили шесть универсальных для всех культур эмоций: *anger* (гнев/злость), *disgust* (отвращение), *fear* (страх), *joy/happiness* (радость), *sadness* (печаль/грусть), и *surprise* (удивление) [Ekman 1992: 169—200].

В данной статье мы попробуем описать эмоции и оценки и способы их выражения в эмоциональной речи, связанные с английскими пословицами о счастье, и посмотреть, как они могут использоваться в художественном тексте.

Психолог К. Изард указывает на динамичную связь эмоции с когнитивным процессом (восприятием, памятью, мышлением): с одной стороны, эмоция может активировать когнитивный процесс и влиять на его протекание, с другой, когнитивный процесс может быть причиной эмоции [Изард 1999: 88]. В эволюционном и онтогенетическом плане исследователь признает первичность эмоции и считает ее фундаментальным принципом человеческого поведения, поскольку эмоции заряжают энергией и организуют мышление и деятельность человека [Изард 1980: 15].

Ю. Д. Апресян считает первопричиной эмоций интеллектуальную оценку положения вещей как вероятного или неожиданного, желательного или нежелательного для субъекта. Он полагает, что эмоция или состояние души появляется с опорой на предыдущий личный опыт восприятия действительности, а внешнее проявление эмоций имеет две формы: неконтролируемые физиологические реакции тела и контролируемые двигательные и речевые реакции [Апресян 1995: 50—75].

Таким образом, в психологии и лингвистике представлены две точки зрения на взаимосвязь эмоциональных и рациональных процессов сознания: первая указывает на определяющую роль эмоций, другая утверждает их детерминированность когнитивной интерпретацией действительности.

Е. Ю. Артемьева предлагает третий подход к решению проблемы. Она полагает, что восприятие ситуации субъектом проходит две стадии: «первовидение», где объект воспринимается целостно и оценивается нерасчлененно, и «второвидение», в процессе которого происходит поаспектный анализ объекта или положения дел разными классифицирующими системами. На первом этапе эмоционально-оценочная характеристика является ведущей, на втором — рациональная оценка преобладает над эмоциональной [Артемьева 1980: 32].

Мы будем придерживаться определения эмоций, которое предлагает А. В. Селяев: «Эмоции — это субъективное оценочное отношение индивида к определённому предмету или явлению, обладающее качеством и интенсивностью» [Селяев 2007: 6—7]. Под качеством эмоции исследователь понимает знак эмоции, основой которого является оценка объекта в рамках оппозиции «хорошо/плохо». Эмоциональная оценка, в отличие от интеллектуальной, характеризуется своей субъективностью и завышенной категоричностью, гиперболизацией оценочного смысла высказывания. Интенсивность эмоциональных процессов находит отражение в категории экспрессивности. Для выражения эмоциональных переживаний язык располагает специальными языковыми единицами, которые характеризуются категорией эмотивности, сущность которой обусловлена психической

природой эмоциональных процессов, а ее содержание заключается в единстве модальности (оценочности) и интенсивности [Селяев 2007: 43—44].

Представляя обзор языковых средств, встречающихся в эмоциональной речи, А. В. Селяев предлагает установить функции, которые выполняют разные средства при построении эмоциональной речи: 1) апеллятивная функция, призванная вызвать у собеседника сопереживание; 2) функция гиперболизации оценочного смысла высказывания, с учетом субъективности и завышенной категоричности при выражении эмоциональной оценки в отличие от интеллектуальной; 3) функция эмфатического выделения, связанная со специфической «логикой» расстановки акцентов и приоритетов эмоционального сознания; 4) функция облегчения структурирования эмоциональной речи, в которой проявляются особенности эмоционально-экспрессивного синтаксиса [Селяев 2007: 79—80].

Подробно описывая разные языковые средства выражения эмоциональных состояний, исследователь по непонятной причине нигде не упоминает пословицы и поговорки. А между тем пословицы — это практические оценочные суждения, имеющие закрытую предикативную структуру предложения и дидактическую функцию, представляющие собой тактические средства реализации коммуникативной стратегии говорящего [Абакумова 2013].

Обсуждая вопросы выражения эмоций в культуре, языке и коммуникации англичан и русских, Т. В. Ларина пишет о том, что в английском обществе, где ценятся эмоциональная сдержанность и самоконтроль, открытое проявление эмоций общественно осуждается, об этом свидетельствует, например, тот факт, что прилагательное *dispassionate* (‘спокойный, хладнокровный, бесстрастный’) имеет в английском языке положительную оценку, а слово *emotional* (‘эмоциональный’) — отрицательную [Ларина 2013: 120—121]. Эмоции в английской культуре имеют другую направленность, чем в русской: они в большей степени связаны с чувствами других людей, имеют целью соблюдение норм вежливого поведения. Это не просто вежливость, это выдержка, недоговоренность — гордость английского характера [Любимов 2004: 247]. В английской культуре имеет место сознательная демонстрация эмоций в стратегических целях: воздействие на окружающих, демонстрация лояльности, доброжелательности, предупреждение возможного конфликта, что в научной литературе называется эмотивностью [Janney @ Arndt 1992. Цит. по работе Ларина 2013: 139]. А. Вежбицкая отмечает, что в английском слове *emotional* скрыта некая идеология, согласно которой проявлять неконтролируемые эмоции является отклонением от норм поведения [Wierzbicka 1999: 19].

Для описания актуализации смысла пословицы в коммуникативном эпизоде и его имитации в художественном тексте может быть эффективна предложенная нами прагматически ориентированная когнитивно-дискурсивная модель (далее — модель КДМ). Для построения модели мы

использовали теорию коммуникативного действия и типологию речевых актов Ю. Хабермаса [Habermas 1987], но составляющие его модели получают новое наполнение за счет аппарата референциально-ролевой грамматики, расширенного понятием квалитатив и фреймовым анализом, когнитивной теории метафоризации окказиональных фреймов, теории функциональной семантики оценки и классификации деонтических норм, фиксированных в семантике пословиц. Когнитивно-дискурсивная модель актуализации смысла пословиц в дискурсе призвана решить проблемы паремиологической семантики и прагматики, связанные с употреблением и пониманием пословиц в актуализованном режиме.

Когнитивно-дискурсивная модель актуализации смысла пословицы в дискурсе (КДМ) имеет четырехчастную структуру.

Kommunikativa (коммуникативная составляющая**)** связана с выбором говорящим коммуникативного действия или стратегии, которые могут быть ориентированы либо на достижение взаимопонимания (собственно коммуникативное действие), либо на успех без учета интересов слушающего (стратегическое действие). Во втором случае выделяются: 1) индивидуально-инструментальная стратегия, используемая в межличностном общении; 2) социально-стратегическое действие, целью которого является ориентация на определенную социальную группу, но с учетом собственных интересов говорящего и 3) драматургическое стратегическое действие, при котором говорящий демонстрирует свои личностные качества (интеллект, остроумие), что часто сопровождается языковой игрой. Сюда же мы относим личный и пространственный дейксис, отражающий иерархию отношений говорящего, слушающего и, возможно, третьего лица в определенном месте в определенное время, а также фокус интереса говорящего как главного участника коммуникации. Соответственно, данная составляющая модели будет включать дейктический и «упаковочный» компоненты высказывания. Мы будем указывать на эту составляющую с помощью оператора «желая, чтобы ты…».

Konstativa (когнитивная составляющая**)** включает анализ пропозиции пословичного высказывания и ее реализацию в трех типах фреймов (образном, обобщенном и конкретно-ситуативном); это позволяет выявить семантический тип предиката, тематические отношения компонентов пословичного высказывания и выбор перспективы, что составляет ситуационный компонент высказывания, а также определить пресуппозицию и ассерцию (логический компонент), соотнести элементы текста с представлениями об элементах действительности, произвести их отождествление или уподобление, актуализовать форму высказывания (референциальный компонент). Аппарат А. Вежбицкой отражает эту составляющую с помощью оператора «знай», или «я говорю».

Representativa (экспрессивная составляющая**)** отражает личные отношения и оценки говорящего, которые он хочет разделить со слушающим

или навязать ему в зависимости от выбранного коммуникативного действия, и включает модальный, иллокутивный и оценочный компоненты пословичного высказывания. Аксиологический предикат пословицы как оценочного суждения, как правило, не бывает выражен на уровне поверхностной структуры, он входит в пресуппозицию высказывания, поэтому он будет отражаться с помощью оператора «я думаю, что ты знаешь».

Regulativa (регулятивная составляющая) связана с разворачиванием пословичного сценария и его инференцией слушающим, то есть с результатом воздействия пословицы, с перлокутивным эффектом высказывания, она отражает взаимодействие коммуникантов, основанное на деонтических нормах социального поведения, принятых в данной культуре. Соответственно, данная составляющая модели должна включать нормативный и инференциальный компоненты, которые могут быть представлены на метаязыке оператором «сделай вывод» и напрямую зависят от культурной и коммуникативной компетенции участников общения [Абакумова 2013].

В качестве примера рассмотрим коммуникативный эпизод из произведения Патриции Уинтворт «Черный кабинет», в котором используется пословица *Happy is the bride that the sun shines on*.

Chloe's wedding day dawned wet and windy. The clouds instead of lifting darkened to a day of settled gloom.

— "It's just as well," said Chloe to Mrs. Moffat, "isn't it, Moffy dear?"

— "***Happy's the bride that the sun shines on*,**' is how the proverb goes. But where there's real true love like Mr. Michael's got for you, there's always sunshine in a manner of speaking—not but what a lift in the weather wouldn't be a treat too."

Chloe shook her head.

— "It's not going to lift; and it's much better it shouldn't, for of all the dowdy, disreputable frumps of brides, I'm sure I'm the dowdiest, and disreputablest, and frumpiest".

Коммуникативная ситуация включает описание дня свадьбы Хлои, бедной девушки, которая становится наследницей своего богатого кузена. В ее распоряжении оказались письма, которые могут скомпрометировать людей, занимающих высокое положение в обществе, и они готовы пойти на все, чтобы получить их обратно. День свадьбы характеризуется тревожной и напряженной обстановкой, которая поддерживается описанием сырой, ветреной погоды, темного неба, затянутого облаками, создающего мрачное настроение (*wet*, *windy*, *darkened*, *gloom*), что только усиливает предсвадебное волнение героини. В беседе участвуют невеста и ее служанка. Между ними доверительные отношения. Они разговаривают в процессе приготовления девушки к венчанию. Хлои тревожно, потому что в ее жизни было много проблем, и она не может поверить, что ее ждет счастливая беззаботная жизнь и ее испытания наконец закончатся. В день ее свадьбы идет дождь, но она хочет надеяться, что эта плохая примета не омрачит ее будущего ("*It's just as*

well…isn't it, Moffy dear?"). Служанка использует пословицу, которую можно перевести как 'Счастлива невеста, на которую падает луч солнца', с одной стороны, подтверждая опасения героини, а с другой, опровергая их, будучи уверенной в любви Майкла к Хлои.

Коммуникативная составляющая. Претензии на понятность. Миссис Моффат использует пословицу, содержащую народную примету, связанную со свадьбой. Но тут же приводит аргумент, который должен развеять все сомнения взволнованной девушки. Она имеет в виду, что, несмотря на то, что, согласно народной мудрости, хорошей приметой является солнечная погода в день свадьбы, Хлои будет счастлива, потому что будущий муж любит ее, и никакие суеверия не смогут омрачить их будущую семейную жизнь. Высказывание является примером собственно коммуникативного действия, но с оттенком некоторой инструментальной стратегии, поскольку говорящий хочет воздействовать на слушающего с целью изменить ее взгляд на ситуацию, но это воздействие осуществляется в интересах слушающего.

Когнитивная составляющая. Претензии на истину. Миссис Моффат претендует на истину, хотя смысл пословицы прямо противоположен обстоятельствам коммуникативной ситуации (погода дождливая, ветреная, облачная, день мрачный).

Пропозиция пословицы представлена предикатами *is happy* ('счастлива') и *shines* ('светит').

Логическая структура: кто? каков? в каком случае/при каком условии?

Семантический класс глаголов: *is* (*happy*) — глагол не-локативного состояния качества, *shine* — глагол действия. В нашей классификации пословиц о счастье это квалитатив семейного благополучия.

На уровне образного фрейма представлена ситуация, когда на невесту, идущую под венец, светит солнце, что символизирует ее счастье в браке.

Обобщенный фрейм предполагает, что объект приобретает высокое качество при определенных условиях, солнечная погода в день свадьбы — хорошая примета ("It is reckoned a good omen, or a sign of future happiness, if the sun shines on a couple coming out of church after having been married" [Concise Oxford Dictionary of Proverbs, 1982]. Это 2-я модель по классификации Г. Л. Пермякова (если вещь обладает одним каким-то свойством, то она будет обладать и другим) т.е. если в день свадьбы на невесту падает луч солнца, то ее семейная жизнь будет счастливой) [Пермяков 1978].

Окказиональный фрейм: В день свадьбы Майкла и Хлои погода пасмурная и дождливая, что заставляет невесту волноваться еще больше. Отсутствие солнца в день свадьбы в данном художественном тексте символически предвещает последующие неблагоприятные события: Хлои подозревает Майкла в обмане, они ссорятся. Но в итоге служанка оказывается права, и народная примета не оправдывает себя, потому что супруги помирятся и будут жить в любви и согласии. Преданная служанка хочет внушить госпоже,

что примета не имеет значения в данном случае, потому что желание людей быть вместе важнее, и они могут не обращать внимание на приметы и быть счастливы.

Пословичный сценарий как наложение трех типов фреймов предсказывает сложный путь семейной жизни героини, который все же должен в конце концов стать счастливым.

Экспрессивная составляющая**.** Претензии на искренность. Говорящий не до конца искренен, так как пытается поддержать девушку в решающий момент ее жизни, но в то же время подозревает жениха в причастности к заговору против Хлои.

Оператор модальности: модальность эпистемическая, выражается суждение, основанное на мнениях, вере. Оценочная модальность связана с отрицательной оценкой ситуации, которую служанка пытается скрыть от любимой госпожи, успокаивая ее заверениями в любви ее будущего супруга. Нейтральная или даже положительная оценка, представленная в семантике базовой формы пословицы мелиоративным квалификатором *happy*, меняется в данном контексте на отрицательную, поскольку меняются внешние обстоятельства, условия, в которых осуществляется торжественное событие. Отрицательная оценка имеет основанием стереотипное представление о погоде в день бракосочетания как символическом предсказании будущей семейной жизни с опорой на народную мудрость.

Оператор иллокутивной силы: ассертив (утверждение об общей истине: солнечная погода — хороший знак для невесты) и косвенный директив (предупреждение о том, что в семейной жизни могут возникнуть проблемы, поскольку в этот день погода плохая). Последующие слова миссис Моффат (… *is how the proverb goes. But*…) направлены на то, чтобы смягчить воздействие традиционной истины, поскольку она хорошо относится к госпоже, но не доверяет ее будущему супругу. Таким образом, пословица имплицитно выражает ее опасения, а дальнейшие рассуждения имеют целью успокоить невесту. Представляется, что в данном случае имеет место эмоционально-оценочный диссонанс, о котором пишут Т. И. Петухова и Е. Г. Хомякова (см. Петухова, Хомякова 2012).

Речь коммуникантов изобилует эмоциями. Апеллятивность эмоциональной речи проявляется прежде всего в специфическом ласковом обращении госпожи к своей служанке (*Moffy dear*), в использовании разделительного вопроса (*isn't it?*) и, наконец, в употреблении известной английской пословицы, которая, как всякая пословица, не столько сообщает что-то новое, сколько привлекает внимание слушающего, создает доверительную атмосферу с опорой на традиционную мудрость и призвана дать совет или предупреждение. Через использование пословицы выражается гиперболизация оценочного суждения (символическое использование природного кода культуры в мифологической функции), которая параллельно подкрепляется

в речи Хлои синонимическим повтором и сравнительной и особенно превосходной (даже окказиональной) степенями оценочных прилагательных с негативной оценкой (*the dowdiest*, *and disreputablest*, *and frumpiest*). Эмфатическое выделение представлено инверсией именной части предиката в синтаксической структуре пословицы, использованием служанкой двойного отрицания, а также проявляется в речи расстроенной невесты вынесением на первое место предложной группы (*of all the dowdy*, *disreputable frumps of brides I am …*). Облегчение структурирования эмоциональной речи в данном коммуникативном эпизоде проявляется в использовании параллелизма, многосоюзия (*and*-повтор) и парцелляции, выделенной с помощью тире, которые облегчают процесс создания речи в состоянии эмоционального возбуждения, а пословица, использованная проспективно, служит формой предсказания событий семейной жизни героини.

Регулятивная составляющая**.** Коммуникативная цель говорящего — успокоить невесту и внушить ей надежду на возможное счастье. Пословица содержит этические нормы жизнеобеспечения по классификации В. И. Карасика (см. [Карасик 2004]), а именно «Следует надеяться на лучшее» (даже если погода в день свадьбы пасмурная, можно ожидать благополучия в семейной жизни). В то же время служанка хочет убедить госпожу в том, что не следует верить приметам, в жизни есть и другие обстоятельства, которые могут повлиять на развитие событий, в данной ситуации это чувства ее будущего мужа к ней. Перлокутивный эффект высказывания представлен, однако, негативной реакцией девушки, которая хочет, но не может верить близкому человеку, в ее душе растут тревога и сомнения в своем счастливом будущем, что проявляется в ее эмоциональной речи, полной синонимичных прилагательных с негативной оценкой в разных степенях сравнения, а также в многосоюзии, парцелляции и эмфатическом выделении предложной группы в функции определения.

Обобщая результаты проведенного анализа, можно сказать, что пословица как практическое оценочное суждение является одним из ярких языковых средств, играющих важную роль в выражении эмоционального содержания в художественном тексте. С пословицей связано выполнение всех четырех функций, выделяемых А. В. Селяевым для описания эмоциональной речи: связанная с привлечением внимания и эмоциональным воздействием апеллятивность, обусловленная метафорической мотивацией гиперболизация оценочного суждения, возможное эмфатическое (чаще дейктическое) выделение ситуации или ее компонента и, наконец, облегчение структурирования эмоциональной речи за счет использования пословицы как краткого, ритмичного, метафорически-образного воспроизводимого высказывания, с помощью которого осуществляется краткая, но емкая характеризация персонажа или ситуации, но что еще важнее, передается главное послание автора читателю.

Литература

Абакумова О. Б. Пословицы в языке, сознании и коммуникации. СПб.: Алеф-Пресс, 2012/2013.

Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания, № 1, 1995.

Артемьева Е. Ю. Психология субъективной семантики. М.: Наука, 1980.

Изард К. Э. Эмоции человека. М.: Изд. МГУ,1980.

Изард К. Э. Психология эмоций. СПб.: Питер, 1999.

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004.

Ларина Т. В. Англичане и русские: Язык, культура, коммуникация. М.: Языки славянских культур, 2013.

Любимов М. Гуляние с Чеширским котом: Мемуар-эссе об английской душе. М.: Б.Р.Г.—Пресс, 2004.

Пермяков Г. Л. О смысловой структуре и соответствующей классификации пословичных изречений // Паремиологический сборник. Пословица. Загадка. (Структура, смысл, текст). М.: Наука, 1978. С.105—135.

Петухова Т. И., Хомякова Е. Г. Понятие эмоционально-оценочного диссонанса и его репрезентация в англоязычном тексте // Материалы XLI Международной филологической конференции. Вып.16. Грамматика (Романо-германский цикл). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2012.

Селяев А. В. Выражение эмоций в английском языке. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2007.

Concise Oxford Dictionary of Proverbs. Oxford: Guild Publishing, 1982.

Ekman P. An Argument for Basic Emotions / P. Ekman // Cognition and Emotion, №6 (3/4), 1992. Pp. 169—200.

Habermas J. The Theory of Communicative Action. Boston: Beacon Press, 1987. Vol.1. Reason and the Rationalisation of Society.

Janney Richard W. and Horst Arndt. Intracultural tact versus intercultural tact // Politeness in Language, 1992. Pp. 21—42.

Wierzbicka A. Emotions across Languages and Cultures: Diversity and Universality. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

С. П. Виноградова (Институт языкознания РАН)
S. P. Vinogradova (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

К вопросу о психологии эмоций: Гаты Заратуштры
Towards the Psychology of Emotions: The Gāthas by Zarathushtra

Аннотация

На материале авестийских текстов рассматриваются некоторые ключевые номинации типов эмоций. Автор реконструирует их парадигматические и синтагматические связи и указывает на их укорененность в дуалистичной картине мира. Полученные данные могут представлять интерес для исторической лингвистики.

On the material of the Old Avestan texts some major key words nominating emotional types are considered. The author tries to construct their paradigmatic and syntagmatic relations and show that these are based on dualistic worldview. The data received may be of interest for historical linguistics.

Ключевые слова

Психологический аспект; типы эмоций, структура эмоциональных состояний; картина мира

Psychologic aspect, types of emotions, the structure of emotional conditions

В статье представлена попытка анализа структуры эмоциональных состояний в их психологическом аспекте по Гатам — по той части зороастрийской литургии «Ясна», которая приписывается пророку, реформатору, основоположнику новой (древнеиранской) религии Зороастру (из греч.), Заратуштре текстов «Авесты» (Ав. *zaraθuštra* — ‘(владеющий) старыми верблюдами’). Подобная традиция использования имен-оберегов издавна сохраняется и сейчас в различных областях исторического Туркестана, ср., напр., тадж.-узбек. имя девочки *Тухта*, букв. ‘Стой!’, призванное остановить череду гибели младенцев при родах у ее матери. Анализ опирается, как в смысловом, понятийном, так и в терминологическом плане, на работы А. Н. Леонтьева [1971], К. Э. Изарда [Изард 2000] и сборник «Эмоциональная сфера человека в языке и коммуникации: синхрония и диахрония. Материалы международной конференции» [2018].

Невзирая на скепсис самого последнего времени отдельных иранистов, более убедительной представляется позиция, например, В. И. Абаева и И. М. Стеблин-Каменского и ряда других, убежденных не только в историчности самой личности пророка (это уже, кажется, никто не подвергает сомнению), но и в авторской природе Гат — ‘Песнопений’ (др.-иран., др.-инд. *gāthā*-f., от и.-е. *gā*- — ‘петь’, ав. *gāθā*-), в авторской природе исходно устных, что само собой разумеется, метрически организованных «речений» (так назы-

вал их И. М. Стеблин-Каменский) Заратуштры, главным содержанием которых — наряду с творческим интегрированием в свой дискурс индоиранской архаики в виде древней формульной лексики, композиционных структур, стилистических приемов, а также прямых отсылок к гимнам Индре из Ригведы — является даже не столько стройное изложение кардинально новой картины мира, сколько проповедь (так называл это В. И. Абаев) нового мироустройства как нового вероучения в эпоху синкретизма. Уже за пределами Гат это вероучение получило название *даэна маздайасниш заратуштриш* — ‘вера маздаяснийская, заратуштровская’, напр. в тексте У.12, зороастрийском (уже пост-заратуштровском) аналоге символа веры.

Источником языкового материала статьи стали именно Гаты. В Гатах представлено не так уж много лексики, именной или глагольной, именующей какие-либо эмоции (или вызываемые ими чувства). Однако Гаты, можно сказать, завораживают именно своим эмоциональным накалом. «Зашкаливание» эмоций обусловливается, как представляется, тем, что они встроены в сквозное генеральное дихотомическое противопоставление мировоззренчески важнейших понятий, группирующихся по двум противоположным, непримиримым сферам, — Добра и Зла. Содержание этих краеугольных понятий — Добро и Зло, — при всей их, несомненно, этической направленности, которая составит специфику зороастризма, наряду с его дуализмом, слишком многомерно и не поддается однозначному толкованию. В сущности, оно выявляется опосредованно через многоступенчатую структуру этой дихотомии.

В основании этой дуалистической конструкции нового мироустройства — авестийский Ахура-Мазда (теперь один-единственный Владыка Мудрый, ср. другие древние пантеоны). Это результат переосмысленного Заратуштрой индоиранского противопоставления двух классов богов (многочисленных *asura- & daiva-*): один из индоиранских асур становится единственным божественным владыкой; он олицетворение Добра, Блага как в макрокосме, так и в микрокосме. Ему сопутствуют названные позднее как Бессмертные Святые шесть персонифицированных абстракций, формирующих структуру нравственности в понимании Заратуштры. Это Воху-Мана (Благая Мысль), Аша-Вахишта (Лучшая Истина), Спэнта-Армайти (Святое Благочестие), Хшатра-Варья (Власть Избранная), Хаурватат (целостность) и Амэрэтат (Бессмертие). (Здесь и далее по тексту ключевые понятия зороастризма приводятся по большей части в транслитерации и переводе И. М. Стеблин-Каменского). Из них только пара Целостность и Бессмертие напрямую и непосредственно восходят к индоиранским прототипам. Лексемы со значением ‘мысль’ и ‘власть’, наделенные префиксом *duš-* — ‘дурной’, выступают в качестве конкретных оценочных предикатов, характеризующих «дурную нравственность» субъектов сферы Зла, в их противопоставлении соответствующим характеристикам субъектов сферы Добра (*vahu-* — ‘добрый, благой’). Его орудием и проводником является Святой Дух, еще одно творческое измышление Заратуштры (в Гатах Ахура-Мазда назван «отцом» Святого Духа). Ему Заратуштра проти-

вопоставил Злого Духа. Весь мир распределен между этими двумя сферами (как — здесь нам это не важно). Важно то, что люди, и мужчины, и женщины, по своему **выбору**, выбирают, за кем следовать в своих ‘мыслях-словах-делах’ (хорошо засвидетельствованная еще в древнеиндийском триада), кому внимать: Духу Святому или Духу Злому, что, соответственно, определяет их принадлежность той или иной сфере. Благой сфере, или сфере Истины-Аша: это *артовски*е люди и всё артовское. Или сфере Зла, сфере Лжи-Друдж: это *друджевски*е люди и всё друджевское, сюда относятся все те, кто сделал дурной выбор (*duž-varəna-)*, чьи мысли-слова-дела были дурными (*duž-manah-, duž-vacah-, duš-šyaoθana-*). Дихотомия — Истина-Рита и Ложь-Друх — хорошо засвидетельствована еще в Ригведе. Здесь Добро ассоциировано с Истиной, а Зло — с Ложью. Истина, или (ср. р.) ав. *aša-*, др.-инд. *ṛ̥tá-*, хорошо известна еще по Ригведе. Однако, как сказано в Поздней Авесте, в гимне, посвященном фраваши, Заратуштра был «первый в материальном мире», кто «восславил Истину-аша и отверг дэвов» (Yt. 13.89).

В завершение этого краткого общего обзора концептуальной структуры основополагающих для нашей темы понятий отметим главное, решающее для данного анализа противопоставление, еще одно нововведение, также принадлежащее, как следует из текстов Гат, самому Заратуштре. Он «ломает» круговорот превращений, обещая для праведных, артовских людей *рай* (именуя его ‘Дом Истины’, или ‘Дом Ахура-Мазды’, также ‘Дом Пения’), а для неправедных, друджевских людей — *ад* (именуя его ‘Домом Лжи’). Это будет им ‘воздаянием’, ‘наградой’, их ‘участью’ за свершенное ими в этой жизни, за их ‘мысли-слова-дела’. С этими прототипическими — в истории человечества — раем и адом в Гатах связаны *спасение* или *наказание-гибель*, ожидающие каждого отдельного мужчину или женщину и обусловленные их личным выбором — следованием за Святым духом или за Злым Духом в своих «мыслях-словах-делах» в течение «этой» жизни. Эсхатологические идеи Заратуштры охватывают как микрокосм, так и макрокосм. Здесь предвосхищены все идеи, ставшие хорошо знакомыми из авраамических религий. Помимо уже упомянутого, можно назвать идеи пути, спасителя (здесь — три спасителя), конца мира, огненных ордалий, страшного суда, всеобщего воскрешения.

В своей проповеди столь радикально нового мироустройства Заратуштра выступает как прирожденный и глубокий знаток человеческой психологии, ибо он «дергает за все ниточки, нажимает на все необходимые педали». В этом смысле он, используя всю цепочку так называемых «эмоциональных процессов», или «состояний» (аффект — эмоции — чувства — переживания), — подобно К. Э. Изарду, главные свои надежды связывает с их мотивирующим, организующим и направляющим аспектом («Эмоция — это нечто, что переживается как чувство (feeling), которое мотивирует, организует и направляет восприятие, мышление и действия» [Изард 2000: 27]). Разделив мир надвое, Заратуштра создает далее многоступенчатую дихотомическую систему; на каждой ее ступени человек оказывается перед выбором, движимый парой

противоположных эмоций, «негативной» и «позитивной» (с точки зрения стандартной классификации; однако, часто выступающих в паре с точки зрения целеполагания и достигнутых результатов, — так у Заратуштры). Человек оказывается поставленным в «критическую жизненную ситуацию», раздираемый противоположными чувствами — «страхом» и стремлением избежать этого страха, избежать горя и страданий, поджидающих его на «неправедном» пути, — или обрести путь, ведущий к «счастью» и к «радости», к единению с Владыкой Мудрым в его «Доме Пения». Путем Истины у него будут следовать сделавшие правильный выбор артовские, праведные мужчины и женщины, сплоченные объединяющими их чувствами в единую *vərəzānа-* — ‘общину’ (имеет терминологическое значение, хорошо известен и в Ригведе; антонима, что естественно, не имеет).

Как же все это выражается у Заратуштры, эксплицитно, имплицитно? Рассмотрим несколько ситуаций, в которых затрагивается эмоциональная сфера и говорится (или не говорится) о тех или иных эмоциональных состояниях. Это, например, **печаль, скорбь в негативной ситуации** (встреча со Злом). Одна из немногочисленных метафор, встречающихся в Гатах, это ‘Корова’, чья Душа, ‘плачет-жалуется’, дословно *gərəždā* — ‘стенает’. Этот глагольный предикат рисует нам поведенческую (неконтролируемую) и речевую (контролируемую) ответную реакцию на неприемлемую, невыносимую для нее ситуацию: на ‘**ярость-***aēš(ə)ma* **и насилие, разбой и силу**’ (У. 29.1 и др.). Какова бы ни была расшифровка самой метафоры, она, Корова, репрезентирует благую сферу, а объект ее жалобы — агрессивные действия со стороны внешних сил. В стремлении избежать в дальнейшем повторения данной негативной ситуации Душа Коровы просит Владыку Мудрого «дать путь и пастыря» с помощью «твоего Духа» (У.31.9), а ее саму наделить здравомыслием — *ārmaitiš* (У. 31.12).

Ярость, или *aēš(ə)ma-*, — таково одно из проявлений Зла в микрокосмосе Гат, конкретное и, как признано многими, исторически обусловленное («изложение основной мирской цели Заратуштры — поощрения мирного скотоводства и осуждения разбоя и угона скота» [Стеблин-Каменский 2009: 44]; подробно см. работы Василия Ивановича Абаева разных лет). Персонификация Ярости происходит, можно сказать, у нас на глазах; из среднеперсидских текстов известен демон-дэв, носящий имя *aēšma* (это небезызвестный Асмодей [Стеблин-Каменский 2009: 46]). Прямое продолжение лексемы *aēš(ə)ma-* засвидетельствовано в немногих живых языках, прежде всего продолжающих среднеперсидский-пехлеви (перс., тадж., афганск. дари), в парфянском и согдийском, а также в некоторых живых северо-западных иранских языках означает ‘ярость, гнев’ (ср.-перс. *xēšm*) [ЭСИЯ 1: 127], что подтверждает контекстуальное значение; а родственное слово *οἶμα* в греческом означает ‘стремительность, напор, натиск’ (Покорный в [ЭСИЯ 1:127]), что служит нам указанием на степень накала данного эмоционального состояния, выраженного в Гатах лексемой *aēš(ə)ma-*. Ярость, или сильная степень гнева, — одно из немногих

эмоциональных состояний в Гатах, получивших собственную «номинацию». Ярость, проявляясь как ничем не сдерживаемое агрессивное поведение, в Гатах (и в Авесте в целом) носит исключительно деструктивный характер, о чем свидетельствуют другие проявления агрессии из жалобы Души Коровы, из общего ряда однородных членов: ‘насилие, разбой и сила’, которые ее ‘удерживают в плену’. Вполне возможно, что исходное значение авест. *aēš(ə)ma-* было вполне конкретным, как следующие за ней однородные члены или как греч. когнат, называющие конкретные проявления агрессивного, враждебного поведения, и тогда мы имеем семантический сдвиг.

В Гатах достаточно много близких по значению эмоционально окрашенных именных и глагольных лексем, определяющих различные проявления враждебного поведения. Есть и общее наименование для **враждебности**. Это *dvaēšah-* — ‘враждебность; тж. обида’ (У.53.9) и соответствующий глагольный предикат, известные также и в древнеиндийском с теми же значениями (др.-инд. *dvéṣaḥ*), отглагольное имя, рефлексы представлены также в таких мертвых языках, как согдийский (‘вредить; мучить’), хотаносакский (‘ненавидеть’), хорезмийский (‘завидовать; ревновать’); среднеперсидские формы, исходя из фонетики, относят к заимствованиям (из северо-западного «источника», очевидно, из парфянского); в живых иранских языках опять-таки не найдены [ЭСИЯ 2: 492—494]. Значения, в случае с мертвыми языками, при наличии этимологии опираются, в том числе, и на контексты. Это дает нам практически всю линейку оттенков, приводимых Изардом для такого эмоционального состояния, как **неприятие-враждебность-ненависть**, — кроме отвращения. Неприятие-ненависть-враждебность — обоюдоострое оружие в Гатах. В этом ряду есть *daⁱbivatō dvaēšah-* — ‘ненависть ненавистников’, которая будет ‘преодолена’ при поддержке призванного на помощь Ахура-Мазды с Истиной и Благой Мыслью (У.28.6). Здесь подразумеваются совершенно конкретные ненавистники и совершенно конкретное зло (так Т. Я. Елизаренкова в таких случаях для др.-инд. использует словосочетание ‘проявления ненависти’), которое они причиняют, но вместе с тем — при таких-то помощниках — фраза (это призыв) приобретает обобщающее значение. Есть и ненависть, исходящая из другого, благого, источника. Это *maⁱnyəuš… dvaēšaŋhā* — ‘с ненавистью духа’. Толкования этой строфы (У.44.11) во многом неоднозначны, но нет сомнений, что речь здесь идет о ненависти духа Ахура-Мазды, которая должна быть обращена против врагов Заратуштры, тут все согласны. Для этой статьи особенно интересно то, что авестийский ‘дух’-*maⁱnyuš* в данном контексте смыкается с древнеиндийским однокоренным *manyuš* — ‘возбужденный разум; рвение; аффект, ярость’, по Майрхоферу, см. [ЭСИЯ 5: 184]. Т. Я. Елизаренкова для бога Индры использует перевод ‘гнев’: ‘перед твоим гневом’, *tava manyava*, трепещет сам Тваштар-творец (РВ I 80,14; здесь и далее [Елизаренкова 1999а, 1999б, 1999в; Rigveda 2017]). В других случаях она использует в качестве эквивалента ‘ярость’: так в гимне X 152, 03 Индру призывают уничтожить ‘ярость-*manyum*’ недруга, прогнать подальше смертельное оружие, отвести прочь ‘мысль не-

навистника-*dvisạto mano*’ (Гимн X 152, 05). В последней, 10-й мандале, древнеиндийский Манью-Гнев выступает уже как «обожествляемое абстрактное понятие» [Елизаренкова 1972: 45] (аналогично древнеиранскому Аэшма, см. выше). Таким образом, в авестийском *ma*ⁱ*nyəuš… dvaēšaŋhā* — ‘с ненавистью духа’ можно видеть отзвук той ярости древнеиндийского Индры, с которой он ополчается против врагов.

В Гатах в строфе У.46.8, помимо **pa*ⁱ*tyaoxtā dvaēšaŋhā* — ‘с ответной ненавистью’ (восстановлено, см. [Insler 1975:269]), оказалась представлена значительная часть экспрессивной лексики, именной и глагольной, рассеянной по Гатам, которая характерна для данного семантического поля (приводим лишь переводные эквиваленты: *угроза*; *ущерб*; *вредить*; *вражда*; *злополучье*; см. тж. У. 32.6; 34.8; 29.2; 48.11; 16.8; ср. Yt.8.51).

Вина. К помощи Здравомыслия-*ārmaitiš* и Святого Духа обращаются люди, оказавшись в состоянии **душевного разброда**, переданного здесь лексемой *maēθā*, родственной русскому *маята* (но ср. [ЭСИЯ 5:155—157]), характерного для ситуации выбора. Создается впечатление, что Заратуштра вполне отдает себе отчет, что предоставление (от «имени» Ахура-Мазды) свободы выбора между Благом и Злом, между добрыми или не добрыми «мыслями, словами, делами» возлагает на человека в этой критической ситуации ответственность за собственную судьбу, пробуждает понимание, что выбор неправедного пути ведет к гибели, формирует такие чувства, как **вина,** тесно связанного с осознанием неправедности, греховности, и, в дальнейшем, совесть. В Гатах есть лексема *aēnah*- от арийского глагольного корня со значением ‘наносить вред’. Здесь, в Гатах, помимо исходного значения, она приобретает также более конкретное значение ‘(греховный) проступок’, возможно, это контекстуальное значение (но ср. др.-инд. [ЭСИЯ 1: 122]), судить приходится в ситуации практического отсутствия рефлексов этой лексемы, а также глагольного корня в иранских языках. Однако уже в пехлеви существует лексема, объединившая в себе оба эти значения, ‘грех и вина’, *wināh*, а производное имя действия *wināhišn* сохранилось в так называемом «Сасанидском судебнике» в качестве юридического термина. Этимологически исходным является представленный и в других языках индоевропейской семьи глагольный корень др.-иран. * naś- — ‘погибать; губить’ [ЭСИЯ 5: 487—494]. Эти значения сохранят и производные этого корня в авестийских текстах (глагольные предикаты) и в ахеменидских надписях на древнеперсидском. Целый ряд пассажей в Гатах упоминает букв. ‘сгинувших (с) пути Истины-Аша’ (*У.*51.13 *ašahyā* ***nąs****vå paθō*); ‘(от) Мазды-Ахуры разума отбившиеся и (от) Истины-Аша’ (У.32.4 *mazdå ahurahyā xratəuš* ***nas****yantō ašāaṭcā*). Смертельная греховность подобных проступков подтверждается строфой У. 32.15, где ‘карапаны и кавии’ (приверженцы лжи, дэвов, Злого Духа) *vī.nənāsā* — ‘сгинут’, то есть ‘(они) не перенесутся в Дом Благой Мысли (т.е. в рай)’: *nōiṭ ba*ⁱ*ryåntē va*ᵘ*həuš ā dəmānē manaŋhō*. Конкретные же проступки заключаются во ‘вреде, насилии’ (*aēnah*- см. выше), направленных против скота и праведных людей, порче пастбищ, в ущербе для жизни праведных людей (У. 31.15; 32.10—14 и др.). (Весьма важным для понимания

зороастрийской праведности как следования путем Истины-Аша является также необходимость «правильности» мантры-молитвы, ср. У.31.6 и др.). Дальнейшее же семантическое развитие, переход: (**путь, отклонение от которого ведет к) гибели — греховный проступок — грех, вина**, — так сказать, корни этого нового чувства греховности, осознания вины можно усмотреть, в конечном счете, в новом мироощущении, внушаемом проповедями Заратуштры. Заратуштра сформулировал новые морально-религиозные стандарты и предложил новые реперы, стимулирующие идентификацию с их носителями, активно формирующие «социальное научение». Он создал условия, «вызывающие вину», и сформулировал предписания нового общественного института — маздаяснийской (заратуштровской) религиозной общины, которые, будучи интегрированы в «аффективно-когнитивные структуры», и привели в дальнейшем к осознанию такого нового феномена в зороастрийской картине мира, как **совесть**. В Гатах отсутствует особая лексема для передачи этого понятия, однако в некоторых контекстах близкое к этому значение приобретает лексема *daēnā* — ‘вера, религия’ (с не вполне ясной этимологией [ЭСИЯ 2: 297], в Ригведе отсутствует; вошедшая во все иранские языки в значении ‘вера, религия’). Это закреплено и в соответствующих словарях в виде второго значения данной авестийской лексемы: ‘внутренняя сущность; совокупность мыслей и поступков; индивидуальность; духовное “я” [там же, 299; AiW 665-667]. Однако в этом значении лексема функционирует исключительно в Авесте (при том, что в первом значении она вошла/знакома всем иранским языкам и, очевидно, арабо-мусульманское *dīn* — ‘вера’ тоже иранского происхождения). В Гатах *daēnā* противопоставлена, как и ожидалось, дурной вере, что отразилось в композите *duž-daēna-* букв. ‘(носитель) дурной веры’ (У. 49.11) и в словосочетании *drəgvatō…daēnā* — ‘вера приверженцев Лжи’ (Y. 51.13). Вина этих приверженцев Лжи заключается в ‘дурных мыслях-словах-делах, которые сбивают их с пути Истины’. В такой обобщенной формулировке вина граничит уже со смертельным грехом, что и приводит к тому, что на Мосту Чинват (букв. ‘разделитель’ [Стеблин-Каменский 2009: 179]) душа такого неправедника ‘возопит в ужасе’ (*xraodaⁱtī* У. 51.13).

Страх. Страх в Гатах не поименован. Однако именно он ассоциируется с несколькими картинами, не столько изображающими, сколько намекающими на ужасающие ситуации. При всей лапидарности в изобразительных средствах у Заратуштры это весьма выразительные, сильнодействующие картины. Можно полагать, что их развернутые изображения были известны адресату (из недошедшего до нас материала). Это неоднократные упоминания ада и перехода через мост Чинват, ведущий в рай. Это многократные напоминания о грозящей каре (напр., У. 31.15). Это упоминания ‘расплавленного металла’ как последнего испытания при конце мира в У. 30.7 и т.д. (см. [Стеблин-Каменский 2009]). Это также многократные упоминания и огня как орудия и исполнителя при конце мира: ‘воздаяния Святого Духа огнем по истине’, напр., в строфе У. 31.3 букв. ‘удовлетворение обеим сторонам’ (т. е. праведным и неправедным): *rānōibyā xšnūtəm*. (Это *xšnūtəm*, ‘**состояние удовлетворенно-**

сти’, можно бы рассмотреть под рубрикой противоположного эмоционального регистра, **радости-удовольствия,** если судить по авестийским текстам совершенно иного происхождения, содержания, жанра и т.д., по Яштам. Это гимны, посвященные древним дозороастрийским иранским божествам и мифологическим персонажам. В них состояние *xšnūtō* — ‘удовлетворенный-довольный’ противопоставлено состоянию *ṭbištō* — ‘настроенный враждебно’, напр., Yt.10.87, и соположено *aṭbištō* — ‘настроенный невраждебно’, напр., Yt.13.34. Употребляются исключительно применительно к богам, напр. к Митре, которому следует ‘приносить жертву-поклоняться-молиться правильно’, чтобы он был *xšnūtəm,* а не *ṭbištō.* Ср. также древнеперсидский глагол *xšnav-* — ‘удовлетворять’ и перс. *xušnūd* — ‘довольный’). Таким образом, в Гатах *xšnūtəm* — это еще не ‘удовлетворенность’, а состояние амбивалентное, подобно воздаянию (по заслугам). Кара же для тех, кто избрал неправедный путь, — это и есть *darəgəm āyū təmaŋhō* | *duš.xᵛarəθəm avaētās vacō* — ‘долгое пребывание во тьме — дурная еда — стенания’ (У. 31.20). Этот предикат, стенание-*avaētās* (*vacō*), представлен еще несколькими производными в Гатах: *avōi* (45.3); *vayōi* (53.7); *vayū.bərədubyō* (53.6). Все они, в конечном счете, восходят к восклицанию-междометию, вероятно, еще общеиндоевропейского уровня (ср., напр., восклицание боли, испуга, удивления афганских женщин *вə̄й* — ‘ой! ай! ох!’ Или нем. *o weh* — ‘увы!’; *weh mir* — ‘о горе мне!’ и т.д.). В Гатах не один раз делаются отсылки к этим трем аспектам (вместе или по отдельности) негативной, «адской», ситуации. Мотив тьмы, пребывания во тьме как ситуации угрожающей, таящей невидимую опасность и ненавистной, является, очевидно, весьма архаическим (Об избавлении, защите от тьмы часто просят богов в гимнах Ригведы). Это душевные мучения. ‘Стенания’ служат прямым выражением ужаса и горя. А вот с чем же ассоциируется ‘дурная еда’(*duš.xᵛarəθəm*) в подобных контекстах? С отвращением? — что было бы естественной для современного человека физиологической реакцией на дурную еду. Скорее, с физическими муками и невыносимостью данной негативной ситуации. Таким образом, если судить о страхе в такой крайне негативной ситуации, как вероятность попадания в ад по Гатам, то страх, который старается внушить Заратуштра, оказывается многокомпонентным эмоциональным состоянием с большой силой воздействия.

Этой триаде ‘долгое пребывание во тьме — дурная еда — стенания’ в У.31.20 противопоставлено ‘(небесное) сияние’, **dyumnəm*, которое нисходит к праведным (т. е. пребывание в раю). Противопоставление тьма — сияние известно и из Ригведы, напр. в 1, 054, 10—11: *tamaḥ…dyumnám.* Это (10) **мрак**… во внутренностях чудовища Вритры. Индра его убил. Это сокращенное переложение широко известного (тогда) сюжета. За ним следует обращение к Индре (11): «Возложи на нас **блеск, увеличивающий счастье**, Великую власть…о Индра!... И содействуй нам в богатстве, прекрасном потомстве, жертвенной пище» [Елизаренкова 1999а: 71]. Очевидно, что в отличие от Ригведы и тьма, и блеск в Гатах выступают как концепты. И **счастье-радость** в Гатах принадлежит, в первую очередь, не обыденной жизни, это один из главных эмоциональ-

ных компонентов **спасения** в эсхатологическом смысле. Однако в Гатах, как и во всей Авесте, нет соответствующего специального «термина» для концепта «спасение» (но уже сложились представления о нем). В соответствующих контекстах в этой функции используется имя, производное от глагола авест. *sav-* — ‘nützen; приносить пользу, выгоду, прибыль’. Древнеиндийские однокоренные производные, насколько известно, отсутствуют. В санскритских переводах авестийских текстов в соответствующих случаях для обоих производных стоит синоним *lābhaḥ* — ‘достижение, приобретение; преимущество’. (Но ср. скр. омоним *śávas-* n. — ‘сила, могущество’, из которого, вероятно, и исходит С. Инслер при переводе в ряде контекстов). В пехлевийских переводах это *sūt* в том же значении, которое продолжено и в н.-перс. *sūd* — ‘польза, барыш, прибыль’ (с устоявшимся антонимическим *ziyān* — ‘убыток’). В Гатах производные этого корня часто представлены в синтаксически инверсированных структурах (хиазм), где им — стилистически, синтаксически и в смысловом отношении — противопоставлены производные корня ав. г. и п. *raš-* — ‘вредить, наносить ущерб’. (Корень и его производные, в отличие от авест. *sav-* — ‘nützen; приносить пользу, выгоду, прибыль’, хорошо представлен в древнеиндийских текстах, напр., *rákṣas* n. — ‘вред, ущерб’ или *rakṣás* m. — ‘ракшас, злой демон (ср. тж. омоним в значении ‘грусть, печаль’). Семантическая выделенность, нагруженность этих двух корней и их производных однозначно вытекает из контекстов их употребления и из их синтагматических связей с другими зороастрийскими концептами. Что касается «языка радости» в Гатах, связанного ассоциативно со спасением, то он значительно беднее (примеры оставим за скобками).

Таким образом, очевидно, что генеральным противопоставлением в аспекте эмоциональной жизни индивида и шире становятся эмоции, ассоциируемые с этими двумя критическими жизненными полюсами, это сложные комплексы положительных эмоций, позитивный, связанный с эмоцией радость-счастье, и негативный, связанный с эмоцией горе-страдание. Именно эта парная сцепка эмоций — позитивная + негативная — служит у Заратуштры «мотивационно-организующей силой» [Изард 2000: 183]. Естественно, что главным «активатором» этих эмоций, является эмоция **страха**, именно с ней, как можно судить по текстам, связана главная надежда Заратуштры, формирующего свою «общину», на правильность выбора. Эта дихотомическая конструкция успешно эксплуатирует такое, по сути, мобилизационное архетипическое разделение на свой и чужой. И хотя аудитория, адресат свой или потенциально свой, тем не менее, основной упор делается на негатив. Как можно полагать исходя из того, что концептуально значимая для Заратуштры лексика практически не представлена в иранских языках, ареал распространения раннего заратуштровского учения был весьма ограничен. Ко времени Сасанидов многое в его понимании было утрачено, хотя резонанс его вероучения был весьма значителен. Ср., например, упоминание Зороастра Платоном в «Алкивиаде».

Список сокращений

ЭСИА — Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. Этимологический словарь иранских языков. Т. 1—5. М.: Наука — Восточная литература, 2000—2015.

AiW — Bartholomae Chr. Altiranisches Wörterbuch. 2. Auflage. Berlin, 1961.

Источники

Avesta 2017 — Avesta Corpus //http://titus.fkidg1.uni-frankfurt. de/texte/etcs/iran/airan/avesta/avest.htm.

Rigveda 2017 — Rigveda (транслитерация) // http://www. detlef108.de/RV01-with-Padapatha-T-UTF8.html.

Литература

Абаев В. И. Скифский быт и реформа Зороастра //Archiv Orientální, XXIV — 1956, 1. Praha.

Абаев В. И. Избранные труды. Религия. Фольклор. Литература. Владикавказ, 1990.

Елизаренкова Т. Я. Ригведа: Мандалы I-IV. Издание второе, исправленное / Издание подготовила Т. Я. Елизаренкова. Отв. ред. П. А. Гринцер. М.: «Наука», 1999а.

Елизаренкова Т. Я. Ригведа: Мандалы V-VIII. Издание второе, исправленное / Издание подготовила Т. Я. Елизаренкова. Отв. ред. П. А. Гринцер. М.: «Наука», 1999б.

Елизаренкова Т. Я. Ригведа: Мандалы IX-X. Издание второе, исправленное / Издание подготовила Т. Я. Елизаренкова. Отв. ред. П. А. Гринцер. М.: «Наука», 1999в

Елизаренкова Т. Я. Ригведа. Избранные гимны (Пер., коммент. и вступ. статья Т. Я. Елизаренковой). М.: Наука — Восточная литература, 1972.

Изард К. Э. Психология эмоций / Перев. с англ. СПб.: Питер, 2000.

Иоанесян Е. Р. К типологии семантических переходов в лексическом поле эмоциональных состояний // Эмоциональная сфера человека в языке и коммуникации: синхрония и диахрония. Материалы международной конференции. М. – Ярославль: Канцлер, 2018. С. 43—55.

Леонтьев А. Н. Потребности, мотивы и эмоции. М.: МГУ, 1971.

Стеблин-Каменский И. М. Авеста. Избранные гимны. Из Видевдата. М.: Дружба народов, 1993.

Стеблин-Каменский И. М. Гаты Заратуштры. СПб.: Петербургское востоковедение, 2009.

Эмоциональная сфера человека в языке и коммуникации: синхрония и диахрония. Материалы международной конференции М. – Ярославль: Канцлер, 2018.

Humbach H., Elfenbein J., Skjærvø P. O. The Gathas of Zarathushtra and the Other Old Avestan Texts. P. II. Heidelberg, 1991.

Insler Stanley. The Gāthās of Zarathustra. Tehran—Liège, 1975.

П. С. Дронов (Институт языкознания РАН)
P. S. Dronov (Institute of Linguistics, RussianAcademy of Sciences)

Метафоры израсходования и избытка ресурса в эмотивной фразеологии[1]
Metaphors of depletion and overabundance in emotion-related phraseology

Аннотация

В статье на материале русского, английского и сербохорватского языков анализируются метафоры израсходования и избытка ресурса в эмотивной фразеологии. Если метафора израсходования встречается в слабоидиоматичных сочетаниях (*исчерпать что-л.*, как правило, *терпение*, *to be out of patience*), то метафора избытка (*переполнить чашу терпения, препунити чашу стрпљења, prelila se čaša strpljenja*, *the straw that broke the camel's back*) более характерна для идиом. При этом от идиом, основанных на метафоре избытка, путем расширения компонентного состава и материализации метафоры, образуются новые идиомы, сохраняющие связь с исходными (*the last straws*, *последняя капля,* [*которая переполнила чашу*]).

The paper deals with metaphors of depletion and overabundance in emotion-related phraseology of Russian, English, and Serbo-Croatian. While the depletion metaphor is more typical for set phrases with limited idiomaticity such as *to be out of patience*, the overabundance metaphor is found in idioms, e.g. *the last straw that broke the camel's back*, *переполнить чашу терпения*, *prepuniti čašu strpljenja*, *prelila se čaša strpljenja*. Interestingly, the idioms based on the overabundance metaphor, when modified, become sources for new idioms that retain some connections with the original ones, e,g. *the last straws*, *последняя капля* [, *которая переполнила чашу*]).

Ключевые слова

Эмотивная фразеология, метафоры, изменения идиом, русский язык, сербохорватский язык, английский язык

Emotion-related phraseology, metaphors, idiom modifications, Russian, Serbo-Croatian, English

Терпение как способность переносить физические или моральные страдания получило отражение не только в лексике, но и во фразеологии, ср. *время/дело терпит* — ‘можно не торопиться с выполнением какой-л. работы’ vs. *время/дело не терпит* — ‘работу следует выполнить безотлагательно’. Терпение понимается как спокойствие, и поэтому переход от долгого спокойствия к

[1] Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 18-012-00736а) в Институте языкознания РАН.

иному эмоциональному состоянию, вызванный каким-либо внешним воздействием, описывается как утрата терпения (ср. коллокации *терять терпение*, *у кого-л. терпение на нуле* и т.д.). Среди метафор, описывающих переход в иное эмоциональное состояние как утрату терпения, можно выделить ИЗРАСХОДОВАНИЕ РЕСУРСА и ИЗБЫТОК РЕСУРСА (или же ПЕРЕПОЛНЕНИЕ). Одно и то же явление понимается и описывается как ценный ресурс, исчезновение или, наоборот, переизбыток которого может привести к неблагоприятным последствиям. В данной статье мы рассмотрим эти метафоры во фразеологии эмоций, а также обратим внимание на случаи синонимии подобных фразеологизмов.

Метафора ИЗРАСХОДОВАНИЯ РЕСУРСА представлена в коллокациях вида *исчерпать X*: *исчерпать терпение / доверие / аргументы / резервы …* (ср. также *исчерпать себя*). Отметим, что встречаются формы *исчерпать лимит/ кредит чего-л. / лимит на что-л.*, т.е. дается дополнительное указание на ограниченный характер ресурса, которому уподоблено некое явление.

(1) **a.** *Потом Зюганов заявляет, что Россия исчерпала лимит на революции — это полный отказ от коммунистической идеологии, согласно которой новое общество может быть создано только революционным путем* (Александр Братерский, Георгий Ильичев. Слишком далеки они от Гевары.... Отечественные коммунисты в портретах и комментариях (2002) // «Известия», 2002.04.21; НКРЯ]. **b.** — *Диву даешься — чего только не выдумают московские умники, лишь бы не признавать очевидного: своими непродуманными действиями они исчерпали терпение людей, — возмущается житель Владивостока Владимир Шишкин* (Олег Жунусов. Пошлины. Бунт в Приморье // «Русский репортер», № 1-2 (080-081), 22-29 января 2009, 2009; НКРЯ]. **c.** *Юля, исчерпав терпение и нервные клетки мужа, а также всех знакомых водителей, рискнувших доверить ей руль, пришла в автоклуб, обучающий контраварийной езде* (Светлана Марзеева. Ведьма за рулем. Чему учат женщин в автошколах (2001) // «Известия», 2001.08.07; НКРЯ].

Аналогичные метафоры мы видим и в других языках, ср. англ. *exhaust* (например, *sb's patience… was exhausted*), коллокации и фразеосхемы вида *to be out of patience*, *run out of patience*, *sb's patience… is running out*[2].

В идиомах представлена метафора ИЗБЫТКА РЕСУРСА. Подробное объяснение метафоры содержится в дефиниции идиомы *переполнить чашу чего-л.*, приводимой ниже.

Переполнить чашу что чего. Нарушить меру (говорится с неодобрением). Подразумевается мера долго сдерживаемой надежды на прекращение какого-л. нежелательного или невыносимого состояния. Обычно имеется в виду ситуация, когда кто-л. больше не может выносить обиды, унижения, оскорбле-

[2] Заметим, что метафора израсходования ресурса используется и при концептуализации проблем и их решения, например, рус. *вопрос исчерпан* vs. англ. *the matter is settled*.

ния и не в состоянии больше сдерживать свою эмоциональную реакцию. Реч. стандарт *что* — слова, проступки и т. п.; *чего* — обычно терпения. l Чаще сов. в. прош. вр. Именная часть неизм. l Порядок слов фиксир. [СОВ: 85].

Идиома допускает лексико-грамматические изменения, в том числе синтаксические трансформации наподобие *чаша чего-л. переполнилась/переполнена*:

(2) **a.** — *Я уже сказал, что ты меня прощаешь. Это, говорят, неважно, чаша терпения переполнилась. — Что же я могу сделать? — Ты образованный, придумай что-нибудь* (Сергей Довлатов. Чемодан (1986)) [НКРЯ]. **b.** — *Простите, что тревожу, Татьяна Николаевна, но не могу иначе. Чаша моя переполнилась, нельзя мне больше в сторонке сидеть. Непорядочно это, и вы сами же меня не простите. — Уезжаете?* (Борис Васильев. Дом, который построил Дед (1990-2000); [НКРЯ].**c.** — *Маменька! — продолжал он, — чаша переполнена, вы сами видели. Не так хотел я изложить это дело, но час пробил, и откладывать нечего! Вы слышали клевету, выслушайте же и оправдание* (Ф.М. Достоевский. Село Степанчиково и его обитатели (1859)), [НКРЯ].

Аналогичные идиомы можно найти в других славянских языках. Так, в «Словаре Матицы Сербской» зафиксирована близкая по форме и значению идиома *препуна је чаша стрпљења / prepuna je čaša strpljenja*, *прелила се чаша стрпљења / prelila se čaša strpljenja* ‘не може се више трпети, подносити’ («больше нельзя терпеть, выносить», букв. «чаша терпения переполнена, чаша терпения перелилась») [РМС: 849]. В сербском корпусе она фиксируется в форме *препунила се чаша / prepunila se čaša* (‘чаша переполнилась’), *Х препуни чашу* [*стрпљења*] / *X prepuni čašu* [*strpljenja*] (‘X переполняет/переполнил[3] чашу терпения’), причем компонент *стрпљења / strpljenja* может быть опущен:

(3) **a.** *jer mu štrajkuje oko 300 radnika. Doduše, oni su u manjini, ali dovoljno da se čaša prepuni. Oni traže da na kormilo “Koštane“ dođe drugi čovek. Naravno, ne Mirko Dimitrijević* (‘Потому что у него бастует около трехсот работников. Хотя они и в меньшинстве, но их достаточно, чтобы чаша переполнилась. Они требуют, чтобы у руля «Коштаны» встал другой человек. Разумеется, не Мирко Димитриевич’) (Politika (22.12.2000)) [KSSJ — MF]. **b.** *Kada sam osetio da se čaša prepunila, ja joj rekoh: Treba da otputujem. Za Ugandu. Za Tanganjiku. Za Ekvatorijalnu Afriku* (‘Когда я почувствовал, что чаша переполнилась, я ей сказал: «Мне надо уехать. В Уганду. В Танганьику. В Экваториальную Африку»’) (Danilo Kiš. Mansarda) [KSSJ — MF]. **c.** *Stiven Džerard nije mogao da dočeka kraj sezone u Premijer ligi. Sedmo mesto Liverpula, silna natezanja sa upravom, serija povreda i lavina glasina gde će ključni igrači ovog tima nastaviti karijeru prepunili su čašu strpljenja kapitena tima sa Mersisajda* (‘Стивен Джерард не смог дождаться конца сезона в Премьер-лиге. Седьмое место Ливерпуля, напряженные отношения с руководством, ряд телесных повреждений и лавина слухов о

[3] Формы презенса и аориста глагола *препунити* / *prepuniti* являются омографами.

том, где ключевые игроки этой команды будут продолжать карьеру, переполнили чашу терпения капитана команды из Мерсисайда') (www.rts.rs (10.05.2010). Beograd (Takovska 10): Radio Televizija Srbije, 2010) [KSSJ — MF].

В хорватских текстах фиксируется иная форма идиомы. Ср. контексты из хорватского корпуса [Riznica]:

(4) **a.** *Treće, budući da je velečasni Radoš, unatoč uzastopnim autoritativnim opomenama i intervencijama, stalno odbijao premještaj i uporno ostajao u Čapljini, kad se već jedanput čaša prelila, on je odlukom vrhovnoga poglavara izbačen iz Reda manje braće 28. veljače 1998*. ('В-третьих, будучи преподобным, Радош, несмотря на неоднократные предупреждения и вмешательство, постоянно отказывался сменить приход и упорно оставался в Чаплине; когда однажды чаша перелилась, 28 февраля 1998 г. его изгнали из францисканцев решением главы ордена'). (Vjesnik online [broj pojavnica 200500616]) [Riznica]. **b.** »*Ako ste naša vlast, napravite zakone i ne nazivajte nas rušiteljima hrvatske države«, kazao je Merčep i poručio vlasti da će »platiti kad se prelije čaša strpljenja*«. ('«Если вы наши власти, соблюдайте законы и не называйте нас разрушителями хорватского государства», — заявил Мерчеп, после чего сообщил властям, что те «заплатят, если прольется чаша терпения»'). (Vjesnik online [broj pojavnica Vj20000216]) [Riznica].

Помимо этого, зафиксирована синтаксическая трансформация, при которой *чаша* становится субъектом и агенсом, а образная составляющая претерпевает определенные изменения: *čaša koja je prelila strpljenje nekoga* 'чаша, которая переполнила терпение кого-л.' (5).

(5) *Prema Pavićevim riječima, čaša koja je prelila strpljenje sindikata Belja je posljednji poziv Uprave Belja u kojem se sve radnike tog poduzeća poziva da u roku od pet dana izaberu nove predstavnike, »koji nisu izabrani temeljem političke podobnosti i korumpirani, i koji će s Upravom društva voditi pregovore oko isplate plaće i daljnjeg tijeka poslovanja korektno i pošteno* ('По словам Павича, чашей, которая перелила терпение профсоюза «Беле», стало последнее обращение администрации "Беле", в котором всех работников этого предприятия призывали избрать новых представителей, «некоррумпированных и избранных не на основе сходства политической платформы, а также готовых вести переговоры с администрацией компании о выплате жалованья и дальнейшем трудоустройстве в корректной и достойной форме»'). (Vjesnik online [broj pojavnica Vj20000126]) [Riznica].

В основном корпусе [НКРЯ] число примеров употребления словосочетания *последняя капля* равно 524. Как показывают данные корпусов, рус. *последняя капля* не просто основана на той же модели, а является развитием образа, зафиксированного в *переполнить чашу*: *последняя капля, которая переполнила чашу* (72 контекста употребления в [НКРЯ]). Приведем пример:

(7) **a.** *Эта ненависть росла день изо дня еще более потому, что не смела проявляться наружу, а должна была тщательно скрываться под маской*

почтительной и даже горячей любви по адресу обеих ненавидимых Татьяной Берестовой женщин. Нужно было одну каплю, чтобы чаша переполнилась и полилась через край. И эта капля явилась (Н. Э. Гейнце. Дочь Великого Петра (1913)) [НКРЯ]. **b.** *Измена людей, которых поднимала с детства, оказалась последней каплей. Чаша переполнилась. Я сидела в Москве, плакать я долго не умею, начала ходить к Кулику на тренировки, стала серьезно с Ильей работать. Там продолжались гастроли* (Виталий Мелик-Карамов, Татьяна Тарасова. Красавица и чудовище (1984—2001) [НКРЯ]. **c.** *«Последней каплей, переполнившей чашу моего терпения, стало топтание Михаила Ходорковского и загадочная смерть Юрия Щекочихина», — объяснил Рыбкин причины своего обращения к либеральным ценностям. Партийцы с радостью приняли нового товарища в свои ряды* (Рустем Фаляхов, Анастасия Матвеева. Березовский хотел сделать лицом партии Ельцина, но получился Рыбкин // «Газета», 2003.07.08) [НКРЯ].

Ту же метафору мы видим в англ. *the final/last straw / the straw that breaks the camel's back* — ‘the last in a series of unpleasant events that finally makes you feel that you cannot continue to accept a bad situation’ (‘последнее в череде неприятных происшествий, которое в конце концов заставляет вас почувствовать, что вы больше не можете мириться с неприятной ситуацией’, букв. ‘последняя соломинка’, ‘соломинка, которая ломает верблюду хребет’) [Cambridge Dictionary]. Англ. *the last straw / last straws* в настоящее время сравнительно редко употребляется в полной форме (2 примера из 103 в Британском национальном корпусе [BNC], 2 примера из 428 в Корпусе современного американского варианта английского языка [COCA]). Ср. употребление в параллельном корпусе:

(8) **a.** *It was just about the straw that broke the camel's back, as the saying is, and certain ideas did come into my mind* (John Fowles. The Collector (1963)) — Просто это была *чуть не последняя капля, которая переполнила чашу*, как говорится, и мне всякие такие мысли стали в голову приходить. (Джон Фаулз. Коллекционер (И. Бессмертная, 1991)) [НКРЯ]. **b.** *This she knew would be a straw that would break the backs of Pittypat and Melanie*. (Margaret Mitchell. Gone with the Wind, Part 1 (1936)). — Она знала, что это может стать последней каплей, которая переполнит чашу терпения тети Питти и Мелани (Маргарет Митчелл. Унесённые ветром, ч. 1 (Т. Озерская, 1982)) [НКРЯ]. **c.** *It had been the last straw on a sorely loaded consciousness; reaching up from his chair Dartie seized his wife's arm, and recalling the achievements of his boyhood, twisted it* (John Galsworthy. In Chancery (1920)) — Это была последняя капля, переполнившая болезненно отягченное сознание; вскочив с кресла, Дарти схватил жену за руку и, вспомнив подвиги своего детства, начал выворачивать ей пальцы (Джон Голсуорси. В петле (М. Богословская, 1946)) [НКРЯ].

Возможны контекстно-зависимые модификации наподобие *the last straw of a quarrel that broke the back of the stumbling relationship* — ‘последняя соло-

минка ссоры, которая сломала спину неуверенным отношениям’ (2017; FIC; Alive) [COCA].

Подобное расширение образа *чаша се препунила / čaša se prepunila* мы видим и в сербском материале:

(9) *Profesor Filozofskog fakulteta u Beogradu Žarko Trebješanin rekao je Tanjugu da vrućina, koja vlada ovih dana, negativno utiče na ljude slabijih živaca i može da bude kap koja je “prepunila čašu”, pogotovo što visoke temperature prati i nesanica* (‘Профессор философского факультета Белградского университета Жарко Требьешанин в интервью агентству «Танюг» сообщил, что жара, господствующая в настоящее время, отрицательно воздействует на людей со слабыми нервами и может стать каплей, которая «переполнила чашу», особенно оттого, что высокую температуру сопровождает бессонница’). (www.rts.rs (22.07.2009). Beograd (Takovska 10): Radio Televizija Srbije, 2009) [KSSJ — MF]. Хотя устойчивое словосочетание *последња кап* в сербском корпусе не зафиксировано, оно представлено в публицистике Интернета, ср.:

(10) *ПОСЛЕДЊА КАП: У ФРАНЦУСКОЈ БЛОКИРАЈУ РАФИНЕРИЈЕ Француски пољопривредници блокирали су данас нафтне рафинерије и складишта горива због плана компаније “Тотал” да користи палмино уље у свом постројењу за биогориво* (‘Последняя капля: во Франции блокируют нефтеперегонные заводы. Сегодня французские работники сельского хозяйства заблокировали нефтеперегонные заводы и склады топлива в ответ на план компании «Тотал» использовать в производстве биотоплива пальмовое масло’) [Фронтал.Срб].

Любопытно, что в английском языке зафиксированы оригинальные авторские метафоры и компаративы, образованные по той же модели, ср.:

(11) *As in filling a vessel drop by drop, there is at last a drop which makes it run over*, so in a series of kindnesses there is at last one which makes the heart run over. (Ray Bradbury. Fahrenheit 451 (1953)) — *Когда по капле наливаешь воду в сосуд, бывает какая-то одна, последняя капля, от которой он вдруг переполняется, и влага переливается через край*, так и здесь в ряде добрых поступков какой-то один вдруг переполняет сердце (Рэй Брэдбери. 451 по Фаренгейту (Т. Шинкарь, 1956)) [НКРЯ].

Таким образом, противоположные друг другу образы израсходования и избытка лежат в основе квазисинонимичных устойчивых словосочетаний. При этом от идиом, основанных на метафоре избытка, путем расширения компонентного состава и материализации метафоры, образуются новые идиомы, сохраняющие с прежними идиомами связь (*последняя капля* [, *которая переполнила чашу*]).

Список сокращений

НКРЯ — Национальный корпус русского языка // http://ruscorpora.ru/.

РМС — Речник српскохрватскога књижевног језика. Књига шеста. С (стотина) — Ш. Нови Сад: Матица Српска, 1990 (= Речник Матице Српске).

СОВ — Аристова Т. С., Ковшова М. Л., Рысева Е. А., Телия В. Н., Черкасова И. Н. Словарь образных выражений русского языка. Под ред. В. Н. Телия. М.: Отечество, 1992.

Фронтал.Срб. — ПОСЛЕДЊА КАП: У ФРАНЦУСКОЈ БЛОКИРАЈУ РАФИНЕРИЈЕ. Понедељак, јун 11, 2018 / 12:18 // Фронтал.Срб. Једини ћирилични портал западно од Дрине // https://www.frontal.rs/poslednja-kap-u-francuskoj-blokiraju-rafinerije/.

BNC — British National Corpus // https://www.english-corpora.org/bnc/.

Cambridge Dictionary // https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/last-straw?q=final+straw.

COCA — Corpus of Contemporary American English: https://www.english-corpora.org/coca.

KSSJ — MF — Korpus savremenog srpskog jezika na Matematičkom fakultetu Univerziteta u Beogradu // http://www.korpus.matf.bg.ac.rs/prezentacija/korpus.html.

Riznica — Hrvatska jezična riznica. Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje // http://riznica.ihjj.hr.

Е. Р. Иоанесян (Институт языкознания РАН)
E. R. Ioanesyan (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Симптоматическая лексика: классы и функции[1]
Symptomatic lexis: classes and functions

Аннотация

Статья посвящена функционированию симптоматической лексики в языке. Рассматриваются основные классы симптоматических единиц и особенности их функционирования в качестве маркеров интенсивности эмоций. Исследование опирается на большой корпус толковых и двуязычных словарей.

The present article is devoted to the functioning of the symptomatic expressions. The main classes of lexical units that can act as indicators of strong emotions are briefly presented. The study is based on a large corpus of explanatory and bilingual dictionaries.

Ключевые слова

Лексическая семантика, предикаты эмоционального состояния; симптоматическая лексика; лексические функции; идиоматичность

Lexical semantics, predicates of emotional state; symptomatic vocabulary; lexical functions, idiomaticity

I. Введение. Данная публикация посвящена функционированию симптоматической лексики в языке. В статье кратко представлены основные классы указанных единиц и проанализировано использование симптоматической лексики в функции маркеров интенсивности эмоций — в роли Magn'ов. Аббревиатура Magn является названием лексической функции в модели «Смысл ↔Текст» [Мельчук 1974]. Magn в этой модели используется для обозначения 'высокой степени', 'интенсивности (≈ 'очень') самой ситуации или ее актантов.

II. Классы симптоматической лексики.

Симптоматическая лексика — это средства, «передающие вовне информацию о внутреннем состоянии человека» [Аркадьев, Крейдлин 2011: 48]. Симптоматическая лексика описывает реакцию человека на эмоцию или состояние человека, находящегося во власти такой эмоции. Единицы, обозначающие внешнее проявление эмоции, представлены тремя классами:

1. Выражения, описывающие «неконтролируемые физиологические реакции тела на причину, вызывающую эмоцию, или на саму эмоцию» [Апресян 1995: 369]. Например, *дрожать от страха*, *сморщиться от отвращения* и т.п.

[1] Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 18-012-00736а) в Институте языкознания РАН.

2. Симптоматические жесты. Например: з*акрыть лицо руками от стыда*, *прикрыть рот рукой от изумления* и т.п. (см. [Крейдлин 2002]).

3. Контролируемые двигательные и речевые реакции субъекта на фактор, вызывающий эмоцию, или на его интеллектуальную оценку. Например, *убегать*, *прятаться от страха*, *плясать от радости, петь от счастья* и т.п. [Апресян 1995: 369].

По параметру идиоматичности симптоматические выражения разбиваются еще на два класса:

1. Первый класс представлен симптоматическими выражениями, которые описывают «физиологическую, непосредственно наблюдаемую реакцию человека» на какую-л. эмоцию [Апресян 1995: 459], например, *побледнеть*, *застыть*, *онеметь от страха*.

2. Ко второму классу относятся метафорические выражения, отражающие концептуализацию» эмоции в языке [там же], например, для удивления — *вылупить глаза*, *глаза на лоб полезли* [Ковшова, Хоанг Тхи Фыонг Ха 2013: 34]. См. также описание жестовых идиом **КАЧАТЬ ГОЛОВОЙ, ПОНИКНУТЬ ГОЛОВОЙ, ПОВЕСИТЬ ГОЛОВУ, ПОНУРИТЬ ГОЛОВУ** [Козеренко 2011: 329—332].

III. Функции симптоматической лексики.

Одна из основных функций симптоматической лексики заключается в маркировании интенсивности эмоций, в функции Magn. Именно этот аспект является основной темой нашего исследования.

Мы выделили три класса использования симптоматической лексики в функции Magn: А. Симптоматическая лексика маркирует интенсивность эмоции через отсылку к субъекту эмоции — $Magn_1$. Б. Симптоматическая лексика выступает в роли субъектного Magn'а (см. [Кустова 2011]). В. Симптоматическая лексика используется в функции обычного Magn'а.

А. Симптоматическая лексика в функции $Magn_1$

Симптоматическая лексика в функции $Magn_1$ маркирует интенсивность эмоции через отсылку к субъекту эмоции.

А.I. Мы выделяем два класса симптоматических единиц в функции $Magn_1$:

1. Выражения, связывающие эмоцию и состояние человека, находящегося во власти этой эмоции, например, *сходить с ума от страха*, *не помнить себя от радости*, *вне себя от злости* и т.п.

2. Выражения, связывающие эмоцию и реакцию человека на эту эмоцию, например, *побледнеть от страха*, *онеметь от ужаса*, *покраснеть от стыда, раскрыть рот от удивления* и т.п.

А.I.1. Выражения, связывающие эмоцию и состояние человека, находящегося во власти этой эмоции. Типы состояний человека, находящегося под властью сильной эмоции.

Нами было выделено три типа указанных состояний:

1. Физиологическое состояние человека, находящегося во власти сильной эмоции. Например: (1) *дрожать от страха*, *тошнить от отвращения*, *задыхаться от гнева*; (2) франц. *muet* — ‘немой’: *être*, *rester muet d’admiration*, *d’étonnement*, *d’indignation*, *de peur* — ‘букв. ‘быть, оставаться немым от восторга, удивления, негодования, страха’, т.е. находиться под влиянием этих эмоций в физиологическом состоянии, проявляющемся в отсутствии способности говорить. Аналогично используется португальский и итальянский когнаты *mudo* (см. [MMD; VT]); (3) англ. *speechless* — ‘онемевший, в состоянии немоты’, «Unable to speak, especially as the temporary result of shock or some strong emotion. ‘*he was speechless with rage*’» [OD]; (4) нем. *stumm* — ‘немой’: «*er war stumm vor Schreck* (konnte vor Schreck nichts sagen)» [Duden], ‘он был не в состоянии говорить от страха (ничего не мог сказать от страха’) и т.д.

2. Состояние человека, поступки и действия которого как бы выходят из-под контроля его сознания; человек утрачивает способность адекватно воспринимать действительность и адекватно реагировать на нее.

Приведем несколько примеров симптоматических выражений этого типа[2]:

(1) Прилагательное *fou* (франц.) — ‘сумасшедший; безумный’: *fou de haine*, *de rage*, *de peur*, *de crainte*, *d’horreur*, *d’inquiétude*, *d’épouvante*, *de culpabilité*, *de désespoir*, *de joie* [DCP; DDC; PR] — букв. ‘сумасшедший от ненависти, ярости, страха, ужаса, беспокойства, чувства вины, отчаяния, радости’. В отличие от обычных Magn’ов, использование прилагательного *fou* свидетельствует о намерении говорящего указать не просто на большую силу эмоции, а на то, что эмоциональное состояние человека достигает предельной степени интенсивности, и его действия как бы выходят из-под контроля сознания. (2) Прилагательное *mad* (англ.) — ‘сумасшедший’, в сочетании с предлогом *with* и именем эмоции маркирует эмоциональное состояние человека, утратившего контроль над собой: «completely unrestrained by reason and judgment: unable to think in a clear or sensible way: mad with jealousy» [MWD]. (3) Прилагательное *loco* (исп.) — ‘сумасшедший’: «adj. Que ha perdido la razón» [DRAE]; ««Seguido de la preposición de y sustantivos que expresan sentimientos, estados de ánimo o sensaciones, se dice de quien los experimenta con gran intensidad — *loco de rabia*, *loco de alegría*» [ELP], ≈ ‘в конструкции с предлогом *de* и словом, обозначающим эмоцию, прилагательное используется для указания на пребывание субъекта в сильном эмоциональном состоянии — (букв.) ‘сумасшедший от ярости, сумасшедший от радости’. (4) *Pazzo* (ит.) — ‘сумасшедший’: «Che è fuori di sé, tanto da sembrare pazzo: *è diventato p. per la rabbia; era p. di dolore, di gioia*» [GDH], ‘вне себя, настолько, что кажется сумасшедшим: букв. он сошел

[2] См. также примеры симптоматических выражений указанного класса в [Дронов 2019].

с ума от ярости; с ума сходил от боли, от радости; вне себя от ревности’ . (5) Глагол *délirer* (франц.) — ‘бредить’, находиться в состоянии, характеризующемся потерей связи с действительностью, симптомом которого является бессмысленный набор слов. Конструкция *délirer de S* используется для указания на высокую интенсивность эмоционального состояния, сопровождающегося также внешними проявлениями: «Manifester une excitation extrême provoquée par l’exaltation d’un sentiment. *Délirer d’admiration, de bonheur, de fureur* <…> *délirant d’orgueil*» [TR] ≈ ‘проявлять (внешне) чрезмерное возбуждение, вызванное очень сильным чувством; букв. быть в бреду от восторга, счастья, ярости <…> гордости’. (6) По-видимому, английский глагол *to rave* — ‘бредить’, «to talk irrationally in or as if in delirium» [MWD], тоже может использоваться как Magn. См. в [НБАРС]: «*to be raving with anger* [*with fury*] — быть вне себя от гнева [от ярости]». (7) Глагол *pâmer* (*se*) (франц.) — ‘лишаться чувств, терять сознание’. Используясь в конструкции с предлогом *de* и названием эмоции, глагол маркирует нахождение субъекта в сильном эмоциональном состоянии, которое сопровождается ощущением, что человек близок к обмороку, потере сознания: «Éprouver, sous le choc d’une sensation ou d’une émotion, une frayeur ou un ravissement si intenses qu’ils portent au bord de la paralysie ou de l’évanouissement. *Pâmer d’épouvante*, *de frayeur*; *pâmer d’amour*, *de bonheur*, *de plaisir, de volupté* [TR], ≈ ‘испытывать под действием чувства или эмоции, такой сильный страх или такое сильное восхищение, что человек оказывается на грани паралича или потери сознания (обморока); букв. ‘лишаться чувств от ужаса, от страха, от любви, от счастья, от удовольствия, от наслаждения’. Глагол *pâmer* используется и в ослабленном значении, обозначая лишь высокую степень проявления эмоции (см. также ниже о рус. *умирать*): «Manifester avec plus ou moins d’affectation une émotion vive. *Se pâmer d’admiration*» [TR], ‘проявлять, с большей или меньшей степени аффектации, сильную эмоцию. Млеть от восторга’. (8) Прилагательное *ivre* (франц.) — ‘пьяный’. В состоянии опьянения различают две стадии. Первая стадия — легкое опьянение, в состоянии которого человек чувствует себя легко и раскованно. В основе значения русских слов *упоение*, *упоенный* и французских существительных *ivresse*, *enivrement*, *enivrant*, *enivré*, производных от *ivre*, лежит компонент прототипической ситуации опьянения ‘радостное, восторженное состояние’. Вторая стадия характеризуется утратой самоконтроля, способности критически оценивать ситуацию. И у французских единиц *ivre* и *enivré* отмечается второй класс употреблений, в основе которого лежит уже другой компонент фрейма ‘опьянение’, а именно: ‘спутанность сознания, потеря самоконтроля’. В выражениях *ivre* / *enivré de S*, где S — название эмоционального состояния, они выступают в функции $Magn_2$, маркируя такую степень интенсивности эмоции, при которой поведение человека выходит из под контроля его сознания: «[Sous l’effet d’une passion, d’un sentiment violent] Qui est troublé. *Ivre d’amertume* <…> *de colère, de désespoir, de douleur, d’espoir, d’horreur, de joie, d’orgueil, de plaisir,*

de rage, de vengeance», ‘Под действием сильной эмоции. Сильно взволнованный; букв. пьяный от горечи, гнева, отчаяния, боли, надежды, ужаса, радости, гордости, удовольствия, ярост и, мести’. Аналогичное значение отмечается у когнатов французского *ivre* — прилагательных *ebrio* (исп., порт.) [DRAE; INF], *ebbro* и *ubriaco* (ит.) [VT], и у англ. *drunk*: «dominated by an intense feeling: *drunk with rage*» [MWD]. (9) Прилагательное *blind* (англ.) — ‘слепой’, используется и как маркер такой силы эмоции, которая приводит к потере человеком контроля над собой: «*He was blind with fury* (= so angry that he could not behave reasonably)» [CAL]. Аналогичная полисемия отмечается у его немецкого когната *blind*: 1) слепой; 2) ослепленный каким-л. чувством: «*vor Wut Dat blind sein* — être aveuglé(e) par la colère» [https://de.pons.com], ‘ослепленный гневом’. Прилагательное *aveugle* (франц.) — ‘слепой’, обозначает также состояние человека, утратившего под действием сильной эмоции ясность суждений, мышления: «Il se dit figurément d’une Personne à qui la passion trouble le jugement <…> *L’ambition, la colère le rend aveugle*» [AD 1935], ‘В переносном смысле говорится о человеке, которого страсть, гнев лишают способности здраво рассуждать <…> Честолюбие, гнев делают его слепым’. См. также исп. *ciego* и ит. *cieco* — ‘слепой’ в значении Magn: «*Ciego* Poseído o dominado por un sentimiento o por una inclinación fuertes: *ciego de ira*» [DCD], ‘одержимый или находящийся под сильным действием какого-либо чувства или влечения: букв. слепой от гнева’; «*Cieco*: che ha la mente annebbiata, turbata: *c. dalla passione*, *dalla gelosia*, *c. d’ira*, *di rabbia*» [VT], ‘тот, у кого разум затуманен, в смятении; слепой от страсти, от ревности, от гнева, от ярости’.

3. Состояние человека, подобное состоянию человека, испытывающего неприятные физиологические ощущения, слабость и т.п.

3.1. Прилагательные *malade* (франц.), *malato* (ит.), *ill* и *sick* (англ.), *krank* (нем.) — ‘больной’, выступают в функции Magn при словах, обозначающих негативные эмоциональные или ментальные состояния. В основе этого значения у названных единиц лежит компонент фрейма ‘болеть’ — ‘испытывать неприятные физиологические ощущения’. (1) *Malade* (франц.): *malade d’anxiété, de chagrin, de colère, de dégoût, de fureur, de haine, d’humiliation, d’impatience, d’incertitude, d’inquiétude, de jalousie, de peur, de tristesse* [DDC; LFV; PR; TR], букв. ‘больной от беспокойства, от печали, от гнева, от отвращения, от ярости, от ненависти, от чувства унижения, от нетерпения, от чувства неуверенности, от беспокойства, от зависти, от страха, от грусти’. Выход из неприятного эмоционального состояния может обозначаться глаголом *guérir* ‘выздоравливать’: *malade d’anxiété*, *de peur* — ‘больной от беспокойства, от страха’ и *guerir de l’anxiété*, *de peur* — ‘выздороветь от беспокойства, от страха’. (2) *Malato* (ит.): «Che è dominato da un forte sentimento: *m. di gelosia*» [GDH], ‘тот, кто находится во власти сильной эмоции: больной от ревности’; «in preda a una passione incontrollata: un marito m. di gelosia» [SCD], ‘во власти неконтролируемой эмоции: муж, больной от ревности’. (3) Использование прилагательного *ill* в

функции Magn при словах, обозначающих эмоции, к сожалению, в английских толковых словарях это значение не отмечается, но в словаре [НБАРС] приведен пример *she is ill with anxiety* — её мучает тревога. Встречаются подобные примеры и в художественной литературе, например: <…> *a crazed kind of mechanical madness that made Harold feel ill with terror* (Stephen King. The Lawnmower Man (1975)). <…> какое-то механическое сумасшествие, переполнявшее Гарольда ужасом, у него просто голова пошла кругом [НКРЯ]. (4) Прилагательное *krank* — ‘больной’, в конструкции *krank vor S* может использоваться в значении $Magn_2$. Например: *krank vor Eifersucht / Aufregung* — malade de jalousie/à cause de l’énervement [PONS], букв. ‘больной от ревности, от волнения’. Немецкое прилагательное образует сложные прономинальные глаголы, передающие смысл Magn: «в конструкциях с глаголом и с *sich* (*sich krankarbeiten*, *sich kranklachen*, *sich krankschreien* etc.) подчёркивает предельную исчерпанность действия: до изнеможения, до ужаса, до одури, до слёз, крайне, предельно» [НРСЛ]. Например: *sich krankärgern* — ‘ужасно рассердиться’ (ärgern — ‘сердить, раздражать’), ≈ ‘рассердиться до состояния болезни’; «sich sehr ärgern. Beispiel: *über dieses voreilige Versprechen habe ich mich später krankgeärgert*» [Duden], ‘очень сильно рассердиться; позже я страшно рассердился на эти опрометчивые обещания’.

3.2. Глаголы умирать, *mourir*, *crever* (фрац.) — ‘умирать’, *périr* (франц.) — ‘погибать’, в сочетании с предлогом и названием эмоции обозначают нахождение субъекта в очень тяжелом, мучительном состоянии. (1) умирать: «Лишаться сил, изнемогать под воздействием каких-либо сильных ощущений, чувств, страстей и т.п.» [Ефр]. (2) *Mourir*: «MOURIR DE: être très affecté par; souffrir de» [PR], ‘MOURIR DE: страдать от’; *mourir de peur*, *de chagrin, d’effroi, de dépit*, *de honte*, *de rage*, *d’anxiété*, *de trouille*, *d’amertume*, *de tristesse* [TR; DCP] — ‘*умирать от страха*, **от печали*, *от ужаса*, **от досады*, *от стыда*, **от ярости*, **от горечи*, **от грусти*’ и т.п. С течением времени границы исходной сочетаемости французских глаголов размываются, и в выражениях типа *mourir de joie, de plaisir* они выступают просто показателями высокой степени. В некоторых случаях и русский глагол *умирать* является лишь показателем сильной эмоции, не отягощенной никакими страданиями. Так, *умирать от скуки* значит просто ‘очень сильно скучать’. (3) Глаголы *morire* (ит.), *morrer* (порт.) — ‘умирать’ тоже используются в качестве маркера нахождения под властью сильной эмоции. *Morire*: «Morire di, dalla *felicità*, di, dalla gioia, di, dalla soddisfazione, provare tale sentimento in misura straordinaria» [GDH], ‘умирать от счастья, радости, удовольствия, испытывать такие чувства в очень сильной степени; *morire di piacere*, *di felicità*; *<…> di rabbia*, *d’invidia*» [VT], ‘умирать от удовольствия, от счастья <…> от ярости, от зависти’. *Morrer*: «Sentir algo com grande intensidade (ex.: *morrer de fome*; *morrer de saudades*)» [PRB], ≈ ‘испытывать сильное ощущение (умирать от голода, от тоски)’. (4) *sterben* (нем.) — ‘умирать’: *«sterben* <in übertragener Bedeutung>: vor Angst, Scham, Langeweile, Neugier» [Duden], ‘перен. *умирать от страха*, *стыда*, *скуки*, *любопытства*’.

(5) *to die* (*англ.*): «to be overwhelmed by emotion: *die of embarrassment*» [MWD].

3.3. Прилагательные *mort* (франц.), *morto* (ит.), *muerto* (исп.), *dead* (англ.) — ‘мертвый’, *demi-mort*, *half-dead*, *halbtot* (нем.) — ‘полумертвый’, рус. *мертвый*, *полумертвый* и др. маркируют потерю под действием сильной эмоции свойств, присущих живому человеку. *Mort*: «Qui est privé pour des raisons intérieures ou extérieures (la fatigue, la maladie, la peur, etc.) d’une partie importante de ses moyens» [TR], ‘тот, кто лишен по внешним или внутренним причинам (усталость, болезнь, страх) значительной части своих возможностей’. *Dead*: «bereft of sensation; numb: *He was half dead with fright*. *My leg feels dead*» [ID]. Ср. определение рус. *омертветь*: «Стать неподвижным, безжизненным, бесчувственным» [Ефр]. Аналогично употребляются немецкие *tot* — ‘мертвый’ и *halb tot* — ‘полумертвый’, с предлогом *vor*: «*halb tot vor Angst* [*Furcht*, *Schrecken*] *sein* — быть еле живым от страха» [НРСЛ]. Как и прилагательное *krank*, *tot* образует сложные прономинальные глаголы со значением Magn. Например: *sich totärgern* — ‘очень страшно, ужасно сердиться’, *sich ärgern* — ‘злиться, сердиться’; «sich grenzenlos ärgern; Beispiel: *er hat sich über die dauernden Vorwürfe totgeärgert*» [DWDS], ‘крайне рассердиться; он страшно рассердился на постоянные упреки’.

А.I.2. Выражения, связывающие эмоцию и реакцию человека на эту эмоцию. **Типы реакций человека на сильную эмоцию.**

Симптоматические выражения рассматриваемого типа — это единицы, «описывающие физиологическую, непосредственно наблюдаемую реакцию человека» [Апресян 1995: 459] на ту или иную эмоцию, или метафорические выражения, отражающие концептуализацию этой эмоции в языке. Например: *покраснеть от стыда*, *оцепенеть от страха*, *поморщиться от отвращения* и т.п. Реакция человека на сильную эмоцию может проявляться в изменении параметров звучания: «под влиянием эмоционального воздействия голос в разговоре дрожит, часто становится громче обычного, доходит до крика и, как говорят по-русски, *срывается* или *рвется*» [Крейдлин 2002: 30]. Временная потеря дара речи также является симптомом сильной эмоции. Во французском языке, например, это маркируется выражением *perdre la parole* / *perdre le don de la parole* — ‘потерять дар речи’, в английском — выражением *to lose the power of speech* и т.д.[3] Противоположной реакцией на сильную эмоцию могут стать: 1) громкие крики, вопли, например, франц. *hurler* — ‘выть; вопить’ (*hurler de désespoir*, *de douleur*, *de terreur*, *d’épouvante*, *de joie* — ‘выть от отчаяния, от боли, от страха, от ужаса, вопить от радости’); 2) действия, которые могут сопровождаться звуками, например франц. *pleurer* — ‘плакать’ (*pleurer de dépit*, *d’admiration*, *de rage* — ‘плакать от досады, от восхищения, от ярости’).

---

[3] Некоторые физиологические реакции сопровождаются соответствующим состоянием субъекта (см. выше п. А.1.1.). Ср.: *покраснеть от стыда — красный от стыда*, *вздрогнуть от страха — дрожать от страха*, англ. *to lose the power of speech — speechless* и.т.п.

Реакция на сильную эмоцию может проявиться в жестикуляции — **прикрыть рот рукой (от изумления)**, **отпрянуть** (потрясение) и т.д.[4] Например, *Закрыть лицо руками*: «В ходе общения жестикулирующий X испытывает сильную эмоцию, которая вызвана тем, что он отрицательно оценивает свое состояние или ситуацию, в которую он попал. X не может справиться с собой, и эта эмоция проявляется на его лице, и возможно, в поведении. X не хочет, чтобы адресат видел проявление испытываемой им эмоции на его лице <…> Типично употребление данного жеста, когда жестикулирующий плачет, когда испытывает горе, смущение или стыд» [Крейдлин 2002: 326—327].

А.I.3. Симптоматическая лексика со встроенной эмоцией

У некоторых симптоматических единиц есть еще один круг употреблений в функции показателя силы эмоции, в которых эмоция уже встроена в их значение. См., например, франц. *fou* со встроенной эмоцией ‘сильное влечение к чему-л., кому-л.’: «FOU DE (qqn, qqch.): qui a un goût extrême pour → amoureux, engoué, entiché, passionné. *Elle est folle de lui. Être fou de musique, de peinture*» [PR: 735], ≈ ‘FOU DE (qqn, qqch.): тот, кто испытывает сильное пристрастие к кому-л., чему-л. Она без ума от него. Она безумно любит музыку, живопись’. См. также рус. *сходить с ума*: «Страстно мечтать, проявляя безрассудство. Имеется в виду, что лицо (X), испытывая чрезмерное влечение к другому лицу (Y), к какому-л. предмету, вещи (Z), ведёт себя излишне эмоционально, до нелепости восторженно» [БФСРЯ: 686]. Глагол *s’affoler* (от *fou*) — ‘терять голову под влиянием сильных эмоций’, со временем стал использоваться только для обозначения состояния, вызванного страхом «À l’époque actuelle le sentiment qui commande l’acte d’affoler est le plus souvent la peur» [TR], ≈ ‘в настоящее время эмоцией, вызывающей действие *affoler*, чаще всего является страх’. У глагола *pâmer* (*se*) тоже отмечается употребление со встроенной эмоцией — эмоцией восторга (admiration): «*Se pâmer à*, *devant qqn*, *qqc*. <…> Être affecté de, affecter la plus grande admiration pour quelqu’un, pour quelque chose» [там же], ‘*Se pâmer à*, *devant qqn*, *qqc*. означает испытывать или делать вид, что испытываешь необыкновенно сильное восхищение кем-то или чем-то’.

Б. Симптоматическая лексика в функции субъектного Magn’a

Симптоматические единицы лежат в основе образования так называемых субъектных Magn’ов [Кустова 2011]. Отличительная черта сочетаний с субъектными Magn’ами состоит в том, что хотя формально показатель интенсивности относится к слову, обозначающему эмоцию, в действительности характеристика дается субъекту эмоционального состояния: «*безудержный* (*хохот*), *бездушный* (*эгоизм* — у субъекта нет души, а не у эгоизма, ср. *бездушный эгоист*)» [Там же: 261]. См. также *безрассудная отвага*; *безрассудная*

[4] Следуя традиции Г. Е. Крейдлина, мы обозначаем жесты жирным шрифтом. См. о различии неконтролируемых физиологических реакций на эмоцию и симптоматических жестов в [Крейдлин 2002: 114].

смелость; *безрассудная удаль*; *безрассудная храбрость*; *безрассудный страх* [КСРИД]. Прилагательное *fou* — ‘сумасшедший, безумный’, является примером симптоматической единицы, развившей значение субъектного Magn’a, причем и в этой функции оно тоже маркирует самую высокую степень интенсивности, например, *une rage folle* — ‘безумная ярость’, *une folle colère* — ‘дикий, безумный гнев’, *folle terreur* — ‘безумный страх’, такая сильная ярость, такой сильный гнев и такой сильный страх, что их невозможно обуздать, с ними нельзя справиться, «Qui ne peut être contenu, maîtrisé» [TR]. Испанское прилагательное *loco* — ‘сумасшедший’, тоже используется как субъектный Magn: (1) <…> *un poeta antioqueño que tenía* <u>*un amor loco*</u> *por la carpa* (Gabriel García Márquez. Vivir para contarla (2002)). <…> поэт Антиокии, который пылал <u>сумасшедшей любовью</u> к цирковым шатрам [НКРЯ]; (2) <…> *he tenido la debilidad de abandonarme a* <u>*una ira loca*</u>*, poniéndome al bajo nivel de mis detractores* (Benito Pérez Galdós. Doña Perfecta (1876)). <…> я проявил слабость, впав в <u>безумный гнев</u>, опустившись до уровня своих обидчиков [НКРЯ]. Аналогичную функцию имеет и итальянское *pazzo* — ‘сумасшедший, безумный’, например: «*darsi alla pazza gioia* — предаваться безумной радости» [СМИ: 584], «*darsi alla p. gioia*, abbandonarsi a un godimento sfrenato» [VT], ‘предаваться безудержной радости’.

Французское отглагольное прилагательное *délirant* (от глагола *délirer* — ‘бредить’), как и прилагательное *fou*, развило значение субъектного Magn’a, например, *une fureur*, *une joie délirante* — ‘безумный гнев, безудержная радость’. Еще один пример субъектных Magn’ов представлен русским прилагательным *слепой*. Оно маркирует потерю контроля человека над своими чувствами и поведением — выход из-под контроля его сознания, «следящего устройства, способного со стороны наблюдать за поведением человека» [Апресян 1995: 360]. А «исходная характеристика субъекта метонимически «перемещается» к абстрактному существительному в качестве Magn’a» [Кустова 2011: 262].

Французское прилагательное *aveugle* — ‘слепой’, «Il se dit aussi des Passions mêmes qui troublent le jugement, qui privent de lumières, de raison. *Désir aveugle. Ambition aveugle. Amour aveugle. Fureur aveugle*» [AD 1935], ‘говорится также о сильных чувствах, которые вызывают помутнение сознания, лишают способности здраво мыслить’; «*une fureur, une colère, une confiance une haine, une frayeur*, *une peur*, *une rage aveugle*» [DCP], ‘слепые ярость, доверие, ненависть, страх, испуг, бешенство’. Английское прилагательное *blind*: 1) слепой; 2) «used to describe an extreme feeling that happens without thought or reason: *blind anger*/*faith*/*prejudice* » [CAL]. Немецкое прилагательное *blind*: 1) слепой; 2) «maßlos; Beispiele: *blinder Hass* (ненависть)*, Zorn*, *blinde Wut*, *Gier*, *Leidenschaft*; *ein blinder Trieb*; *er war von blinder Entschlossenheit erfüllt*; *in blinder* (= *kopfloser*) *Angst davonlaufen*» [DWDS], ‘чрезмерный, необузданный; Примеры: слепая ненависть, гнев, ярость, жадность, страсть, влечение; букв. он был преисполнен слепой решимостью; убегать в слепом страхе’. См. также

испанское *ciego* и итальянское *cieco*. *Ciego*: Entregarse a la ira ciega es señal de que se está cerca de la animalidad (Camilo José Cela. La Colmena (1951)). Способность предаваться слепой ярости — признак того, что человек недалеко ушел от животного [НКРЯ]. *Cieco*: «che rende ciechi, quindi in-capaci di controllo: *un odio c*.; passione c.» [SCT], ‘то, что делает слепыми, следовательно, неспособными контролировать что-л.: слепая ненависть, слепая страсть’.

Английское прилагательное *speechless*, как представляется, тоже способно выступать в роли субъектного Magn’a: «*speechless delight* — невыразимый восторг; *speechless joy* — несказанная радость» [НБАРС], «not capable of being expressed in words» [MWD], «*speechless terror*» [AHD]. И в данном случае, хотя формально *speechless* относится к слову, обозначающему эмоцию, в действительности характеристика дается субъекту эмоционального состояния — ‘такая сильная эмоция, что лишает субъекта дара речи’[5]. Приведем один пример из художественной литературы: *Всякую минуту выглядывала она из окна и видела, к несказанной досаде, что все еще остается полдороги* (Н. В. Гоголь. Мертвые души (1835—1852)). Every moment she kept looking out of the carriage window, and perceiving, with almost speechless vexation, that, as yet, she was but half-way on her journey.

В. Симптоматическая лексика в функции «обычного» Magn’a

1. Симптоматическая лексика может использоваться в качестве «обычных» Magn’ов (Magn — ‘большой’): (1) Последней стадией семантического развития французского прилагательного *fou* является зафиксированное в начале 19 в. значение «чистого» Magn, т.е. значение ‘очень’ / ‘большой’. «(déb. XIXe) (après le subst.) → énorme, excessif, extraordinaire, immense, prodigieux. *Il y avait un monde fou à cette réception*» [PR: 735], ‘огромный, чрезмерный, необычайный, громадный, колоссальный. На этом приеме было очень много народа’. (2) Значение $Magn_1$ — ‘очень’ / ‘большой’, отмечается у отглагольного прилагательного *délirant*: *le prix délirant* (Giraudoux, Siegfried et le Limousin); *le prix délirant* — ‘безумная цена’. (3) Итальянское прилагательное *pazzo* — ‘сумасшедший’, в позиции после существительного выступает в функции «обычного» Magn’a (‘большой, сильный’): «In funzione rafforzativa, posposto al s.» [GDH], ‘в постпозиции к существительному в функции усилителя’; «*spese pazze* — безумные расходы» [СМИ: 584], «*correre a una velocit*à *p*.» [VT], ‘мчаться на безумной скорости’. (4) Испанское *loco* выступает в функции $Magn_1$: «Muy grande o que excede a lo normal: *Tengo unas ganas locas de viajar*» [DCD], ‘Очень большой или такой, который больше нормы: Я очень хочу путешествовать’, букв. ‘Я имею безумное желание путешествовать’. (5) Английское *mad* — ‘сумасшедший’, используется в лексической функции $Magn_1$: «US. great in quantity, amount, extent, or degree: *making mad money*. *Her performance won her mad respect from fans and peers*

[5] Отметим, что у *speechless* есть и другое значение ‘немой, невысказанный, молчаливый’: «unexpressed» [CED], например: *speechless entreaty* – немая /безмолвная/ мольба [НБАРС].

alike, but the media response was tempered at best» [MWD]. (6) Еще один пример развития значения $Magn_1$ представлен английским прилагательным и наречием *raving*[6]: «Adj. extraordinary or remarkable: *a raving beauty*» [ID], «complete or extreme, or completely or extremely: *He must be a raving idiot/lunatic*. *Her last book was a raving best-seller/success*. *She's no raving beauty* [CAL]. (7) Русские прилагательные *сумасшедший* и *безумный* тоже развили значение $Magn_1$: *сумасшедшие/безумные цены*, *деньги, прибыли* и т.п.

2. Во французском языке функция $Magn_1$ реализуется также в конструкциях вида *S à* V_{inf}, где S — название эмоции или какого-л. свойства, а V_{inf} — симптоматический глагол в инфинитиве (см., например, [Tutin 2012]). В итальянском языке используется аналогичная конструкция *S da* V_{inf}, Например: (1) Глаголы *mourir* —'умирать' и *périr* — 'погибать': (а) *s'ennuyer à mourir* — 'смертельно скучать', 'так скучать, что можно умереть'; *s'ennuyer* — 'скучать'; ср. *mourir d'ennui* — 'умирать от скуки'; (б) *ennuyeux à périr* — 'смертельно скучный', 'такой скучный, что можно умереть'; *ennuyeux* — 'скучный'; ср. *périr d'ennui* —'умирать со скуки'; (в) *heureux à mourir* — 'очень счастливый', ≈ 'счастливый до смерти', 'такой счастливый, что можно умереть'; *heureux* — 'счастливый'; (д) *triste à périr* — 'очень грустный', ≈ 'грустный до смерти'; *triste* — 'грустный'. (2) Итальянский глагол *morire* — 'умирать': *una paura da morire* — 'смертельный страх', 'такой страх, что можно умереть': «Locuz. prep.: fam., *da morire* [in maniera estrema: *mi piace da m.*]» [SCT], ≈ 'предложная конструкция *da morire* [очень сильно: *mi piace da m.* — 'мне очень нравится']'. Ср. *morire di paura* — 'умирать от страха' и рус. Magn *до смерти* [КСРИД]. (3) Французский глагол *pleurer* — 'плакать': (а) *triste à* (*faire*) *pleurer* [PR: 1325] — 'очень грустный', ≈ 'грустный до слез'; *attendrissant à pleurer* — 'очень трогательный', ≈ 'трогательный до слез'; *attendrissant* — 'трогательный'; ср. *pleurer d'attendrissement* — 'плакать от умиления'. (4) Французский глагол *hurler* — 'выть, вопить': *douloureux à hurler* — 'очень мучительный', ≈ 'такой мучительный, что хочется выть', *douloureux* — 'мучительный'; ср. *hurler de douleur* — 'вопить от боли'. (5) Глагол *pâmer* (*se*) — 'млеть от восхищения' (глагол со встроенной эмоцией восхищения): «*Qqc. à faire pâmer qqn.*» — 'восхитительный', «Quelque chose à transporter quelqu'un de ravissement» [TR], 'То, что заставляет кого-то прийти в восхищение'. Ср. рус. Magnы *до бесчувствия*, *до потери сознания* и т.п. [КСРИД].

3. В русском языке симптоматическая лексика выступает в функции $Magn_1$ в конструкциях с союзом *хоть*, например: *такая тоска, хоть вой / хоть плачь / хоть помирай, обидно, хоть плачь* и т.д. Ср. *выть*, *плакать*, *умирать от тоски*, *плакать от обиды* и т.п. Приведем несколько примеров из литературы: (а) *Угощал шашлыком в одной трущобе, где для него специально его*

---

[6] *To rave* — 'бредить'; *raving* — 'бредящий, находящийся в бреду', «raving: late 15c.; see RAVE (Cf. rave); sense of "remarkable" is from 1841» [OED].

хорошо сделали. А так тоска — хоть плачь (Лидия Вертинская. Синяя птица любви (2004); НКРЯ). (б) *Тоска порой была такая, что хоть волком вой* (Лебедина Любовь. НЕ ВЕРЬТЕ СОЧИНИТЕЛЯМ ‘МЫЛЬНЫХ СЕРИАЛОВ’ О ГУНДАРЕВОЙ // Труд-7, 2002.09.26); НКРЯ). (в) *И вот — ночь: магазины закрыты, а кто-то, допустим, поругался с женой, кто-то затосковал так, что хоть криком кричи…* (Василий Шукшин. Ночью в бойлерной (1974); НКРЯ). (г) *Было обидно, хоть плачь* (Петров Александр соб. корр. “Труда”. АРБИТР ЖЕНСКОГО РОДА // Труд-7, 2005.06.09); НКРЯ). (д) *I felt so lonesome I most wished I was dead* (Mark Twain. The Adventures of Huckleberry Finn (1884). Такая напала тоска, хоть помирай (НКРЯ). Заметим, что в указанной конструкции используется не только симптоматическая лексика, но и лексика, описывающая поступки человека, охваченного каким-либо сильным чувством. Например: (а) *Иной раз после разговора с ним такая тоска нападала — хоть вешайся* (И. Грекова. Без улыбок (1975); НКРЯ). Ср. *повеситься от тоски*: *Если кролика сделать умным, он повесится от тоски* (Л. Н. Андреев. Дневник сатаны (1919); НКРЯ). (б) *И тут этот вой их раздается — просто хоть беги… А подойдут поближе — трясти начинает* (Дмитрий Глуховский. Метро 2033 (2005); НКРЯ); чувство страха, которое описывается в этом отрывке, является настолько сильным, что порождает желание убежать. Ср. *убегать от страха*.

4. Еще одна конструкция, передающая смысл $Magn_1$ — конструкция с наречием *впору*. Например:

(а) *И мотал свою душу, терзал дочку, жену, свою кобылу, а может, раньше всего, себя терзал, свое нутро, выжег его, вычернил глухой тоской, впору завыть по-волчьи* (Альберт Лиханов. Кикимора (1983); НКРЯ). Ср. выть от тоски. (б) *На сердце такая тяжесть, что впору кричать* (Ю. М. Нагибин. Дневник (1964); НКРЯ). (в) *От всего этого Косте становится так беспокойно, что впору заплакать самому* (Николай Дубов. Огни на реке (1966); НКРЯ).

Эта конструкция, как и предыдущая, используется для описания сильной эмоции путем указания на поступки, продиктованные ею. Например: (а) *У меня тоже был такой стресс, такая меланхолия, ты сам видел, впору удавиться* (М. М. Рощин. Ремонт (1971); НКРЯ). (б) *Иногда такая нападает тоска, что впору бритвой хватить по горлу!* (И. С. Никитин. Письма (1853—1861); НКРЯ).

IV. Выводы

Мы представили основные классы симптоматической лексики и описали особенности ее функционирования в языке. В центре нашего внимания было использование указанной лексики в функции маркеров интенсивности эмоций — в роли Magn’ов. Было выделено три класса использования симптоматической лексики в функции Magn: А. Симптоматическая лексика, маркирующая интенсивность эмоции через отсылку к субъекту эмоции ($Magn_1$); этот класс был представлен двумя подклассами единиц: (1) выражениями, связывающими эмоцию и состояние человека, находящегося во власти этой эмоции; (2) выражениями, связывающими эмоцию и реакцию человека на эту эмоцию. Б. Симптоматическая лексика, выступающая в роли субъектного Magn’а. В.

Симптоматическая лексика, использующаяся в функции обычного Magn'a. Ввиду несомненного интереса современной лингвистики к исследованию эмоциональной сферы в языке изучение симптоматической лексики представляется актуальным и перспективным.

Список сокращений

БФСРЯ — Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Ответственный редактор Телия В. Н. М.: АСТ—ПРЕСС КНИГА, 2006.

Ефр — Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. М.: АСТ, Астрель, Харвест, Lingua, 2006 //http: //slovari.gramota.ru.

КСРИД — Кустова Г. И. Словарь русской идиоматики. Сочетания слов со значением высокой степени // http://dict.ruslang. ru/magn.php.

НБАРС — Новый большой англо-русский словарь: в 3-х т. / Апресян Ю. Д., Медникова Э. М., Петрова А. В. и др. Под общ. рук. Апресяна Ю. Д. М.: Русский язык, 1993—1994 // https://dic.academic. ru/contents.nsf/eng_rus_apresyan.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка // www. ruscorpora.ru.

НРСЛ — Девкин В. Д. Немецко-русский словарь разговорной лексики / Deutsch-russisches Worterbuch der umgangssprachlichen und saloppen Lexik. М.: ЭТС, 2002 // http://translate.enacademic.com.

СМИ — Скворцова Н. А., Майзель Б. Н. Итальянско-русский словарь. Издание третье. М.: Русский язык, 1977.

AD 1935 — Dictionnaire de l'Académie française. La 8e édition (1932—1935) // http://french_ academie. fracademic.com.

AHD — The American Heritage Dictionary of the English Language, 5th edition Copyright © 2013 by Houghton Mifflin Harcourt Publishing Company // http://www. yourdictionary.com.

CAL — Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus © Cambridge University Press. Fourth Edition, 2013 // http://dictionary.cambridge.org.

CED — Collins English Dictionary[на страницу CED есть определения изCOBUILD Advanced English Dictionary. Copyright © Harper Collins Publishers] //http://www. collinsdictionary.com.

DCD — Diccionario Clave: Diccionario de uso del español actual (con sinónimos y antónimos) 9th Edition. © Ediciones SM, 2012 // http://clave.smdiccionarios.com.

DDC — Dictionnaire des cooccurrences // http://www.btb.termiumplus.gc.ca/ tpv2guides/ guides/cooc/index-fra.html?lang=fra.

DCP — DiCoPop. Dictionnaire de combinatoire du Français. Direction du projet: Alain Polguère. Conception: Alain Polguère et Sébastien Cabot. Université de Montréal // http://olst.ling. umontreal.ca/dicopop.

DRAE — Real Academia Española: Diccionario de la lengua española // http: //lema.rae.es/drae.

Duden — Wörterbuchzugang Duden online // http://www.duden. de/ woerterbuch. Duden.

DWDS — Wörterbuch der deutschen Sprache des 20. Jahrhunderts // https:// www.dwds. de.

ELP — El País. © EDICIONES EL PAÍS S.L. // http://servicios.elpais.com/ diccionarios /castellano.

GDH — Grande Dizionario Hoepli Italiano di Aldo Gabrielli. Copyright © Hoepli 2011// http://dizionari.repubblica.it.

https://de.pons.com.

ID — Infoplease Dictionary // http://www. infoplease.com/dictionary.

INF— Infopedia. Dicionários Porto Editora // http://www.infopedia.pt/ dicionarios /lingua-portuguesa.

LFV — Les verbes français (French Verbs) by Jean Dubois and Françoise Dubois-Charlier (Version LVF+1) LFV // http://rali.iro.umontreal.ca.

MMD — Michaelis. Moderno Dicionário da Língua Portuguesa, Melhoramentos, São Paulo, 1998 // http://michaelis.uol.com.br/moderno/ portugues/ index.php.

MWD — Merriam-Webster's Online Dictionary, 11th Edition // http:// www.m.-w.com.

OD — Oxford Dictionary of English. Oxford University Press, 2016 // https:// en. oxforddictionaries.com.

OED — Harper D. Online Etymology Dictionary 2011—2015 // http: //www. etymonline.com.

PONS — https://fr.pons.com.

PR — Le Petit Robert. Dictionnaire alphabétique & analogique de la langue française par Paul Robert. P.: Dictionnaire LE ROBERT, 1970.

PRB — Dicionário Priberam da Língua Portuguesa [em linha], 2008—2013 // http://www.priberam.pt.

SCD — Il Sabatini Coletti. Dizionario della Lingua Italiana. Milano, 2007 // http://dizionari.corriere.it.

SCT — Il vocabolario Treccani. Sinonimi e contrari, diretto da Raffaele Simone, Roma, Istituto della Enciclopedia Italiana, 2003 // http://www.treccani.it/ vocabolario.

TR — Le Trésor de la langue française informatisé // http://atilf.atilf.fr. или http://www.cnrtl.fr.

VT — Vocabolario Treccani. Istituto dell'Enciclopedia Italiana. 2013// http:// www. treccani.it/ vocabolario.

Литература

Апресян Ю. Д. Избранные труды, том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995.

Аркадьев П. М., Крейдлин Г. Е. Части тела и их функции (по данным русского языка и русского языка тела) // Слово и язык: сборник статей к 80-летию акад. Ю. Д. Апресяна. М.: Языки славянских культур, 2011. С. 41—53.

Дронов П. С. Движение от экспериенцера: об одной ориентационной метафоре в славянской, германской и кельтской фразеологии // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Сборник научных трудов ИЯз РАН. Вып. 11, 2019. С. 110—121.

Иоанесян Е. Р. Симптоматическая лексика в функции Magn // Научный диалог, № 2, 2019. С. 34—48.

Ковшова М. Л., Хоанг Тхи Фыонг Ха. Концептуализация удивления в русской и вьетнамской фразеологии // Человек в коммуникации: от категоризации эмоций к эмотивной лингвистике: Сборник научных трудов, посвященный 75-летию профессора В. И. Шаховского. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2013. С. 32—37.

Козеренко А. Д. Жестовые идиомы и жесты: типы соответствий // dialog-21.ru. С. 325—332 // http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2011 /materials/ru/pdf/33.pdf.

Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М.: Новое литературное обозрение, 2002.

Кустова Г. И. Слова со значением высокой степени: семантические модели и семантические механизмы (Magn'ы — прилагательные) // Слово и язык: Сб. статей к 80-летию акад. Ю. Д. Апресяна. М.: Языки славянских культур, 2011. С. 256—268.

Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ↔ Текст» / И. А. Мельчук. М.: Наука, 1974.

Tutin A. Les collocations dans le champ sémantique des émotions: la régularité plutôt que de l'idiosyncrasie // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты: сборник статей в честь 80-летия И. А. Мельчука. М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 602—612.

М. Л. Ковшова (Институт языкознания РАН)
M. L. Kovshova (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Семантика и прагматика прилагательного эмоциональной оценки *приятный*[1]
Semantics and pragmatics of the Russian evaluative adjective *приятный* – 'nice, pleasant'

Аннотация

В статье проводится исследование прилагательного эмоциональной оценки *приятный*, изучается своеобразие эмоциональной оценки в системе ценностных отношений, то, как проявляется эмоциональное отношение человека к миру в трех модификациях эмоциональной оценки — сенсорной, эстетической и синкретичной (сублимированной). Обосновывается тезис о том, что основу семантики прилагательного *приятный* составляет эмоциональная оценка, на которую надстраиваются другие значения. В статье представлена схема описания материала: исследуются словарные дефиниции, область денотации, формы употребления, ограничения на употребление, градация признака, его взаимосвязь с другими признаками в контексте.

The paper deals with the meaning of the Russian evaluative adjective *приятный* — 'nice, pleasant', namely the peculiarities of emotional evaluation in the system of value-based relations, as well as the three modifications — sensory, aesthetic, and syncretic (or sublimated) — in which emotional evaluation of the world manifests itself. The author argues that evaluation is the semantic basis of the adjective *приятный* upon which other meanings are built. The paper contains the schema for describing the material, including the dictionary definitions, denotation domain, information on actual use and restrictions thereof, gradation of the characteristic, and reference and connections with other characteristics in context.

Ключевые слова

Оценка, эмоциональная оценка, прилагательное, *приятный*, сенсорный, эстетический, сублимированный

Evaluation, emotional evaluation, adjective, the adjective *приятный*, sensory, aesthetic, sublimated

Из всех прилагательных эмоциональной оценки в русском языке — *грустный*, *смешной*, *страшный*, *обидный*, *удивительный* и др., пожалуй, самым многомерным является прилагательное *приятный*. Как и все прилагательные, *приятный* не имеет предметной отнесенности; его употребление

[1] Исследование осуществлено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 18-012-00736-а) в Институте языкознания РАН.

определяется областью денотатов, которые обладают признаком, выраженным прилагательным. Семантическую основу прилагательного *приятный* составляет эмоциональное оценочное значение, через которое выражается субъективное отношение говорящего к определяемому объекту, воспринимаемому с позиции личностных критериев (эмоций, интересов, вкусов и пр.). Судя по данным этимологии, происхождение и развитие значения прилагательного *приятный* лежит в области чувств, возникающих в отношениях между людьми. Ср. словарь Фасмера: «*приять*, *прияю* общеслав. ‘относиться благожелательно’; чеш. ‘быть расположенным’; родств. др.-инд., авест., гот., нем., греч., латыш. со значениями ‘дорогой, достойный; радует; любимый; любит, ценит; кроткий, мягкий’ и др. Ср. ст.-слав. *прияет* и др.-инд. *priyayate* — ‘относиться с любовью’. *Приязнь* общеслав. ‘благосклонность, милость, дружба, расположение, любезность’. *Приятель* общеслав., родств. др.-нем., др.-исл. со значениями ‘любимый, жених, супруг; возлюбленный, любовник’ [Фасмер 1987: III, 369—370]. По верному замечанию В. З. Демьянкова, «концепт красоты напоминает табуированные понятия <…> даже в родственных славянских языках варьируются основы со значением ‘красота’, а этимология этих основ не всегда ясна» [Демьянков 2004: 169].

Согласно Толковому словарю Даля, «ПРИЯЗНЬ (приять, приимать) доброжелательство, благодушие, любовь и милость, дружелюбие, любовь к ближнему; // дружба, приятельские отношения, дружеские связи людей. ***Приязненный***, ***приязливый*** полный приязни, доброжелательства, благодушный; // приверженный, склонный к кому или к чему» [Даль 1955: III, 466]. Ср. Словарь Ушакова: «ПРИЯЗНЬ (книжн., устар.). Дружественное расположение, доброжелательство. ПРИЯТЬ (книжн., устар.). То же, что принять» [Ушаков 1939: II, 885].

Эмоциональный признак, обозначенный прилагательным *приятный*, возникает опосредованно, из ощущений, полученных с помощью органов чувств: зрения, слуха, вкуса, обоняния и осязания. Сформированная на основании сенсорных впечатлений синкретичная эмоциональная оценка отражается в толкованиях прилагательного *приятный,* а также его дериватов. См., например, в Словаре Даля: «ПРИЯТНЫЙ (от приять), что охотно принимают; угодный, нравный, в чем находишь удовольствие, усладу, наслажденье; что ублажает, тешит, льстит чувствам или утешает дух, пробуждает в нем приязнь. *Приятная погода*, *вкус*, *запах*, *теплота*, *прохлада*, *голос*; *приятные вести*, *надежды, обещанья*. *Не всё приятное полезное*. *С умным человеком говорить приятно*. *Кому что приятно, по нраву*. ***Приятность, приятство***. Свойство приятного // состояние вкушающего приятное; удовольствие, наслажденье, услада. *Приятность погоды*. *Приятность чувства спокойной совести*. // ***Приятство***, приязнь, приятельское расположение, дружба, либо покровительство. ***Приятствовать*** доброжелать, покровительствовать, содействовать, быть благосклонным. ***Приятель*** приязненный кому человек, доброжелатель, милости-

вец, друг; близкий, свой человек, коротко знакомый и дружный, с кем сошелся по мыслям и знаешься. Зовут приятелем и чужого, встречного, заговаривая с ним. Иногда заключает в себе намек на близкие связи людей разного пола. ***Приятничать*** заискивать, угодничать, кокетничать» [Даль 1955: III, 466]. Ср. также описание дериватов *приятного* в Словаре Ушакова: «ПРИЯЗНЕННЫЙ (книжн., устар.). Доброжелательный, дружественный. ПРИЯТЕЛЬ. 1. Человек, с которым состоят в дружеских, коротких отношениях, близкий знакомый. 2. Формула фамильярно-дружественного обращения к незнакомому лицу (разг.)» [Ушаков 1939: II, 885].

Развитие значения прилагательного *приятный* двигалось из области ощущений и чувств в область эстетики и далее — в духовные и социальные сферы. Словарные дефиниции передают синкретичность оценки прилагательного *приятный*, но особо выделяют эстетическое значение. Так, согласно Словарю Ушакова, «ПРИЯТНЫЙ. 1. Доставляющий удовольствие, радующий <…> *Приятная погода. Приятный запах. Приятный вкус. Приятные вести. Приятная встреча. Приятно пахнет*. 2. Привлекательный, нравящийся. <…> Приятное лицо. Приятный человек. 3. безл., в значении сказуемого *приятно*. Доставляет удовольствие, радует» [Ушаков 1939: II, 885]. Ср. описание в Словаре Ожегова: «ПРИЯТНЫЙ. 1. Доставляющий удовольствие. *Приятный запах. Приятная встреча. Приятная новость. Приятно слышать. Мне это приятно*. 2. Привлекательный, нравящийся. *Приятный человек. Приятная наружность*» [Ожегов 1981: 536]. *Приятный* описывается как ‘вызывающий чувство симпатии, расположения’, его ближайшими синонимами являются *симпатичный*, *славный*, *милый* [Евгеньева 1975: 441].

На шкале оценок *приятный* — слабоположительная оценка (как *неприятный* — слабоотрицательная). *Приятный* расположен ближе к нейтральной позиции: для укрепления оценки нужны интенсификаторы *очень*, *весьма*, *чрезвычайно* или *вполне*, *достаточно*, *не очень*, *ужасно.* Ср. рефлексию на этот предмет: *И мозг в дальнейшем имеет дело уже не с событием, а только с бирками «приятный», «неприятный» и «никакой»* [Виктор Пелевин. S.N.U.F.F (2011)].

Представляется, что основу семантики прилагательного *приятный* составляет эмоциональная оценка, на которую надстраиваются другие оценки. В семантике прилагательного прослеживаются три регулярно реализуемых значения: 1) сенсорное значение; 2) эстетическое значение; 3) сублимированное значение. Рассмотрим все три значения подробнее.

1. *Приятный* сенсорный

Прилагательное *приятный* в этом значении выражает эмоциональную оценку, которая дается ощущениям — вкусовым, обонятельным, осязательным, и впечатлениям — слуховым и зрительным.

Эмоциональная оценка в семантике прилагательного исходит из прототипической ситуации: «Всё сладкое, мягкое, гладкое, податливое легко и

просто осваивается, принимается, и это «хорошо»». Ср.: *Напиток мягок и приятен. Чтобы почувствовать тонкий аромат, посоветовали пить первую чашку без сахара* (Герман Малиничев. Напиток от тридцати недугов // «Наука и религия», 2007). *Не забыть хофманновский бумажник. Какой он всё-таки приятный, гладкий. Прикосновение к нему — единственное, что доставляет мне одинаковое удовольствие и во сне, и наяву* (Сергей Юрский. Бумажник Хофманна (1993)). *Шумный разговор превратился в мягкий, приятный говор, подобный весеннему жужжанью пчёл в родимых ульях* (И. С. Тургенев. Гамлет Щигровского уезда (1849)). *Голос у него был довольно приятный и сладкий, хотя несколько сиплый...* (И. С. Тургенев. Певцы (1850)).

Семантика *приятного* сенсорного заключается в 1) установлении соответствия качеств объекта оценки физиологическим предпочтениям субъекта оценки и 2) субъективном определении степени совершенства качеств объекта на эмоциональной «шкале».

Субъективно *приятным* сенсорным может быть все, что воспринимается органами чувств, и ограничений на это нет, если судить по широкому спектру сочетаемости прилагательного *приятный* сенсорный в НКРЯ.

Прилагательное *приятный* сенсорный употребляется как в ассертивной, так и в негативной форме, которая создается с помощью отрицательного аффикса[2]. Оценочным признакам, по определению, присуще усиление или ослабление по степени выраженности. Качественный признак, лежащий в основе семантики прилагательного *приятный* сенсорный, может меняться на шкале интенсивности, что определяет его основное семантическое свойство иметь степени сравнения (*приятнее*, *самый приятный*, *приятнейший*). Ср., например: *И я сел в приятнейшее кожаное кресло* (М. А. Булгаков. Записки покойника (Театральный роман) (1936—1937)). *Этим ощущением упиваются парашютисты, пара- и дельтапланеристы… Приятнейшее ощущение! Если, конечно, не потеешь от страха* (Константин Серафимов. Экспедиция во мрак (1978—1996)). *Приятнейший аромат горячего хлеба (хлебозавод стоял за углом) перебивал дыхание взбухших почек* (Михаил Веллер. Апельсины (1988)). *В животе тепло, в голове легко, во рту — приятнейший вкус* (Юрий Зубцов. Чем пахнет январь (2002) // «Домовой», 2002.01.04).

Градуальность признака передается в конструкции «интенсификатор (наречие степени) + признак *приятный* (*неприятный*) + носитель признака (имя): *очень* (*не очень*) *приятный*, *чрезвычайно приятный*, *весьма приятный*,

---

[2] На 01.08.2019 в Основном корпусе НКРЯ размещено 115 645 документов; из них на прилагательное *приятный* приходится 1786 документов, 2790 вхождений; *неприятный* — 1313 документов, 1899 вхождений; *приятен* — 633 документа, 792 вхождения; *приятная* — 1042 документа, 1436 вхождений; *приятна* — 571 документ, 685 вхождений; приятнее — 1 322 документа, 1 874 вхождения; *приятней* — 253 документа, 293 вхождения; *приятнейший* — 40 документов, 43 вхождения; *приятнейшая* — 25 документов, 26 вхождений; *приятнейшее* — 58 документов, 64 вхождения; *приятнейшие* – 22 документа, 24 вхождения.

удивительно приятный, *неописуемо приятный, довольно приятный* и др. Ср.: *Все эти растения издавали очень приятный запах* (И. А. Ефремов. На краю Ойкумены (1945—1946)). *Они медленно тлели, по квартире полз удивительно приятный одурманивающий дымок* (Юлия Друнина. Алиска (1973)). З*апах табаку, в холодном воздухе чрезвычайно приятный, распространился вокруг тарантаса и побежал за ним* (Ф. Д. Крюков. Товарищи // «Русское Богатство», 1909). *Дно у шапки было промаслено, лоснилось, как начищенный сапог, и пахло «рогальком», — довольно приятный запах* (Ф. Д. Крюков. Товарищи // «Русское Богатство», 1909].

Прилагательное *приятный* сенсорный употребляется в двух типах конструкций: атрибутивной и предикативной. В атрибутивной позиции прилагательное употребляется в полной форме и обозначает постоянный признак; прилагательное заполняет определенную смысловую валентность имени и тем самым уточняет и модифицирует заданное значение существительного. Ср.: *В Англии XVI века в комнатах часто жгли дерево, дым которого имел приятный запах, и эта деталь была вполне понятна; но в XIX веке она потребовала бы комментария* (М. М. Морозов. А. Н. Островский — переводчик Шекспира (1946)). В предикативной позиции прилагательное, употребляемое в краткой форме (*приятен*), выражает признак, который ограничен во времени, в диапазоне действия и т.п. Будучи предикатом, прилагательное взаимодействует со значением существительного (объекта), приписывая ему некоторый признак, «внешний» по отношению к семантике имени. Ср.: *А дальше, можно сказать, оправдался стих Грибоедова, заимствованный у Державина: «И дым отечества нам сладок и приятен»* (Яков Козловский. Мошенство копировщика (1999) // «Дружба народов», 1999.05.15). *Влажная свежесть цветов была мне приятна, тонкая бумага местами разошлась, и, сжимая пальцами холодное зеленое тело стеблей, я вспоминал журчание, сопроводившее меня в небытие* (В. В. Набоков. Соглядатай (1930)). Важно отметить, что оценочное значение *приятного* сенсорного, как правило, актуально во времени и пространстве. Ср.: *Тут-то и ударил в нос приятный крепкий запах смолы* (Виктор Розов. Удивление перед жизнью (1960—2000)). *Вдыхаю теплый, сухой воздух метро — и он мне сегодня приятен* (Александр Сокуров. Русское (2007)).

Субъективная оценка *приятного* сенсорного стремится обрести свои формы контроля, и потому в ближайшем окружении прилагательного употребляются слова, семантика которых служит обоснованием для вынесенной эмоциональной оценки; ср.: *Имеет приятный, нежный запах; дает обильную пену* (обобщенный. Возраст и профессии мыла // «Химия и жизнь», 1965). Объяснение содержится в эталонах сравнения (косвенного или прямого); ср.: *Из палатки на всю набережную плыл необыкновенный, вкусный, как жареная колбаса, приятный аромат* (Юрий Дружков (Постников). Приключения Карандаша и Самоделкина (1964)). Объяснение присутствует в контексте; ср.: *Самое интересное, что аромат духов, сигарет или даже пота, исходивший от того*

человека, в которого влюблялся больной, был ему приятен (Дарья Донцова. Уха из золотой рыбки (2004)). Положительная и отрицательная оценки приятного основаны на стереотипах, для актуализации которых достаточно указания на денотат; ср.: *После них в классе остался приятный запах спирта и неприятный лекарства* (Фазиль Искандер. Тринадцатый подвиг Геракла (1966)).

Во многих примерах содержится указание на то, что приятные (неприятные) ощущения и впечатления можно создавать или снимать искусственным образом; ср.: *Чтобы придать готовому уксусу приятный аромат, к нему добавляют пряные травы: эстрагон, мяту, мелиссу, базилик, любисток, зверобой, майоран, тимьян* (Г. Поскребышева. Хозяйке — на заметку // «Наука и жизнь», 2006). *Однако воздух стоял свежий, приятный (особое лицо отвечало за впуск и выпуск воздуха и химическую безвредность его)* (Александр Солженицын. В круге первом, т.1, гл. 1—25 (1968) // «Новый Мир», 1990). *Имея в составе две модификации кофеина, обеспечивает действительно приятный эффект, на уровне лучших дорогих тоников* (Запись LiveJournal (2004)). *Больше всего мужчины не любят цветочные мотивы, особенно с экзотическими элементами, самый же приятный рисунок для них — геометрические фигуры* (Обрати внимание // «Даша», 2004).

Рассмотрим распределение *приятного* сенсорного по денотативным областям *Приятный* сенсорный — это прежде всего запахи.

Обоняние.

Денотативная область — природная, человека, артефактивная, гастрономическая: запах, душок, дух, дым, аромат и т.д.

Синее небо, синяя с рябью Большая Невка, ялики, речной приятный запах… (В. В. Вишневский. Дневники военных лет (1943—1945)). *Терпкий и приятный запах хорошо выделанной добротной кожи встретил его* (Л. С. Соболев. Капитальный ремонт (1932)). *К слову скажу, что запах от залежавшегося в сундуках платья был резкий и неприятный; на меня, как пришедшего прямо с воздуха, этот запах подействовал, и я чихнул* (И. И. Панаев. Раздел имения (1850—1860)). *Гипсы и бинты источали своеобразный неприятный запах* (В. Ф. Панова. Спутники (1945)).

Осязание

В сочетаниях проявляется прототипическая ситуация *приятного* сенсорного, но при этом видна и субъективность оценки: теплое — «хорошо», холодное — «плохо», или наоборот. **Денотативная область не ограничена**: теплота, ветерок, ветер, дождь, рельс, снег, пар, холод, кожаный бумажник, (медицинский процедурный) аппарат, физические (сексуальные) отношения, ручка чашки, кусок хлеба, крем и т.д. Выбор оценки обусловливается тем, с каким предметом взаимодействует субъект оценки.

Иногда мне хочется закрыть глаза и сосредоточиться на ощущениях: гладкая ручка кофейной чашки в пальцах, приятно-шершавый кусок хлеба в руке, у меня развилось что-то вроде тактильного гурманства, каждый пред-

мет мне казался на ощупь отдельно, по-своему приятен (Алексей Слаповский. 100 лет спустя. Письма нерожденному сыну // «Волга», 2009). *Вроде все хорошо, и небо голубое, и ветерок такой приятный, уже по-летнему теплый...* (Александра Маринина. Ангелы на льду не выживают. Т. 1 (2014)). *Дул неприятный предрассветный ветер, и кое-где под сапогами уже потрескивал лёд* (В. П. Катаев. Сын полка (1944)). *Зарываю голову в снег. Он холодный, приятный, забивается в рот, нос, уши* (Виктор Некрасов. В окопах Сталинграда (1946)). *... во-вторых, он всегда был приятен ей физически* (Вацлав Михальский. Река времен. Ave Maria // Октябрь, 2010). *Физический труд приятен только в очень малых дозах* (И. И. Мечников. Этюды оптимизма (1907—1913)).

Вкус

Денотативная область — гастрономическая: вкус, привкус, хлеб, чай, кумыс, водка и т.д. Обычно дается в сравнении, в противопоставлении, или в объяснительном контексте.

После минерализованной, нечистой, пахнущей ржавым водопроводом и дешевым бактерицидом воды столицы был неописуемо приятен вкус земной воды (И. А. Ефремов. Час быка (1968—1969)). *Наверно самый приятный на вкус среди энерготоников* (Запись LiveJournal (2004)). *Солдаты говорят — от черного хлеба у людей сила, а белый приятен, да расслабляет* (Л. Ф. Зуров. Иван-да-марья (1956—1969) // «Звезда», 2005). *Он приятен в жару, хорош перед едой, им встречают дорогих гостей* (И. Константинов. Кумыс — целебный дар // «Наука и жизнь», 2008). *При употреблении этой закуски вы почувствуете свежий приятный вкус мякоти крабов* (Про себя (1997) // «Столица», 1997.08.12). *От съеденных арбуза и дыни во рту был неприятный, металлический вкус* (А. П. Чехов. Степь (1888)).

Слух

Денотативная область — природная, социальная, артефактивная; гул, звук, голос, тембр, музыка, тенор, говор (выговор), треск, смех, крик, визг и т.д. Часто употребляется сочетание: *приятный мужской голос*, возможно, потому, что это явление редкое (в сравнении с мягким женским голосом). Неопределенность параметров, неясность образов *приятного* (как и *неприятного*) сенсорного и субъективность оценки подчеркивается местоименной конструкцией типа: *какой-то голос*, *звук*; указанием на денотаты аморфной структуры типа *гул*. Ср.: *Звон был какой-то даже приятный, словно прячущий от него все раздражающие прочие звуки: резкие машинные гудки за окном, стук двери лифта, шум воды в трубах* (Ирина Муравьева. Мещанин во дворянстве (1994)). *Холодные, мутные волны лениво перекатываются от одного берега к другому, а над рекой стоит какой-то приятный, расслабляющий гул* (М. Е. Салтыков-Щедрин. Сатиры в прозе (1859—1862)). *Молодой человек слышал неприятный гул голосов, сквозь который прорывался то чей-то оклик, то клочок песни, и опять все эти звуки удалялись, тонули, чтобы опять выделиться с беспокоящею резкостью* (В. Г. Короленко. Федор Бесприютный (1886)). *Это*

постоянный монотонный и не очень приятный звук (И. Г. Милославский. Говорим правильно по смыслу или по форме? (2013)). Однако звуки могут быть ясно и четко очерченными; ср.: *Когда он резал, был слышен такой полный, приятный, зелёный треск, что у меня прямо спина похолодела от предчувствия, как я буду есть этот арбуз* (Виктор Драгунский. Англичанин Павля (1963) // «Мурзилка», 2003). *Уровень звука вполне приемлемый, а тембр даже приятный — не возникает жалостливого ощущения, что двигатель крутится «из последних сил»* (Валерий Чусов. Как стать большим (2002) // «Автопилот», 2002.12.15). *У одних он чист, громок, и их слышно за версту, у других — нежен и более приятен* (Л. Исаченко. «Птички-невелички» // «Наука и жизнь», 2006). *Да и выговор его южный, близкий к воронежскому, приятен был мне на слух: «хфакт», «жисть»…* (Г. Я. Бакланов. Жизнь, подаренная дважды (1999). *Может быть, ещё и потому, что голос Мишеля не всегда всем приятен, в особенности когда его не знаешь* (Сати Спивакова. Не всё (2002)). *Раздался оглушительный и неприятный крик огромного насекомого, которое зовут дилижансом* (А. А. Григорьев. Один из многих (1846)).

Зрение

Денотативная область — природная и артефактивная: свет, оттенок, полумрак, оттенок и т.д.

Большие лампы в матовых шарах давали сверху приятный нежёлтый рассеянный свет (Александр Солженицын. В круге первом, т.1, гл. 1—25 (1968)). *В зале стоял приятный полумрак, огоньки свечей дрожали в бокалах, музыка была ненавязчива и тиха* (Анна Берсенева. Возраст третьей любви (2005)). *Этот рецепт особенно нравится шатенкам: их волосы приобретают приятный каштановый оттенок* («Здоровье», 1999.03.15).

Приятный сенсорный может соединять в эмоциональной оценке зрительные впечатления и осязательные ощущения; ср.: *Сегодни опять довольно тепло, день серенький и не очень приятный* (А. В. Дружинин. Дневник (1845)). Также могут описываться глубинные ощущения в организме человека; ср.: — *От ваших арбузов ощущается неприятный холод в области подложечки, у предсердия* (Н. А. Тэффи. «Де» (1911)). Обычно такие ощущения интерпретируются как симптомы эмоциональных переживаний; ср.: *Он ощущал сейчас смешной и почти приятный страх, а что как он пустит перед этой почтенной публикой «петуха»?* (Г. Г. Демидов. Оборванный дуэт (1973)). *По мне пробежал какой-то невыразимо приятный трепет* (Т. Г. Шевченко. Варнак (1845)). *Может, и не спрашивали… но по спине у меня всё равно пробежал неприятный холодок* (Вера Белоусова. Второй выстрел (2000)).

Описание слуховых и зрительных впечатлений часто сопряжено с эстетическим компонентом.

2. *Приятный* эстетический

Наиболее последовательно в семантике прилагательного *приятный* реализуется эстетическая оценка. «Красота является разновидностью приятности.

Но не все приятное красиво» [Демьянков 2004: 169]. Понятийная категория эстетической оценки определяется сочетанием доминантных и второстепенных семантических признаков. Доминантным категориальным признаком эстетической оценки прилагательного *приятный* является наличие оценочного компонента, выражающего отношение объекта оценки к эстетическому идеалу. Доминантный признак выполняет функцию дифференциации, отграничивая категорию эстетической оценки от других категорий оценки, прежде всего от сенсорной оценки. К второстепенным признакам относятся экспрессивность, эмоциональность, а также способность к усилению или уменьшению качества признака. Содержание *приятного* эстетического заключается в 1) установлении соответствия внешних качеств или внутренних свойств объекта оценки эмоциональному настрою (состоянию и желанию) субъекта оценки и 2) субъективном определении степени совершенства объекта на эстетической «шкале», воспринятой субъектом в культуре. Ср., например: *Холодная ткань прикасалась на сгибах к бесталанной душе его. Рубаха излучала приятный мерцающий свет. Её великолепие казалось дерзостью на фоне убогих стен и закопчённого потолка* (Сергей Довлатов. Иная жизнь (1984)). *Представляется такой приятный белокурый образ: пухленькие щечки, чулки не синие, а с кружавчиками, видными в разрезе юбки* (А. А. Матвеева. Обстоятельство времени (2012)).

Как и сенсорные, так и эстетические значения прилагательного *приятный* исходят из области стихийного, неконтролируемого, субъективного. По сложившемуся мнению, эстетические оценки основаны на реакциях и эмоциях, порождаемых объектом; эстетические оценки вытекают из синтеза сенсорно-вкусовых и психологических оценок; см. об этом: [Арутюнова 1998: 198—199]. Будучи связаны с удовлетворением чувства прекрасного, эстетические оценки как бы «возвышаются над сенсорными оценками, «гуманизируя их» [Там же: 199].

Эстетическая оценка прилагательного *приятный* больше эмоциональная, чем эстетическая; ее можно определить как слабоэстетическую. По сравнению со многими прилагательными эстетической оценки (*красивый*, *уродливый*, *миловидный* и др.), семантика прилагательного *приятный* в большей степени обусловлена такими слагаемыми эмоций, как пристрастие, предвзятость и предубеждение. Слова эмоций и слова красоты «переплетаются» в контексте; ср.: *Была зато приятная тихая дама из, кажется, Билефельда, белокурая и нарядная, с белой камеей в глубоком вырезе летнего платья, дама, нисколько для меня, например, непривлекательная, но на которую он, Двигубский, время от времени посматривал с таким откровенным эротическим интересом, какого я не знал за ним даже в юности* (Алексей Макушинский. Город в долине (2012)). *Большие ее черные глаза сверкали беззаботным веселием; стройный стан, светлая улыбка, приятный, звучный голос придавали целому существу ее нечто гармоническое* (В. А. Соллогуб. Теменевская яр-

марка (1845)). [Mestnyj, муж] *Wake the Nations — Sign of Heart* (2015)). — на удивление приятный мелодик хард рок. *Biotoxic Warfare — Lobotomized* (2015) (коллективный. 2015-й. Начинаем! (2015.04.04)).

Область **денотации** прилагательного *приятный* эстетической оценки практически не ограничена — она охватывает все, что при восприятии слухом и зрением доставляет эстетическое переживание и может быть названо красивым (некрасивым).

Слух

Как правило, эстетическая оценка заключается в описании производимого впечатления от голоса — мужского или женского, от пения, от смеха, от звуков музыки, от звуков природы. Ср.: *Ровно через три часа в комнате раздался приятный, мелодичный звон* (Марк Сергеев. Волшебная галоша, или Необыкновенные приключения Вадима Смирнова, его лучшего друга Паши Кашкина и 33 невидимок из 117-й школы (1971)). *Ваша улыбка нисколько не изменилась, ваш смех так же звонок, так же приятен, aussi jeune qu'alors* (И. С. Тургенев. Провинциалка (1851)). Эстетически приятное звучание не ограничивается сенсорным значением — оно словно «украшается» эстетическими смыслами словесного окружения, будучи описано в контексте искусства, уподоблено искусству. Ср.: *Приятный звучный и очень настойчивый баритон послышался из ложи N 2* (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 1 (1929—1940)). *Убийца пел, заложив палец за лацкан, он пел, как артист, и правда, голос у него был приятный, он умел петь, похож был по виду на культурника из дома отдыха* (Василий Аксенов. Пора, мой друг, пора (1963)). — *Хеллоу, — то ли проговорил, то ли пропел немолодой, но приятный мужественный голос* (Василий Аксенов. Круглые сутки нон-стоп // «Новый Мир», 1976). На эстетическое значение указывают и сравнения; ср.: <...> *сказал голос такой приятный, что, казалось, мог быть только голосом грациозно склоненного цветка* (М. С. Жукова. Дача на Петергофской дороге (1845)). Усиление значения создается интенсификаторами; возможно употребление без иронии сочетания *ужасно приятный*; ср.: *Голос у нее был низкий и хрипловатый. Ужасно приятный голос* (Фазиль Искандер. Морской скорпион (1977)). Эстетически приятное на слух естественно, но есть примеры искусственно создаваемой приятности. Ср.: — *У вас голос приятный. — Стараюсь, — усмехнулся голос* (Алексей Слаповский. 100 лет спустя. Письма нерожденному сыну // «Волга», 2009).

Зрение

Как слуховой, так и зрительный образы *приятного* эстетического не имеют параметров и форм контроля. Оценка не обусловлена внешними качествами объекта; описание того, что приятно взору, как правило, не разворачивается в словесный «пейзаж» или «портрет». Ср.: *Исполнен сею мыслию, ступай во время прекрасного летнего вечера во приятный сад прогуливаться...* (Н. И. Новиков. О достоинстве человека в отношениях к богу и миру (1777)). *Тут мы слышим молчание с шёпотом, потом заскрипели ворота — открыва-*

ется приятный сосновый вид аллеи ... (Е. И. Замятин. Слово предоставляется товарищу Чурыгину (1922)). У эпитета *приятный* нет своих «красок», он не создает образов, и без дополнительного описания нельзя представить эту «приятную красоту». Ср.: *Вот мост через Парму… вот садик… первые ворота… красный дом… приятный навес…* (Н. В. Кукольник. Антонио (1840)). *Мало ли, что обо мне подумает эта приятная Лала?* (Татьяна Соломатина. Мой одесский язык (2011)). Скупые дополнительные «мазки» лишь немного объясняют логику эстетического «вывода»; ср.: *Хозяйка, приятная брюнетка с пышной грудью, стрельнула на меня блестящими глазами* (Михаил Панин. Камикадзе // «Звезда», 2002).

На то, что *приятный* — прилагательное слабоэстетической оценки, указывает отсутствие детализации в денотативной области. *Приятный* эстетический передает, как правило, общую оценку внешнего вида, который нравится субъекту оценки; в устойчивых сочетаниях *приятный вид*, *приятный на вид*, *внешне приятный*, *приятной наружности*, *собой приятный* выражается целостное зрительное впечатление, производимое объектом. Ср.: *У третьего — учтивость, такт. У четвертого — приятная внешность. У пятого — душа* (Владимир Шахиджанян. 1001 вопрос про ЭТО (1999)). *Нормальный, приятный на вид малый в корбаховском стиле, бойкий, легкий на ходу* (Василий Аксенов. Новый сладостный стиль (2005)).

Оценка *приятный* как бы собирается из множества наблюдений над объектом, которые складываются в единое целостное впечатление, и есть редкие примеры, раскрывающие загадку «приятной красоты». Ср.: *Наружность этой старухи была весьма приятная: ее умные голубые глаза одушевлялись веселостью, а правильные черты лица и некоторые остатки прежней красоты доказывали, что некогда она была очень хороша собой* (М. Н. Загоскин. Брынский лес (1846)). *Я слежу за ним и чувствую, что мне приятна его не окостеневшая по-старчески, а гибкая, живая ладонь со сточенными пальцами, круглая седая голова, и мне приятно самоудовольствие, с которым он утирал от пота свою голову, а теперь прохлаждает её* (Фазиль Искандер. Дедушка (1966)).

Детали внешности человека, как правило, не являются объектом оценки; не оцениваются самые важные в эстетическом плане лицо, глаза. Приятными предстают черты в их динамике: улыбка, взгляд, физиономия. Ср.: *У Лагранж очень приятный взгляд и улыбка* (А. В. Дружинин. Дневник (1845)). *<...> с чрезвычайно умными карими глазами и необыкновенно приятной улыбкой...* (Александр Порецкий. Обзор современных вопросов // Время, № 1, 1861). *«И рада бы не любить тебя, — отвечала я ему, — да твой приятный взгляд, твой пригожий вид приворожили меня к тебе»* (П. Ю. Львов. Даша, деревенская девушка (1803)). *Семнадцать лет, прекрасные глаза, прекрасные зубы (следовательно, частая приятная улыбка), нежный недостаток в выговоре обворожили судей трагических талантов* (А. С. Пушкин. Мои замечания

об русском театре (1820)). К эстетической оценке внешности в ее динамике присоединяются неэстетические коннотации: приятная улыбка «обещает» доброжелательность, искренность; приятный взгляд — доброту, открытость. Ср.: *Но в его улыбке — что-то дружеское и тёплое. Приятна его улыбка и нужна* (Булат Окуджава. Новенький как с иголочки (1962)). *Всем персонажам Тропинина присуща особая миловидность — ясный и спокойный взгляд открытых глаз и легкая, приятная улыбка, придающая лицу выражение нежности и добродушия (*А. Зотов. В. А. Тропинин (1776—1857) // «Народное творчество», 1937)). *Улыбка не приятная, потому что не естественна* (А. С. Пушкин. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года (1835)).

«Критерии же зримой приятности кажутся иногда случайными и противоречивыми» [Демьянков 2004: 169], и положительная эстетическая оценка порой контрастирует с другими характеристиками того же объекта; ср.: *Просто сидит довольно приятная дама, с криво нарисованными глазами, и держит в руках бумажку; вот и все* (В. М. Гаршин. Вторая выставка «Общества выставок художественных произведений» (1877)). *Физиономия у него довольно приятная, но истощенная и желчная…* (Л. Н. Андреев. Москва. Мелочи жизни (1901—1902)).

Усиление эстетической оценки при употреблении прилагательного *приятный* слабо выражено; как правило, это форма простой сравнительной степени, которая употребляется в обобщающем контексте. При этом меняется не внешность объекта оценки — меняется или взгляд субъекта на объект оценки, или привходящие обстоятельства. Ср.: *…в тесноте такого пространства блеск золота и драгоценных камней ярче и приятнее...* (С. А. Еремеева. Лекции по истории искусства (1999)). *В бальных нарядах они казались приятнее* (Дмитрий Каралис. Автопортрет (1999)). *Слабый свет и безобразная соседка удивительно как помогают очарованию туалета, при этих двух средствах обольщения приятная наружность становится пленительна* (М. Н. Загоскин. Искуситель (1838)). На изменчивость *приятной* внешности влияет внутреннее состояние субъекта или объекта; ср.: *И оттого, что он думал нечто приятное, толстое и рябое лицо Федосьи казалось ему тоже приятнее...* (С. Н. Сергеев-Ценский. Счастье (1902)). *Приятная наружность Фирса Игнатьича вдруг обратилась в суровую* (А. Ф. Вельтман. Приключения, почерпнутые из моря житейского. (1848)).

Превосходная степень эстетического *приятного* (также в конструкции: *приятнейшее впечатление*) характерна для выражения искреннего (не иронического) наслаждения объектом — его звуками или внешним видом. Ср.: *Мальчики эти держали перед собой какую-то загадочно разграфленную бумагу и, заглядывая в нее, выводили голосами приятнейшие звуки* (Ф. И. Шаляпин. Моим детям (1932)). *Если прямой, гибкий стан, правильные черты лица, большие глаза, приятнейшая улыбка и матовая, прозрачная белизна неполированного мрамора суть условия красоты, то она ее имела* (Ф. Ф. Вигель. Записки (1850—1860)). *Но кафе работало. Убранство заведения оставило приятней-*

шее впечатление. Аккуратные столики (Андрей Колесников. Отряд (1997) // «Столица», 1997.06.10).

Градация признака выражается также конструкциями типа: *очень* (*чрезвычайно* и т.п.) *приятный*; ср.: *Иван Иванович. У Вас чрезвычайно приятная внешность* (Д. И. Хармс. Елизавета Бам (1927)). Однако чаще всего оценочное суждение сдержанное: *довольно приятный*. Ср.: *Пруд на этом месте разливался <...> из верхних окон дома это составляло довольно приятный вид, особливо когда месяц, вставая над вершинами, смотрелся в неподвижных водах пруда* (М. С. Жукова. Дача на Петергофской дороге (1845)). *Высокий парень, довольно приятный, с голубыми умными глазами* (Василий Шукшин. Калина красная (1973)).

Для оценки *приятный*, по изначальному смыслу, важно не отталкивать, не пугать, не раздражать, а притягивать, располагать к себе, не быть красивым, но уметь производить хорошее впечатление. Ср.: *Некрасив, но приятнее любого красавца — «располагающая наружность», и наружность не обманывает: действительно, милый человек* (Г. В. Иванов. Петербургские зимы (1928)).

В большинстве случаев прилагательное *приятный* служит звеном, соединяющим сферу эстетики и сферу этикета: объект оценки обладает хорошей наружностью, способной располагать к себе, и умеет быть любезным, услужливым, общительным, веселым. Ср.: *Приятный блондин хлопотал, уставляя столик кой-какою закускою, говорил ласково, огурцы называл «огурчики», икру — «икоркой понимаю», и так от него стало тепло и уютно…* (М. А. Булгаков. Записки покойника (Театральный роман) (1936—1937)). *Дежурила Мила, приятная дама, красивая и любезная, прекрасно говорившая по-французски* (Эдуард Хруцкий. Осень в Сокольниках (1983)). *Четвертый гость — товарищ Петрусь, студент-лесник, румяный, приятный, веселый, общий любимец...* (М. А. Осоргин. Свидетель истории (1932)). *Исключительно представительная, благородная осанка, красивая внешность, приятная, «джентльменская», манера разговаривать* (И. С. Шкловский. Эшелон (1984) // «Химия и Жизнь», 1988—1992). *Все кричат: вот прекрасная, приятная и любезная женщина; вот чудесное произведение природы, вот совершенное ее сотворение: она мила, как ангел!* (Н. И. Новиков. Живописец. Третье издание 1775 г. Часть I (1775)).

Итак, прилагательное *приятный* описывает не столько эстетические качества объекта оценки, сколько эстетическое впечатление слушателя или наблюдателя, предельно субъективное, не нуждающееся в подтверждении; прилагательное характеризует не столько объект оценки, сколько эмоциональное отношение субъекта оценки, его вкусы и пристрастия.

3. *Приятный* сублимированный

Прилагательное *приятный* часто используется для выражения и других оценок; происходит определенная сублимация: сенсорная или эстетическая оценка как бы перерождаются, при этом основным «несущим» компонентом в значении прилагательного *приятный* остается эмоциональная оценка. Ср.: *Так*

что сам факт появления пародии я воспринял, безусловно, как факт приятный (Эльдар Рязанов. Подведенные итоги (2000)). *В кино приятная новость. Эльдар Рязанов помирился с Войновичем и, кажется, будет, наконец, ставить новый фильм про Чонкина* (Григорий Горин. Иронические мемуары (1990—1998)). *Но это уже так, приятная формальность, чего-нибудь пообещаю свято соблюдать* (Михаил Панин. Камикадзе // «Звезда», 2002). В этих примерах факт мог бы быть важным, новость — хорошей, формальность — пустой, не тревожной; однако во всех трех случаях избранный эпитет *приятный* не только передает положительную оценку денотата, но выражает положительное чувство субъекта по отношению к денотату: факт — нравится, новость — нравится, формальность — нравится, не заботит.

Содержание *приятного* сублимированного заключается в 1) установлении соответствия качеств и свойств объекта оценки эмоциональному состоянию и ожиданию субъекта; 2) установлении соответствия качеств и свойств объекта некоторым требованиям и формальным параметрам, известных субъекту оценки; 3) субъективном определении совершенства объекта с помощью эстетически значимой оценки, «гуманизирующей» (по слову Н. Д. Арутюновой) различные сферы деятельности.

Как известно, разнообразные сдвиги в значении прилагательного обусловлены той сферой денотатов, в которую оно включается, и новой сочетаемостью, которая возникает в силу расширения области денотации, распространения признака на новые предметные сущности и кодификации новых сочетаний в языке. К такому усложнению оценки прилагательного *приятный* приводит денотативный сдвиг от внешнего, воспринимаемого зрением и слухом мира к миру ненаблюдаемому, внутреннему, от формы объекта — к его содержанию. По верному замечанию Н. К. Рябцевой, «наличие эстетической оценки в ментальной сфере, по определению, ненаблюдаемой, кажется парадоксом <…> [Однако] Эстетическая оценка в ментальном пространстве не случайна, а закономерна и присутствует в нем с необходимостью» [Рябцева 2004: 650]. И далее: «Если эстетически ценные объекты в физическом мире воспринимаются как красивые преимущественно эмоционально, то восприятие ментальных объектов сопровождается их рациональным восприятием — пониманием» [Рябцева 2004: 654]. Восприятие не внешних положительных ощущений и впечатлений, а содержания требует осмысления; эстетическая оценка уходит на второй план или исчезает совсем (о синтетичности эстетической оценки см. [Арутюнова 2004]; о смешанной чувственно-интеллектуальной природе эстетических оценок см. [Мечковская 2004]). Собственно эстетические прилагательные «ориентированы» на форму, на то, что подлежит восприятию зрением, слухом, вкусом, обонянием, осязанием, однако идея гармонизации формы и содержания, которая руководит человеком, приводит к расширению области денотации, к созданию новой сочетаемости. В результате прилагательное *приятный* сенсорной или эстетической оценки внешних качеств объекта становится выразите-

лем оценки его внутренних свойств; тем самым, у прилагательного *приятный* регулярно реализуется третье, сублимированное, значение. При этом самым важным в семантике прилагательного остается эмоциональный компонент: вместо того, чтобы сказать «хороший фильм», «хороший ресторан», «хороший вечер» и т.п., говорят: «приятный» с целью подчеркнуть испытываемое субъектом оценки расположение к объекту оценки.

Денотативная область *приятного* сублимированного неограниченно широкая, и каждый денотат располагает к себе по-своему. Ср.: *...приятный шелест пачек стодолларовых купюр...* (Почему Коби Брайант не приезжает в Россию (2001) // «Известия», 2001.08.14). *Приятный фильм. Скорее даже притча, а не просто фильм* (коллективный. *Отель «Гранд Будапешт»* (2014.03.23)). *Самый приятный способ — лететь в Шотландию через Лондон компанией British Airways* (Ольга Утешева. Шотландия: близкое небо (2002) // «Домовой», 2002.12.04). *Семейным Рыбам гарантировался приятный отдых в кругу семьи* (Прогноз на прошлое (1997) // «Столица», 1997.07.01). *Судя по всему, Пирошникову снился приятный сон…* (Александр Житинский. Лестница (1972)). *Это и был приятный сюрприз, обещанный мне королевичем* (В. П. Катаев. Алмазный мой венец (1975—1977)). *Договорились, Метц, спасибо. Это очень приятный еврейский ресторанчик...* (Василий Аксенов. Новый сладостный стиль (2005)). *Это был приятный имиджевый проект, но уже через год работу пришлось возобновить* (Елена Тюшина. Полезный и стильный (2013.03.05) // «Новгородские ведомости», 2013). [Mosga, nick] *Остановился на «Русском Стандарте» — приятный сайт, высокие проценты, нормальные условия* (коллективный. Форум (2009-2011)).

То же в отношении *неприятного* — им может быть все, что не располагает к себе субъекта оценки. Ср.: *Берлиоз с великим вниманием слушал неприятный рассказ про саркому и трамвай, и какие-то тревожные мысли начали мучить его* (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 1 (1929—1940)). *Последняя встреча оставила в ней неприятный осадок, как, впрочем, и многие свидания за последнее время* (Михаил Гиголашвили. Чертово колесо (2007)). *Но — опять неприятный вопрос: почему эти вторые ворота можно было взять тараном?* (Подрыв референдума (2003) // «Спецназ России», 2003.01.15). *Самый неблагодарный, — да и неприятный, — возраст 17—20 лет* (З. Н. Гиппиус. Благоухание седин (1924)).

Важной отличительной чертой *приятного* сублимированного является его коммуникативность — употребление прилагательного обычно соединено с описанием ситуации общения, в которую включены объект оценки (человек) и субъект оценки; ср.: *Приятный застольный собеседник в обществе выше лорда Бейрона и Христофора Коломба!* (Ф. В. Булгарин. Обед (1840)). *Васька почувствовал, как и тогда на крыше, что перед ним внимательный и приятный собеседник, с которым интересно говорить о мальчишеских делах и перед кем не надо строить взрослого* (Герман Матвеев. Зеленые цепочки (1945)). *Это*

был приятный, остроумный и богатый начитанностью собеседник (В. П. Мещерский. Мои воспоминания (1897)). Коммуникативность *приятного* кодируется, как правило, в устойчивых выражениях: *приятный в общении*, *приятные манеры* и т.п. Ср.: *Очень сильный директор и очень приятный в общении человек пал, тем не менее, жертвой каких-то партийных интриг — его выжили* (И. Э. Кио. Иллюзии без иллюзий (1995—1999)). *Приятен в общении, очень остроумен* (Евгений Сухов. Делу конец — сроку начало (2007)). Для *приятного* важны внешние формы — манеры, стиль, тон; этим приятный сублимированный близок приятному эстетическому. Ср.: *А ещё приятен её спокойный, деловой тон* (И. Грекова. Перелом (1987)). *Как мне приятен этот суховатый и строгий стиль!..* (В. В. Вишневский. Дневники военных лет (1943—1945)). *Зотову была на редкость приятна его манера говорить; его манера останавливаться, если казалось, что собеседник хочет возразить; его манера не размахивать руками, а как-то лёгкими движениями пальцев пояснять свою речь* (А. И. Солженицын. Случай на станции Кочетовка (1962)).

Приятный сублимированный субъективен (как субъективны и *приятный* сенсорный и эстетический); чтобы понять логику оценки, нужны объяснения, и они даются в контексте или привносятся семантикой других эпитетов для данного объекта; ср.: *Слава засмеялся — легко и без всякой обиды. Он был приятный парень. Видно, что интеллигентный и миролюбивый* (Алексей Иванов. Комьюнити (2012)). *Так, от медсестры, у которой был милый, приятный, ласковый голос, Валентина узнала, что Муза попала в больницу* (Маша Трауб. Замочная скважина (2012)).

Приятный сублимированный может описывать как постоянные, так и изменчивые свойства объекта, динамичность признака. Ср.: *Всякие движения производила она со вкусом, даже любила стихи, даже иногда мечтательно умела держать голову, — и все согласились, что она, точно, дама приятная во всех отношениях. Другая же дама, то есть приехавшая, не имела такой многосторонности в характере, и потому будем называть ее: просто приятная дама* (Н. В. Гоголь. Мертвые души (1842)). *Он развернулся, сделался приятен в разговоре, любезен — словом, провёл вечер очень приятно* (Н. В. Гоголь. Шинель (1842)). *Я не могла понять, как Саша буквально пять минут назад — приятный собеседник, романтик и одухотворенный поэт, тут же резко перевоплощается в психопата и циника* (Андрей Ростовский. Русский синдикат (2000)).

Субъективность подчеркивается конструкцией «прилагательное в предикативной позиции, обычно в краткой форме + *кому/ для кого*». Ср.: *Лиде знаки были приятны, приятен флирт, взгляды, но новые отношения ей были ни к чему* (Маша Трауб. Замочная скважина (2012)). *Однако всякий новый знак внимания бывал ему приятен* (М. А. Алданов. Истоки. (1942—1946)). *Он заставил себя еще поговорить о фламенко — видел, что ей приятна и важна эта тема, и приятно, что он интересуется…* (Дина Рубина. Белая голубка

Кордовы (2008—2009)). Краткая форма, тем не менее, не мешает выносить обобщающие заключения; ср.: *Все-таки женская ревность приятна, добавляет уверенности в себе* (Анна Берсенева. Возраст третьей любви (2005)). *Лишь дым соавтора нам сладок и приятен…* (Григорий Горин. Иронические мемуары (1990—1998)). *Образ врага очень приятен для обывателя, потому что, если есть враг, значит, ты ни в чём не виноват* (Татьяна Соломатина. Мой одесский язык (2011)).

Приятный сублимированный чаще всего соединяется с прилагательными *любезный*, *обходительный*, *услужливый*. Ср.: *Очень обходительный и приятный человек, — продолжал Чичиков, — и какой искусник!* (Н. В. Гоголь. Мертвые души (1842)). *Он человек обходительный, приятный, но политик с головы до ног* (И. Г. Эренбург. Люди, годы, жизнь. Книга 7 (1960—1965)). *Хозяин был немец, какой-то родственник Богдановича, человек услужливый и приятный* (Ю. В. Трифонов. Нетерпение (1973)). *Он был отменно любезен и приятен в обращении...* (Н. С. Гумилев. Африканский дневник (1913)). *Неприятный* сублимированный характеризует, прежде всего, невежливого человека; ср.: *Катерина сказала, что очень тяжелый и неприятный человек* (Эдуард Володарский. Дневник самоубийцы (1997)). *Неприятный, грубый, не очень грамотный, но с большим самомнением* (С. М. Голицын. Записки уцелевшего (1980—1989)).

Желание быть приятным, выразить приязнь находит этикетные формы выражения в благопожелании, приветствии и т.п.; ср.: *Приятного вечера! Приятная встреча! Очень приятно! Приятная неожиданность!* Этикетная любезность может вырождаться в фамильярность; ср: *Подарите мне, приятный кавалер, шесть копеек на выпивку!* (И. Ф. Анненский. Вторая книга отражений (1909)). *Приятный* может служить эвфемизации речи; ср.: *Они вступили в тот еще вполне приятный возраст, когда уже слабеющее зрение помогает не разглядеть не слишком явные морщины* (Афанасий Мамедов, Исаак Милькин. Морские рассказы // «Октябрь», 2003). От эвфемизации до иронии — один шаг; ср.: *Приятная перспектива открывалась умственному взору красивого врача: разоренная супруга — подержанная, больная, капризная и ревнивая!* (А. Ф. Писемский. Мещане (1877)). *Этикетная любезность — главная сфера употребления превосходной степени (приятнейший): — Я сохранил приятнейшее воспоминание об этом вечере* (Гайто Газданов. Письма Иванова (1963)). *<...> а я без вас сделал здесь приятнейшее знакомство!* (А. С. Грибоедов, П. А. Вяземский. Кто брат, кто сестра, или обман за обманом (1823)). Любезность в преувеличенном ее выражении дает иронический эффект; ср.: *А Влас Дорошевич — милейший, приятнейший, удобнейший — разве он требует от вас чего?* (К. И. Чуковский. О Власе Дорошевиче (Эпитафия) // «Свобода и жизнь», 1906). Ироническое преувеличение признака создается в контексте и без формы превосходной степени; ср.: *Вот как, например, теперь, когда случай мне доставил счастие, можно сказать образцовое, говорить с вами*

и наслаждаться приятным вашим разговоров… — Помилуйте, что ж за приятный разговор? Ничтожный человек, и больше ничего, — отвечал Чичиков (Н. В. Гоголь. Мертвые души (1842)). Любое усиление оценки *приятный* вступает в противоречие с заложенной в ее семантике сдержанностью и потому создает иронию. Так, избыточно расширение адресации *приятного* сублимированного; ср.: *Он вообще человек воспитанный, всем нравится, для всех приятный* (Александра Маринина. Последний рассвет (2013)). Градация признака создается и с помощью интенсификаторов, при этом объективными выглядят сдержанные характеристики; ср.: *Это приятная сумма, — продолжал он дрожащим, немного расслабленным от удовольствия голосом, сжимая пачку в руках и улыбаясь значительно, — это весьма приятная сумма! Хоть кому приятная сумма!* (Ф. М. Достоевский. Двойник (1846)). *Она (хохочет). Ужасно приятный мужчина…* (А. Н. Толстой. Черная пятница (1924)). *В остальном же очень, очень приятный мужчина* (Людмила Улицкая. Цю-юрихь // «Новый Мир», 2002). *Во всем остальном он парень вполне приятный, компанейский, с чувством юмора, не злобный, не конфликтный, покладистый и открытый* (Александра Маринина. Ангелы на льду не выживают. Т. 1 (2014)). Для градации *неприятного* используются конструкции: *не самый приятный*; *не очень приятный*, а также устойчивое выражение: *приятный и не очень*. Ср.: *Жаль, что повод для встречи не самый приятный* (Андрей Троицкий. Удар из прошлого (2000)). *И вот самая недавняя и едва ли не самая любопытная (хотя и не очень приятная) гипотеза* (Андрей Железных. Римляне и мы // «Знание — сила», 2010). *Вот два любопытных эпизода той поры — приятный и не очень, — заполняющие этот пробел* (Понемногу о многом // «Знание — сила», 1997). Сравнительные формы *приятного* сдержаннее, и они служат созданию параметров приятности; ср.: *Но было бы ещё приятнее, если бы ты не пачкала так свои вещи* (Наталия Ермильченко. Колыбельная // «Мурзилка», 2000). *Ещё более приятная новость: это одно место будет считаться за целую фракцию* (Денис Драгунский. Оппозиция и одно место // «Частный корреспондент», 2010).

***

Итак, семантика прилагательного эмоциональной оценки *приятный* строится на соотношении других типов оценок — сенсорной, эстетической, этикетной, этической и др. Оценки, выражаемые прилагательным *приятный*, вариативны и ассоциативны. Исследование употребления прилагательного позволяет утверждать, что в речи регулярно реализуется три значения: 1) сенсорное значение; 2) эстетическое значение; 3) сублимированное значение. При употреблении в тексте прилагательное сочетается с именем класса. На распределение семантики указывают особенности денотации, ее активное расширение в тех или иных значениях, сопутствующие употреблению коннотации, сила и тип эмоционального воздействия и способы его выражения, совместимость эмоциональной оценки с другими характеристиками объекта.

Список сокращений

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ruscorpora.ru/search-main.html.

Литература

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998.

Арутюнова Н. Д. Истина. Добро. Красота: Взаимодействие концептов // Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного. М.: Индрик, 2004. С. 5—30.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В IV тт. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1955. Т. III.

Демьянков В. З. Пленительная красота // Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного. М.: Индрик, 2004. С. 169—208.

Евгеньева А. П. (ред.). Словарь синонимов. Л.: Наука, 1975.

Мечковская Н. Б. Семиотика. Язык. Природа. Культура. Курс лекций. М.: Academia, 2004.

Ожегов С. И. (ред.). Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1981.

Рябцева Н. К. Красота и свет в ментальном пространстве // Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного. М.: Индрик, 2004. С. 650-670.

Ушаков Д. Н. (ред.). Толковый словарь русского языка. В IV тт. М.: Гос. ин-т «Советской энциклопедии», 1935—1940. Т. II. 1939.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. I—IV тт. М.: Прогресс, 1986—1987. Т. III.

Е. Е. Королёва (Институт социальных и гуманитарных исследований Даугавпилсского университета)
О. Г. Ковзеле (Институт социальных и гуманитарных исследований Даугавпилсского университета)
J. J. Koroļova (Institute of Humanities and Social Sciences at Daugavpils University)
O. G. Kovzele (Institute of Humanities and Social Sciences at Daugavpils University)

Инвективы как способ выражения отрицательных эмоций в диалектном социуме (староверы Латгалии)
Invectives as a way of expressing negative emotions in a dialectal society (the Old Believers of Latgale)

Аннотация

Инвективы — социально значимое явление, поэтому их изучение актуально не только для лингвистики, но и для всего общества в целом. Особого рассмотрения инвективизация заслуживает на примере диалектного материала, извлеченного из одной диалектной системы, поскольку может дать представление о функционировании инвектив в отдельной социальной страте. Весь корпус записанных нами в Латгалии (юго-восточная часть Латвии) инвектив составляет более 3000 единиц. Все они записаны с 1977 года по 2019 год у местных староверов. Языковые особенности выражения отрицательных эмоций при помощи инвектив, их структура, мотивировка и функциональная нагрузка решаются в рамках этнолингвистического подхода к изучению языкового материала.

Invectives are a socially significant phenomenon; therefore their study is relevant for both linguists and the society. The increase in the use of invectives deserves a special consideration taking for the study the dialect material extracted from one dialect system, since it can provide an insight into the functioning of invectives in a separate social stratum. The whole corpus of invectives recorded by the authors in Latgale (south-eastern part of Latvia) consists of more than 3,000 units. All of them have been recorded in the span of 1977 to 2019 from the Old Believers. The linguistic peculiarities of the expression of negative emotions by means of invectives, their structure, motivation and functional valency are considered within the framework of the ethno-linguistic approach to the study of linguistic material.

Ключевые слова

Инвективы, этнолингвистический, лексика, фразеологизмы, грамматика, мотивированность, заимствования

Invectives, ethnolinguistic, idioms, grammar, motivation, borrowing

Отрицательные эмоции являются более многочисленными и выражаются в языке более разнообразно, чем положительные — это языковая универсалия. По мнению В. И. Жельвиса, «инвективный лексический слой особенно успешно передает в речи эмоции говорящего» [Жельвис 1990: 21]. Страх, гнев, раздражительность, злость служат результатом воздействия на человека внутренних и внешних раздражителей. Инвектологи рассматривают спектр эмоций инвективы более подробно: «В основе эмоционального контекста инвективы лежат эмоции враждебности — презрение, отвращение, гнев, злость, пренебрежение, ненависть, досада, раздражение, обида и др.» [Саржина 2007: 257]. Мы анализируем систему инвектив, служащих для выражения сильных отрицательных эмоций, возникших в ответ на какой-либо раздражитель в диалектном языке староверов (самоназвание) Латгалии (юго-восточная часть Латвии). При этом нами рассматриваются только те инвективы, которые всегда являлись вполне приемлемыми в данном обществе, потому что никогда не носили непристойного характера. Таким образом, анализируются только те языковые единицы, которые не являются матерной бранью и не используют лексику «низа», крайнюю точку на шкале инвективности у староверов занимает лексика со значением физиологических отправлений организма. Инвектива заменяет агрессивное действие. Существует мнение, что тот, кто первым вместо агрессивного действия обругал противника, заложил основы цивилизации. «Частота обращения к инвективе от слабой до наиболее резкой, грубой и вульгарной определяется такими параметрами, как социальный, конфессиональный, половой, возрастной, образовательный и т. д.» [Жельвис 2001: 320]. В нашем случае инвективы употребляют староверы-беспоповцы поморского согласия, среднего и старшего возраста, мужчины и женщины, чаще всего замужние, не имеющие высшего образования, представители традиционной культуры, проживающие на территории современной Латгалии. Инвектива носит национально специфический характер. Староверы Латгалии — этноконфессиональная общность внутри русского этноса Латвии, поэтому использование ими инвектив имеет свои специфические особенности.

Статья написана в русле Московской этнолингвистической школы, основы которой были заложены в работах Н. И. Толстого и С. М. Толстой. Основные понятия этнолингвистики разработаны в пятитомном фундаментальном этнолингвистическом словаре «Славянские древности» (1995—2012) [СД] и продолжают разрабатываться сотрудниками Отдела этнолингвистики и фольклора Института Славяноведения РАН, учениками, последователями и единомышленниками Н. И. и С. М. Толстых. Для этнолингвистической школы Н. И. Толстого характерны социальный, типологический, сопоставительный, этимологический и ареальный подходы к исследованию полевого материала. Комплексный подход к традиционной культуре, семиотический подход к тексту культуры, характерные для этой школы, учет языковых диалектных и

фольклорных данных, мифологии, верований и обрядов, позволяющий выявить народное мировидение и мировосприятие, представляется нам наиболее перспективным для описания нашего материала.

В инвективах староверов Латгалии используется инвентарь мифологических и христианских в своей основе средств. Разнообразие и многочисленность инвектив следует объяснить архаичностью наших говоров, связанной в первую очередь с конфессиональной и бытовой консервативностью и длительной закрытостью носителей этих говоров — русских староверов, проживающих на территории Латгалии в иноязычном окружении с 17 века после церковного раскола 1666 года.

Как уже было сказано, в языке и культуре староверов Латгалии сохраняется много архаики. Так, истоки многих из архаических черт культуры — мифологические воззрения древних славян. Инвективы как способ выражения отрицательных эмоций представлены в малых жанрах фольклора — таких, как брань, проклятия, запреты, былички, частушки, пословицы, заговоры и др. «Со стороны мотивов и структуры текста инвективы в фольклорной традиции изучены недостаточно» [Толстая 2015: 24]. Мы рассмотрим в основном три пласта инвектив, представленных в потоке речи: брань («обзывания», обвинения), жанр проклятий и злопожеланий и запретов. Наиболее репрезентативными являются два жанра — жанр «обзываний», а также жанр проклятий и злопожеланий. «Обзывания» — это «обидные слова», произносимые с целью нанесения вреда адресату или, иными словами, такое «речевое поведение, которое выражает интенцию отрицательного воздействия субъекта на поведение, эмоциональное состояние и ценностную парадигму адресата» [Файзулина 2008: 102]. Злопожелания в древние времена были вербальной формулой выражения ритуала проклятия и имели целью при помощи магии слова отдать противника в распоряжение нечистой силы или сразу уничтожить его. Как и у южных славян, слово *клятва* у староверов синонимично слову *проклятие*: *Вихор тебя подыми! – йето клятва называется* (Даугавпилс). С этим корнем связано самое страшное проклятие: *Будь проклят! – ну это самое страшное слово, проклён говорили – это то самое страшное слово, что проклят!* (Прейльский р-н, Ливаны). *Проклёнами* нельзя было ругать детей (их вообще запрещено обзывать и тем более проклинать), домашний скот (иначе будешь есть нечистое мясо и пить нечистое молоко), весь круг своих близких людей и животных, населяющих своё, чистое пространство.

Таким образом, проклятия — верный способ уничтожить любого врага, воплощенного как в образе человека, так и в образе нечистой силы. По представлению староверов, чем сильнее вера, тем опаснее нечистая сила. Староверы как хранители древнего благочестия являются страстными приверженцами старой веры, поэтому наступление войск дьявола на приверженцев староверия является особенно сильным. Ту же самую мысль мы находим и в других источниках, у представителей современного православия: «Народ был православ-

ный, сатана-то и сомущал» [Померанцева 1975: 176]. В жанре былички это наступление нечистой силы на человека отражено достаточно четко и проработано очень подробно [Никитина 2008].

Для инвективы характерна повышенная эмоциональность, поскольку ее цель — выразить сильную эмоцию. Сильные эмоции в своей повседневной жизни человек испытывает достаточно часто, поскольку он осуществляет какие-то действия и общается с окружающими людьми. Экспрессивность, выразительность также крайне важна для воздействия на оппонента. Пейоративность — третий коннотативный признак инвективы. «Для традиционной культуры в целом характерна “повышенная аксиологичность” и большая, чем в языке, категоричность оценки» [Толстая 2015: 15]. Инвективизация речи может преследовать разные цели. Например, целью инвективы может быть стремление дать отпор обидчику, приструнить его, оскорбить, унизить, понизить его социальный статус, выразить агрессию, сильную отрицательную эмоцию. Кроме того, быть шуткой, эмоциональной подпиткой, психологической разгрузкой после сильного эмоционального напряжения, быть маркером «своего», установлением или поддерживанием контакта между членами коллектива, демонстрацией своей особости, раскованности, намеренным нарушением запрета. Инвективы могут употребляться по привычке и быть заполнителями пауз в потоке речи. В разных культурах насчитывается до 30 различных функций инвектив [Жельвис 2001: 321]. Они исторически изменчивы и амбивалентны. «Полярным по отношению к похвале является жанр брани, оскорбления, инвективы. Целью является выражение отрицательных эмоций и отрицательной оценки адресата говорящим, а с другой стороны — унижение и оскорбление адресата. Брань может быть и неадресованной и выступать только как выражение эмоций говорящего или же просто как привычка» [Толстая 2015: 23]. Инвективы характерны для разговорной речи, свободной от всякого рода запретов и строгих норм, поскольку функционируют в условиях раскованности и свободы употребления речи. Однако в нашем случае это не совсем так, поскольку жизнь староверов определяют многочисленные запреты и предписания, не только религиозные, но и бытовые. Крайней точкой выражения отрицательных эмоций в русском языке служит матерная брань. Для староверов характерен запрет на употребление обсценной лексики. Этот запрет имеет христианскую мотивацию: *Нельзя ругаться нецензурными словами. Мат — это от дьявола. Бог словом сотворил мир, а плохим словом мы его разрушаем. Нельзя курить, потому что, как говорит предание, первую трубку выкурил дьявол* (Даугавпилс); *Это большой грех — сквернословить, мама моя: «Ой, лихонько моё»! — скажет и всё* (Краславский р-н, Ковалево); *Раньше матами не говорили* (Краславский р-н, Дагда).

В народе полагают, что матерная брань оскорбляет мать-сыру землю, родную мать и Богородицу, практически любую женщину [Качинская 2018: 237]. Точно так же считают и ученые (Н. И. Толстой, Б. А. Успенский, Г. Фе-

дотов). На Русском Севере и в Полесье матерная брань отождествляется с богохульством [Качинская 2018: 237, Топорков 1984: 231 — цит. по Качинская 2018: 231]. Такого же мнения придерживаются и наши староверы. *Матом он научивши говорить, а Господни слова, наверно, не знает* (Прейльский р-н, Санаужи). Повсеместно в русской культуре запрещено употреблять матерную брань при женщинах и детях, кроме того, у староверов нельзя материться при стариках и в комнате, где есть иконы. Матерную брань называют *черным словом*, а частушки с матерной бранью *жирными*. Однако в диалектном языке повсеместно матерная брань может использоваться в качестве оберега [Качинская 2018: 226, 237]. *Что такое? Привиждение! Тада человек, руки по швам идёт человек, мне и волосы уже мокрые стали — как матюгнулся по мати, исчез* (Прейльский р-н, Москвино); *Сругался матью и всё — три часа нас бес отводил! Во как бывает, бес поймает!* (Резекненский р-н, Гурилишки). Матерная брань наряду с христианскими средствами защиты является действенным способом защиты от нечистой силы. Староверы считают, что раньше в их среде не была распространена матерная брань и связывают ее появление с приходом советской власти. *Када работала дояркой, мат был развязан в мяня. Муж мяня одяргивал: себя не уважаешь, хоть стариков уважь!* (Прейльский р-н, Ливаны).

Говоря по-латышски, латыши в неофициальной обстановке часто используют вкрапления русской матерной брани. Обычно считается, что русская матерная брань более сильная, крепкая, выразительная, чем брань на других языках, потому что другие языки не обладают языковыми возможностями так точно передать весь спектр отрицательных эмоций говорящего. Часто этот факт является предметом особой гордости русских, но староверы объясняют это явление по-другому, исходя из присущей им сильной веры в Бога: *В нас ругаются так чисто по-русски. Работники собираются, всё говорят по-латысьски, как токо сругнуться — по-русски! Что ваш Бог не понимает по-русски? Что вы по-русски ругаетесь, всё равно ж поймёт!* (Прейльский р-н, Ливаны). Получается, что, по мнению староверов, брань на иностранном языке позволяет латышам не оскорблять своего Бога, поскольку матерная брань — это богохульство, а использование русского мата оскорбляет русского Бога, а не латышского.

Часто инвективы носитель диалекта может употреблять по отношению к самому себе. Конечно, это в значительной мере снижает их резкость, но психологически говорящий рассчитывает на возражения собеседника, во всяком случае, на его сочувствие. С другой стороны, «самоустрашение — один из наиболее характерных аспектов инвективного общения» [Жельвис 1990: 21]. Вот примеры, связанные с сетованиями человека на наступившую старость и проблемы, связанные с нею: *старый гриб*; *старый обабок*; *гриб морсклятый*; *гриб мочёный*; *старый пень*; *старый пенёк*; *старый корч*; *пень горелый*; *старлыба несчастная*. Как видим, в словосочетаниях используются образы при-

родных объектов — гриба и пня — с указанием на их старость, непригодность или переработку для употребления в пищу, т.о. это — отработанный материал. Старики могут обзывать друг друга, в основном за глаза. Здесь находим уже совсем другой набор словосочетаний с прилагательным *старый*: *змей старый*; *старый проклён*; *старый хрыч*; *старая хрычка*; *старая борода*. Людям других возрастных групп нельзя использовать инвективы по отношению к пожилым людям, поскольку у староверов, как это чаще всего принято в традиционной культуре, к старикам относятся с большим уважением, как к носителям знания и опыта, не только жизненного, но и духовного, церковного. Кроме того, духовными наставниками, самыми уважаемыми людьми в староверской общине, могли быть только мужчины старшего поколения. Они же учили молодежь церковной грамоте. Это значительно повышало их авторитет в обществе. В наше время произошла переориентация общества, в центре внимания оказалась молодежь. В современном обществе появилось негативное отношение к старикам и старости. Яркое свидетельство отражения этого процесса в болгарской народной культуре находим у И. А. Седаковой: в болгарском народном языке есть корень **дърт-*, «все дериваты от этого корня имеют негативно окрашенные коннотации и используются для пейоризации старости или вообще для отрицания ее ценности» [Седакова 2015: 239]. Однако, несмотря на переориентацию общества, староверы Латгалии остаются верны своим традициям.

Рассмотрим, каким способом сильные отрицательные эмоции выражают староверы Латгалии в ситуации брани, проклятиях и злопожеланиях, выполняя запрет на матерную брань и избегая ее употребления.

Инвективная лексика в спонтанной речи в ситуации брани

В ситуации брани главным образом используется субстантивная лексика, а для усиления пейоративности, «сгущения» отрицательного эмотивного фона или конкретизации употребляются адъективные словосочетания.

Метафоризация. Наиболее распространенным способом выражения отрицательных эмоций в спонтанной речи жанра брани с целью обвинений и оскорблений служат метафоры. Метафоры с ярко выраженным отрицательно-оценочным значением могут относиться к следующим тематическим группам лексики:

— мифологические персонажи: *анчутка*; *анчибел*; *ведьма*; *змей*; *леший*; *обморок* — ‘обманщик’; *постен баенный*; *проклён*; *проклёныш*; *чёрт*; *чудо морское*;

— болезни: *хвороба*; *холера*; *чума*;

— отрицательные христианские образы: *анчихрист*; *бес*; *демон*; *нечистый дух*; *сатана*;

— чужеземцы-иноверцы: *азият*; *басурман*;

— этнонимы: *бульбаш* — ‘белорус’; *жид греховный*; *кацап* — ‘старовер’; *москаль* — ‘старовер’; *пшек* — ‘поляк’; *пшечка* — ‘полька’; *турок*; *французы* — ‘французы’; *чухна* — ‘латыши, эстонцы’;

— антропонимы: *Афоня*; *Фалалей*; *Феофан*;

— человек: *балабола* — ‘болтун, пустослов’; *бормота* — ‘сплетник’; *вертуха* — ‘женщина легкого поведения’; *выродок* — ‘аморальный человек’; *подворотник* — ‘грабитель’; *подлодочник* — ‘грабитель’; *подмостовник* — ‘грабитель’; *поскрёбыш* — ‘человек, оставшийся последним, отставший от всех в еде или в работе’;

— ребенок, детеныш животных: *выверт*; *выверток* — ‘непоседа’; *сосун*; *сосунок*;

— неверующий: *безбожник*; *еретик*; *нехристь*; *поганик* — ‘язычник’;

— человек по социальной принадлежности: *бездомовник* — ‘беспризорник’; *белохвост* — ‘православный’; *белохвостик* — ‘католик’, ‘полукровка католического вероисповедания’; *бобыль* — ‘безземельный крестьянин’, ‘нищий крестьянин’;

— житель определенной местности: *посадский* — ‘житель поселка’, ‘хулиган’; *поселянщина* — ‘житель Задвинья’; *сипак* — ‘православный житель Лудзенского района’; *скобарь* — ‘житель Псковской области’;

— животные: *баран*; *выдра*; *обезьяна*; *овечка*; *скотина*;

— птицы: *долдон* — ‘дятел’; *петух*; *птица*; *птичка*; *сорока*; *глухой тетерюк* — ‘тетерев во время токования в брачный период’;

— растения: *трава бездушная*;

— материал: *войлох* — ‘войлок’;

— часть тела: *костка негодная*;

— обувь: *валенок некатанный*; *колхозный лапоть*; *сапог*;

— еда: *блин со сковороды*; *ватрух*; *гриб мочёный*; *шкварка*;

— предметы быта: *сундук колхозный*;

— орудия труда: *борона*;

отходы: *обсевок*; *осевок*; *отсевок*; *опоек*; *опорок; отюкаш*; *ошмётки* — ‘старая изношенная одежда’;

— названия природных объектов: *болото топучее*;

— общеоценочная бранная лексика: *касть*; *паскуда*; *сволочь*; *нечисть*;

— физиологические отправления организма: *говно*. Этимологически это слово связано со словом *говядина* и означало в древности ‘коровий помет’, ‘навоз’ [ЭССЯ 1980: 177], поэтому для староверов оно не имеет того шлейфа пейоративности, вульгарности и грубости, который присущ ему в разговорной речи.

Метонимия. В нашем материале нашлось только три случая метонимического использования лексики: *старая борода*; *морда*; *паскудная харя*.

Заимствованная лексика: *рупоть* (по-латышски ‘жаба’); *вяпла зеленая* (*вяпла* по-литовски ‘растяпа’); *рагана* (по-латышски ‘колдунья, ведьма’); заимствованные междометия: *ёх-ай-ды* (с латышского); *ядри твою коцинь* (*коцинь* по-латышски ‘палочка’).

Фразеология: *изругаться по-чёрному*; *из мати в мать ругаться*; *крыть*

по мати; *на ту послать* (*ту* — в местных говорах междометие).

Междометия. Часто двучленные и трехчленные междометия являются эвфемистическими заменами непристойной брани: *ядри яну вошь*; *ядри твою кость*; *ядри твою налево*; *ядри маковку*; *ядри макушку*; *ядри твою палку*; *ядри халат*; *ядри батон*.

Деривация на базе лексем с «отрицательным зарядом» и нейтральных словообразовательных формантов: *хворобник*; *подмостовник*; *проклятник*; *забулдыжник*; сложения: *дуроглаз*; *чертобес*; *чудород*; сложения с суффиксацией: *греховодник*; *кровопивец*; использование и производящих основ и формантов с отрицательной оценкой: *бесня*; *подхлебала*; *нелюдь*; *идолюга*; *змеища*; *мордюга*; *старлиба*; повторение рифмующихся основ — парные слова: *тямтя-лямтя*; *шадера-бадера*; *шалды-балды*; *шалтай-болтай*; *шули-гули*; *шуля-муля*.

Синтаксис. Использование фразеологизированных тавтологических синтаксических конструкций: *А была мода тапки белы, а придём беса бес, попробуй, сбегша, сюда придти на вечеринку* (родители не отпускали на вечеринку) (Даугавпилсский р-н, Рейнишки); *Задрали платья и идём такие беси бесям* (Даугавпилсский р-н, Витанишки); *Это уже фифа так фифа — на всех бесов похожа!* (Резекненский р-н, Малта); *Ну, болмота из болмоты* (‘сплетница’), *ты скажи лучше в глазы, чем за глазы* (Резекненский р-н, Малта).

Вместо лексемы может использоваться типичная для русской разговорной речи описательная конструкция, указывающая на место обитания: *с-под лодки* — ‘грабитель’.

Синонимия. Для речи староверов характерно нагнетение инвектив в одном высказывании. *Паскуда ты негожая, предатель, гад!* (Резекненский р-н, Малта).

Использование сравнительных конструкций: *как беси съели* (‘о здоровье’); *как беси сядут* (‘о плохом самочувствии’); *как чёрт в руку пёрнул* (‘о сбывшемся гадании’); *как чёрт работу серет* (в праздник).

В составе инвективных словосочетаний могут использоваться прилагательные: *паразит пегатый*; *гулёна шалая*. В первом примере это конкретизирующее прилагательное, во втором — усилительное. В некоторых случаях конкретизирующие прилагательные используются при десемантизации ранее наиболее выразительных инвектив, утративших выразительность из-за частого употребления. Инвективам, чтобы выполнять свое назначение – быть сильным средством выражения отрицательных эмоций — требуется постоянное обновление и «сгущение» пейоративности и экспрессивности. Подобную картину мы наблюдаем в устойчивых словосочетаниях и сравнительных конструкциях со стершейся внутренней формой. Для этого могут использоваться и словосочетания с общеоценочными прилагательными: *окаянный*; *последний*; *проклятый*; *страшной*; *негожий*; *несчастный*: например, *шмара проклятая*.

Отрицательная оценка возрастает, если номинация сопровождается

указанием на недоделанность, неполноту признака: *дурака кусок*; *змея кусок*; *гультяйки* (‘лентяйки’) *проклятой кусок*; *змея надобитый кусок*; *змея недобитый осколок*; *рупоть* (по-латышски ‘жаба’) *недоделанный*; *собака бесхвостый*; *скотинка безрогая*. Эта особенность идет еще от языческих времен. По мифологическим представлениям недоделанность, бесформенность, нецельность угрожает всему социуму в целом.

Надо сказать, что наиболее распространенными в нашем регионе являются обзывания *бесом* и *змеем*. При этом *змеем* обзываются мужчины старшего поколения, а вот *бесом* ругаются представители всех сословий, всех возрастов, как мужчины, так и женщины. *Змеем* могут обзывать мужчину, *змеёй* — женщину, *змеёнком*, *змеёнышем*, *змеенятами* — детей. *Змей* и *бес* могут фигурировать в составных субстантивных номинациях. *Бес* в проклятиях, быличках сочетается с предикативной лексикой. При этом субстантив является воплощением отрицательной оценки, а прилагательное конкретизирует недостаток, подвергаемый осуждению: *бес заполошный* — ‘о порывистом, беспокойном человеке’; *бес заскорузлый* — ‘об очень грязном, неопрятном человеке’; *бес косоглазый*; *бес криволапый*; *бес кривомордый*; *бес кудлатый*; *бес лупоглазый*; *бес лысый*; *бес мокрохвостый* — ‘о ребенке’; *бес морсклятый* — ‘о морщинистом человеке’; *бес невиданный*; *бес негожий* — ‘о ни к чему не пригодном человеке’; *бес недяглый* — ‘о болезненном человеке’; *бес неловкий* — ‘о неуклюжем человеке’; *бес нелюдяный* — ‘о нелюдимом человеке’; *бес несуразный* — ‘о нескладном человеке’. *Бес* используется в инвективных словосочетаниях, акцентирующих внимание на внутренних и внешних недостатках человека.

Примеров со *змеем* гораздо больше, при этом встречаются и не только адъективные словосочетания: *змей аблаухой* — ‘о необразованном человеке’; *змей аглоухий* — ‘об отчаянном человеке’; *змей бездонный* — ‘о прожорливом человеке’; *змей блыкущий* — ‘о человеке, ведущем разгульную, распутную жизнь’, ‘о супруге, изменяющем жене’; *змей большеголовый*; *змей брюхатенный* — ‘о человеке с очень большим животом’; *змей голодраный* — ‘о нищем’; *змей голопупый* — ‘о нищем’; *змей горбатый*; *змей горлатый*; *змей гримасный* — ‘о Максиме Галкине’; *змей длиннополый* — ‘о священнослужителе православной церкви’; *змей Жбанович* — ‘о человеке по прозвищу Жбан’; *змей козлатый* — ‘о человеке по прозвищу Козёл’; *змей лысый*; *змей модный* — ‘о разборчивом в еде человеке или животном’; *змей мудрый*; *змей проклятущий*; *змей супротивный* — ‘об очень упрямом человеке’; *змей треблатенный* — ‘о человеке с очень большим животом’; *змей треблатый* — ‘о человеке с большим животом’; *змей хохлатый* — ‘об украинце’; *змей хритонатый* — ‘о человеке по имени Харитон’; *змей цыганатый* — ‘о цыгане’; *змея навязливая*; *змея полякатая*, *змея поляцкая* — ‘о польке’; *змея сдохлая*; *змея старая*; *змея хохлацкая*. Как видим, словосочетания с лексемой *змей* могут использоваться для номинации чужих по национальному признаку: *змей хохлатый*; *змей цыганатый*; *змея полякатая*; *змея поляцкая*; *змея хохлацкая*; по вероиспо-

веданию: *змей длиннополый*; по социальному признаку: *змей аблаухой* — ‘о необразованном человеке’; *змей голодраный* — ‘о нищем’; *змей голопупый* — ‘о нищем’; по отношению к человеку, нарушающему нормы общественного поведения: *змей блыкущий* — ‘о человеке, ведущем разгульную, распутную жизнь’, ‘о супруге, изменяющем жене’.

Конкретизирующие прилагательные в этих двух моделях, за редким исключением, не совпадают. Синтагматика лексем *бес* и *змей* в составе современных инвектив диалектного языка отражает, на наш взгляд, хотя и в сильно редуцированном виде, древние мифологические представления восточных славян. Изучение их — это задача будущих исследований, но из приведенных примеров понятно, что христианский компонент функционально не отличается от языческого. Примером могут служить и словосочетания с опорным существительным *сатана*, используемые в качестве бранных слов: *сатана глумая*; *сатана горлатая*; *сатана косолапая*; *сатана курносая*; *сатана паскудная*; *сатанинские дети*; *сатановы дети*; *рыжая сатана*.

Грамматический способ. Намеренное изменение родовой или числовой принадлежности инвективы: *Беса проклятая, поганка ты несчастная, жарил мясо, опоганил детей мне, сам жри, не погань детей* (во время поста отец тайно накормил детей мясом)*!* (Резекненский р-н, Зуи); *Ах, вы говны, вы говны!* (Резекненский р-н, Малта); *Из глупых глупо: радуйтесь, бандиты, что наше правительство помирает – оны всех бандэров и выпустили, под амнистию попали* (после войны) (Резекненский р-н, Малта).

По мнению А. Б. Пеньковского, чужой мир — это мир, в котором нет дискретных объектов, и потому он воспринимается нерасчлененно — как речь на чужом языке, это мир форм множественного числа со значением однородного множества [Пеньковский 2004: 18—19]. По мнению исследователя, функционально-семантическим центром таких форм следует считать не гиперболизацию, а «генерализующее обобщение, генерализацию, которая становится основой для пейоративного отчуждения» [Пеньковский 2004: 17].

Рассмотренные инвективы используются в качестве обращения с целью оскорбления и обвинения или «обзывания». Обращение, по мнению Н. Д. Арутюновой, имеет двойственную природу: с одной стороны, оно позволяет адресату идентифицировать себя как получателя речи, а с другой стороны, в обращении часто выражается отношение к адресату говорящего. Функциональная двойственность ведет к тому, что в апеллятиве могут употребляться, а иногда и сочетаться идентифицирующие и предикатные (субъективно-оценочные) дескрипции [Арутюнова 1999: 115]. «Обзывания» функционируют в качестве предиката.

Инвективы в проклятиях и злопожеланиях

Эти злоречения являются самыми жесткими, резкими инвективами в языке латгальских староверов. «Самыми опасными для проклинаемого человека и самыми тяжелыми и греховными для проклинающего» — являются

«смертные проклятия» [Виноградова 2015: 57], а главным мотивом — мотив «не своей смерти». Главным компонентом этих фольклорных жанров служит глагол, в некоторых случаях бывает выражен и субъект действия, в случае его невыраженности предполагается, что это нечистая сила. Глагольные инвективы имеют формульный клишированный характер и функционируют в виде готовых типовых формульных клише, которые могут быть выражены императивом (в условиях устной речи иногда нулевым), сослагательным или желательным наклонением с союзом *чтобы*. В некоторых случаях выражается демонический локус.

Формулы полного уничтожения: *Беси тебя убей!* (Прейли); *Не мой посуду, гром на неё!* (Даугавпилс); *Чтоб она задавилась ба – две тысячи лат получает, всё мало, пенсию за границей!* (Даугавпилс); *Змей ты треблатенный, чтоб тебя чтоб тебя ко дну потянуло!* (Екабпилс); *А чтоб тебя нечуй-ветер* (трава) *завалила!* (Резекненский р-н, Виляны); *Чтоб тебя перун* (‘молния’) *спалил!* (Прейльский р-н, Шниткино); *Нашла тюремщика, ядри твою маковку, поить-кормить его, змея, чтоб он провалился!* (Краславский р-н, Калишево); *Чтоб ты пропал — и ты нервы гадишь!* (Даугавпилсский р-н, Межани); *Змей, чтоб он сдох!* (Даугавпилс); *Чтоб тебя францы задрали! — с веков шло, вот бабушка ругалась так* (Прейльский р-н, Пизани); *Чтоб ты, змей, ба ты сгнил ба!* (Резекненский р-н, Малта). Предикат выражен императивом, в первом случае нулевой формой, и формами желательного наклонения с союзом *чтобы*. Субъектами вредоносных действий являются *гром*, *перун*, *нечуй-ветер*, *беси*, *францы* ‘французы’.

Формулы частичного нанесения ущерба: *Гори шкура на нём!* (Даугавпилс); *Паралик* (‘паралич’) *с ним!* (Краслава); *Кулина эта несчастная, чтоб ей кула* (‘опухоль’, ‘нарост’) *между ног выросла!* (Резекненский р-н, Малта); *Как зачнём хороводы ходить, чтоб на тебя напад напал!* (Даугавпилс); *Чтоб у тебя шею свело!* (Даугавпилс); *Ах ты, беси мелкие, соли тебе на хвост!* (ребенку) (Даугавпилс); *Ах ты махлёр, чтоб тебя хвороба побрала!* (Краслава); *Чтоб ей хвороба!* (Прейльский р-н, Большие Дзеркали). Как и в предыдущем случае, чаще всего используются формы желательного наклонения. Предполагается нанесение ущерба здоровью, телу: коже, шее, причинение организму страшных болезней: паралича, опухоли. «О том, что телесная целостность человека осознается как одна из традиционных ценностей, мы можем узнать исключительно по текстам проклятий» [Виноградова 2015: 64].

Формулы отсылов, передачи во власть злых сил: *Беси тебя бери!* (Даугавилсский р-н, Субате); *Чтоб его бес обобрал! Беси их схвати, предатели!* (Краславский р-н, Калишево); *Я их кляну, паразитов несчастных, бес вкрал бы эту власть!* (дети стали безработными) (Прейльский р-н, Фольварк); *Теперь, быдто мы подо Прейлью — вкради их беси!* (Прейльский р-н, Фольварк); *Ну чтоб тую бабу беси взяли!* (Прейльский р-н, Шниткино); *Охвати их вси беси* (Краславский р-н, Калишево); *Боженька, пошли эту тучу чёрную на*

сухой лес, на мокрое болото! (Прейльский р-н, Большие Дзеркали); *Чтоб тебя гром забрал!* (Даугавпилс); *Чтоб его качки* (‘утки’) *взяли!* (Прейли); *Пранцы* (‘французы’) *тебя бери* (Прейльский р-н, Шниткино); *Чтоб тебя черти подхватили!* (Прейльский р-н, Ливаны); *Чтоб тебя францы* (‘французы’) *взяли!* (Прейли); *Чтоб тебя францы!* (Даугавпилс).

Субъектами, выполняющими отсылки, являются *бес*, *Бог*, *гром*, *качки*, *французы*. Встречается два наименования демонических локусов: *сухой лес*, *мокрое болото*.

Грамматическим средством служит форма императива, в нашем случае наблюдается почти полное совпадение глагольной лексики с общеславянским материалом. «Абсолютный приоритет у всех славян отдается глаголам «взять/забрать/унести», — глубинный смысл злопожеланий с этим мотивом заключается в стремлении говорящего отправить своего противника в опасный потусторонний мир» [Виноградова 2015: 67].

Инвективы в запретах

Формулы предписаний и запретов: *В брюках — крой Бог и помилуй!* (Прейльский р-н, Фольварк); *После заката солнца — борони Бог — с дома!* (Даугавпилсский р-н, Червонка); *В какой праздничек работать — ой, Боже упаси!* (Резекненский р-н Малта). В этих формулах запрета в роли предиката используется императивное междометие. Приведенные выше междометия являются выражением отрицательной эмоции в чистом виде в связи с «отрицательной оценкой ситуации и приводящих к ней действий» [Толстая 2015: 23].

Выводы

Инвективная речь составляет заметный пласт речи носителей диалекта, поскольку отрицательные эмоции, как уже говорилось, являются более сильными, чем положительные, и требуют «выхода наружу», в противном случае они могут нанести ущерб психическому здоровью человека. С другой стороны, чрезмерная инвективация речи грозит обществу, размывает моральные и этические ценности, содержит агрессию и вызывает ответную враждебность оппонента, приводит к деструктивным действиям, воспитывает цинизм. И самое опасное то, что, с точки зрения народной культуры, «отрицательно оцениваемые сущности не принимаются не только социумом, но и космосом» [Толстая 2015: 26].

Употребление многих инвектив мотивировано высокой степенью христианской веры староверов. Так, в инвективах староверов отсутствует богохульство. По свидетельству иностранцев, в 16—17 веках для русских богохульство не было характерно вообще [Успенский 1994: 83—84, цит. по Качинская 2018: 237]. Однако в архангельских говорах, по свидетельству И. Б. Качинской, «матерная брань в функции оберега, защиты от «нечистых» подчас приравнивается к молитве» [Качинская 2018: 238], что совершенно недопустимо у наших староверов. Именно вера не позволяет староверам Латгалии использовать матерную брань. Значит, староверы сохраняют верность традиции — использо-

вать матерную брань только как превентивное средство против нечистой силы, а эта особенность в настоящее время характерна далеко не для всех русских и белорусских говоров.

Историческая память слова, характерная для социума, ориентированного на соблюдение старых устоев, проявляется в том числе и в инвективном словоупотреблении. Например, по отношению к себе люди старшего возраста не использует лексемы *проклён*, *змей*, *хрыч*, *хрычка*, хотя по отношению к другим старикам употребляют словосочетания с этими лексемами: *старый проклён*, *старый змей*, *старый хрыч*, *старая хрычка*. Этимология слова *хрыч*, по предположению О. Н. Трубачева, связана с древнерусским словом *гричь* — ‘собака’ [Трубачев 1957: 41—42], которое тоже не входит в набор инвектив наших староверов, по-видимому, поскольку этимологически связано с русским матом.

Память об исторических событиях, происходящих в Латгалии, также проявляется на уровне инвектив. Среди инвектив со значением ‘чужой’ и в «обзываниях», и в проклятиях используются этнонимы *францы*, *пранцы* — ‘французы’. В связи с празднованием столетнего юбилея, посвященного Войне 1812 года, благодаря сотрудникам даугавпилсских музеев, жителям Даугавпилса стало известно о тех событиях много интересного. Динабургская крепость так и не покорилась французам, Наполеон вошел в нее только тогда, когда сами русские войска покинули крепость, Наполеон из-за этого изменил свой маршрут, это спасло Петербург, защитники крепости получили высочайшее благоволение Александра I, а в восстановлении Динабургской крепости принимало участие две тысячи попавших в плен французов. Французкий след навеки запечатлелся в инвективах староверов Латгалии. Только французы мифологизируются и *дерут*, *берут* и *несут* в потусторонний мир подобно нечистой силе. Другими субъектами, выполняющими вредоносное действие, могут быть *беси*, *черти*, *Бог*, *качки*, *гром*, *перун*, *нечуй-ветер*. На демонические локусы чаще всего указывают субъекты и предикаты, но некоторые типичные для демонических сил локусы названы: *дно*, *мокрое болото*, *сухой лес*.

Христианское и мифологическое переплетается в сознании староверов весьма причудливым способом — языческое подчиняется христианскому и мотивируется христианским. Главной для старовера является Божья воля: поэтому даже проклятье «сработает» только в том случае, если это будет угодно Богу, поэтому по аналогии с «чертыханьем» возникает и такая инвектива: *Бог побирай и тых ягод!* (Прейльский р-н, Фольварк). Кроме того, в среде староверов распространено убеждение, что Бог забирает умерших своей смертью, а бес забирает умерших не своей смертью, поэтому возможны такие высказывания: *Ну их к Богу в рай*, *Бог их возьми!* (Прейльский р-н, Фольварк).

Две разные синтаксические структуры (адъективная и предикативная) с компонентом *бес* используют разные грамматические формы, выполняют разную функциональную нагрузку и используются в разных жанрах. Они отражают две разные оппозиции: в субстантивном словосочетании, используемом в

качестве бранного средства в спонтанной речи, *бес* — близкий, свой, нестрашный. Прообразом ему, по-видимому, служит бес языческий. Во фраземах, имеющих предложенческую структуру, *беси* — чужие, а чужой мир — в данном случае, хтонически чуждый и враждебный [Пеньковский 2004: 17]. Прообразом этому *бесу*, на наш взгляд, послужил *бес* как отрицательный персонаж Священного писания или древнерусской книжности. Тем более что «в народной демонологии представления о бесе развивались под влиянием книжной (церковной) традиции, сближаясь с поверьями о черте, дьяволе» (СД-1 1995: 164).

Наиболее распространенными являются обзывания амбивалентным *бесом* (у староверов и христианским, и языческим) и амбивалентным *змеем* (у староверов более языческим), а также *сатаной* (христианским). Самыми сильными ругательствами у староверов являются *анчихрист* / *антихрист* (христианское) и *проклён / проклёныш / проклятник* (языческое). Самые страшные формульные проклятия и злопожелания имеют языческие истоки. Для инвективного словоупотребления характерна низкая частотность использования наименований низшей демонологии. Та же особенность характерна для всех восточных славян [Виноградова 2015: 65]. А вот «образ «пустоты» – один из наиболее частотных в поэтике злоречений» [Виноградова 2015: 74] у славян в нашем материале практически отсутствует. Прилагательное *пустой* встретилось один раз в адъективном словосочетании, используемом в качестве брани: *Ах вы, змеи пустые, решают-решают и потом опять отклоняют! У, змеи пустые»!* (Резекненский р-н, Малта).

Наиболее частотными из наименований представителей языческой восточнославянской демонологии служат лексемы *бес / черт* и *змей*, *сатана*. При этом лексемы *бес*, *демон*, *дьявол*, *сатана*, *черт* употребляются как синонимичные, иерархически неупорядоченные, по сути, они обозначают однопорядковые величины. *Дьявол, бес и чёрт – вот этых три слова соединяются в одно* (Даугавпилсский р-н, Юдовка). Интересно, что в большинстве польских говоров *дьявол*, *бес и чёрт* — синонимы (СД-1 1995: 166). Лексема *чёрт* используется, как правило, латгальскими староверами, живущими в городах, и православными.

Изучение инвективации в одной диалектной системе позволяет воссоздать картину мира русского старовера, принадлежащего традиционной культуре, антропоцентричную, архаичную и религиозную в своей основе. Благодаря строгим запретам староверы избавлены от рефлексии, четко сознают, что можно и чего нельзя, что хорошо и что плохо, поэтому инвективная пандемия им не грозит ни при каких переменах и коллизиях в обществе.

Список сокращений

СД — Славянские древности. Этнолингвистический словарь. / Под ред. Н. И. Толстого. Т. 1. М.: Международные отношения, 1995; Т. 2. М.: Международные отношения, 1999; Т. 3. М.: Международные отношения, 2004; Т. 4. М.: Международные отношения, 2009; Т. 5. М.: Международные отношения, 2012.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Т. 7. М.: Наука, 1980.

Литература

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999.

Виноградова Л. Н. Концептуализация понятий «добра» и «зла» в малых фольклорных жанрах (Благожелания и проклятия как аксиологические тексты) // Категория оценки и система ценностей в языке и культуре / Отв. ред. С. М. Толстая. М.: Индрик, 2015. С. 53—80.

Жельвис В. И. Эмотивный аспект речи. Психолингвистическая интерпретация речевого воздействия. Ярославль: Типография Ярославского политехнического института, 1990.

Жельвис В. И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема. М.: Ладомир, 2001.

Качинская И. Б. Термины родства и языковая картина мира (по материалам архангельских говоров). М.: Индрик, 2018.

Никитина А. В. Русская демонология. СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2008.

Пеньковский А. Б. Очерки по русской семантике. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М.: Наука, 1975.

Саржина О. В. Оскорбление словом (инвектива) как агрессивный дискурс // Юрислингвистика-8: Русский язык и современное российское право. / Под ред. Н. Д. Голева. Межвузовский сборник научных статей. Кемерово—Барнаул: Издательство Алтайского университета, 2007. С. 257—267.

Седакова И. А. Аксиология старости в традиционной картине мира болгар (на общеславянском фоне) // Категория оценки и система ценностей в языке и культуре / Отв. ред. С. М. Толстая. М.: Индрик, 2015. С. 238—258.

Толстая С. М. Категория оценки в языке и тексте // Категория оценки и система ценностей в языке и культуре / Отв. ред. С. М. Толстая. М.: Индрик, 2015. С. 11—32.

Топорков А. Л. Материалы по славянскому язычеству (культ матери-сырой земли в дер. Присно) // Древнерусская литература. Источниковедение. Л.: Наука, 1984.

Трубачев О. Н. Славянские этимологии 1—7 // Вопросы славянского языкознания, 1957. Вып. 2. С. 29—42.

Успенский Б. А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // Успенский Б. А. Избранные труды. Т. II. М.: Гнозис, 1994. С. 53—128.

Файзулина А. Г. Инвективы-композиты как вид агрессивного дискурса в разноструктурных языках. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. № 2, 2008. С. 99—105.

С. Ю. Куликов (Балтийский федеральный университет им. И. Канта, ООО «Ай-Теко ВЦ»)
S. Yu. Kulikov (Immanuel Kant Baltic Federal University, I-Teco VC, LLC)

Лексикографирование оценочных наименований сторонников украинских политиков в украиноязычном онлайн-дискурсе[1]
Dictionary representation of the evaluative naming of people: the case of the Ukrainian politicians' supporters in online discourse

Аннотация

В статье описываются особенности фиксации наименований участников политической онлайн-коммуникации в электронных словарях тезаурусного типа. Рассматриваются как технические вопросы обработки украинского текста, так и собственно лингвистические аспекты. Основное внимание уделяется лексикографированию коннотативного и референциального компонентов лексических единиц.

The article deals with the ways to describe different naming strategies used when addressing supporters of other political views online in thesauri-like electronic dictionaries. While the paper mainly focuses on the connotational and referential components of lexical meaning, some technical issues arising when processing Ukrainian online texts are also addressed.

Ключевые слова

Компьютерная лексикография, политическая онлайн-коммуникация, украинский язык

Computational lexicography, political e-communication, Ukrainian language

Одной из наиболее важных проблем, стоящих перед различными исследователями современных политических процессов в онлайн-пространстве, является определение максимально возможного количества наименований участников анализируемых процессов с минимальными усилиями. В данной работе мы остановимся на рассмотрении политической ситуации в ходе президентских выборов на Украине 2019 г. Украинский политический дискурс во всем своем многообразии раскрывается в сети Интернет. При этом высокий уровень поляризации политического Интернет-пространства ведет к значительной доле резко негативных лексических блендов и иных имплицитных (с точки зрения автоматической обработки) форм обращения коммуникантов друг к другу.

[1] Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (грант № 18-18-00442) в БФУ им. И. Канта.

В данной работе описывается один из подходов к формализации подобных наименований в тексте — тезаурусное лексикографирование. В пользу выбора именно данного подхода к описанию политической ситуации свидетельствуют, во-первых, существующий опыт по созданию словарей-тезаурусов по политической ситуации на Украине в разрезе «Майдан/Антимайдан» [Жаботинская 2015], и, во-вторых, применение баз данных тезаурусного типа для описания различных проявлений имплицитных оценок в системах автоматической обработки текстов [Куликов 2016: 20; Kulikov 2017: 128]. Стоит отметить, что процитированные выше работы имеют определенные недостатки, которые требуют существенных доработок при описании современных политических реалий Украины. Так, словарь С. А. Жаботинской составлен на русскоязычном материале и не предназначен для использования в системах автоматической обработки текстов, т.к. использует разные конвенции для описания оценочных имен собственных и имен, обозначающих представителей отдельных групп (например, статьи «УЗУРПАСТОР» [Жаботинская 2015: 77] и «БАНДЕРТРОЛЛИ» [Там же: 79]), а также не содержит указаний на косвенные употребления, которые могут быть выражены частями речи, отличными от существительных. С другой стороны, схема, предложенная в наших предыдущих работах [Куликов 2016; Kulikov 2017], не предполагала учета внутрисловного переключения кодов, что применительно к обработке украинских текстов потребовало бы создания отдельного программного компонента по синтезу поликодовых лексем и неоправданному увеличению объема словаря.

Основой лексического наполнения разрабатываемого словаря-тезауруса является создаваемый в БФУ им. И. Канта корпус украинского политического кибербуллинга CYBUL-UA, содержащий разметку украиноязычных политических твитов по 11 аспектам языка вражды. В данной работе мы остановимся на описании оценочных лексем, которые обозначают сторонников трех ведущих политиков (Вл. Зеленский, П. Порошенко, Ю. Тимошенко), участвовавших в первом туре президентских выборов на Украине в конце марта 2019 года. Все анализируемые лексемы относятся к тегу «политические взгляды» разметки данного корпуса.

Ключевой задачей при создании схемы словарного описания является определение вокабулы (или первичного ключа базы данных). В связи со сформулированной задачей — формированием наиболее полного списка наименований участников коммуникации — в качестве вокабулы была выбрана синтетическая форма наименования сторонника того или иного политика (*зеленівець*[2], *порошенківець*, *тимошенківець*). В отличие от предыдущей схемы описания однореферентных оценочных слов добавлена отдельная обязательная зона для аналитической формы, которая начинается со слова *прихильник* —

[2] Довольно редкий термин по сравнению с аналитической формой *прихильник* Зеленського — ‘сторонник Зеленского’. Выбран нами для единообразного описания.

‘сторонник’ и далее содержит именованную сущность в родительном падеже (ФИО). Зона аналитической формы является множественной и включает отдельные поля базы данных для полной и двух сокращенных форм имени. Для полноты описания для каждой из перечисленных словарных зон добавлены дериваты-феминитивы, например, *прихильниця Володимира Зеленського*, *порошенківка*, *тимошенківка*. Для более компактного описания лексем мы решили отказаться от отдельных словарных зон для обозначения частей речи, знака оценки и ее силы. На данном этапе работы над словарем мы также решили ограничиться описанием только дериватов двух частей речи — существительных и прилагательных, что вызвано, с одной стороны, бóльшим деривационным разнообразием в украинских глаголах, а с другой стороны, сравнительно небольшим количеством употреблений глагольных и наречных дериватов в текстах.

Орфографические особенности украиноязычных онлайн-текстов требуют введения дополнительных зон для орфографических вариантов. Эти зоны следует признать факультативными, их количество для каждой конкретной вокабулы зависит от количества потенциальных орфографических вариантов. Наиболее существенным маркером на наличие орфографических вариантов является наличие кириллической буквы *і* (символ Юникод U+0407), который часто заменяется на сходный латинский символ *i* (символ Юникод U+0069). Важно отметить, что рассматриваемые орфографические варианты не несут новой семантической или прагматической информации и дублируют уже существующие зоны. В базе данных для них вводится служебное расширение названия уже существующего поля _OV, например, HEAD_FEM_OV для записи *порошенк<u>і</u>вка*, где HEAD_FEM — обозначение деривата-феминитива для вокабулы HEAD (*порошенківець*).

Количество базовых полей (зон) зависит от следующих факторов. Наиболее значимым фактором является количество псевдооснов[3], от которых могут образовываться дериваты-существительные. Так для фамилии *Зеленський* псевдоосновами будут *-зеле-*, *-зеля-*, *-зе-* (от предвыборного лозунга), от *Порошенко* — *-порошенко-*, *-порошенка-*, *-порохо-*. В случае с Ю. В. Тимошенко основные оценочные наименования образуются от имени, например, *-юле-*, *-юля-*, *-йуле-*. Важно отметить, что приведенный список не является исчерпывающим. Позитивные и негативные префиксоиды (например, *супер-*, *анти-*) также могут присоединяться к перечисленным основам, в этом случае слово заносится в словарную зону с соответствующим тегом BON или NEG. Для обозначения каждой псевдоосновы используется служебный тег STEM с порядковым номером, который добавляется к основному оценочному тегу.

---

[3] Под псевдоосновами в данном случае мы понимаем определенную трансформацию фамилии или имени перечисленных политиков, которая позволяет однозначно идентифицировать данного политика.

Другим значимым фактором, влияющим на количество полей, является тип оценочного суффиксоида или правого элемента сложного слова. Помимо уже приводившихся в литературе примеров с компонентами *-фоб*, *-філ*, *-ненависник*, *-люб*, обозначающих общую приязнь или неприязнь[4], новые реалии Интернет-коммуникации требуют расширения схемы новыми оценочными классами. В качестве примера на первый случай можно привести следующее высказывание: *ще один порохофоб і зелефіл з поребрику*[5]. Ярким примером второй ситуации является следующий твит: *Порохосос ще той, згоден :) Хоча байдуже за кого він, хоть Юлябот, хоть Зелябот, він огидна істота!* Данный пример содержит случай обвинения в нетрадиционных сексуальных отношениях (зона NEG_H[6], — ‘homophobia’), а также бездумном, запрограммированном поведении, которое свойственно Интернет-ботам (зона NEG_Bot). Каждое из описанных выше полей имеет поле, содержащее дериваты-феминитивы. Также каждому из перечисленных полей соответствует поле с дериватом-прилагательным, обозначающим косвенную референцию с объектом при сохранении такого же коннотативного значения.

Для автоматизации составления словаря-тезауруса потребуется выработать правила морфемного синтеза для феминитивов и отыменных прилагательных, аналогичные тем, что были определены для русского языка. Но некоторые синонимичные формы, не являющиеся однокоренными, в любом случае придется заносить в словарную базу данных вручную. Также необходимо отметить одно принципиальное ограничение предлагаемого подхода — проблема множественной референции. Например, в твите *варто комусь щось сказати проти порошенка, як одразу тикають в йулю та зєльнку бєніну. а от цікаво, ви реально думаєте, що всі хто не порохолюб то обов’язково йулєбойкозелєнськофіл?* встречается слово *йулєбойкозелєнськофіл*, обозначающее человека с одновременной симпатией к трем разным политикам (Ю. В. Тимошенко, Ю. А. Бойко и В. А. Зеленскому). На текущий момент мы предлагаем включать подобные слова одновременно во все словарные статьи, содержащие подходящий референт.

Подводя итоги, в данной работе приводится предварительная структура словаря тезаурусного типа, предназначенного для использования в автоматизированных информационных системах (например, разрабатываемых в «Ай-Теко ВЦ» системах «Аналитический курьер» и SmartCS или аналогичных им). Мы считаем, что подобный словарь может быть полезен при проведении политологических, социологических и междисциплинарных исследований явлений конфликтной коммуникации на материале украинского языка.

---

[4] Относимых соответственно к зонам NEG, BON, NEG1 и BON1.

[5] Все примеры взяты из Твиттера (https://twitter.com). Конкретные источники примеров не указываются в целях соблюдения принципа анонимности.

[6] К настоящему моменту нам не удалось обнаружить словоупотреблений указанного типа для референтов, являющихся сторонниками политиков-женщин.

Литература

Жаботинская С. А. Язык как оружие в войне мировоззрений. Майдан — Антимайдан: словарь-тезаурус лексический инноваций. Украина, декабрь 2013 — декабрь 2014. Интернет-издание. Киев: УАКЛиП, 2015 // http://uaclip.at.ua/zhabotinskaja-jazyk_kak_oruzhie.pdf.

Куликов С. Ю. Автоматическое извлечение мнений: лингвистический аспект. Автореф. дисс. канд. наук. М.: ИЯз РАН, 2016.

Kulikov S. Enriching hate speech databases with linguistic knowledge // 13th Biennial Conference of the International Association of Forensic Linguists. Book of Abstracts. Porto, 2017. P. 128.

Е. М. Лазуткина (Институт русского языка им. В. В. Виноградова Российской академии наук)
E. M. Lazutkina (V. V. Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences)

Структура моделей предложений как способ обозначения воздействия эмоций и чувств на человека
The structure of sentence models as a way of designating the impact of emotions and feelings on a person

Аннотация

В статье представлен функциональный анализ семантики моделей глагольных предложений, которые обозначают воздействие на человека чувств и эмоций, а также соматических речений. Показывается, что общеязыковая и индивидуальная авторская метафора формируются на основе модели предложения и системных парадигматических отношений глагола-предиката. Названия эмоций и чувств имеют событийную семантику, в предложении эти имена выполняют функцию каузатора. Автор приходит к выводу, что эмоции и чувства концептуализируются в русском языке как «субстанция, способная к самостоятельному перемещению».

The article presents a functional analysis of the semantics of verb sentence models, which indicate the impact on a person of feelings and emotions, as well as somatic utterances. It is shown that the general language and individual author's metaphor are formed on the basis of the sentence model and the systemic paradigmatic relations of the predicate verb. The names of emotions and feelings have event semantics, serving as a causer in the sentence. The author comes to the conclusion that emotions and feelings are conceptualized in Russian as "a substance capable of independent movement".

Ключевые слова

Синтаксическая семантика, глагольное предложение, трактовка эмоций и чувств, метафоризация, концептуализация

Syntactic semantics, verb sentence, interpretation of emotions and feelings, metaphorization, conceptualization

Очевидная особенность мировосприятия носителей русского языка состоит в том, что главное качество, которое приписывается чувствам, эмоциям, это их стихийный характер. Воздействие чувств и эмоций осознается как действие внешней силы. Н. Д. Арутюнова пишет: «Говоря о психике, мы вообще склонны экстериозировать ее составляющие – чувства, страсти, желания <…>, представляя их не только как нечто, отдельное от нас, но как нечто, вступающее с нашим «я» в определенные, дружеские или враждебные, отношения <…> Названия эмоций фигурируют часто в отрыве от вызвавших данное чувство событий и даже от спровоцировавших его лиц (виновников или объектов чувств). Они рассматриваются как независимая, самодовлеющая величина» [Арутюнова 1999: 386].

Как и другие абстрактные существительные, названия чувств и эмоций не имеют денотативного значения. Языковая категоризация понятий об эмоциях на основе аналогии с сигнификатами имен пропозитивной семантики называется языковой метафорой или грамматической метафорой [Телия I980: 276—279].

О концептуализации чувств и эмоций в русском языке можно судить, изучив способы их представления в устойчивых речевых образцах — в моделях предложений. В строении моделей, в категориальной семантике словоформ в определенных синтаксических позициях и их морфологических характеристиках отражается языковое осмысление реальности. «Грамматика <…> есть не что иное, как часть плана содержания, служащая оформлению всей остальной части содержания» [Степанов 1998: 54]. Модели предложений в системе языка хранятся не как абстрактные схемы, готовые к произвольному заполнению лексическим материалом, а как тесно спаянные с лексемами семантико-грамматические комплексы, обусловленные спецификой эпистемического качества пропозиции (предикации). Синтаксические образцы являются когнитивными феноменами: они представляют собой сложные интерпретативные структуры, национальный код осмысления действительности, которые передают информацию *непреднамеренно*. В моделях предложений обнаруживаются социальные и культурологические предпочтения, особенности мира знаний социума в каждый момент существования языка, т.е. способ видения коллективного говорящего.

Сигнификативное значение имен существительных, обозначающих чувства, выявляется через их синтагматику. Следовательно, следуя традициям функционального подхода, исследователь в своей работе должен взять за основу метонимический перенос «действие субстанции — свойство субстанции». Ср. аналогичный подход А. В. Добиаша, который считал, что нужно определять части речи по их роли в самой речи [Добиаш 1898: 40]. Свойства концепта обусловливают его репрезентацию в неких моделях предложений в том или ином семантическом качестве, определяют его синтаксическую функцию и семантическую роль.

При закреплении в языковой системе устойчивого речевого образца в виде модели предложения происходит формирование сигнификативного ядра:

а) создание предикативного центра путем тематизации одного из компонентов высказывания, оформление предицируемого компонента в качестве подлежащего или субъекта действия-состояния, подбор соответствующего ему предицирующего компонента;

б) иерархизация периферийных членов предложения: прежде всего, определение категориального качества словоформы, имеющей наиболее сильную связь с предицирующим компонентом; а именно: качества объектной позиции при переходном глаголе — она более тесно связана с предикатом, чем предицируемый компонент, а также выявление других сильноуправляемых словоформ в косвенных падежах.

Тематизация определенной лексемы — это подчеркивание важности данного смыслового элемента. Этот вопрос относится к проблеме уровней содержательной организации высказывания, значимости и смысловой емкости

синтаксических позиций. В связи с этим Е. Курилович в начале XX в. поставил вопрос об истории развития деривационных отношений, о первичных и вторичных функциях языковых элементов; ср.: «Грамматикализация падежной формы сообщает ей центральное положение среди определяющих глагола. Адвербиализация падежа, напротив, отбрасывает его на периферию глагольной группы» [Курилович 1962: 188, 237—250].

Формальные характеристики элементов (падеж, число) обусловлены не только их синтаксической ролью (которая, в свою очередь, предопределена смысловыми связями в предложении), но и закрепленными в системе значениями морфологических форм.

Важным инструментом анализа модели предложения является понятие **синтаксической позиции формы слова** — главной единицы смысловой организации предложения, введенное в теорию синтаксиса Т. П. Ломтевым. Понятие «синтаксическая позиция» раскрывает значимость формы слова (ее «реляционные свойства») в модели предложения: «В понятии позиции грамматической формы выражается характер ее зависимости от других форм внутри простого предложения, в нем подчеркивается свойство, связанное с тем, членом какого отношения является данная грамматическая форма» [Ломтев 1960: 22]. Однако выявление функции формы слова требует применения ряда экспериментальных приемов, поскольку эта функция реализуется в ансамбле с функциями других средств. Ср.: «Функцию каждой из единиц по существу приходится восстанавливать» [Бондарко 2011: 207].

Синтаксическая позиция связана с процессами интерпретации и категоризации на более абстрактном уровне, нежели значение слова. Синтаксическая позиция формы существительного обусловливает согласование ее с семантическим типом предиката, является способом представления концепта.

Обозначение воздействия эмоций и чувств на человека в синтаксической системе русского языка.

Один из способов обозначения воздействия чувств и эмоций на человека — это использование деривационной сети моделей предложений, организованных событийными глаголами локально направленного действия, имеющими своим следствием полноту охвата объекта (конструкций с двухвалентными, одновалентными глаголами, а также безличных предложений), в качестве системной матрицы. Ср. диатезы: *Ветер закрывает солнце тучами — Тучи закрывают солнце — Солнце закрывает тучами*.

В исходной модели с двухвалентным каузативом семантика имени в субъектной позиции имеет характер пропозиции, человек является объектом действия, а названия эмоций в творит. пад. выполняют роль каузатора состояния человека; например: *И это яркое солнце, хрустящий под ногами лед, и синее-синее небо наполнили его* ***радостью*** (Е. Катасонова).

Гораздо чаще используется дериват исходной модели — конструкция с одновалентным глаголом, в которой эмоции трактуются как направленное на человека действие-движение. Обратный порядок слов в модели является стилистически нейтральным. Это говорит о том, что для говорящих на русском языке важно сделать именно человека темой высказывания, несмотря на то, что его статус — объект воздействия. Ср.: *От радости ходить по земле охва-*

тывает его душу ***ветерок счастья*** (Ю. Бондарев); *Когда выходишь из ярко освещенного холла наружу, тебя охватывает* ***ощущение полного одиночества*** *с глазу на глаз с зимой, морем и ночью* (К. Паустовский).

Словоформы, которые называют эмоции человека, хотя выполняют функцию подлежащего, занимают в предложении периферийную позицию каузатора, поскольку входят как составная часть в большой макросемантический разряд имен, которые представляют базовый концепт «субстанция, способная к самостоятельному перемещению».

Функцию сказуемого в данной модели обычно выполняют глаголы синтагматического класса «локально направленное действие»: *заполнять*, *захватывать, наполнять*, *обнимать*, *охватывать*, *пронизывать*, *пронимать*, *схватывать.* Доминантные свойства этих глаголов определяет архисема ‘полнота охвата (заполнения и пр.)’, которая является их глубинной концептуальной сущностью, действие ее обнаруживается на уровне сигнификатов предложений, связанных деривационными отношениями. Глаголы, обозначающие воздействие эмоций на человека, представляют собой общеязыковую метафору, поэтому в толковых словарях это значение должно быть выделено как отдельное значение глагольной лексемы.

Прямой порядок слов является стилистически маркированным, обусловленный контекстом или ситуативным смыслом. Пропозициональное значение лексем, называющих эмоции, имеет также спецификацию «определенность»; например: *Какая особая* ***радость*** *пронзает тебя от блеснувшего огонька поезда на дальних путях в дождливые сумерки, или при цветении старых каштанов в переулках южных городов, или при виде праздничной веселой толпы Арбата, при звуках музыки на бульварах, которую я слышал в детстве и помню до сих пор* (Ю. В. Бондарев); *Сперва* ***веселье****, а потом* ***изумление*** *охватило весь театр.* (М. Булгаков). *Все та же* ***непонятная тоска****, что уже приходила на балконе, пронизала всё его* [Пилата] *существо* (М. Булгаков).

Названия чувств, эмоций и психических состояний выступают в качестве подлежащего также в результативных и пассивных конструкциях, где глаголы данного синтагматического класса выступают как результативы или стативы.

В этом случае конструкция имеет сложный информационный план: она обозначает факт, представляет собой утверждение о существовании, наличии чего-нибудь. Дихотомия «событие — факт» — философский вопрос, который приходится затрагивать при объяснении прагматических механизмов языковой системы и деривационных процессов в синтаксисе. Известно, что «когнитивный цикл развивается от восприятия к знанию» [Арутюнова 1988: 112]. Обращаясь к онтологии языка, Н. Д. Арутюнова делает вывод: «Имя *факт* ориентировано на мир знания, т.е. на логическое пространство, организованное координацией истины и лжи, имя *событие* ориентировано на поток происходящего в реальном пространстве и времени» [Арутюнова 1988: 168]. Эта тема активно обсуждается также в новой эпистемологии гуманитарного знания [Микешина 2016: 86—95].

В конструкциях экзистенциального типа глаголы теряют сему акциональности, утрачивают морфологическую гибкость и употребляются как гла-

голы несовершенного вида или в форме страдательного причастия прошедшего времени. Часто в этом качестве встречаются глаголы с наиболее общим значением: *заполнять*, *наполнять*, *насыщать*, *обрастать*, *охватывать*, *пронизывать*, *пропитывать*; например: *Любовь к родной природе <...>* ***пронизывает*** *весь сборник стихотворений поэта* (П. Пустовойт); *Почему он вспомнил об этом сейчас, когда ему так скверно? Почему увидел залитую предзакатным солнцем поляну, родного, сильного человека рядом и себя, Павла, тощего мальчишку,* ***пронзенного*** *внезапным счастьем?* (Е. Катасонова). *Недавно* [Юля] *притащила письмо — слезы облегчения* ***пропитывали*** *его насквозь* (Е. Катасонова).

Представление эмоций и чувств в соматических речениях.

Особый класс конструкций, обозначающих эмоциональные состояния человека, — соматические речения (СР). Это исторически сложившиеся в языке выражения, семиотические комплексы, которые описывают жесты, мимику, позы, телодвижения как **знаки, сигналы, симптомы** внутренних ощущений, переживаний, эмоций; например: *Он поджал губы и вышел.* Термин «соматические речения» принадлежит Е. М. Верещагину и В. Г. Костомарову [Верещагин, Костомаров 1990].

Исследователи обращаются к подобным конструкциям, прежде всего, при анализе языка художественной литературы или разговорной речи. Существует иное название таких выражений: «обобщенное изображение эмоционального состояния персонажа средствами косвенной символизации» [Иванчикова 1991: 129].

СР содержат параметры конкретных речевых ситуаций. Предложения могут иметь первичные дейктические характеристики (*я — ты — здесь — сейчас*), указание на состояние субъекта речи (например: *Руки опускаются*; *Отлегло от сердца*) или описывать внешние приметы эмотивных реакций третьих лиц; например: *Довольный Кузьма хлопал себя по бокам, цокал языком и показывал большой палец* (Б. Костюковский); *У него сразу забегали глаза*. Большинство соматических речений предполагает фигуру наблюдателя. Модус персонажа может сливаться с модусом автора; например: *— Вам налить, Олег Петрович? — прервала хозяйка ход мыслей Губина. — Да, сказал осевшим, хриплым голосом, и ладони его вспотели, а рот наполнила слюна* (А. Плитченко).

Семантический запрет на Я-предложения очевиден в тех случаях, когда обозначаются воспринимаемые субъектом речи или наблюдателем динамичные процессы или результативные состояния. *Глаза её* ***заволокло****, и были они далеко-далеко* (Р. Киреев); *Павел, улыбаясь, смотрел, как густая краска* ***заливает*** *ее* [Юли] *лицо* (Е. Катасонова); *— Вы хотите меня оскорбить? —* ***глаза*** *Юрия Михайловича* ***наливаются металлической синевой*** (Л. Филатов).

М. М. Бахтин относил эти выражения к эстетическим компонентам, считал их «объектным, изображенным словом»: «Действительность внутренней психики — действительность знака… Внутреннюю психику нельзя анализировать как вещь, а можно лишь понимать и истолковывать как знак» [Бахтин 1993: 239; Алпатов 2005: 129]. Ср. также: «Сознание **другого** предварительно дано в жесте-интенции — знаке» [Грякалов 1995: 83].

Этот тип выражений нельзя отнести к свободно конструируемым фра-

зам, несмотря на большой спектр языковых возможностей при соотнесении нюансов внешних характеристик человека и его внутреннего мира. Это сложные знаки с определенным морфосинтаксисом, которые формируют дискурс. К ним можно отнести слова Хайдеггера: «Язык начинает сам говорить с человеком» [Хайдеггер 1993: 266]. См. также: [Гийому, Мальдидье 1999].

Среди СР выделяются модели безличных результативных конструкций, в которых подчеркивается стихийный характер воздействия на человека чувств, и номинативные предложения, передающие фактическую, а не событийную информацию; ср.: *Прожгло горячим огнем и душу, и тело* (В. Вересаев); *Я видел ее* (шпионку) *через неделю на следствии: абсолютно осмысленный, холодный взгляд, поджатые губы, гордая осанка, во всем облике — презрение и ненависть* (О. В. Богомолов).

Частая воспроизводимость СР, тем не менее, не способствует их фразеологизации, поскольку в распоряжении говорящих большая палитра способов представления концептов эмоциональной и интеллектуальной сфер человека. Наблюдается динамика и в использовании каузативных элементов. Если в литературе XIX были распространены обороты с именами существительными в родительном падеже с предлогом *с* (*с испугу присела*, *с радости вскрикнула*), то в современной прозе, наряду со словоформами с предлогом *от*. Например: *Ее распирало* ***от радости****, к которой примешивался тревожный привкус* (Е. Хейфиц); ***От усталости*** *плохо держали ноги, хотелось упасть и не подняться* (В. Быков). Часто встречаются конструкции с наречиями (например, ***заискивающе, угодливо, напряженно*** *смотрит*), которые более тесно связаны с семантикой глагола-сказуемого; например: — *Да-а…* — ***сочувственно*** *вздыхал Илья* (Б. Екимов); *Денис,* ***ледяно*** *улыбаясь, навел прицел взгляда на Вовкину переносицу* (Е. Эдин).

Обозначение воздействия эмоций и чувств в художественных текстах.

«Синтаксические последовательности низкой грамматичности» [Сапорта 1980: 101], непредсказуемая проекция лексических средств с оси парадигматики на ось синтагматики — это характеристики образных текстов с различными авторскими приемами изобразительной стилистики.

Распространенный прием метафоризации — нарушение семантического согласования компонентов структуры предложения на уровне категориальной семантики. Анализ синтаксических отношений в модели предложения помогает обнаружить не только базовые категории и концепты, но также предсказать возможные типы метафорических переносов.

Эффект образности строится на синтаксически важном компоненте значения глагола, при этом остаются в тени семы, которые свойственны индивидуальному лексическому значению: глагол периферии лексического поля начинает употребляться в значения доминанты поля.

Эти семантические процессы подтверждают мысль Н. Д. Арутюновой о развитии глагольных значений и, в свою очередь, иллюстрируют этот вывод: «Понятийное содержание предикатов центробежно. Оно стремится к отрыву от денотата... Тенденция к отрыву денотата ведет к моносемизации слова, со-

хранению в его значении лишь одного семантического компонента» [Арутюнова 1976: 337].

Определение ролей компонентов модели, особенности их индивидуальной лексической или категориальной семантики по сравнению с системно заданным, стилистически нейтральным значением членов предложения, помогает найти главных «виновников» выразительности, а также выявить предел варьирования семантико-грамматических характеристик модели предложения.

Существуют закономерности (механизмы) образования тропов: определенные типы несоответствия значения членов предложения семантике определенной синтаксической позиции. Как правило, категориальная семантика **именных словоформ** не совпадает со значением, предписанным системой языка.

1) В образной речи синтаксическую позицию субъекта действия могут занимать имена существительные в именительном падеже, называющие чувства. Эти имена имеют пропозитивную семантику, выполняют функцию каузатора. Единственный компонент значения глаголов локально направленного действия, на котором строится метафора, — полнота охвата; например: *Мысли его* [Чарткова] *вдруг омрачились;* ***досада и равнодушная пустота*** *обняли его в ту же минуту* (Н. Гоголь).

В следующей конструкции для описания силы воздействия чувства на человека используются две модели предложения: *Видимо, в момент краткого просветления* [мама] *вспомнила обо мне с той великой* ***любовью****, которая ознобом* ***пронзила*** *меня, разрывая непереносимой* ***виной*** *душу* (Ю. Бондарев). Первая модель — с двухвалентным глаголом локально направленного действия (*любовь ознобом пронзила меня*), вторая модель — с одновалентным акциональным глаголом в деепричастной форме, где слабоуправляемая словоформа в творительном падеже не выполняет функцию каузатора, а имеет орудийное значение (*разрывая непереносимой виной душу*).

2) Частотно в тропах в моделях с глаголами локально направленного действия вместо конкретных существительных со значением места в объектной позиции употребляются отвлеченные имена существительные.

Пропозитивные именные словосочетания характеризующего типа представляют собой свернутое образование, содержат скрытую предикацию, косвенно указывают на чувства наблюдателя; например: *Милый мой, эту* ***радость*** *простора не закроет дождливая сеть* (А. Парпара).

3) В моделях предложений с глаголами локально направленного действия словоформа в творительном падеже имеет значение орудия действия и выполняет роль каузатора состояния объекта. В художественных текстах отвлеченные существительные в творительном падеже демонстрируют разные смысловые нюансы: встречаются словоформы с более орудийным значением и менее орудийным, более каузирующим значением и менее каузирующим. У существительных со значением эмоциональных, психических состояний наблюдается сосредоточение агентивных сем в словоформе в творительном падеже, развивается более сильное каузирующее значение. Ср.:

а) В конструкциях с бикаузативами: *Россия любимая, с этим не шутят.*

Все боли твои — меня ***болью*** *пронзили* (А. Вознесенский); *Час, когда* ***беспамятством****, как смолью, раны заливает нам любовь* (М. Цветаева); *Блеск ума и таланта великих современников Андерсена наполнял его* ***ощущением собственной силы*** (К. Паустовский).

б) В моделях с возвратным глаголом, обозначающих неконтролируемый процесс [Булыгина 1982: 21], изменяющий состояние субъекта (объекта действия):

Лица людей затмились ***бессмысленностью*** (А. Платонов); *Он* [Васильев] *часами лежал в мастерской на старом с привычнейшим скрипом пружин диване, читал «Дневники» Толстого последних лет жизни, напитывался весь* ***исповедальной болью*** *великого человека* (Ю. Бондарев); *Вся жизнь моя озарилась* ***любовью****, именно вся, до самых мелочей, словно темная, заброшенная комната, в которую внесли свечку* (И. Тургенев); ***Горючей тоской*** *оденется его сердце* (Ф. Абрамов).

в) В конструкциях с глаголами релятивами в форме страдательных причастий прошедшего времени: *Потому и дышит глубоко* ***Нежностью пропитанное*** *слово* (С. Есенин); <…> *и вообще эта девица была, если можно так выразиться, вся насквозь* ***наспиртована*** *какой-то* ***кислой скукой и застарелой неудачей*** (И. Тургенев); *У нее был глубокий грудной голос,* ***переплетенный тугой ниточкой насмешки*** (Вольф).

В художественных текстах уточняется структурный статус компонентов модели предложения: сам тип замен категориального или грамматического качества словоформ в творительном падеже (деадъективами, существительными со значением состояния, свойства) подтверждает пропозитивный характер семантики словоформ со значением чувств и эмоций и раскрывает логические типы скрытой предикации: экзистенциального типа, идентификации, характеризации.

Таким образом, семантика моделей предложений, организованных глаголами локально направленного действия, в стилистически нейтральной речи и в художественных текстах показывает, что фокус интереса говорящего — человек, и что носители русского языка трактуют эмоции и чувства как внешнюю силу (причину, каузатор). Лексемы, называющие чувства (в определенных синтаксических позициях моделей предложений), являются средством репрезентации концепта «субстанция, способная к самостоятельному перемещению». Воздействие эмоций и чувств на человека показывается как событие, неконтролируемый процесс.

Литература

Алпатов В. М. Волошинов, Бахтин и лингвистика. М.: Языки славянских культур, 2005.

Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М.: Наука, 1976.

Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт. М.: Наука, 1988.

Арутюнова Н. Д. Метафора в языке чувств // Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры. 1999. С. 386—402.

Бахтин М. М. Формальный метод в литературоведении: Критическое введение в социологическую поэтику. М.: Лабиринт, 1993.

Бондарко А. В. Категоризация в системе грамматики. М.: Языки славянских культур, 2011.

Булыгина Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М.: Наука, 1982.

Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. М.: Русский язык. 1990.

Гийому Ж., Мальдидье Д. О новых приемах интерпретации, или проблема смысла с точки зрения анализа дискурса // Квадратура смысла. М.: Прогресс, 1999. С. 124—136.

Грякалов А. А. Михаил Бахтин и Ян Мукаржовский: знаки пути к человеку // Бахтинология: Исследования, переводы, публикации. СПб: Алетейя, 1995. С. 79—102.

Добиаш А. В. Опыт частей речи и их форм на почве греческого языка // Известия историко-филологического института кн. Безбородко в Нежине, Т.16, 1898.

Иванчикова Е. А. Субъектная организация авторского повествования и формы изобразительного синтаксиса // Јужнословенски филолог XLVII, 1991. С. 121—135.

Курилович Е. Проблема классификации падежей // Курилович Е. Очерки по лингвистике. М.: Издательство иностранной литературы, 1962.

Ломтев Т. П. Об абсолютных и реляционных свойствах синтаксических единиц (О понятии позиции в теории синтаксиса) // НДВШ Филологические науки, № 4, I960. С. 15—28.

Микешина Л. А. Феноменология и обогащение понятий в эпистемологии // Вопросы философии, № 2, 2016. С. 86—95.

Сапорта С. Применение лингвистики в изучении поэтического языка // Новое в зарубежной лингвистике, вып. IX. М.: Прогресс, 1980. С. 98—115.

Степанов Ю. С. Система языка в связи с семиотикой // Степанов Ю. С. Язык и метод. К современной философии языка. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 53—55.

Телия В. Н. Семантика связанных значений слов и их сочетаемости // Аспекты семантических исследований. М.: Наука, I980. С. 250—319.

Хайдеггер М. Путь к языку // Мартин Хайдеггер. Время и бытие. М.: Республика, 1993.

Е. М. Масленникова (Тверской государственный университет)
E. M. Maslennikova (Tver State University)

Шекспировские метафоры-эвфемизмы: потерянные значения
Shakespearean euphemistic metaphors: lost meanings

Аннотация

Развёрнутые шекспировские метафоры-эвфемизмы, скрывающие в себе деликатность скрытых за ними непристойных и даже табуированных тем, представляют собой особую проблему для читателя из-за своей культурно-языковой спецификации. Целью автора при создании подобных ярких образов является эмоционально-эмотивная вовлеченность читателя в текст. В статье рассматриваются трудности, связанные с толкованием и интерпретацией шекспировских метафор.

Some of extended Shakespearean metaphors turned out euphemisms. As such, they delicately conceal obscene and even taboo topics. They also pose a particular problem for readers because of cultural and linguistic specifications. The author's purpose when creating such vivid images is readers' emotional and emotive involvement in the text. The paper deals with the difficulties of interpretation and interpretation of Shakespeare's euphemistic metaphors.

Ключевые слова

Текст, метафоры, идиомы, эвфемизмы, интерпретация, эмоции
Text, metaphors, idioms, euphemisms, interpretation, emotions

Понимание и толкование отдельных метафор Уильяма Шекспира / W. Shakespeare (1564—1616) требует от читателей его произведений определённых метаязыковых усилий именно по причине отсутствия культурного знания, за которым стоят культурные смыслы и коннотации, содержащиеся в них в закодированном виде. Для своих читателей-современников Шекспир создаёт яркие образы с учётом общего эмоционально-оценочного опыта, подбирая экспрессивно-образные средства, благодаря которым не только получается образ как своего рода «картинка», позволяющая быть буквально прочитанной, но также выйти на её внутреннюю форму, где тесно переплетаются между собой собственно языковое значение составляющих образ средств и культурное содержание. Шекспир часто «прячет» за подобными метафорами то, что является знаками культуры его эпохи, например, оценку морально-нравственных норм поведения и т.д., т.е. всё то, что является частью символария культуры (термин В. Н. Телия [Телия 1999]), куда в закодированном виде заключена система национально-специфических ценностей и внутрисоциумных установок.

Имплицитность семантики шекспировских метафор часто обусловлена их неявной экспликацией для современных читателей, поскольку они попали в некоторый изолированный (часто хронологически «свёрнутый») пласт культурного знания и языковой семантики. В некотором отношении некоторые шекспировские метафоры оказываются «утраченными» для современных читателей из-за временного барьера, разделяющих их от автора, из-за чего для толкования и интерпретации метафор требуется принимать во внимание психологический символизм, когда «сама метафора передаёт предсознательную и сознательную коммуникации в языке и искусстве» [Блюм 2004].

Поскольку Полоний из шекспировской трагедии «Гамлет» (1601) всячески подталкивает Офелию на сближение с Гамлетом, то тот, притворяясь, что не узнаёт придворного, называет его во второй сцене второго акта *торговцем рыбой* (*you are a fishmonger*), тем самым намекая на другое выражение *fishmonger's daughter* ‘проститутка’. Связь между первыми значениями слов *fishmonger* — ‘торговец рыбой’ и *fishmonger's daughter* (буквально ‘дочь торговца рыбой’) и подтекстом, который имел в виду автор, становится очевидной, если вспомнить, что когда *fish market* — ‘рыбный рынок’ обозначал также и *бордель*. В другой реплике (*Then I would you were so honest a man*) Гамлет выражает сожаление, что Полоний не является почтенным человеком и рекомендует ему не позволять своей дочери, т.е. Офелии, гулять на солнце (*Let her not walk i' the sun*). Полоний предпочитает не обращать внимания на нанесённое ему в лицо явное оскорбление, поэтому, говоря его же словами (*Still harping on my daughter*), а фразовый глагол *harp on* имеет значение ‘твердить, бубнить одно и то же’, Гамлет выбирает очень прямые слова, должные раскрыть глаза отцу на случившуюся с дочерью неприятность: *conception* — ‘зачатие, оплодотворение’ и *conceive* — ‘забеременеть, зачать’. В ситуации с незамужней Офелией её беременность не может быть названа благословением (*conception is a blessing: but not as your daughter may conceive*). В реплике в сторону Полоний замечает, что Гамлет зашёл слишком далеко (*he said I was a fishmonger: he is far gone, far gone*), а сам он в молодости также страдал из-за любви (*and truly in my youth I suffered much extremity for love*). Ср.:

LORD POLONIUS *Do you know me, my lord?*

HAMLET Excellent well; you are a fishmonger...

LORD POLONIUS [Aside] *How say you by that? Still harping on my daughter: yet he knew me not at first; he said I was a fishmonger: he is far gone, far gone: and truly in my youth I suffered much extremity for love; very near this. I'll speak to him again.*

W. Shakespeare. Hamlet (Act II, sc. 2)

Современные словари английского сленга продолжают фиксировать «рыбные» табуированные и сленговые выражения типа *fishing fleet*, *fishing-rod*, *fish pond*, *fish queen*, *fish-kiss*, *fish licker*, *fish wife*, при этом сам *fishmonger* поменял гендерную привязку и стал использоваться в качестве синонима к *fish licker* — ‘лесбиянка’ [Кудрявцев, Куропаткин 2001].

Выбранные русскими переводчиками шекспировской трагедии варианты для *fishmonger* связаны с промыслом *рыбы* или торговлей *рыбой*, т.е. основаны на первом значении слова — ‘торговец рыбой’. Ср.:

(а) *рыбак* — ‘человек, который занимается рыбной ловлей как промыслом’ (М. Вронченко, 1828; А. Кронеберг, 1844; А. М. Данилевский, 1878; А. Л. Соколовский, 1883; А. А. Месковский, 1891; Н. П. Карабчевский, 1905; Н. П. Россов, 1907) и *рыболов* — ‘тот, кто ловит рыбу’ (П. А. Каншин, 1893);

(б) *рыбный торговец* (М. Загуляев, 1861; Д. В. Аверкиева, 1895; А. Радлова, 1937; Б. Пастернак, 1940) и ныне устаревшее название профессии *рыбник* — ‘продавец в рыбном магазине’ (Н. Х. Кетчер, 1873; Н. Маклаков, 1880; А. Чернов, 2003; И. Тюрикова, 2014), *торговец рыбой* (М. Лозинский, 1933; М. М. Морозов, 1954; В. Рапопорт, 1999; И. В. Пешков, 2003) и *продавец рыбы* (В. Поплавский, 2001).

Что касается характеристики Полония как *afishmonger*, то в большинстве русскоязычных изданий переводов трагедии какие-либо комментарии к этому месту практически отсутствуют. Например, читатель перевода М. М. Морозова (1954) узнаёт о том, что так называли торговцев «живым товаром» и что, возможно, намёк на отношение Полония к Офелии как к «вещи».

П. А. Каншин (1893), пытаясь объяснить появление *рыболова*, ссылается на Сэмюэля Кольриджа (Samuel Taylor Coleridge, 1772—1834), «по мнению которого Гамлет этими словами хочет сказать: “вас послали сюда выудить мою тайну”», упомянув, что Иоганн Людвиг Тик (Johann Ludwig Tieck, 1773—1853), переводивший «Гамлета» на немецкий язык, полагал это место в трагедии важным, но выраженным в виде шутки. Д. Урнов (1988) в комментарии к переводу М. Лозинского (1933) прямо говорит, что *торговец рыбой* — это иносказательное обозначение сводника.

Подобные «рыбные» метафоры-эвфемизмы встречаются и в других произведениях Шекспира, позволяя ему ввести весь подтекст непосредственно в сам текст. Например, герой пьесы «The Winter’s Tale» / «Зимняя сказка» (1610), подозревающий свою беременную жену в измене с собственным другом, использует не только глагол *to sluice* — ‘copulate with’ (‘совокупляться’), но и «рыбную» метафору, чем иносказательно создаёт образ разврата: жена изменяет мужу с ближайшим соседом (буквально — сосед украдкой ловит рыбу в чужом пруду, принадлежащем ничего не подозревающему мужу). Говорящим становится даже имя соседа — *Sir Smile* — ‘сэр Улыбка’, который улыбается в лицо мужу-рогоносцу. Данный отрывок содержит не только сам образ, но и авторскую эмоциональную оценку образа и самой ситуации в целом.

And many a man there is, even at this present,
Now while I speak this, holds his wife by the arm,
That little thinks she has been sluiced in’s absence
And his pond fish’d by his next neighbour, by
Sir Smile, his neighbour: nay, there’s comfort in’t

Whiles other men have gates and those gates open'd,
As mine, against their will...

W. Shakespeare. The Winter's Tale (Act 1, sc. 2)

В дополнение к «рыбной» метафоре Шекспир продолжает развивать её «речную» основу, добавив ещё один образ, связанный с гидротехническим сооружением — это *шлюзные ворота* (*gates*). Что касается *gates* (*other men have gates and those gates open'd*), то это английское существительное имеет не только привычные значения 'ворота, калитка; вход, выход' и 'шлюзные ворота'.

Вероятно, современники автора получали огромное удовольствие при расшифровке шекспировской эвфемизации на табуированную тему семейных измен и адюльтеров. В английском сленге за существительным *gate*(*s*) закрепилось ненормативное значение 'женские половые органы', что объясняет, какие именно *шлюзные ворота* остаются открытыми и по какой причине. Герой шекспировской пьесы радуется, что не он один оказывается в ситуации, когда жена буквально отворяет свои *шлюзовые ворота* для других мужчин.

Система шлюзов с их *шлюзными воротами*, регулирующими уровень удерживаемой и пропускаемой воды в шлюзе, от чего зависит его проходимость и уровень воды в водоёме, не является типичной для русской культуры, поэтому в русских переводах исходный образ оказывается изменённым в соответствии с национальной спецификой: в них появляется обычные *ворота* и *двери*.

Ю. С. Степанов полагает, что в древнерусской культуре представления о мире были связаны с ограниченностью «своего» пространства и укреплением его границ с помощью забора или ограды [Степанов 2001]. Кроме этого, В. И. Даль [Даль 1996] перечисляет пословицы и поговорки, связанные с образами ворот, где именно через *ворота* проникает беда, например, о ситуации, когда одна беда идёт за другою, *Пойдёт беда, растворяй ворота*. Если беда небольшая и с ней можно справиться, то говорится следующее: *Не велика беда, коли влезла в ворота* или *Эта беда влезет в ворота*. Открытые ворота связаны с гостеприимством: *По гостям гуляй, да и сам ворота растворяй* и *Кто широко живёт, тот не запирает ворот*. Если человек живёт роскошно, то *Он широко ворота растворяет*.

Отсюда в переводах появляются *ворота* как 'проезд вовнутрь строения или за ограду' [Ожегов 1986: 84]: *ворота и у другихъ, какъ у меня, отпираются противъ ихъ воли* (Н. Х. Кетчер, 1866); *тѣ ворота, какъ у меня, отпираются нисколько не вслѣдствіе желанія самихъ хозяевъ* ([П. А. Каншин, 1893]; *ворота, с свободным ходом* / *Для всех незваных* (П. П. Гнедич, 1904]; *И у других ворота открывали* [Т. Л. Щепкина-Куперник, 1941]; *у многих* / *Ворота настежь, как ни запирай* [В. В. Левик, 1960]; *в мире не один я* / *Держу ворота настежь поневоле* [П. Петров, 2010]).

По этой же причине в переводах стерегут *двери*: *Пріятно то, что и другіе люди* / *Не могутъ устеречь своихъ дверей* [А. Л. Соколовский, 1894].

Образы *дверей* и *ворот* оказываются связанными с домом. Неверные жёны открывают соседям *двери дома*: *находятъ двери дома* / *Открытыя, какъ я, и противъ воли* (К. К. Случевский, 1899). В группу фразеологизмов, объединённую общей темой «Надзор — Хозяин» [Даль 1989], входит пословица *Одна дверь на замок, другая настежь*. О непростых семейных отношениях говорит другая русская пословица: *Муж в дверь, а жена в Тверь*. В группу «Осторожность» входит русская пословица: *Не всякому верь, запирай крепче дверь!*

При описании сложившейся ситуации в переводах появляются *воля* и *неволя*: *ворота противъ ихъ воли* (Н. Х. Кетчер), *двери дома открытыя противъ воли* (К. К. Случевский), *держу ворота настежь поневоле* (П. Петров). А. Д. Шмелёв включает слово *воля* в число слов, отражающих специфику русской ментальности наряду со словами *тоска*, *удаль* и *свобода* [Шмелёв 2000].

Особый интерес представляют изменения, произошедшие с описанием отношения супругов друг к другу. Если в оригинале ничего не подозревающий муж-рогоносец держит неверную жену за руку (*holds his wife by the arm*), то русские переводчики по-разному решают задачу, связанную с изображением счастливой семьи: муж *обнимает жену* (Н. Х. Кетчер; К. К. Случевский; В. В. Левик), *жену ласкает* (Т. Л. Щепкина-Куперник), *спокойно держит за руку свою жену* (П. А. Каншин), его руки *доверчиво сжимают руки жены* (А. Л. Соколовский). Обычно такие мужья *отлично с жёнами живут* (П. П. Гнедич).

Отметим появление *супруги* для обозначения *жены* в переводе, выполненном во второй половине XX века, и выбор превосходной формы *дражайший* от прилагательного *дорогой* в качестве эпитета: *дражайшую супругу обнимает* (В. В. Левик). По данным из «Национального корпуса русского языка» [НКРЯ] форма *дражайший* активно используется в словосочетаниях типа *дражайшая половина*, *дражайшая супруга*. В. И. Даль [Даль 1996] специально оговаривает, что по каким-то причинам *супруг* и *супруга* считаются более вежливым, чем просто *муж* и *жена*. Перевод XXI века представляет современный образец появления семейной пары на людях: *Супругу держит под руку счастливый* / *Довольный муж* (П. Петров).

На первый взгляд достаточно расплывчатое описание сферы деятельности Полония с точки зрения Гамлета как *торгуешь мясом* (П. П. Гнедич, 1892) и *торговец живностью* (К. Р., 1899) не имеет ничего общего с исходным образом. Однако во втором акте второй части пьесы “King Henry IV” (1594). Шекспир прибегает к похожему «кулинарному» эвфемизму (по терминологии [Allan, Burridge 2007]), обыгрывая профессию (*victualler*) мистрисс Куикли. В английском языке слово *victualler* — ‘трактирщица’ имеет несколько значений, одно из которых собственно ‘поставщик продовольствия’. Устаревшим значением слова является ‘содержательница борделя’, т.е. буквально живого мяса для клиентов, что объясняет страдающую плоть, которую в нарушение закона едят в её доме (*there is another indictment upon thee, for suffering flesh to be eaten*

in thy house, contrary to the law). До сих пор за существительными *meat* — ‘мясо’ и *flesh* — ‘мясо; плоть’ скрывается указание на человеческое тело как объект похоти и вожделения (*His grace says that which his flesh rebels against*). Соответственно, *a victualing-house* — это не только ‘харчевня, трактир; постоялый двор’, но и менее привычный для современных читателей ‘бордель’.

В этом отношении становится понятным справедливое возмущение мистрисс Куикли, заявляющей, что все люди её профессии так поступают, особенно если учесть ставшее ныне табуированное значение для *mutton* — ‘половой член’ [Кудрявцев, Куропаткин 2001], а также реплику Фальстафа о восставшей плоти принца (*his flesh rebels*).

MISTRESS QUICKLY *All victuallers do so; what's a joint of mutton or two in a whole Lent?*
PRINCE HENRY *You, gentlewoman*, -
DOLL TEARSHEET *What says your grace*?
FALSTAFF *His grace says that which his flesh rebels against*.

W. Shakespeare. 2 King Henry IV (Act II, Sc. IV)

Русские переводчики отталкиваются от «кулинарной» основы эпизода. По понятным цензурным соображениям в опубликованном в советское время переводе, выполненном Б. Пастернаком, игра слов основана на другом (*его светлость — его темнота*):

Трактирщица. *Подумаешь, скоромное! Бараний бок какой-нибудь или пол задней ноги за весь великий пост! Что у других, то и у меня*.

Принц. *Сударыня*!

Доль. *Что скажет ваша светлость?*

Фальстаф. *Его светлость скажет то, от чего отречётся потом его темнота.*

В. Шекспир. Король Генрих IV (Перевод Б. Пастернака, 1949)

Приведём последнюю реплику Фальстафа в других переводах:

Доль. *Что угодно вашей милости?*

Фальстафъ. *Да ужъ навѣрно то, что тебѣ не понравится*.

В. Шекспир. Генрих IV (Перевод А. Л. Соколовского, 1894)

Фальстаф. *Его милость говорит то, против чего возмущается вся его плоть*.

В. Шекспир. Король Генрих IV (Перевод З. А. Венгеровой и Н. М. Минского, 1902)

Фальстаф. *Его светлость говорит то, против чего возмущается вся его плоть*.

В. Шекспир. Король Генрих IV (Перевод Вл. Мориц и М. А. Кузмина, 1937)

Фальстаф. *Его светлость хочет сказать такое, против чего возмущается вся его плоть*.

У. Шекспир. Генрих IV (Перевод Е. Бируковой, 1959)

Развёрнутые метафоры-эвфемизмы представляют собой особую про-

блему для читателя из-за своей культурно-языковой спецификации, так как в этом случае «воздействие <...> фразеологического знака осуществляется одновременно в разных областях — в пространстве языковой семантики и в пространстве культурного знания» [Ковшова 2007: 162]. Целью автора при создании подобных ярких образов, чему во многом способствует деликатность скрытых за ними непристойных и даже табуированных тем, является эмоционально-эмотивная вовлеченность читателя в текст.

Источники

НКРЯ — Национальный корпус русского языка // https: //ruscorpora.ru.

Отрывки из «Гамлета» трагедии В. Шекспира // Карабчевский Н. Приподнятая завеса (Проза и стихи). СПб.: Труд, 1905. С. 335—350 (Перевод Н. П. Карабчевского).

Полное собрание сочинений В. Шекспира в прозе и стихах: Бесплатное приложение к журналу «Живописное обозрение» за 1893 год. В 12 томах. Т. I: Гамлет, принц Датский. Ромео и Джульетта. Отелло. СПб.: Издание С. Добродеева, 1893 (Перевод П. А. Каншина).

Полное собрание сочинений В. Шекспира в прозе и стихах: Бесплатное приложение к журналу «Живописное обозрение» за 1893 год. В 12 томах. Т. 5: Мера за меру. Тимон Афинский. Зимняя сказка. Лукреция. СПб.: Издание С. Добродеева, 1893 (Перевод П. А. Каншина).

Сочинения Вильяма Шекспира в переводе и объяснении А. Л. Соколовского. Издание 2-е. В 12 т. Т. VII. Драматические хроники. СПб.: Издание Т-ва А. Ф. Маркс, 1880.

Шекспир В. Гамлет (Принц Датский) // Шекспир У. Гамлет. Антология русских переводов. 1883—1917. М.: Совпадение, 2006. С. 204—262 (Перевод Н. П. Россова).

Шекспир В. Гамлет принц Датский: Трагедия в 5 д. В. Шекспира. СПб.: Ф. Стелловский, 1861 (Перевод М. Загуляева).

Шекспир В. Гамлет, принц датский. Л.; М.: Искусство, 1937 (Перевод А. Радловой).

Шекспир В. Гамлет, принц Датский. Трагедия в пяти актах Уильяма Шекспира. Перевод и применение к условиям современной сцены Алексея Месковского. 2-е изд., испр. СПб.: скл. у авт. перевода, 1891 (Перевод А. А. Месковского).

Шекспир В. Гамлет, принц датский: Трагедия Вилиама Шекспира: Перевод в прозе с немецкого по А. В. Шлегелю А. М. Данилевского. Витебск: тип. насл. М.Б. Неймана, 1878.

Шекспир В. Гамлет. Принц датский. Трагедия. М.: Гослитиздат, 1941 (Перевод Б. Пастернака).

Шекспир В. Принц Датский. Трагедия Шекспира. В новом переводе А. Л. Соколовского. СПб.: тип. В. Безобразова и К°, 1883.

Шекспир В. Трагедия Гамлета, принца датского (Перевод В. Рапопорта, 1999) // http://lib.ru/SHAKESPEARE/haml_rap.txt.

Шекспир В. Трагическая история Гамлета, Датского принца. М.: Журавлёв, 2001 (Перевод В. Поплавского).

Шекспир В. Трагическая история о Гамлете, принце Датском. Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1933 (Перевод М. Лозинского).

Шекспир У. Гамлет // Великие трагедии в русских переводах. Гамлет. М.: ПрозаиК, 2014. С. 25—204 (Перевод А. Кронеберга).

Шекспир У. Гамлет, принц датский // Шекспир У. Гамлет: Антология русских переводов: 1828-1880. М., Совпадение, 2006. С. 242—315 (Перевод Н. Маклакова).

Шекспир У. Гамлет, принц датский. М.: Унив. тип., 1895 (Перевод Д. В. Аверкиева).

Шекспир У. Гамлет. М.: Лабиринт, 2003 (Перевод И.В. Пешкова).

Шекспир У. Гамлет: Трагедия в пяти действиях. СПб.: тип. Мед. деп. М-ва вн. дел, 1828 (Перевод М. Вронченко).

Шекспир У. Генрих IV (Часть вторая) // Шекспир У. Полное собрание сочинений в восьми томах. М.: Искусство, 1959. Т. 4. С. 119—247 (Перевод Е. Бируковой).

Шекспир У. Генрих IV (Часть вторая) // Шекспир У. Полное собрание сочинений в пяти томах. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1902. Т. 2. С. 188—246 (Перевод З. Венгеровой, Н. Минского).

Шекспир У. Драматические сочинения Шекспира: Пер. с англ. Н. Кетчера, по найденному Пэн Колльером, старому экземпляру in folio 1632 года. Ч. 7. Крещенская ночь; Гамлет; Тщетный труд любви; Мера за меру. М.: К. Солдатенков, 1873.

Шекспир У. Драматические сочинения Шекспира: Пер. с англ. Н. Кетчера, выполненный и пополненный по найденному Пэн Колльером, старому экземпляру in folio 1632 года. Ч. 6. Зимняя сказка. Троил и Крессида. Виндзорские проказницы. Ромео и Джульетта. М.: К. Солдатенков, 1866.

Шекспир У. Зимняя сказка // Шекспир У. Полное собрание сочинений в пяти томах. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1903. Т. 4. С. 367—432 (Перевод П. П. Гнедича).

Шекспир У. Зимняя сказка // Шекспир У. Полное собрание сочинений в восьми томах. М.: Искусство, 1960. Т. 8. С. 3—118 (Перевод В. Левика).

Шекспир У. Зимняя сказка. М.: Искусство, 1941. (Перевод Т. Щепкиной-Куперник).

Шекспир У. Король Генрих IV. Часть вторая // Шекспир У. Генрих IV. М.: Гос. изд-во худ. литературы, 1949. С. 129—267 (Перевод Б. Пастернака).

Шекспир У. Король Генрих IV. Часть вторая // Шекспир У. Полное собрание сочинений в восьми томах. М.: Academia, 1937. Т. 3. С. 367—512 (Перевод В. Морица, М. Кузмина).

Шекспир У. Трагедия Гамлета, принца Датского // Гамлет. Трагедия Гамлета, принца Датского. М.: Изографус, 2003. С. 9—206. (Перевод А. Чернова).

Шекспир У. Трагедия о Гамлете, принце Дании (в 5 актах). М.: Типография «Ваш формат», 2014 (Перевод И. Тюриковой).

Шекспир У. Трагедия о Гамлете, принце Датском // Морозов М. М. Избранные статьи и переводы. Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1954. С. 333—435 (Перевод М. М. Морозова).

Shakespeare W. The Complete Works of William Shakespeare. L.: Wordsworth Editions Limited, 1996.

Литература

Блюм Х. П. Символические процессы и формирование символов // Russian Imago 2002. Исследования по психоанализу культуры. М.: Аграф, 2004. С. 183—224. // http://russianimago.com/download. php?filename=images/magazin-books//2002/8.docx.

Даль В. И. Пословицы русского народа. М.: Художественная литература, 1989. Т. 1—2.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 тт. СПб.: ТОО «Диамант», 1996.

Ковшова М. Л. Семантика и прагматика эвфемизмов. М.: Гнозис, 2007.

Кудрявцев А. Ю., Куропаткин Г. Д. Англо-русский словарь табуированной лексики и эвфемизмов. Мн.: ООО «Кузьма», 2001.

Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. 18-е изд. М.: Рус. яз., 1986.

Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2001.

Телия В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. С.13—24.

Шмелев А. Д. «Широта души» // Логический анализ языка. Языки пространств. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 357—367.

Allan K., Burridge K. Forbidden Words: Taboo and the Censoring of Language. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2007.

Л. Э. Найдич (Еврейский университет в Иерусалиме)
А. В. Павлова (Майнцский университет)
L. Naiditch (The Hebrew University of Jerusalem)
A. Pavlova (University of Mainz)

Магия парности (на материале русской поэзии)
Magic of doubling (with examples from Russian poetry)

Аннотация

В статье на материале русской поэзии XIX — XX вв. рассматривается употребление предикативных атрибутов, выраженных парами прилагательных. Дается краткий обзор истории парности и некоторых ее существенных свойств, в частности, возникающая на ее основе формульность. Слова в паре приобретают способность уподобляться друг другу по семантике. Так, под воздействием «соседа по паре» безэмоциональные и безоценочные прилагательные приобретают эмоционально-оценочную семантику. В виде одного из элементов пары можно встретить даже прилагательные, выражающие постоянные признаки, что в целом для предикативных атрибутов нехарактерно.

The paper deals with the predicative attributes expressed by pairs of adjectives which are found in the Russian poetry of the 19th and 20th centuries. The history and the use of doubling in folklore and in literature, as well as pair formulae in languages, are briefly discussed. It is argued that words that words inside the pairs tend to develop semantic similarity with each other. Thus, the “non-emotive” adjectives acquire emotive and evaluative meaning due to their “neighbour’s” influence in the word pair. Adjectives denoting permanent features can be used in such constructions, although they are not typically present in the predicative attribute.

Ключевые слова

Предикативный атрибут, русская поэзия, синтаксис, дуплексив, парное употребление, уподобление, эмоционально-оценочная семантика, постоянный признак, непостоянный признак

Predicative attribute, adjective, Russian poetry, Syntax, emotive semantics, similarity, permanent feature, temporary feature, word pair

1. Предикативный атрибут

«Лирическая поэзия — далеко не всегда прямой разговор поэта о себе и своих чувствах, но это раскрытая точка зрения, отношение лирического субъекта к вещам, оценка» [Гинзбург 1974: 8]. Какими средствами достигается это словесное вплощение чувств, взглядов, оценок автора поэтического текста, а тем более как всё это передается читателю, можно считать тайной. Но всегда возникает соблазн ее раскрыть, и такую возможность дает филологический анализ текста.

Исследование лингвистами поэтического текста является важным и плодотворным и для языкознания, и для литературоведения, что убедительно доказывалось учеными, начиная с русских формалистов. Тем не менее, работ, анализирующих русский поэтический синтаксис, до сих пор сравнительно мало, и не все его аспекты изучены. Но именно в поэзии некоторые черты строения языка выступают наиболее выпукло.

Как известно, важную роль в передаче оценки и ощущения автора играют разного рода определения (атрибуты). В данной статье мы обращаемся к более сложному грамматическому явлению, логически и грамматически связанному с обычным определением. Нас интересует в первую очередь член предложения, который именуют «дуплексивом»[1] или «предикативным атрибутом». Он синтаксически относится к подлежащему или дополнению как атрибут и к глагольному сказуемому как обстоятельство или — реже — как дополнение.

Благодаря предикативному атрибуту (далее — ПА) говорящий имеет возможность выразить как минимум две мысли в рамках одного предложения. ПА скрепляет подлежащее (реже дополнение) и сказуемое дополнительной семантико-синтаксической связью. Так, в цитате из известной песни Вероники Долиной *Богата и щедра, я раздала долги* содержатся два сообщения: '*Я раздала долги*' и '*Я богата и щедра*'. В одном предложении присутствует как бы двойная пропозиция. Мы обнаруживаем здесь двойное подчинение группы прилагательных *богата* и *щедра* — как семантическое, так и грамматическое: с одной стороны, это характеристика героини, раздавшей долги, с другой — пояснение действия: 'раздала долги, будучи богата и щедра'. Одновременно мы можем усматривать здесь и причинно-следственную связь: 'я раздала долги, так как я богата и щедра'. Таким образом, перед нами целый клубок связей, которые, правда, легко расшифровываются даже не очень внимательным реципиентом. *Богата и щедра* — однородные ПА, выраженные краткими прилагательными.

ПА в русском языке могут быть выражены самыми разными морфологическими формами: полными или краткими прилагательными или причастиями, группами прилагательных или причастными оборотами, деепричастиями или деепричастными оборотами, существительными с предлогами, существительными в творительном падеже, наречиями, числительными, местоимениями, идиомами и некоторыми другими конструкциями. Ср. определение «дуплексива» в [Чернова 2003: 56]: «это особый тип второстепенного члена предложения, который связан с двумя членами предложения (глагольным и именным), отвечает на вопрос обстоятельства или дополнения, характеризуется двумя значениями — обстоятельства и определения или дополнения и определения и выражается именем прилагательным, именем существительным, реже — другими частями речи (именем числительным, местоимением, причастием)».

[1] Термин «дуплексив» распространен в первую очередь в славянской лингвистической традиции.

Герман Пауль, который, по всей видимости, первым квалифицировал предикативный атрибут как особый член предложения в своей книге «Prinzipien der Sprachgeschichte» («Принципы истории языка») описывает его следующим образом: «Мы охарактеризовали определение как ослабленное сказуемое. Теперь следует упомянуть промежуточную степень, на которой определение обладает еще большей самостоятельностью, менее тесно связано с подлежащим, так что в этом случае было бы правильней считать его особым членом предложения. Сюда относится то, что обычно принято называть предикативным определением, напр. нем. er kam gesund an ‘он приехал здоровым’. Ту же самую логическую связь могут иметь и предложные определения, например нем. er bat mich auf den Knieen ‘он просил меня на коленях’, где сочетание auf den Knieen можно было бы заменить причастием knieend ‘стоя на коленях’» [Пауль 1960: 169].

ПА в русском языке недостаточно изучен, хотя есть несколько серьезных исследований [Чеснокова 1973; Nichols 1981; Никольс 1984], где выводы авторов опираются на примеры из повседневной речи.

В книге [Helbig, Buscha 2005: 465] читаем: «Предикативный атрибут представляет собой нечто вроде второго (семантического) предиката в предложении, это некий дополнительный предикат по отношению к субъекту (или объекту), но неполный и несамостоятельный, т.е. вторичный, предикат [...]. Поэтому, по всей видимости, не существует жестких границ между синтаксическим предикатом и синтаксическим атрибутом [...]» (Перевод мой — А.П.).

ПА часто отождествляется с «вторичным предикатом», и эти термины употребляются как синонимы [Hackmack 2001; Richardson 2001; Himmelmann, Schultze-Berndt 2004; Irimia 2005].

Обращает на себя внимание обилие ПА в русской поэзии. По-видимому, причина состоит в компактности и многозначности этих конструкций. Двойная грамматическая соотнесенность предоставляет возможности создания дополнительных семантических связей, важного для поэзии сгущения смысла. Открывается перспектива описания явления и предмета в соотношении с действием, что оптимальным образом передает чувства и создает обобщенную картину (образ). При этом прилагательные позволяют обнаружить как отношение автора к высказыванию, так и чувства героев повествования, что сравнимо с двумя типами модальности. Как мы заметили, ПА часто представлен несколькими словами. Наша задача в рамках данной статьи — анализ однородных рядов ПА, образованных двумя прилагательными или причастиями — полными или краткими, — и деепричастиями, обладающими эмоционально-оценочной семантикой.

2. Примеры употребления парных форм в роли ПА

Рассматривая однородные ПА, мы натолкнулись на часто употребляемые в поэзии пары слов — обычно прилагательных, причастий, деепричастий.

Примеры такого словоупотребления находим в русской поэзии разных периодов:

(1) И он промчался пред полками,
Могущ и радостен, как бой… (Пушкин. Полтава)

(2) Когда за пяльцами прилежно
Сидите вы, **склонясь небрежно,**
Глаза и кудри опустя, **—**
Я в умиленье, молча, нежно
Любуюсь вами, как дитя!.. (Пушкин. Признание)

(3) С угрюмой радостью, казалось, он взирал,
Спокоен, **холоден**, на страшные забавы (Майков. Игры)

(4) Нет! тот же всё проснулся ты,
Такой же **дряхлый**, **обветшалый**… (Некрасов. Мысль)

(5) Это я, взобравшись туда высоко,
луной томлю, **ждущий и голенький** (Маяковский. Флейта-позвоночник)

(6) **Задыхаясь и сипя**,
добредя до вашей дали,
он прибавит от себя
пуд пикантнейших деталей. (Маяковский. Сплетник)

(7) И ветер, **жалуясь и плача**,
Раскачивает лес и дачу (Пастернак. Ветер)

(8) И Александр, **разнеженный и праздный**,
Рассеянно в окно за ним следил (Самойлов. Пестель, поэт и Анна)

(9) И когда проходит мимо **—**
Ни обычно, ни ново —
Наше счастье: нелюдимо,
Потому что нет его (Оболдуев. Нелюдимо)

(10) <…> и знай алхимики прохладные,
что ртуть **— зеркальна и быстра —**
сестра не золоту, а кадмию,
и цинку тусклому сестра **—**
безликая, но многоокая… (Кенжеев. Когда бы знали чернокнижники…)

Как видно из приведенных примеров, удвоение усиливает впечатление, способствует передаче эмоции. Во многих случаях оно важно не для дополнительной информации, т.е. включения новых фактов, а для усиления эмоционального воздействия.

3. Из истории употребления пар

Принцип парности известен прежде всего в фольклоре; здесь он сродни разнообразным повторам и параллелизму. Фольклорные формулы, построен-

ные на принципе парности, переходят во фразеологию. В повседневной речи нас постоянно сопровождают парные сочетания — прежде всего, в идиоматике (*ни кола ни двора*, *ни два ни полтора*, *кожа да кости*, *честь и хвала* и проч.). Многие пары пишутся через дефис, что демонстрирует особую степень семантической слитности: *путь-дорога*, *хлеб-соль*, *спать-почивать*, *грусть-тоска*.

Впервые синонимичные пары в русском и других славянских языках в сопоставлении с западными языками в их древних состояниях (древнегреческий, древнегерманский) исследовал, по-видимому, А. А. Потебня [Потебня 1958: 433—450]. Он установил общность приема удвоения для самых разных языков и его древнее происхождение. Основная идея Потебни состоит в том, что, изначально используемые парами, синонимы из-за постоянного повторения одних и тех же пар постепенно сливались как бы в одно слово, семантически уподоблялись друг другу, начинали обозначать практически одно и то же; повторение одних значений разным способом способствовало усилению производимого эмоционального эффекта.

Впрочем, кроме прямых повторов (*чуть-чуть*, *вот-вот*), двоения слов с одним корнем (*мало-помалу*, *какой-никакой*) или синонимов (*нежданно-негаданно*, *худо-бедно*), встречаются и пары, отношения в которых основаны на антонимии: *вершки и корешки*, *мал да удал*, *черное и белое*, *кошки-мышки*, *взад-вперед*.

О древности парных словосочетаний свидетельствует их наличие во многих языках. В германских языках, для которых исконным был аллитерационный стих, они представлены аллитерирующими парами [Гуревич 1982]. Изучая древнерусские письменные тексты XI — начала XV веков, М. В. Артамонова [2005] выявила большое количество парных наименований: *волости и поместья*, *веселие и буйство*, *горы и холмы*, *огнь и вода*. А. А. Гиппиус [2000] высказал предположение, что название «Повесть временных лет» первоначально содержало парную субстантивную формулу: *времена и лета*.

Таким образом, принцип парности имеет древние корни. Роман Якобсон, изучавший разные типы параллелизма, писал: «… поэзия, налагая сходство на смежность, возводит эквивалентность в принцип построения сочетаний. Симметричная повторность и контраст грамматических значений становятся здесь художественными приемами» [Якобсон 1983: 467].

Параллелизм в русском фольклоре не только широко используется, но и пародируется — например, в русской повести о Фоме и Ереме. В статье, посвященной описанию афатических нарушений речи, Якобсон тоже вспоминает пример синонимического параллелизма с комическим эффектом: *Фома холост*, *Ерема неженат* [Якобсон 1996: 49] и, рассказывая об афазии, в частности, описывает распад отношений сходства, подобия, тождества как характерный симптом одного из типов этого заболевания: пациенты теряют способность употреблять и понимать синонимы.

Принцип двоения как поэтический прием изучал и П. Г. Богатырев [Богатырев 1971], вслед за Якобсоном используя пример народных стихов, сказок

и лубочных картинок о Фоме и Ереме (он и посвящает свое сочинение Роману Якобсону). Синонимические парные конструкции пронизывают все тексты о двух братьях-неудачниках. Братья Фома и Ерема во всем повторяют друг друга, и задача рассказчика — не столько в изложении сюжета, сколько в нахождении слов, которые могут стать синонимами в данном контексте; в этом и состоит языковая игра: *Ерема был глуп, Фома неразумен*. *На Ереме зипун, на Фоме кафтан*. *Ерема за редьку, а Фома за чеснок* и т.п.

Парность или двоение встречаются и в классической литературе. Так, у Гоголя «словесная маска может раздвоиться: Бобчинский и Добчинский, Фома Большой и Фома Меньшой, дядя Митяй и дядя Миняй» [Тынянов 1921: 12]. Что касается чисто языковых парных формул типа *мудр и хитр*, *серебро и злато*, более современное — *тишь да гладь*, *ясно и понятно*, *глух и нем* и т.п., то некоторые исследователи исторически возводят их к фольклору [Евгеньева 1963: 254—260].

4. Магия парности

Удвоение кажется естественным для различных частей речи. Особенно часто оно встречается у прилагательных в разных синтаксических функциях (например, в предикативе: *Богат и славен Кочубей*), в том числе в области ПА. Кажется, что удвоение придает предложению законченность и красоту формы. Не случайно парные конструкции с прилагательными встречаются в текстах популярных песен:

(11) А она, потупя очи,
Ни жива и ни мертва[2],
Молча слушает хмельные
Атамановы слова (Песня о Стеньке Разине)

(12) ***Красивая и смелая**, дорогу перешла…*[3] (Рябинин. Один раз в год. Музыка Шаинского).

(13) ***Веселая и грустная**, всегда ты хороша…* (Глейзаров. Всегда ты хороша. Музыка Мокроусова).

Мы и в бытовой непоэтической речи (чаще, правда, письменной, чем устной, поскольку в устной мы вообще редко используем вторичную предикацию) интуитивно стремимся к парности ПА-прилагательных. Те же фразы с одним-единственным ПА-прилагательным звучали бы не то чтобы ненормативно, но как-то непривычно, странно:

(14) ***Красивая, изящная**, она так и не вышла замуж*.

(15) ***Умная и деловая**, она быстро завоевала авторитет*.

(16) ***Смешливый, остроумный**, он всегда был душой компании*.

Но вернемся к стихам. Парность дает поэту возможность включить в строку дополнительный поэтизм, основанный на параллелизме фонетического облика стоящих рядом слов (аллитерация):

[2] Имеется и вариант этой строки с отрицаниями: *не жива и не мертва*.

[3] Песня «Один раз в год» В. Шаинского на слова М. Рябинина стала популярной благодаря исполнению Анны Герман.

(17) *И стихов попросил я* ***поновей, поострей*** (Шенгели. Вы приснились мне, Игорь…)

(18) И Пенелопа в выгоревшем ситце
Всё ждет меня на давнем берегу.
Сидит, руками охватив колено,
Лицом к неугасающей заре,
Нерукотворна, неприкосновенна,
Как мотылек, увязший в янтаре (Шефнер. Средний возраст)[4]

(19) просыпайся на всякий случай,
недовольный и неживой… (Кенжеев. По кому колокольчик плачет?)

Особо выразительны парные ПА — краткие прилагательные. Они и употребляются часто именно в паре (в собранном нами корпусе поэтических примеров, общее количество которых около двух тысяч, среди ПА — кратких прилагательных, коих в корпусе более 300, парные составляют примерно 40%):

(20) И солнце, **кругло и бездушно**,
Как желтое око совы,
Глядело с небес равнодушно
На тяжкие муки вдовы (Некрасов. Мороз, Красный нос)

(21) Люби меня, люби, холодная луна!
Пусть в небе обо мне твой рог жемчужный трубит,
Когда восходишь ты, **ясна и холодна**.
На этой злой земле никто меня не любит (Сологуб. Люби меня, люби, холодная луна!)

Встречаются также случаи использования парных форм кратких прилагательных и в ироничном, пародийном или шутливом ключе. Так, Николай Олейников применяет парность кратких прилагательных для создания выразительного облика блохи в дружеском послании художнику Генриху Левину:

(22) **И бледна и нездорова**,
Там одна блоха сидит,
По фамилии Петрова,
Некрасивая на вид (Генриху Левину по поводу влюбления его в Шурочку Любарскую)

Маяковский обрушивается на далеких от жизни кабинетных ученых:

(23) Проходят красноухие, а ему не нудно,
что растет человек **глуп и покорен**;
ведь зато он может ежесекундно
извлекать квадратный корень (Маяковский. Гимн ученому)

Корней Чуковский явно пародирует в «Приключениях Бибигона» стиль бесконечно почитаемого им Некрасова (правда, Чуковский использует здесь «утроение» синонимов):

(24) И, алым сверкая нарядом, —

[4] Мы выделяем здесь и далее полужирным шрифтом не все ПА, а только те, о которых идет речь в данном разделе.

Мила, весела и добра, —
Стоит улыбается рядом
Его молодая сестра.

5. Эффект семантического уподобления

Явно прослеживается синонимизация однородных членов предложения, составляющих пару. Так, в примерах (20) и (21) контекст придает каждой из пар эпитетов семы пейоративности, что не вполне обычно для описания небесных светил (ср., впрочем, у Пушкина: *как эта глупая луна на этом глупом небосклоне*): солнце бездушно, луна холодна; оба равнодушны и бесстрастны. Первые прилагательные каждой из пар, хотя семантически и безоценочны, получают как будто отблеск оценки от своего соседа. Очевидно, что через описание небесных светил поэты передают душевное состояние своих героев. Впрочем, нередки и прямые изображения эмоций:

(25) Страх орет из сердца.
Мечется по лицу, **безнадежен и скучен** (Маяковский. Надоело)

(26) Его душа, **безгрешна и пуста**,
В себя глядит закрытыми глазами... (Тарковский. Дом без жильцов)

(27) но человек, **смешон и безутешен**,
печалится — Бог ведает о чем (Кенжеев. За головокружительною далью…)

Часто краткие парные ПА-прилагательные описывают природу. При этом лишь некоторые из них выражают в явном виде эмоции, как в примерах (31) и (32):

(28) Лежит равнина водяная,
Необозрима и пышна… (Языков. Две картины)

(29) Дорого-любо, кормилица-нива
Видеть, как ты колосишься красиво,
Как ты, янтарным зерном налита
Гордо стоишь **высока и густа**! (Некрасов. Саша)

(30) **Прямы и светлы**, как прутья стальные,
В землю вонзались струи дождевые… (Некрасов. Дед Мазай и зайцы)

(31) Терек воет, **дик и злобен**,
Меж утесистых громад (Лермонтов. Дары Терека)

(32) Молчит, **сиротлив и обижен**,
Ветлы искореженный ствол (Шефнер. Каска)

Но примечательно, что и в описаниях природы кажущиеся на первый взгляд объективно-бесстрастные характеристики, как в примерах (28), (29) и (30) (*необозрима*, *пышна*, *высока*, *густа*, *прямы*, *светлы*), обретают семантику, связанную с эмоциями: гордость, эстетическое наслаждение в (28), (29),

опасность и тревожность в (30). Эти эмоции возникают у читателя благодаря контексту. В (28) за счет соседства с метафорой *равнина водяная* перед мысленным взором возникает картина, от которой захватывает дух. В (29) на объективизм семантики ПА накладывается эмоциональность наречия *гордо*. В (30) ощущение тревоги возникает благодаря сравнению дождевых струй со стальными прутьями и «опасному» глаголу *вонзились*.

6. Формульность, фольклорность и свобода сочетаемости

Выше мы называли парные ПА формулами. Не противоречит ли этому то, что, говоря о формульности, обычно подразумевают полную или частичную повторяемость, синонимию или антонимию, а в приведенных примерах такие случаи далеко не всегда наблюдаются? Исключениями являются традиционные парные формы с устаревшими или устаревающими лексемами:

(33) Феб однажды у Адмета
Близ тенистого Тайгета
Стадо пас, **угрюм и сир** (Пушкин. Рифма, звучная подруга…)

(34) И месяц пилигримом
Выходит, **наг и нищ** (Сергей Городецкий. Вечер)

(35) Ты умер, **наг и сир**… (Заболоцкий. Голубиная книга)

Характерна стилизация — из стихотворений, публикуемых под именем экзотической героини Ниру Бобовай (автор Олег Ладыженский):

(36) Безмятежен, безнадежен,
Безответен, **наг и сир**,
Рыжий клоун на манеже
Молит: «Господи, спаси!»

У Высоцкого также обнаруживаем стилизацию «под фольклор»:

(37) И после непременной бани,
Чист перед богом и тверез,
Взял да и умер он всерьез,
Решительней, чем на экране (Высоцкий. Памяти Василия Шукшина)

Отвечая на заданный выше вопрос, следует отметить, что повторяемость всё же присутствует не только в приведенных примерах-формулах, являющихся скорее исключениями; она касается типологии семантических структур, а отчасти и состава сем.

Целый ряд приведенных в этой статье парных формул, особенно с краткими прилагательными, вызывают мысль об их фольклорной окрашенности. По-видимому, формульность ассоциируется у нас с традицией, с фольклором, а краткие формы прилагательных, как и парность, вызывают ассоциации с древними пластами культуры. Так, парные прилагательные в произведениях Некрасова кажутся восходящими к народным сферам культуры: они явно «фольклорно окрашенные».

Однако не все парные ПА вызывают такое впечатление. У Некрасова, очевидно, парные формулы воспринимаются на фоне контекста в целом, других фольклорно окрашенные форм, выбираемых им для стихов. В то же время парные ПА в следующих цитатах вовсе не кажутся «фольклорно окрашенными»:

(38) В те времена, когда роились грёзы
В сердцах людей, **прозрачны и ясны**… (Северянин. Классические розы)

(39) Горячей кровью **пьяный, сытый**,
Лишь утром он оставит дом… (Гумилев. Камень)

(40) Что ей, **гордой и далекой**,
Вся моя любовь? (Гумилев. Оборванец)

(41) Один, **жестокий и надменный**,
На мир невзгоды я навлек… (Сологуб. Судьбы была неумолима…)

(42) **Неистов и упрям**,
гори, огонь, гори.
На смену декабрям
приходят январи (Окуджава. Неистов и упрям...)

7. Признаки постоянные и переменные

В обширной литературе, посвященной ПА, обычно утверждается, что этот член предложения в принципе способен передавать только непостоянные свойства, которые характеризуют один и тот же предмет в разное время и при разных обстоятельствах тем или иным образом [Paul 1920: 142; Helbig, Buscha 2005: 466; 73; Dölling 2000: 21; Dolińska 2011 и др.].

Тем удивительнее, что даже прилагательные, обозначающие постоянные признаки и обычно в роли ПА не используемые, парами вполне «смотрятся» и не вызывают неприятия, какое обычно вызывают нарушения языковой нормы:

(43) И пришла **чернявая, безусая**
(рукоять и губы набекрень)
Муза с совестью (иль совесть с музою?)
успокаивать мою мигрень (Нарбут. Совесть)

Ср. с одиночным прилагательным в каком-нибудь гипотетическом стихе типа:

(44) *Елена в дверь вошла **зеленоглазая**.

Елена — существо уже явно знакомое, поэтому дополнительная характеристика ее внешности — цвет глаз — в виде дополнительного предиката не оправдана. Ситуацию могло бы спасти только обособление прилагательного в самостоятельную синтагму — частичная парцелляция. Хотя содержательно и в таком случае употребление прилагательного *зеленоглазая* требовало бы какого-то оправдания в контексте. Нарбут же в своем четверостишии описыва-

ет музу так, как будто только что впервые ее увидел: прилагательные, хоть и обозначают перманентно присущие денотату контролера признаки, передают здесь «первое впечатление», сигнализируют неожиданность явления для лирического героя. Но та же мимолетность, беглость и свежесть впечатления явно блекнет, если прилагательное *чернявая* или, наоборот, *безусая*, употребить без его соседа:

(45) И пришла **чернявая**… / И пришла **безусая**…

Аналогично у Бродского:

(46) В какую-нибудь будущую ночь
ты вновь придешь **усталая**, **худая**… (Бродский. Любовь)

Постоянный (или, по крайней мере, протяженный во времени) характер признака *худая* скрадывается благодаря соседству с прилагательным, выражающим признак непостоянный, — *усталая*. Слово *худая* приобретает семантику, схожую со значением своего соседа *усталая*. И под характеристикой *худая* нам начинает мерещиться не столько недостаток веса, сколько бледность, изможденность. В одиночестве прилагательное-ПА, выражающее постоянный признак, в схожем контекстном окружении могло бы вызвать у читателя внутреннее отторжение:

(47) *Ты вновь пришла **худая**…

Парность прилагательных, обозначающих постоянные признаки, как будто оправдывает их употребление там, где обыкновенно прилагательные такой семантики использовать не принято.

Еще больше скрадывается необычность употребления прилагательных, обозначающих постоянные признаки, если их много и они перемежаются ПА других морфологических типов:

(48) **Высокий, седой, сухопарый,**
Без шапки, недвижно-немой,
Как памятник, дедушка старый
Стоял на могиле родной! (Некрасов. Мороз, Красный нос)

Нам не хотелось бы, чтобы по прочтении этой статьи у читателя возникло впечатление, что принцип парности ПА-прилагательных действует в поэзии повсеместно и безраздельно. Наоборот: по сравнению с бытовой письменной речью в поэзии явно чаще используются одиночные ПА-прилагательные:

(49) **Усталый**, с лирою я прекращаю спор… (Пушкин. 2 ноября)

(50) **Безумная**, я бросила мой дом… (Гумилев. Душа и тело)

(51) Ее ответу
Он внемлет, **смущенный**… (Гумилев. Дева-птица)

Встречаются и одиночные прилагательные, обозначающие постоянные признаки; они отделены в самостоятельную синтагму:

(52) Обнимет рукой, оплетет косой
И, **статная**, скажет: «Здравствуй, князь…» (Блок. В густой траве пропадешь с головой…)

8. Заключение

Мы рассмотрели здесь случаи употребления в русской поэзии предикативных атрибутов (ПА) парами, в виде однородных членов предложения. Чаще всего парные ПА выражены полными или краткими прилагательными эмоциональной или эмоционально-оценочной семантики. История парности и возникающей на ее основе формульности, а также семантического уподобления членов пары восходит к древности и типична если не для всех языков, то во всяком случае для многих. Парность часто ассоциируется с фольклорностью.

Парность — удобный резервуар для реализации аллитерации, украшающей и облагораживающей поэтический образ.

Парность обладает удивительным свойством придавать синтаксическим элементам эстетическую завершенность, внушать адресату идею цельности, законченности и красоты формы.

Благодаря физической близости — непосредственному соседству — парность прилагательных благоприятствует их семантическому уподоблению. Интересно наблюдать, что благодаря «магическому» свойству парности даже безэмоциональные и безоценочные прилагательные превращаются под воздействием своих соседей в эмоционально-оценочные. При взаимодействии членов пары слова с эмоционально-оценочной семантикой оказываются, таким образом, более «сильными» соседями.

Употребление ПА-прилагательных парами служит не столько для передачи дополнительной информации, сколько **для усиления эмоционального воздействия**.

В роли ПА обычно не фигурируют прилагательные, обозначающие постоянные свойства, однако в паре их употребление вполне обычно: постоянство какого-либо качества под воздействием «соседа по паре» словно бы блекнет, перестает замечаться. Таким образом, непостоянство признака в паре «постоянный — непостоянный» также можно рассматривать как «сильный» фактор.

Одиночные прилагательные в роли ПА в поэзии также фигурируют, но по частотности уступают место однородным ПА.

Литература

Артамонова М. В. Парные именования в древнерусском тексте. Дисс. … канд. филол. наук. Владимир, 2005.

Богатырев П. Г. Вопросы теории народного искусства. М.: Искусство, 1971.

Гуревич Е. А. Парная формула в эддической поэзии. Опыт анализа. В кн.: Художественный язык средневековья. Ред. В.А. Карпушин. М.: Наука, 1982.

Гинзбург Л. Я. О лирике. Изд. второе, дополненное. Л.: Советский писатель, 1974.

Гиппиус А. А. «Повесть временных лет»: о возможном происхождении и значении названия // Из истории русской культуры. Т. I (Древняя Русь). Ред. А. Д. Кошелев, В. Я. Петрухин. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 448—460.

Евгеньева А. П. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII——XX вв. М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1963.

Никольс Дж. Падежные варианты предикативных имен и их отражение в русской грамматике // Новое в зарубежной русистике. М.: Прогресс, 1984. Вып. 15. С. 342—386 // https://classes.ru /grammar/158.new-in-linguistics-15/ source/worddocuments/_18.htm.

Пауль Г. Принципы истории языка. Пер. с нем. под ред. А. А. Холодовича. М.: Издательство иностранной литературы, 1960.

Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. 1 и 2. М.: Учпедгиз, 1958.

Синтаксис современного русского языка: хрестоматия с заданиями / сост. Г. Н. Акимова, С. В. Вяткина, В. П. Казаков и др.; отв. ред. С. В. Вяткина / Учебно-методический комплекс по курсу «Синтаксис современного русского языка». СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013.

Тынянов Ю. Н. Достоевский и Гоголь. (К теории пародии). Петроград: ОПОЯЗ, 1921.

Чернова Л. А. Обстоятельство или определение? Основные типы синкретичных членов предложения. Русская словесность. № 8, 2003 // https:// literary.ru/literary.ru/readme.php?subaction=showfull&id =1206018568&archive= 1206184486&start_from=&ucat=&.

Чеснокова Л. Д. Семантические типы членов предложения с двойными отношениями. Ростов-на-Дону: ГПИ, 1973.

Якобсон Р. Поэзия грамматики и грамматика поэзии // Семиотика. М.: Радуга, 1983. С. 462–482.

Якобсон Р. Два аспекта языка и два типа афатических нарушений. Пер. с английского Н. В. Перцова // Роман Якобсон. Язык и бессознательное. М.: Гнозис, 1996. С. 27—53.

Dolińska, Justyna. Zur Klassifizierung der Prädikative. Doctoral Thesis. Jena, 2011.

Dölling, Johannes. Uminterpretationen bei adverbialer Modifikation: Ein generelles Herangehen. In: J. Dölling & Th. Pechmann (Hrsg.): Prosodie-Struktur-Interpretation. Linguistische Arbeitsberichte 74. Universität Leipzig, 2000. S. 271—30.

Hackmack, Susanne. Prädikation und sekundäre Prädikation. In: Susanne Hackmack, Karl Heinz Wagner (Hg.). Prädikation. 2. Bremer Linguistik Workshop, 2001 // http://www.fb10.uni-bremen.de/ iaas/workshop/ praedi/hackmack.pdf.

Helbig, Gerhard; Buscha, Joachim. Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht. 5. Aufl. Berlin: Duden, 2005 (1. Auflage: Verlag

Enzyklopädie, Leipzig 1972).

Himmelmann, Nikolaus P.; Schultze-Berndt Eva F. Depictive secondary predicates in crosslinguistic perspective. In: Linguistic Typology 8. 2004. P. 59—131 // https://www.uni-muenster.de/imperia/md/ content /allgemeine_sprachwissenschaft/dozenten-unterlagen/himmelmann/himmelmann_schultze-berndt_2004_depictive_secondary_predicates_in_crosslinguistic_perspective.004.pdf.

Irimia, Monica-Alexandrina. Types of secondary predication. Toronto Working Papers in Linguistics, 25, 2005. P. 20–29 // http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.465.8195&rep=rep1&type=pdf.

Nichols, Johanna. Predicate nominals: a partial surface syntax of Russia. Berkeley: University of California Press, 1981.

Paul, Hermann. Prinzipien der Sprachgeschichte. 5. Aufl. Halle: Niemeyer, 1920. (Erste Auflage:1880).

Richardson, Kylie. What secondary predicates in Russian tell us about the link between tense, aspect and case. In: ZAS, Papers in Linguistics 26, 2001. http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.623.1900&rep=rep1&type=pdf.

О. С. Орлова (Институт языкознания РАН)
O. S. Orlova (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Непрямая номинация смерти в русских традиционных загадках[1]
Indirect nomination of death in traditional Russian riddles

Аннотация

Целью статьи является описание непрямой номинации смерти в загадках русской традиционной культуры. Исследование проводится на материале русских народных загадок о смерти, вошедших в сборники загадок М. А. Рыбниковой, Д. Н. Садовникова, В. В. Митрофановой. Основное содержание исследования составляет анализ загадок русского народа с отгадкой «смерть» в когнитивно-лингвокультурологическом ключе. Проводится фреймовый анализ. Делается попытка объяснить использование тех или иных образов для метафорического обозначения смерти в загадках с помощью лингвокультурологического комментария. Всего проанализировано 54 загадочных текста. Проведённый анализ показал, что образы, использующиеся для непрямого обозначения смерти в русских народных загадках, передают культурно-значимую информацию и прочитываются с опорой на знания традиционной культуры.

The aim of the article is to describe indirect nomination of death in Russian traditional riddles. The research is based on Russian traditional riddles about death from the collections of riddles compiled by M. A. Rybnikova, D. N. Sadovnikov, V. V. Mitrofanova. The research is mainly concentrated on the analysis of Russian traditional riddles with the solution “death” from cognitive-linguocultural perspective. Frame analysis is conducted. An attempt is made to explain the choice of the images used in metaphorical nominations of death in the riddles by means of linguocultural comment. 54 riddle texts have been analyzed. The analysis reveals that the images used to represent death in Russian traditional riddles contain culture-significant information and can be decoded with the help of traditional culture background knowledge.

Ключевые слова

Загадка, табу, непрямая номинация, смерть, метафора, когнитивно-лингвокультурологический анализ

Riddle, taboo, indirect nomination, death, metaphor, cognitive-linguocultural analysis

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00429) в Институте языкознания РАН.

Тема смерти в культуре осознаётся во взаимосвязи с различными эмоциями: переживание, горе, тоска, сострадание, страх, тревога, отчаянье, жалость и др. Чтобы примириться с существованием смерти и научиться воспринимать её как неотъемлемую часть жизни, человеку необходима мудрость предков, которая в традиционной культуре передавалась молодым поколениям с помощью сказок, пословиц, поговорок и загадок. В древние времена человек воспринимал смерть как кару Божью, наказание за грехи или гибельное воздействие нечистой силы. Эмоциональная реакция человека на само явление смерти настолько сильна, что у народов, находящихся на ранней стадии развития, в сочетании с мифологическими верованиями порождала запрет на её именование. Страх навлечь смерть на себя и своих близких становится причиной появления табу на прямое обозначение смерти и всего, что с ней связано. Табу понимается как «запрет на употребление тех или иных слов, выражений или собственных имён» [Леонтьев 1990]. Табуированию подлежит имя умершего человека, прямое обозначение смерти, названия болезней и др. пугающих объектов, явлений, событий. Запрет на прямое именование предполагает или умолчание, или употребление непрямых номинаций. В традиционной культуре непрямые номинации используются для смягчения при описании тем, так или иначе связанных с табу. Загадки являются средством накопления и передачи сакрального знания из поколения в поколение в определённых словесных формулах. Загадки о смерти можно рассматривать как своего рода завуалированные описания табуированной темы. Иносказательное описание темы смерти призвано смягчить эффект от обозначаемого, что достигается благодаря семантическому перефокусированию и/или установлению далёких связей между объектом номинации и его образом в загадке. Ср.: «*Летит орёл через немецки города, / Берёт орёл ягоды зрелы и незрелы* (*смерть*)» [Садовников 1876 № 2035: 253].

Под загадкой понимается «краткое иносказательное описание предмета, предлагаемое для разгадки» [Даль 1863: 505—506]. Загадки возникли в результате стремления придумать условные названия для умалчиваемых предметов и явлений, а с исчезновением веры человека в сознательные действия природы загадки превратились в чисто художественное явление с новыми общественными функциями [Аникин 1957: 68]. Загаданный денотат не именуется прямо. Он кодируется с помощью образов, прочитывающихся в культуре. Загадка создаётся на основе определённых конституирующих признаков, составляющих описанную в загадочном тексте ситуацию, которые «маскируются», как правило, с помощью метафоры. Раскрыть механизм кодирования денотата в «загадочном» тексте позволяет когнитивно-лингвокультурологическое исследование загадки. Фреймовый анализ загадки выявляет её конституирующие признаки, а лингвокультурологический — объясняет использование определённых образов при кодировании загаданного денотата. В качестве примера проанализируем русскую традиционную загадку «*Печь день и ночь печёт, а невидимка дошлую ковригу выхватывает* (*смерть*)*»* [Садовников 1876 № 2038:

254]. Когнитивную структуру «устройства» метафоры составляют: «исходная понятийная область-источник; область-приемник; типовой сценарий, который отражает характерные для данной сферы последовательности ситуаций; понятийные компоненты, которые создают основу для уподобления; фреймы как структура представления стереотипных ситуаций, выделенные в них данные о существенном, типичном и возможном для такого представления; типовые слоты, элементы ситуации, конкретизация фрейма» [Ковшова, Орлова 2018: 46]. Область-источник можно представить как совокупность многих метафор, из которых «собирается» метафора загадки. В рассматриваемом примере область-источник включает в себя артефактную и пищевую метафору (связь с приготовлением пищи: предмет, инструмент и сам процесс — «*печь день и ночь печёт*»); акциональную метафору (действия по приготовлению продукта); демонологическую метафору (невидимка — представитель нечистой силы); пространственно-временную метафору (связана с завершением описываемого процесса). Кроме того, пространственная метафора представлена образом существа из иного мира — «невидимки». Формализация фрейма в виде таблицы позволит раскрыть «метафорическое» устройство загадки и показать её конституирующие признаки [Ковшова, Орлова 2018; Орлова 2019].

Фреймовый анализ загадки «*Печь день и ночь печёт, а невидимка дошлую ковригу выхватывает*»

Печь день и ночь печёт, а невидимка дошлую ковригу выхватывает		=	Смерть
	Область-источник	Конституирующие признаки	Область-приемник
	Артефактная; пищевая; демонологическая; акциональная; пространственная; пространственно-временная	X	Физиологическая; духовно-бытийная
Типовые сценарии	Выпекание хлеба и его отнятие у выпекающего	Процесс, действие	Жизнь и смерть человека
Фрейм / фрагмент Признаки типовых ситуаций:	Хлеб выпекается в печи, а невидимая сила неожиданно, внезапно его забирает	Процесс, действие	Человек рождается, живёт и умирает

Слоты Конкретизация фрейма Элементы ситуации	Печь	Процесс	Жизнь как «производство» человека
		Вместилище, пространство	Мать (бесконечный процесс порождения человека)
	Коврига: тесто, мука, приготовление, выпекание	Объект: формируется из определённых составляющих в определённом пространстве	Весь жизненный процесс человека
			Человек: мужские и женские клетки, развитие в утробе матери *(печи)*
	Выпекание ковриги	Процесс	Взросление и все этапы жизни человека
			Рост и развитие ребёнка внутри матери
	Готовность ковриги	Готовность	Завершение жизненного цикла человека
	Ковригу вынимают из печи	Действие	Человек умирает
	День и ночь	Непрерывность, постоянность	Непрерывный процесс
	Невидимка	Объект: до конца непознанное явление	Смерть
	Выхватывание ковриги	Событие	Уход человека из жизни

Фреймовое описание загадки должно быть дополнено лингвокультурологическим комментарием, который позволяет объяснить использование различных образов. В загадке «*Печь день и ночь печёт, а невидимка дошлую ковригу выхватывает* (*смерть*)» [Садовников 1876 № 2038: 254] описываются рождение, жизнь и смерть человека. Рождение и жизнь человека уподобляются выпеканию хлеба в печи, а смерть описывается как его похищение невидимым существом.

В загадке «скрывается» двойная метафора печи: печь как мать, рождающая человека, и печь как жизнь. Использование печи для метафорического обозначения жизни и матери объясняется её значимостью в традиционной культуре славян. Печь в традиционной культуре является средоточием семейно-родовых ценностей, источником жизни и здоровья; в свадебном и родинном обрядах символизирует рождающее женское лоно [Топорков 2009: 39]. Выпекая хлеб в печи, женщины приговаривали: «*Матушка-печка укрась своих детушек*» [Топорков 2009: 39], а в заговоре при родах — «*Печь-мати помози N рожати*» [Топорков 2009: 39]. Образ хлеба в традиционной культуре используется для метафорического обозначения человека. Ср.: «*За стеной-стеной каравашек костяной* (*младенец в брюхе*)» [Садовников 1876 № 1706]; «*Дитятко что тесто: как замесил, так и выросло»* [Мокиенко, Николаева, Никитина 2010: 276]; *«И из одной печи́, да не одни калачи»* [Даль 2000: 441] — о детях одной матери и др. Печь занимала важное место в родинном и погребальном обрядах. При родах женщину помещали в бабий угол возле печи, при трудных родах открывали заслонку и жгли бумагу в печи для облегчения страданий роженицы, после родов женщина садилась на печь, чтобы не болел живот; когда умирал человек, было принято открывать заслонку печи, чтобы душа покойного не осталась в доме; при выносе гроба с покойным из дома, оставшиеся дома дети должны были смотреть в печь, засунув туда голову, чтобы не увидеть покойного и вскоре не умереть [Топорков 2009: 41—42]. Печь как жизнь противопоставлена смерти, которая в загадке описана в образе невидимки, выхватывающего дошлую ковригу из печи. Смерть в рассматриваемой загадке предстаёт в образе невидимки, поскольку в народном сознании воспринимается как неведомая, необъяснимая, загадочная сила. Ср. тж.: «*Не помню, не вижу, не знаю* (*рождение, жизнь и смерть*)» [Рыбникова 1932 № 1873: 398]; «*Загадка без разгадки?* (*смерть*)*»* [Садовников 1876 № 2044: 254]; «*На что глядят да не видят, / Про что ведают да не знают?* (*смерть*)» [Садовников 1876 № 2043: 254]. Невидимость — в традиционной культуре свойство представителей потустороннего мира и нечистой силы. Так, чертей называли *невидимой силой*, домового — *невидимкой*, *хозяином-батюшкой невидимушкой* [Левкиевская 2004: 388] и др. Считалось, что смерть и другие представители иного мира, обычно предпочитая оставаться невидимыми для людей, могли иногда показываться человеку. Так, смерть, по убеждениям древних славян, могла показаться тому, за кем пришла, или его близким.

В рассмотренном примере конституирующие признаки рождения и жизни в загадочном тексте — «вместилище / пространство», «объект, формирующийся из определённых составляющих в определённом пространстве», «процесс», и «готовность» — «маскируются» образами печи, ковриги, её выпекания и состояния готовности; конституирующие признаки смерти в загадке — «объект: до конца непознанное явление», «действие» и «событие» — представлены в образе невидимки, выхватывающего ковригу из печи. Общим

конституирующим признаком рождения, жизни и смерти в данной загадке выступает «непрерывность / постоянность», передающаяся в загадочном тексте с помощью оборота «*день и ночь»* со значением ‘постоянно, непрерывно’.

В русских народных загадках с отгадкой «смерть» описание смерти основано, как правило, на таком конституирующем признаке, как «объект». Данный признак просматривается практически во всех загадках о смерти. Этот объект представлен с помощью самых различных образов. Пояснить использование данных образов в иносказательном обозначении смерти в загадках русского народа возможно с помощью лингвокультурологического анализа.

В большинстве случаев для обозначения смерти в русских традиционных загадках используются орнитологические образы. Это объяснимо: в народном сознании смерть либо воплощает собой волю Божью и приходит с небес подобно птице, либо представляет собой нечистую силу, которая, согласно древним преданьям, является летучей. Ср.: драконы, Змей-Горыныч, гуси-лебеди и др. «Летучие» образы смерти в загадках могут именоваться как *птица* / *птичка*, *сова*, *орёл*, *утка / уточка*, *синица*. Выбор совы, орла, утки и синицы для метафорического обозначения смерти обусловлен их значением в традиционной культуре славянских народов. Орёл — царь среди птиц, символ власти, посланник небес. В славянской мифологии орёл — «божья птица» [Гура 2004: 558], осуществляющая связь между нижним и верхним мирами, имеющая возможность посещать небеса и преисподнюю [Гура 2004: 558]. В христианстве орёл служит символом человеческой души и обновления. Ср.: «Насыщает благами желание твоѐ: обновляется, подобно орлу, юность твоя» [Пс. 102: 5]. Ср.: «*Летела птица орёл, / Садилась на престол, / Говорила со Христом: / “Гой еси, истинный Христос! / Дал ты мне волю надо всеми: / Над царями, над царевичами, / Над королями, над королевичами; / Не дал ты мне воли / Ни в лесе, ни в поле, / Ни на синем море”* (*смерть*)» [Садовников 1876 № 2033: 253]. Сова — ночная птица, пугающая, в традиционной культуре считавшаяся предвестницей смерти, «зловещей, нечистой птицей» [Гура 2012а: 96], которую наделяли демонологическими свойствами. Ср.: «*Сидит сова на корыте, / Не можно её накормити / Ни попами, / Ни дьяками, / Ни пиром, / Ни миром, / Ни добрыми людьми, / Ни старостами* (*смерть*)» [Садовников 1876 № 2032: 252]. Ср. также: «*Из пустой хоромины либо сыч, либо сова, либо сам сатана»* [Даль 2000: 279]. Утка наделялась свойствами нечистой силы и в северорусских легендах выступала воплощением дьявола [Гура 2012б: 382]. Ср.: «*Сидит утка на тату-плоту; / Никто от нея не уйдёт: / Ни царь в Москве, / Ни король в Литве, / Ни рыба в море, / Ни зверь в поле* (*норе*) (*смерть*)*»* [Садовников 1876 № 2031б: 252]. Синица, влетевшая в окно дома, была предвестницей несчастья, а синица, залетевшая в амбар, служила предупреждением о смерти члена семьи [Гура 1997: 740]. Ср.: «*В темнице стоит дуб, / на этом дубу сидит синица, / никто от неё не уйдёт: / ни царь, ни царица, / ни красная девица, / ни заяц в норе, / ни рыба в воде* (*смерть*)» [Рыбникова 1932 № 1850: 396].

Орнитологические образы, использующиеся для непрямого именования смерти в загадках русского народа, прочитываются в мифологическом контексте традиционной культуры. Это находит своё отражение в образах мифических птиц. Ср.: «*На море, на Окияне*, / *На острове Буяне* / *Сидит птица* / *Юстрица;* / *Она хвалится,* / *Выхваляется,* / *Что всё видала,* / *Всего много едала,* / *Видела царя в Москве.* / *Короля в Литве,* / *Старца в кельи.* / *Дитя в колыбели,* / *А того не едала,* / *Чего в море не достала* (*смерть*)» [Садовников 1876 № 2029: 252]. В загадках смерть именуется *птицей Юстрицей, птицей Веретеницей* / *птичкой Вертяничкой* / *птицей Веретено* / *птицей-вертиницей* / *птицей-вертобылицей*. В славянской мифологии существует представление о веретене как цикличной сущности времени, вестниками которого являются птицы [Ковшова 2019: 191]. Эти представления связаны с мифологемой времени, в которой воплощены архетипы круга, конца и начала, жизни и смерти, к которым восходят мифонимы *Веретеница* и *Веретено* в загадках русского народа [Ковшова 2019: 191]. Птицей Юстрицей древние славяне называли холеру [Артемов 2013]. Её описывали в виде «огромной черной птицы со змеиными головами и хвостом» [Артемов 2013: 246]. Образ птицы для описания смерти в традиционных загадках русского народа можно назвать доминирующим. Орнитологическая метафора лежит в основе непрямой номинации смерти в 22-х рассмотренных загадках из 54 существующих на данную тему (включая образы мифических птиц).

В загадках русского народа птица-смерть изображается летящей над землёй или сидящей на чём-либо. Как правило, птица, персонифицирующая смерть, сидит на кусте или дереве, чаще всего на дубе. Ср.: «*На поле волынском* / *Стоит дуб таратынской,* / *На нем птичка Вертяничка;* / *Её никто не уймёт* / *Ни царь Москвич, Ни король Лукич* (*смерть*)» [Садовников 1876 № 2028: 251]; «*Сидит птица на кусту,* / *Молится Христу,* / *Берёт ягоды спеленьки,* / *Зреленьки,* / *Недоспеленьки* (*смерть*)» [Садовников 1876 № 2034: 253]. Дерево в различных культурах мира символизирует жизнь, а дуб также является воплощением долголетия, мудрости и старости. Куст — метафорическое обозначение жизни, а ягоды — людей[2]. Люди в загадках о смерти также иносказательно обозначаются с помощью образа цветов[3]. Ср.: «*Стоит дерево, на дереве – птица,* / *Цветы хватает, в корыто бросает,* / *Корыто не наполняет и цветов не умаляет* (*смерть*)» [Митрофанова 1968: 61].

---

[2] Зрелые ягоды используются для метафорического обозначения людей старшего возраста, а незрелые ягоды метафорически обозначают молодых и детей. В пословицах и поговорках русского народа образ ягоды также часто используется для описания взросления и при описании каких-либо темпоральных изменений. Ср.: «*Сначала цветочки — ягодки потом*» [Мокиенко, Николаева, Никитина 2010: 975]; «*Это* [*ещё только*] *цветочки, а ягодки* [*будут*] *впереди*» [Мокиенко, Николаева, Никитина 2010: 975].

[3] Для русских пословиц и поговорок также характерно образное сравнение человека с цветами. Ср.: «*Девушка без любви что цветок без запаха*» [Мокиенко, Николаева, Никитина 2010: 240]; «*Руководитель без народа что цветок без солнца*» [Мокиенко, Николаева, Никитина 2010: 774].

Птица-смерть в традиционных русских загадках также предстаёт сидящей на корыте или плоту, которые метафорически обозначают гроб: «*Сидит утка на плоту, / Хвалится казаку: / «Никто меня не пройдёт: / Ни царь, ни царица, / Ни красна девица»* (*смерть*)» [Садовников 1876 № 2031: 252]; «*Сидит сова на корыте, / Не можно её накормити / Ни попами, / Ни дьяками, / Ни пиром, / Ни миром, / Ни добрыми людьми, / Ни старостами* (*смерть*)» [Садовников 1876 № 2032: 252]. «Божья птица», орёл, сидит на престоле, метафорически обозначающем силу и власть. Ср.: «*Летела птица орёл, / Садилась на престол, / Говорила со Христом: / «Гой еси, истинный Христос! / Дал ты мне волю надо всеми: / Над царями, над царевичами, / Над королями, над королевичами; / Не дал ты мне воли / Ни в лесе, ни в поле, / Ни на синем море*» (*смерть*)» [Садовников 1876 № 2033: 253]. Мифологические птицы, в традиционной культуре являющиеся воплощением смертельных болезней, в русских народных загадках сидят на море, на океане и на острове. Ср: «*На море на морияне / Сидит птица, / Веретиница, / Никто от нея не отвертится: / Ни царь, ни царица, / Ни красная девица* (*смерть*)» [Садовников 1876 № 028в: 252]; «*На море, на Окияне*, / *На острове Буяне / Сидит птица / Юстрица; / Она хвалится, / Выхваляется, / Что всё видала, / Всего много едала, / Видела царя в Москве. / Короля в Литве, / Старца в кельи. / Дитя в колыбели, / А того не едала, / Чего в море не достала* (*смерть*)» [Садовников 1876 № 2029: 252]. Море и океан в русских загадках о смерти символизируют неизвестность и бесконечность. Остров — метафора одиночества и чужеземного. Остров Буян играет важную роль в языческой культуре древних славян. Согласно воззрениям славянских народов, на Острове Буян были сосредоточены могучие силы, к нему древние славяне обращались с мольбами о помощи [Афанасьев 2008: 542]. Древние славянские заговоры и заклятия начинаются со слов «*На море-на окиане, на острове-на Буяне*» [Афанасьев 2008: 543].

В основе непрямого именования смерти в русских народных загадках также лежат фитоморфная и зооморфная метафоры. Фитоморфная метафора в загадках о смерти часто дана в образах дуба, который преграждает человеку путь. Ср.: «*На горе горынской стоит дуб сарацынской; / Никто его не обойдёт, не объедет: / Ни царь, ни царица, / Ни красна девица* (*смерть*)» [Садовников 1876 № 2027в: 251]. У древних славян дубы считались местом обитания мифологических персонажей — ведьм, русалок и др. Согласно поверьям славянских народов, дуб моделировал как рождение и рост ребёнка, так и представление смерти и уход человека из жизни, и применялся в родинной и похоронной обрядности [Агапкина 1999: 144]. По преданьям древних славян, дуб, стоящий на горе (тж. на острове, на море, посреди океана, вблизи храма), обозначает «центр мира и сам мир и, вместе с тем, идеальное иномирное пространство» [Агапкина 1999: 143], рядом с которым всегда находятся высшие силы.

Непрямые номинации смерти, созданные с помощью зооморфной метафоры, построены на образе коровы, змеи и/или ящерицы. Ср.: «*Лежит змеится, никого не боится, ни царя, ни царицу, ни красную девицу* (*смерть*)»

[Рыбникова 1932: 94]; «*Есть такая веретеница, никто от неё не отвертится: ни царь, ни царица, ни красная девица* (*смерть*)» [Рыбникова 1932: 100]. Веретеницей в народе называли змею и безногую ящерицу [Филин, Сороколетов 1969: 136], медяницу, получившую такое именование благодаря сходству с веретеном. Согласно древним легендам славянских народов, опасная змея *веретенница* появилась из веретена, которым женщина пряла на святки, а затем выбросила, вместо того чтобы сжечь [Толстой 2002: 71]. Ср. тж.: «*Чёрная корова, весь народ поколола* (*смерть*)» [Рыбникова 1932: 94]. По народным поверьям, в облике коровы могла явиться холера [Белова 2012: 451]. Для непрямого именования холеры в русской традиционной культуре существовали различные эвфемизмы, возникшие на почве табу, среди которых выражение *коровья смерть*. Таким образом, именования смерти в русских загадках нередко обнаруживают связь с эвфемистическими именованиями смертельных болезней (*чёрная корова*, *птица Юстрица*, *птица Веретеница*).

Непрямое именование смерти в загадках русского народа также осуществляется посредством ландшафтной метафоры. Ландшафтная метафора в загадках о смерти строится на уподоблении смерти ухабу и столбу, которых невозможно обойти, объехать. Ср.: «*Среди поля ухаб, / Не проехать его никак. / Всё трёт / Всё мнёт, / И все завёртки рвёт* (*смерть*)» [Садовников 1876 № 2039: 254] и др.; «*Стоит в поле столб; этого столба не перейти, не переехать, хлебом не отманить, деньгами не откупить*» [Садовников 1876 № 2027б: 251] и др.

Метафорическое обозначение смерти в русских традиционных загадках осуществляется и с помощью антропоморфной метафоры. Несмотря на то, что смерть в славянской мифологии описывается как худая старая женщина, такой образ не зафиксирован в загадках русского народа, в противном случае он бы являлся подсказкой. Смерть в загадках, напротив, предстаёт в образе красивой девушки. Ср: «*Красная девица и всяк её боится, и царь, и царица* (*смерть*)» [Рыбникова 1932 № 478: 106]. *Красная девица* в значении ‘красивая девушка’ упоминается в русских народных сказках, былинах, загадках, пословицах и поговорках. В русском фольклоре красная девица обычно является положительным персонажем, наделённым красотой, умом и добротой.

С помощью антропоморфной метафоры смерть в загадках русского народа уподобляется убийце, преступнику, агрессору. Ср.: «*Зарежет без ножа, / И убьёт без топора* (*смерть*)» [Садовников 1876 № 2041: 254]. Сила смерти персонифицируется в загадках в образах силачей, борцов. Ср.: «*Кто всех сильнее на свете?* (*смерть*)» [Рыбникова 1932 № 1852: 396]; «*Кто бежит и кто гонит, два борца борются?* (*жизнь и смерть*)» [Садовников 1876 № 2026: 251]. В последней загадке используется метафора состязания, борьбы. Жизнь и смерть представлены как антагонисты на поле битвы.

Непрямое именование смерти в русской загадке может быть построено на образном сравнении смерти с демоном. Ср.: «*Некий человек был богат, / Выстроил хоромы, / Посадил в них девицу, / Приставил к ней сторожа; / Де-*

мон прилетал, / Хоромину разрушил, / Девицу осквернил, / Сторожа прогнал (*человек и смерть*)» [Садовников 1876 № 2045: 254]. Использование демонологической метафоры для обозначения смерти в загадочном тексте связано с восприятием в народном сознании смерти как гибельного воздействия нечистой силы.

Для непрямого именования смерти в русских традиционных загадках используются имена библейских персонажей. Ср.: «*Ходит Хам по горам, / Берёт ягоды с грибам* (*смерть*)» [Садовников 1876 № 2037: 254]; «*Ходит Иуда с золотым блюдом, / берёт ягодки зрелые и незрелые и кладёт в одно блюдо* (*смерть*)» [Митрофанова 1968: 61]. Хам, согласно ветхозаветным текстам, был одним из трёх сыновей Ноя, заселивших землю после Всемирного потопа. Согласно Библии, Ной проклял одного из сыновей Хама за то, что Хам недостойно повёл себя по отношению к отцу, давшему ему жизнь. Иуда, бывший одним из двенадцати апостолов, в библейских текстах описывается как предатель, продавший Христа за тридцать сребренников. Имена Хама и Иуды в современной культуре стали нарицательными. Так, хамом называют наглого и невоспитанного человека, а Иудой — изменника и предателя. Необходимо отметить, что в загадках нередко наблюдается «семантическая опустошённость агионимов» [Ковшова 2019: 199]. Представляется, что в приведённых примерах выбор имён *Хам* и *Иуда,* скорее, обусловлен рифмой («*Ходит Хам по горам*»; «*Ходит Иуда с золотым блюдом*»), так как в загадке о смерти с именем *Иуда* не репрезентируется мифологема предательства, а в загадке о смерти с именем *Хам* не прослеживается образ оскорблённого отца [Ковшова 2019: 199—200]. Тем не менее, тематике загадок отвечают негативные ассоциации, связанные с указанными библейскими персонажами.

В русской традиционной культуре существуют загадки о смерти, в тексте которых на конституирующий признак «объект», обозначающий смерть, не накладывается никакой конкретный образ. В таких загадках приводится какой-либо атрибут смерти, какой её видит народное сознание. Ср.: «*Что ниже Бога, а выше царя?* (*смерть*)» [Садовников 1876 № 2042: 254]; «*Ниже Бога, / Выше царя* (*смерть*)» [Садовников 1876 № 2042а: 254]. В приведённых загадках обозначено место смерти в иерархии власти, согласно которой смерть занимает промежуточное место между Богом и царём — наместником Бога на земле. Ср. тж.: «*Пометушки метут, / Поскребушки скребут, / Сухое дерево несут; / Не пышет, / Не дышет, / Живую душу берёт* (*смерть*)» [Садовников 1876 № 2040: 254]. В данной загадке отражается основное свойство смерти: она забирает у человека душу, тем самым отнимая жизнь. В загадке «*Первого не вижу, / Второго не замечаю, / Третьего не помню* (*рождение, жизнь и смерть*)» [Рыбникова 1932 № 1871: 398] указывается на другую, присущую смерти, черту: умирающий не может запомнить происходящего.

Независимо от того, как представлена смерть в загадках русского народа, в большинстве загадок о смерти отмечается неизбежность её наступления для всего живого в его жизненном цикле. Ср.: «*никто от неё не уйдёт*», «*ни-*

кто меня не пройдёт», *«не можно её накормити»* и др. В русских народных загадках подчёркивается, что перед смертью все равны. Ср.: «*ни царь, ни царица, / ни красная девица, / ни заяц в норе, / ни рыба в воде», «Видела царя в Москве. / Короля в Литве, / Старца в кельи. / Дитя в колыбели»;* «*берёт ягодки зрелые и незрелые и кладёт в одно блюдо»* и др. Ср. тж. с русскими пословицами о смерти: «*У смерти на глазах все равны*. *Смерть всех поравняет»* [Даль 2000: 151]; «*Одна смерть правдива* (*не разбирает богатого*)» [Даль 2000: 152] и др. Общим конституирующим признаком многих русских народных загадок о смерти является «препятствие». Смерть в загадках часто описывается как преграда на жизненном пути человека, как сила, которую нельзя побороть. Ср.: *столб*, *ухаб*, *дуб*, *птица* и др., которых нельзя обойти, никому нельзя миновать. Ср. тж. с пословицами [Даль 2017: 306]: «*От смерти не откупишься* (*окупа не дашь*)»; «*От смерти ни отмолишься, ни открестишься*»; «*Верти не верти, а надо умерти*».

Выводы. Эмоциональная реакция человека на явление смерти и всё, что с ней связано, обусловливает запрет на её прямое именование, что особенно характерно для эвфемистических номинаций смерти и загадочных текстов. Как в начале, когда загадка служила магическим текстом, так и в игровых текстах загадок, смерть кодируется с помощью непрямой номинации. В данной статье были рассмотрены русские народные загадки о смерти, отражающие видение данного явления и его понимание, опыт соприкосновения человека со смертью, совокупность взглядов на смерть и её место в жизни человека. Смерть в загадках обозначается, как правило, с помощью метафоры или с помощью указания на какой-либо атрибут смерти в соответствии с представлениями о данном явлении русского народа. Проведённый анализ показал, что загадочный текст составляют конституирующие признаки описанной в нём ситуации, на которые накладываются образы, использующиеся для метафорического обозначения описанных в загадке предметов, явлений, процессов, событий. Непрямые номинации смерти в русских традиционных загадках построены на антропоморфной, зооморфной, орнитологической, демонологической, фитоморфной, ландшафтной, артефактной метафорах. В загадках русского народа смерть уподобляется загадочному, мистическому и даже невидимому существу. В этих образах смерть предстаёт необъяснимой, неведомой силой; подчёркивается её неизбежность и неотвратимость. Непрямая номинация смерти в традиционных загадках обусловлена как самим жанром, так и сохранением реликта мифологического мышления и необходимостью в табуировании.

Литература

Агапкина Т. А. Дуб // Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5 т. Т. 2. М.: Международные отношения, 1999. С. 141—146.

Аникин В. П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1957.

Артемов В. В. Мифы и предания славян. М.: Олма Медиа Групп, 2013.

Афанасьев А. Н. Славянская мифология. М.: Эксмо; СПБ.: Мидгард, 2008.

Белова О. В. Холера // Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5 т. Т. 5. М.: Международные отношения, 2012. С. 450—454.

Библия православная. Российское Библейское Общество, 2006.

Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Издательство «Индрик», 1997.

Гура А. В. Орёл // Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5 т. Т. 3. М.: Международные отношения, 2004. С. 558—559.

Гура А. В. Сова // Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5 т. Т. 5. М.: Международные отношения, 2012а. С. 96—98.

Гура А. В. Утка // Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5 т. Т. 5. М.: Международные отношения, 2012б. С.382—383.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Том 1. М.: Об-во любителей рос. словесности,1863.

Даль В. И. Пословицы и поговорки русского народа. М.: Эксмо-Пресс, 2000.

Даль В. И. 1000 русских пословиц и поговорок. М.: РИПОЛ Классик, 2017.

Ковшова М. Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок. М.: ЛЕНАНД, 2019.

Ковшова М. Л., Орлова О. С. Загадки о рождении: опыт когнитивно-лингвокультурологического исследования // Когнитивные исследования языка. Выпуск XXXV. Москва — Тамбов, 2018, С.44—51.

Левкиевская Е. Е. Невидимый // Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5 т. Т. 3. М.: Международные отношения, 2004. С. 388—391.

Леонтьев А. А. Табу // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990 // http://tapemark.narod.ru/les /501b.html.

Митрофанова В. В. Загадки. Ленинград: Наука, 1968.

Мокиенко В. М., Николаева Е. К., Никитина Т. Г. Большой словарь русских пословиц. М.: Олма Медиа Групп, 2010.

Орлова О. С. Когнитивно-лингвокультурологическое исследование эвфемизмов на тему рождения // Когнитивные исследования языка. Выпуск XXXVI. Москва-Тамбов, 2019, С. 403—413.

Рыбникова М. А. Загадки. Москва, Ленинград: Academia, 1932.

Садовников Д. Н. Загадки русского народа. Сборник загадок, вопросов, притч и задач. Спб.: Типография Н. А. Лебедева, 1876.

Филин Ф. П., Сороколетов Ф. П. Словарь русских народных говоров. Выпуск четвёртый. Ленинград: Наука, 1969.

Толстой Н. И. Веретено // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М.: Международные отношения, 2002. С. 71.

Топорков А. Л. Печь // Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5 т. Т. 4. М.: Международные отношения, 2009. С.39—44.

Г. В. Петрова (МГИМО МИД России)
G. V. Petrova (Moscow State Institute of International Relations)

Анатомия зависти (на материале португальского языка в сопоставлении с русским)
Anatomy of envy (in Portuguese in comparison with Russian)

Аннотация

Зависть — один из важнейших мотивов человеческого поведения, это тщательно скрываемое чувство, осуждаемое обществом. В структуре зависти выделяются субъект, объект и причина; исследуются семантические характеристики и синтаксические позиции этих актантов в португальском языке. Выделяются параметры предикатов зависти: оценка и причины зависти; невозможность контроля самой зависти и трудность контролируемости ее манифестаций; корпоральные проявления; градуируемость; начинательность / финитность; языковая метафора, описывающая зависть; и последствия, проявляющиеся в разрушении внутреннего мира завистника, насилии и преступлениях.

Envy is one of the basic motives of human behavior, it's a carefully concealed feeling which the society condemns. Structure of envy reveals the subject, the object and the cause; semantic characteristics and syntactic positions of this actants in Portuguese are analyzed. Parameters of predicates of envy are: evaluation and causes of envy; impossibility of controlling the envy proper and difficulty of controlling its manifestations; corporate manifestations; controllability, degree of intensification, beginning and end of the process; language metaphor describing envy and its consequences revealing itself in destruction of the inner psyche of the subject of envy, violence and crimes.

Ключевые слова

Семантика, предикаты эмоционального состояния, субъект, объект, причина, оценка, манифестируемость, градуируемость, контролируемость, метафора

Semantics, predicates of emotional state, subject, object, cause, evaluation, manifestation, degree of intensification, controllability, metaphor

1. Введение. Концепт зависти (далее — З.) подробно описан в социологической, психологической и лингвистической литературе. В обзоре библиографии, посвященной этому концепту, нельзя не упомянуть фундаментальное исследование по социальной психологии Гельмута Шёка «Зависть. Теория социального поведения» [Шёк 2008], в котором автор анализирует концепт зависти в различных отраслях знания — от мифологии, психологии, философии и социологии до литературы и политики, делая вывод о социальной значимости

З. и ее пагубности, так как страх вызвать зависть ближнего тормозит развитие общества на разных этапах его развития. Этот порок является неустранимым элементом социальной жизни человека и одним из сильнейших регуляторов межличностных отношений.

Исследователи-лингвисты анализируют в своих работах зависть в сопоставлении с ревностью. Статья Е. Ю. Булыгиной и Т.А. Трипольской [Булыгина, Трипольская 2015] посвящена этимологии концептов «зависть» и «ревность» на материале славянских и романо-германских языков. Я. А. Волкова [Волкова 2014] рассматривает мимическую составляющую невербальной концептуализации эмоции зависти в русской лингвокультуре.

Ряд работ рассматривает концепт «зависть» в национальных картинах мира. Среди них кандидатская диссертация И. В. Несветайловой, где анализируются и противопоставляются концепты «зависть» и «ревность» в русском и английском языках, выявляются характеристики этих чувств, специфичные для каждой из рассматриваемых лингвокультур [Несветайлова 2010].

В кандидатской диссертации М. С. Матыциной анализуются речевые акты зависти / ревности. Автор отмечает, что при реализации в речи коммуникативного действия зависти / ревности невозможно их перформативное оформление. Действительно, говорящий избегает высказываний типа Я завидую тебе, я тебя ревную, прибегая к косвенным речевым актам: упреку, иронии, насмешке, грубым требованиям, оскорблениям и др. [Матыцына 2013].

Н. В. Григоренко, также на материале английского языка, осуществляет комплексный анализ лексем, передающих значение ‘завидовать’, выделяя семантическое ядро — лексему-репрезентант *envy* и ее словоформы, околоядерную зону (*envious*, *enviousness*, *jealous*, *jealousy*, *grudge*, *begrudge*, *covetous*); ближнюю периферию, образованную волитивными глаголами *covet*, *hanker*, *crave*, *long*, *desire*, и дальнюю периферию (*cupidity*, *malice*, *malicious*, *rivalry*, *spite*, *ill-will*, *invidious*, *belittle*, *belittling*, *green-eyed*) [Григоренко 2008].

Д. А. Кузнецова выстраивает лексико-семантическое поле концепта «зависть», выделяя смыслы, отражающие русский менталитет, национальную специфику этого концепта [Кузнецова 2006]. Жун Кан в магистерской диссертации сопоставляет концепт «зависть» в русской и китайской языковых картинах мира [Жун Кан 2016].

Целью данной статьи является семантический анализ предикатов эмоционального отношения (ЭО) зависти в португальском языке в сопоставлении с русским. При работе использовались дефиниционно-компонентный, контекстуальный анализ и сравнительно-сопоставительный метод, при котором русский язык предстает также в качестве метаязыка, раскрывающего семантические различия.

2. Определение. Г. Шёк, обобщая многочисленные дефиниции составителей словарей, психологов и антропологов [Шёк 2008: 29—36], определяет З. как запретное стремление к чему-то, что принадлежит другому [Там же: 36].

И. В. Несветайлова характеризует З. как «то, что испытывает человек по отношению к другому человеку, равному ему во всех отношениях, когда он

считает, что последний (незаслуженно) обладает благами, которыми он хотел бы обладать сам» [Несветайлова 2010: 9]. По словарю Даля, З. — это «досада по чужом добре или благе», завидовать — «жалеть, что у самого нет того, что есть у другого». По словарю Ушакова, завистью называется «чувство досады, вызванное превосходством, благополучием другого, желанием иметь то, что есть у другого». Заметим, что в данных определениях акцент делается на желании завистника обладать тем, чем обладает объект его зависти. Но Г. Шёк справедливо замечает, что зависть — это скорее не желание присвоить себе то, что есть у другого, а желание навредить объекту З. [Шёк 2008: 19], ведь завистник готов нанести ущерб себе, если тем самым навредит объекту З. [Там же: 41]. Завистника скорее прельщает разрушение причины З., нежели ее приобретение [Там же: 37]. Завистник не стремится иметь то, чему завидует, но ему нестерпимо, что этим обладает другой [Там же: 145].

И. В. Несветайлова определяет З. как чувство, а не как эмоцию, подчеркивая, что в психологии эмоция — простое, непосредственное переживание в данный момент, тогда как чувство — более сложное, постоянное, устоявшееся отношение, иногда являющееся чертой личности [Несветайлова 2010: 9]. Эмоции свойственны и людям, и животным, чувства — лишь человеку. И зависть, и ревность являются эмоциями высшего порядка, возникающими в процессе взаимодействия личности с обществом, они принадлежат к группе высших сложных чувств [Матыцына 2013].

Все авторы отмечают резко негативную окраску этого чувства, несущего саморазрушение для завистника.

З., как подчеркивают все исследователи, предполагает социальный контекст, то есть сосуществование двух или более индивидов. Это направленное чувство, не существующее без жертвы, цели [Шёк 2008: 16]. Таким образом, З. относится к двухактантным предикатам эмоционального отношения (ЭО), семантическая структура которых включает субъекта (в данном случае завистника) и объект (каузатор) З: *А завидует В*. В ней обычно, но не обязательно, наличествует и третий актант — причина: *А завидует В из-за N*.

З. — не рассудочное ЭО. Она гнездится в сердце, а не в мозгу, и никакой ум не может послужить от нее защитой [Шёк 2008: 205].

3. Материал исследования. В качестве иллюстративного материала используются примеры из базы данных «Corpus do Português» [Corpus], объединяющей 45 млн. примеров из литературных произведений XIX —XX вв. в развернутых контекстах, и «NOW Corpus Portuguese» [NOW], в котором более миллиарда примеров из текущей периодики. Таким образом, выборка из примерно 3000 примеров отражает состояние португальского языка как в иберийском, так и бразильском вариантах; в ней представлены различные стили и жанры.

4. Синтаксические способы описания зависти. Чувство зависти как в русском, так и в португальском языках обычно описывается следующими синтаксическими структурами:

1) [A+verba sentiendi+имя ЭО], при этом предикаты З. могут быть как нерасчлененными (*А завидует*), так и расчлененными (субъект *испытывает зависть*). В русском языке существует также безличный оборот *мне завидно*, указывающий на пассивность субъекта ЭО. В португальском языке — это: *invejar*; *ter* (*experimentar*, *sentir*, *nutrir*, *ficar com*) *inveja*: *Mas eu ...vi que era mentira e fiquei com inveja* (Machado:Casmurro). — ‘Но я …понял, что это было ложью, и почувствовал зависть’.

2) [Имя ЭО + предикат, обозначающий начало, окончание, нарастание ЭО]. Эмоция часто описывается как некая активная, действующая независимо от субъекта сила, которая растет в субъекте, охватывает его, завладевает им. *З. приходит к А, охватывает его, растет, проходит, исчезает*. Заметим, что в подобной конструкции субъект эмоции А представлен, как полностью пассивный. *Sua inveja se dissipara, dando lugar a um sentimento indescritível* (Costa:Sala). — ‘Зависть его рассеялась, уступив место какому-то неописуемому чувству’. *Tem gente que não consegue aceitar isso. A inveja não deixa* (Br:Intrv:Web). — ‘Есть люди, которые не могут с этим смириться. Зависть не дает’. *Eu ...acheime tomado de inveja e ódio* (Machado:Cora). — ‘…Я почувствовал, как меня охватывают зависть и ненависть’. *Alimenta-te a inveja*. (Menezes:Últimas). — ‘Тебя питает зависть’.

3) [B+каузативный глагол+A+verba sentiendi+имя ЭО]. Субъект (А) и объект (В) меняются синтаксическими ролями, при этом объект ставится в позицию подлежащего, вызывая ЭО у субъекта, который занимает позицию дополнения, то есть *В внушает зависть А*; *В наполняет А завистью*, *В разжигает зависть в А*. Ср. в португальском языке: *despertar* (*causar*, *fazer*, *provocar*, *dar*, *meter*, *inspirar*, *excitar*, *produzir*, *suscitar*, *criar*, *gerar*, *estimular*, *deixar com*, *originar*, *colocar*, *encher de*) *inveja*: *Se alguém se destaca demais já começa a despertar inveja* (Intrv:Web). — ‘Если кто-нибудь слишком выделяется, то начинает вызывать зависть’.

Заметим, что в позиции подлежащего может оказаться не объект, а причина зависти (*N внушает зависть А*): *…longa cabeleira loura, que causava admiração e inveja às mulheres da vila* (Br:Lemos:Espaco). — ‘…длинные светлые волосы, которые вызывали зависть у всех женщин поселка’.

5. Субъект. Субъект ЭО зависти является одушевленным лицом или выражается словами, обозначающими: а) коллективное множество людей (семья, страна, нация): *A União Europeia deve invejar a UEFA* (Sapo Desporto). — ‘ЕС должен завидовать УЕФА’. *É um país muito pequenino, muito invejoso* (ComU). — ‘Это очень маленькая и очень завистливая страна’; б) или же, метафорически, атрибут (в частности, чувства и эмоции) одушевленного субъекта: *O amor* não é *invejoso ou arrogante* (Lux). — ‘Любовь не завистлива и не высокомерна’; *o* ódio *invejoso* (Expresso) – ‘завистливая ненависть’; *um desdém invejoso* (Público.pt) — ‘завистливое презрение’; *o medo corrupto e invejoso* (Estadã) — ‘коррумпированный и завистливый страх’. в) абстрактные существительные при их персонализации: *Enquanto estamos falando, terá fugido o tempo invejoso; aproveite o dia* (Universia Brasil). — ‘Пока мы говорим, бежит завистливое вре-

мя; ловите же мгновенье!' Ср. в русском языке: *Я видел, как явное горе завидует скрытой печали* (А. Ф. Вельтман, Странник, 1831).

6. «Носитель» зависти. Неотъемлемыми атрибутами, которые являются «носителями» ЭО зависти, как правило, являются глаза (взгляд). Как отмечает Я. А. Волкова, зависть чаще всего передается взглядом (69% примеров ее выборки) [Волкова 2014: 22]. Ср. в порт. *Romualdo olhava para o Andrade com inveja* (Machado:Romualdo). — 'Ромуалдо смотрел на Андраде с завистью'. *Cada passo que Malèna (Monica Bellucci) dá é acompanhado pelo olhar invejoso das mulheres.* (Público.pt). — 'Каждый шаг Малены (Моника Белуччи) сопровождается завистливыми взглядами женщин'. Не случайно З. в португальском языке обозначается так же, как *olho gordo*, *mau-olhado* — 'зависть, сглаз, дурной глаз': *Há quem acredite piamente em "olho gordo", expressão que, também é conhecida como "mau-olhado", diz respeito ao desejo de possuir o que é dos outros, à inveja, ao ciúme* (Terra). — 'Есть люди, которые свято верят в сглаз, выражение, известное также как «дурной глаз», относящееся к желанию владеть тем, что принадлежит другим, к зависти и ревности'.

Эти выражения непосредственно связаны с этимологией слова *inveja*. По происхождению данное слово является индоевропейским (ср.: рус. за-висть, польск. *za-wiść*, итал. *in-vidia*, франц. *en-vie*, англ. *en-vy*, *en-vidia* — исп.), т.е. имеет место индоевропейский корень — **u̯ei-d-* (:**u̯i-d-*). Этимологически лексема *зависть* мотивирована глаголом зрительного восприятия *видеть* (ср. лат. *videre* — 'видеть'; общеславянское **viděti*). В сочетании с приставкой *за-* данные глаголы обозначали способность видеть то, что находится за каким-либо препятствием, т.е. нечто скрытое (*за-видеть*) (…). Переносные значения глаголов *зазрети* и *завидети*, а также их производных развивались под влиянием верований в «дурной глаз» [Булыгина, Трипольская 2015: 197].

И в русском, и в португальском языках не всегда наблюдается совпадение в выборе органов тела, которые используются при описании физиологических реакций как симптомов той или иной эмоции [Иоанесян 2018: 49]; такие «носители» зависти, типичные для русского языка, как лицо, вид или улыбка (завистливый вид, завистливая улыбка), ни в интернете, ни в нашей выборке не встречаются.

7. Объект. Объектом З., как правило, является одушевленное лицо. При этом, как замечает Г. Шёк, З. подразумевает социальную близость между завистником и объектом его зависти, предполагая сравнение и соперничество [Шёк 2008: 40], ведь невозможно завидовать королям или звездам кино: *A inveja …relaciona-se com a proximidade — nunca iremos invejar a Beyoncé porque sabemos que o seu estilo de vida é intangível…* (Vogue Portugal). — 'Зависть соотносится с близостью — мы никогда не станем завидовать Бьонсе, так как знаем, что ее стиль жизни недосягаем'. *Os estudos sugerem que as pessoas tendem a invejar gente parecida com elas* (Revista Época). — 'Анализ подтверждает, что люди имеют тенденцию завидовать себе подобным'.

Завистник сравнивает себя с объектом и чувствует себя ниже его [Там же: 26]. При этом разница между объектом и субъектом З. может быть незна-

чительной, недаром во многих примерах З. сочетается с прилагательным *мелочная*: *Uma inveja mesquinha: não quer ver a outra casada com um moço bonito e elegante!* (Machado:Textos). — ‘Мелочная зависть: она не хочет, чтобы та вышла замуж за красивого и элегантного юношу!’. При этом объект может и не подозревать о существовании завистника, конфликт может быть воображаемым, но вред, причиненный объекту — вполне реальным [Там же: 139]; между субъектом и объектом З. может и не быть социального контакта[1]. Поэтому Г. Шёк говорит об одиночестве завистника [Там же: 19].

Объектом ЭО зависти, также как и в случае с субъектом, могут становиться понятия, обозначающие (1) коллективное множество людей: *A China nada tinha a invejar à Europa* (Público.pt). — ‘Китаю не в чем завидовать Европе’, (2) или же животных, насекомых и т.п., если субъект З. персонифицирует их, наделяя человеческими качествами: *Será por termos inveja dos gatos?* (Público). — ‘Неужели потому, что мы завидуем котам?’

Как в русских, так и в португальских синтаксических структурах в позиции прямого дополнения чаще всего встречается не сам объект, а причина ЭО зависти, при этом объект З. ставится в позицию косвенного дополнения: *Invejava-lhe a sorte* (Pompéia:Ateneu). — ‘Он завидовал его удаче’.

8. Причина. Причина (каузатор) зависти — материальные или абстрактные блага, обладающие положительными характеристиками. Н. В. Григоренко [Григоренко 2008: 5] выделяет среди них следующие тематические группы: способности (умственные и физические); власть / политика; благосостояние: предметы обихода / интерьера / роскоши; молодость / телосложение / внешность; положение: профессиональное признание / успех / должность; стиль жизни / престиж. Каузатор З. может обладать национальной спецификой: так, в императорском Китае это — формальная ученость, а в индуистской и буддистской культурах — духовное совершенство [Шёк 2008: 52].

Синтаксически причина может выражаться:

а) именем существительным, обозначающим (1) конкретные предметы: *…a D. Felizarda a invejar as plumas da D. Biblioteca* (Brandao:Humus). — ‘…дона Фелизарда, завидующая перьям доны Библиотеки’; (2) атрибуты одушевленного субъекта (богатство, красота, удача, счастье и т.д.): *inveja da prosperidade dos vizinhos* — ‘зависть к благополучию соседей’; *inveja da sua popularidade* — ‘зависть к его популярности’; *invejar a beleza*, *inteligência* e *charme da protagonista* — ‘завидовать красоте, уму и обаянию главной героини’; *invejar a perseverança e criatividade de Steve Jobs* — ‘завидовать упорству и творческим способностям Стива Джобса’; (3) либо же обозначать абстрактные понятия: *a inveja dos tempos modernos* (Visão) — ‘зависть к новым временам’; *vida para invejar!* — жизнь, достойная зависти! б) пропозицией: O *pequeno Cavani ... inveja o que aquele miúdo tinha e que ele acabou por perder* (Observador). — ‘маленький Кавани …завидует тому, что есть у другого мальчика и что он в итоге потерял’.

[1] Г. Шёк приводит пример графа Монте-Кристо [Шёк 2008: 143].

Причинные связи могут эксплицироваться предлогом *por* или союзом *porque* и обозначаться (1) именем с предлогом *por*: *a tua inveja pelo sucesso de CR7 é doentia* (A Bola) — ‘твоя зависть из-за успеха CR7 болезненна’; (2) пропозицией, вводимой предлогом *por*: *sempre haverá pessoas que se destacam — e despertam inveja — por serem bonitas* (Globo.com) — ‘всегда будут люди, которые выделяются — и пробуждают зависть, потому что они красивы’; или (3) придаточным причины с союзом *porque: Achou natural que a outra ficasse com inveja ... porque o perdera* (Machado:Preto). — ‘Ей показалось естественным, что та … завидовала ей из-за того, что его потеряла’.

8.1. Объект с отрицательной оценкой. Многие исследователи отмечают существование З. с положительной оценкой (см. п. 10. Оценка), но никто не выявил существование причины, несущей в себе отрицательные коннотации. Итак, можно ли завидовать чему-либо плохому? Как показывают примеры, это возможно: а) в ситуации христианского смирения, приятия смерти и несчастья как искупления и блага во имя спасения: *Para atenuar a mágoa da prima, chegava a invejar o seu infortúnio* (Alencar:Pata). — ‘Чтобы смягчить горе кузины, она даже завидовала ее несчастью’. *Mas a inveja da morte e a inveja da inocência foram ainda substituídas pela inveja da felicidade* (Machado:Mão). — ‘Зависть к смерти и зависть к невинности вскоре сменились завистью к счастью’; б) или в контексте авторской иронии по отношению к причине зависти, ее объекту или субъекту: *Há gente para tudo; até para invejar a sorte do escritor* (Ferro:Tudo). — ‘Всякие бывают люди; даже такие, что завидуют участи писателя’. Ср. в русском яз.: *Люди готовы завидовать даже красивым похоронам* (Владислав Гжегорчик).

9. Управление**.** Таким образом, если все три анализируемых актанта присутствуют в высказывании, они занимают следующие синтаксические позиции. В русском языке:

1. Субъект З. в им. падеже — *завидовать* — (объект З. в род. пад.) — причина З. в винит.: *А завидует (его) N*.

2. Субъект З. в им. падеже — *чувствовать зависть* — объект З. в род. пад. с предлогом к — причина в род. пад. с предлогом *из-за*: *А чувствует зависть к В из-за N*.

3. Причина З. — (объект З. в род. падеже) — каузативный глагол — субъект З. в род. пад. с предлогом у: (*Его*) *N. вызывает зависть у А*.

В португальском языке:

1) Субъект З. в им. падеже — *invejar* — причина З. в позиции прямого дополнения — объект в косвенном падеже с предлогом *a* или *de*: *A inveja N a (de) B*: *Ele* (субъект) *invejava-lhe* (объект) *a sorte* (причина);

2) Субъект З. в им. падеже — *ter / ficar com inveja* — причина З. в косв. пад. с предлогом *de* — объект в косв. пад. с предлогом *de*: *Você* (субъект) *fica com inveja do cabelo* (причина) *do menino* (объект);

3) Причина З. — каузативный глагол — субъект З. в косв. пад. с предлогом а — объект З. в косв. падеже с предлогом *de*: *metiam-lhe* (субъект) *inveja o pala e as calças* (причина) *de brim do companheiro* (объект).

4) Причина З. — каузативный глагол — субъект З. в косв. падеже с предлогом *em* — объект З. в косв. пад. с предлогом *por*: *Você* (объект) *causará inveja em algumas pessoas* (субъект) *por conta disso* (причина).

Таким образом, синтаксические структуры подтверждают результаты семантического анализа, в результате которого в структуре предикатов З. выделяются три актанта: субъект, объект и причина.

10. Оценка. Зависть — ЭО с семой отрицательной оценки. Это чувство, которое мучит и терзает человека изнутри: *A inveja é um de os atributos mais cruel do ser humano* (Campo Grande News) — ‘Зависть — одно из самых жестоких качеств человеческой натуры’, это постыдное чувство, которое считается тяжким грехом как в католицизме, так и в исламе [Шёк 2008: 42]: *Foi em 1866 que os católicos determinaram que a inveja fosse* um dos sete pecados capitais (contioutra.com). — ‘В 1866 году католики постановили, что зависть — это один из семи смертных грехов’. В религии зависть считается проявлением несогласия с волей Божией, даровавшего благо другому человеку.

Субъект З. отдает себе отчет в пагубности З. и старается скрыть это чувство, не выказывая его проявлений; это чувство, которое тщательно скрывают от других [Несветайлова 2010] (см. п. 11. Контроль). Социум считает, что проявлять зависть не принято. Загнанное внутрь, оно разрушает завистника изнутри, за него принято извиняться: *Aqui onde me vês, estou ralado de inveja! — De inveja? — Sim, confesso-te que guardo dentro esse sentimento ignóbil* (Azevedo:Contos). — ‘Вот он я перед тобой, измученный завистью! — Завистью? — Да, признаюсь, что ношу в себе это недостойное чувство’. Desculpe-me*, eu não pude evitar um sentimento de inveja* (Costa:Sala) — ‘Извините меня, я не смог избежать чувства зависти’.

Предикаты З. сочетаются с прилагательными *cruel*, *veemente*, *fervoroso*, á*spero*, *corrosivo* и производными от них наречиями, несущими, помимо семы интенсивности, сему отрицательной оценки (см. п. 12. Градуируемость): *invejar veementemente* o próximo (Administradores) — ‘жгуче завидовать ближнему’; *mas invejava asperamente a cozinheira* (Queirós:Primo) — ‘Она остро завидовала кухарке’; *uma inveja fervorosa* — ‘лихорадочная зависть’; *a inveja corrosiva* (Jornal do Comércio) — ‘разъедающее чувство зависти’.

ЭО зависти принято определять как чувство черного цвета[2].

10.1. Концепт зависти с положительной оценкой. Несмотря на все пагубные последствия исследуемого ЭО, и в русской, и в португальской языковой традиции принято говорить о существовании «белой» зависти.

«Белая зависть» — мотивация личности, когда признание чужого успеха оказывается для нее стимулом творческой активности и стремления к соревнова-

[2] В бразильских блогах выражение ‘черная зависть’ вызывает ожесточенную критику со стороны борцов за гражданские права негров, так как в этом контексте черный цвет ассоциируется с чем-л. отрицательным, а белый — с положительным. Блог называется «Tire O Racismo Do Seu Vocabulário: 13 Palavras E Expressões Para Parar De Falar Já» — ‘Выбросите расизм из вашего словаря: 13 слов и выражений, которые нужно перестать употреблять’ (https://www.modefica.com. br/expressoes-rascistas).

нию [Несветайлова 2010: 34]. «Белая» зависть пришла из мусульманской традиции (араб. *гибта*, в от*личие от черной зависти,* араб. *хасад*) [Хасад (зависть) в исламе], и она возникает у человека, который наблюдает успехи и достижения других людей, но это чувство не вызывает в нём неприязни к этим людям: *A minha inveja branca é justamente essa alegria pelas conquistas dos outros* (Contioutra.com). — ‘Моя белая зависть — это как раз радость по поводу достижений других’. Заметим, что такая зависть часто сочетается с гордостью за объект З. и восхищением им: *…faz o alferes não apenas olh*á-*la com outros olhos, como também admirar e invejar sua capacidade de contornar as condições que lhe foram impostas* (Portal Ua). ‘Это заставляет прапорщика не только смотреть на нее другими глазами, сколько восхищаться ею и завидовать ее способности обходить навязанные ей препятствия’. *Senti inveja e orgulho: pelos indícios, meu pai sabia dar prazer a uma mulher* (Paiva:Brasil). — ‘Я почувствовал зависть и гордость: по всей видимости, мой отец умел доставить удовольствие женщине’.

Однако, по мнению Г. Шёка, в подобных случаях термин «зависть» неправомерен, так как речь идет не о З., а о соперничестве [Шёк 2008: 25].

«Белая» зависть не является разрушительной: *A inveja é um sentimento que pode ser destrutivo ou não* (Intrv:Web). — ‘Зависть — это чувство, которое может быть разрушительным или нет’. В рассматриваемых контекстах встречается сочетаемость с определениями, несущими сему положительной оценки: *inveja positiva do seu ofício* (Público.pt) — ‘позитивная зависть к его ремеслу’. *Contemplava aquele quadro com* deleitosa *inveja* (Machado:Ressurreição). — ‘Он рассматривал эту картину с упоительной завистью’.

В примерах мы встречаем парадоксальную точку зрения, гласящую, что зависть — это благородное чувство, исконно присущее человеческой натуре: A*bre mão dos velhos preconceitos, esquece as retóricas rafadas, estuda a inveja, esse sentimento tão subtil e tão nobre* (Machado:Memórias). — ‘Освободись от старых предрассудков, забудь истлевшую риторику, изучай зависть, это столь тонкое и благородное чувство’. *A inveja, ambição* é *estímulo; a gula, é sinal de saúde e bons costumes* (Azevedo:Fritzmac). — ‘Зависть, амбиции — это стимул, чревоугодие — это знак здоровья и правильных привычек”. *Se entendeste bem, facilmente compreenderás que a inveja não é senão uma admiração que luta, e sendo a luta a grande função do gênero humano, todos os sentimentos belicosos são os mais adequados à sua felicidade. Daí vem que a inveja* é uma virtude (Machado:Memórias). — ‘Если ты правильно понял, то легко увидишь, что зависть — это не что иное, как воинственное восхищение, а так как борьба — это великая функция человеческого рода, все воинственные чувства необходимы для его счастья. И отсюда следует, что зависть — это добродетель’.

Доказательство того, что З. тормозит прогресс человечества, проходит сквозной нитью через всю книгу Г. Шёка. Уже в племенных обществах чужой успех (добыча, пища, удача) вызывали З., и страх перед сглазом и черной магией завистника (или завистью богов, которые карали за чрезмерную удачу) заставляли объект З. преуменьшать или скрывать свой успех, делиться имуще-

ством. Отсюда такие явления, как самоуничижение (в Китае), преувеличенная скромность, страх лидерства, страх перед успехом [Шёк 2008: 55—98]. Лишь скромность делает возможным сосуществование людей в социуме [там же, с. 271]. В нынешнем обществе процветание общества вероятно только там, где страх З. преодолевается или игнорируется [Там же: 271].

Однако в современном обществе, как показывают примеры, чужая зависть доставляет удовольствие ее объекту; и более того, она является двигателем прогресса, так как объект зависти стремится обрести разнообразные блага, чтобы вызвать зависть у окружающих: *A inveja e a admiração dos outros é que lhe* davam *ainda agora uma delícia íntima* (Machado:Borba). — ‘Зависть и восхищение других доставляли ему теперь скрытое наслаждение’. Более того, каузатор, вызывающий З., несет положительную оценку и характеризуется как в высшей степени положительный: *Com muito dinheiro pode um Estado erigir um modelo social de invejar* (Diário de Notícias — Lisboa). — ‘С большими деньгами государство может создать социальную модель, достойную зависти’.

Данное ЭО считается социумом допустимым и может стимулировать субъекта к новым достижениям: *Vim por inveja, para ver se aprendo a cozinhar como ela* [DN]. — ‘Я пришел из зависти, чтобы попытаться научиться готовить, как она’.

11. Контроль. Итак, З. — мучительное и греховное чувство, осуждаемое обществом, она тормозит общественный прогресс, и поэтому как субъект, так и общество стремятся подавить, укротить, искоренить, *преодолеть, излечить* З., избавиться от нее. Все эти глаголы — маркеры контроля. Однако зависть не излечивается [Шёк 2008: 41], зависть не знает благодарности и признательности, ее невозможно усмирить [Несветайлова 2010: 11]. Это ЭО, как все сильные эмоции (страх, стыд), практически не поддается контролю [Петрова 2018: 93], и ни один автор не дает рецепта, каким образом субъект может преодолеть З.[3]

Так как З. — чувство, разрушительное в первую очередь для субъекта, маркеры контроля появляются также в императиве, в контексте добрых советов или рекомендаций, но, как правило, ими и ограничиваются, так как З. обуздать невозможно: …*pare de invejar os outros!* (Noticias Automotivas). — ‘…хватит завидовать другим!’ *Evita ciumada, briga, inveja* (Morais:Igaraunas). — ‘Избегай ревности, ссор, зависти’. *Não seja invejoso ou egoísta* (Wowgirl). — ‘Не будь завистливым и эгоистом’.

Контролируется, и то с трудом, не сама эмоция, а ее проявления. В большинстве контекстов такой маркер контролируемости, как *disfarçar* — ‘скрывать’ — употребляется в контекстах, показывающих, что результат усилий не

[3] На одном из бразильских сайтов дается рецепт, как обезвредить завистника — улыбаться ему: *Nosso sorriso para os invejosos funciona como o brilho do sol para um vampir*o. *Acaba com a vida deles*. – ‘Наша улыбка, обращенная к завистнику, действует, как луч солнца на вампира. Она обрывает его жизнь’ [https://www.pensador.com/frase/NzcxODM2]. К сожалению, этот рецепт не может служить противоядием против такого социального зла, как зависть.

достигнут, и сильная эмоция зависти все же экстериоризируется: — É *mesmo! — exclamou Masakado, procurando disfarçar a inveja.* (Costa:Sala). — ‘Именно так! — воскликнул Мазакадо, стараясь скрыть свою зависть’. — *Pois olhe, — acudiu a Pedrosa sem poder disfarçar uma pontinha de inveja* (Lopes:Intrusa) — ‘Но послушай же, — сказала Педроза, не сумев скрыть укол зависти’. *Queria não ter inveja, porque é pecado, mas...* (Blasting News) — ‘Я бы хотел не завидовать, потому что это грех, но…’

Существует табу на открытую декларацию З. [Шёк 2008: 27]; З. — тихий, скрытый и не всегда верифицируемый процесс [Там же: 140]. Субъект зависти испытывает ‘желание скрыть данную эмоцию’, т.е. при публичном проявлении субъектом подобного чувства / переживания он может испытывать чувство стыда [Булыгина, Трипольская 2015: 197]: — *Sim, inveja, Lúcio! Devias cobrir-te de vergonha!* (Carvalho:Deus) — ‘Да, Лусио, это зависть! Ты должен сгорать со стыда!’. Отсюда сочетаемость с определениями скрытый, тайный, затаенный, латентный*: uma secreta inveja* (Menezes:Prosa) — ‘тайная зависть’; *a inveja latente* (As Beiras Online) — ‘латентная зависть’.

12. Градуируемость**.** Как можно видеть, чувство зависти, как правило, является сильным и непреодолимым. Поэтому предикаты З. сочетаются с большим числом различных интенсификаторов. Это прилагательные и наречия *muito*, *tanto*, *quanto*, *que*, *tamanho*, *danado*, *imenso*, *enorme*, *incrível*, обозначающие высокую степень интенсивности: *...carcomido por incrível inveja* (Macedo:Vítimas-algozes) — ‘…подтачиваемый невероятной завистью’; — и *veemente*, *incrível*, *fervoroso*, *áspero*, *petulante*, *assombroso*, *danado* и др., несущие, помимо семы интенсивности, сему отрицательной оценки (см. п. 10. Оценка): *a sua petulante inveja de Barack Obama* (Folha de S.Paulo) — ‘его раздражительная зависть к Бараку Обаме’; *Tenho, por exemplo, uma inveja fervorosa das tietes do Caetano* (Cur). — ‘Я, например, лихорадочно завидую поклонницам Каэтано’.

В русском языке предикаты З. также сочетаются как с чистыми интенсификаторами: *сильно*, *искренне*, *остро*, *откровенно*, *безгранично*, *неимоверно*, *безудержно*, *глубоко завидовать*; так и с интенсификаторами, несущими сему отрицательной оценки. В этом случае З. бывает *мучительной*, *страшной*, *смертельной*, *дикой*, *едкой*, *враждебной*, *жгучей*, *лютой*, *жестокой*, *жадной*, *злобной*, *злой*, *бессильной*, *свирепой*, *сатанинской* [Психология и психиатрия. Зависть].

При деинтенсификации это ЭО представляется в португальском языке, как правило, как некое вещество, часть (толика, что-то вроде) которого испытывает субъект. Отсюда основными деинтенсификаторами являются: *um pouco* — ‘немного’; *uma sorte* (*uma espécie*) — ‘что-то вроде’; *a dentadinha* — ‘укус’; *uma ponta* — ‘укол’; *um lampejo* — ‘вспышка’; *um traço* — ‘след’; *uma sombra* — ‘тень’; *um elemento* — ‘элемент’. Ср.: *a sua pontinha de inveja* (Jornal de Notícias) — ‘укол зависти’; *uma sombra de inveja* (Machado:Borba) — ‘тень зависти’;

lampejo de inveja (Machado:Helena) — ‘вспышка зависти’.

В русском языке деинтенсификаторами являются *тихая*, *легкая*, *робкая зависть*, наречия *немного*, *слегка завидовать*.

13. Характеризация и спецификация. При том, что характеризация зависти выражается главным образом оценочными и интенсифицирующими прилагательными и наречиями, специфицирующие прилагательные и наречия в португальском языке указывают как на субъект — *людская*, *подростковая*, *божественная зависть* (*зависть богов*), *Каинова* (*братская*) *зависть*, так и на причину З. Рассмотрим следующий пример, где относительное прилагательное относится к субъекту: *...um velho defeito lusitano: a inveja nacional sobre quem detém mais* (Observador) — ‘…древний порок лузитанцев: национальная зависть (где нация — субъект) к тому, кто обладает бóльшим’; *inveja social* (Diário de Notícias) — ‘социальная зависть’ (где социум — субъект).

В следующих контекстах относительное прилагательное относится к причине: *Trump disse que os Estados Unidos despertam “a inveja econômica do mundo”* (EXAME.com). — ‘Трамп заявил, что США вызывают «экономическую зависть» (зависть к экономике, где экономика — причина) у всего мира”; а *inveja sexual, além da inveja literária* (Folha) — ‘сексуальная, помимо литературной зависти’; *o elemento da inveja política* (Machado:Parasita) — ‘толика политической зависти’. Г. Шёк упоминает также «пищевую зависть», то есть З. к тем людям, кто раздобыл больше пищи [Шёк 2008: 118].

14. Манифестируемость. Я. А. Волкова отмечает, что невербальная концептуализация зависти в русской лингвокультуре в рамках мимического стереотипа представлена следующими компонентами: описания кинем глаз (*завистливый взгляд*), лица (*перекошенное от зависти лицо*), губ (*завистливая улыбка*). Относительная «бедность» мимического стереотипа зависти объясняется в первую очередь негативным отношением социума к зависти, а также предписанием этических норм скрывать ее внешние проявления [Волкова 2014: 25].

Зависть — разрушительное чувство, в первую очередь пагубное для самого завистника. Субъект З. испытывает невероятные моральные и телесные мучения. Корпоральные проявления З. можно разделить на:

а) внутренние: *завистник умирает от З., изводит себя; З. убивает*, *снедает*, *щемит*, *мучает*, *грызет*, *подтачивает А, подрывает его силы*: *roído de inveja ante o rival* (Machado:Sainete) — ‘снедаемый завистью при виде соперника’; *inveja a mordiscá-las por dentro* (Caminha:Normalista) — ‘зависть, которая грызет их изнутри’; …*ralava-se de inveja* (Alencar:Diva) — ‘она мучилась завистью’; *A inveja corrói quem a tem* (*Diário Digital) — ‘*Зависть подтачивает того, кто ее испытывает’; *Invejar a felicidade alheia mata* (Purepeople.com.br) — ‘Зависть к чужому счастью убивает’.

б) внешние: *завистник замолкает*, *вздыхает*, *вздрагивает*, *кусает губы*; *грызет ногти*, *глаза его косят*; *З. отравляет или ослепляет А*; *сердце*

его останавливается или разрывается от З.: *Olha, e de inveja o coração lhe estala* (Machado:Americanas). — ‘Он смотрит, и сердце его разрывается от зависти’; *...as outras meninas roendo as unhas de inveja* (Gattai:Cronica) — ‘… все остальные девушки грызли себе ногти от зависти’; *...os olhares vesgos da inveja* (Machado:Americanas) — ‘глаза, косящие от зависти’. *Rosa mordeu-se de inveja ao avistar Florência* (Alencar:Til). — ‘Роза (букв.) укусила себя от зависти, завидев Флоренсию’; … *envenenado pela inveja* (Sousa:Missionário) — ‘…отравленный завистью’; *a inveja cega as pessoas* (Terra Brasil) — ‘зависть ослепляет’. Ср. в русском: *Зависть сдавливает горло спазмой, выдавливая глаза из орбит* (Олеша: Зависть).

Зависть вызывает разлитие желчи, поэтому цвет кожи завистника — желтый или зеленый: Este modelo específico, cor de maçã, terá deixado *verde de inveja o comprador de um GTO 250* (Jornal de Notícias) — ‘Эта особая модель цвета яблока заставила бы позеленеть от зависти покупателя GTO 250’.

15. Начинательность/финитность**.** Несмотря на то, что зависть определяется как чувство, а не эмоция, то есть характеризуется как долговременное ЭО [Несветайлова 2010: 9], она, как и другие человеческие эмоции, может иметь начало и конец: *Eu, como digo, achei-me tomado de inveja e ódio, mas também esse duplo sentimento* desapareceu (Machado:Cora). — ‘Как я говорил, меня охватило чувство зависти и ненависти, но это двойное чувство исчезло’. *Neste momento Carlo deixou de invejar Filippo* (Comparato:Guerra). — ‘В этот момент Карло перестал завидовать Филиппо’.

Зависть может обладать точечным характером: *Ao ver Eugênia, a moça sorriu tristemente, lampejo de inveja que para logo* se apagou *e morreu no coração.* (Machado:Helena) — ‘Увидев Эужению, девушка почувствовала вспышку зависти, которая мгновенно погасла, умерев в ее сердце’.

16. Метафора. В португальских художественных текстах зависть метафорически уподобляется чудовищу, змее, которая кусает, червю, который грызет и снедает, укусу их ядовитых зубов. Зависть — это яд, отравляющий душу, гвоздь, впивающийся в тело; зависть лает как пес, бессильно пускает слюни; цвет зависти — зеленый цвет гнили, у нее зеленые глаза, она подобна зеленому маслянистому слизняку: *Vermes da Inveja*, *a lesma verde* e *oleosa* (Cruz:Últimos) — ‘Черви зависти, зеленый жирный слизень’; *E afinal morre-se na cruz das idéias, pregado pelos cravos da inveja, da calúnia e da ingratidão* (Machado:Borba). — ‘И в итоге ты умираешь на идейном кресте, распятый гвоздями зависти, клеветы и неблагодарности’. *Corpo apodrecido de vaidade balofa, inchado de ignorância, envenenado pela inveja e secretamente roído por uma luxúria ardente* (Sousa:Missionário). — ‘Тело, сгнившее от раздутого тщеславия, опухшее от невежества, отравленное завистью и втайне снедаемое жгучим сладострастием’. *Não dês a menor importância! acudia o Guterres. — Deixa ladrar a inveja!* (Azevedo:Filomena). — ‘Не обращай внимания! Пусть зависть лает!’ *Aí vinham a cobiça que devora, a cólera que inflama, a inveja que*

baba (Machado:Memórias). — ‘И вот появляются алчность, которая пожирает, ярость, которая сжигает, зависть, пускающая слюни’; *o monstro de olhos verdes que se chama inveja* (PÚBLICO) — ‘чудовище с зелеными глазами под названием зависть’; *um pingo de bálsamo, que lhe curou a dentadinha da inveja* (Machado:Homem) — ‘капля бальзама, пролившаяся на (букв.) укус зависти’.

З. представляется как вспышка света, жгучая, кипящая, горькая или давящая, тяжелая субстанция: *um lampejo de inveja* — ‘вспышка зависти’*; uma inveja fervorosa* — ‘жгучая зависть’; *a carga de inveja* — ‘груз зависти’*; um travo de inveja* — ‘горечь зависти’.

17. Последствия. Зависть, как все эмоции, имеет свою историю, сценарий, обращенный как в ретроспекцию (выбор объекта и причины З.), так и в проспекцию, то есть свои последствия. Она часто сочетается с ревностью (ведь не случайно в польском и во французском языках зависть и ревность обозначаются одним словом *zazdrość*, *jalousie* [Булыгина, Трипольская 2015: 202]). Ревность отличается от зависти тем, что в зависти два «действующих лица», а в ревности их три; при этом «и ревность, и зависть связаны с желанием обладать, однако ревность есть вражда, вызванная страхом потерять, а зависть провоцируется корыстью, желанием иметь то, что есть у другого» [Там же: 201]: *Gosta de ser o centro das atenções. Mas morre de ciúmes e de inveja da irmã* (TV Foc). — ‘Ей нравится быть в центре внимания. Но она умирает от ревности и зависти к сестре’.

Зависть поднимает в душе человека бурю отрицательных эмоций, сочетаясь с ненавистью, мстительным недовольством, агрессией и ощущением собственной беспомощности [Шёк 2008: 38], презрением, неуважением, досадой, злобой, обидой и пр.: *Ramiro nutre um misto de ódio e inveja pelo poderoso Pedro Gouveia* (UOL). — Рамиру чувствует смесь ненависти и зависти к могущественному Педру Гоувейе.

Зависть как одна из форм речевого поведения нацелена на то, чтобы унизить, оскорбить, уничтожить объект зависти. У субъекта З. возникают мотивы блокировки чужого успеха, его дискредитации, а также прямая агрессия в адрес объекта зависти [Матыцына 2013]: A*s outras meninas perseguiam-me e batiam-me, talvez por inveja* (PT). — ‘Другие девочки преследовали и били меня, может быть, из зависти’.

З. провоцирует завистника на вандализм, преступления и человекоубийство (вспомним преступление Яго и так называемый «синдром Сальери»[4]): *O amigo da vítima frequentava a casa dele e cometeu o crime por inveja* (Super Notícia). — ‘Друг жертвы бывал у него дома и совершил преступление из зависти’. *Rumores sobre o envenenamento de Mozart por Salieri, motivado por inveja, há muito tempo são descartados por historiadores* (BBC Brasil). — ‘Слухи об отравлении Моцарта, которое Сальери совершил из зависти, были

[4] В литературе существуют сотни примеров зависти, подробно анализируемые Г. Шёком [Шёк 2008: 190—234]. Здесь мы ограничиваемся лингвистическим анализом этого концепта.

опровергнуты историками’. В этой связи Г. Шёк говорит о компенсаторном насилии [Шёк 2008: 171]. Заметим, что насилие и вандализм осуществляются как в отношении объекта З., так и в отношении ее причины (поджог машин на улицах), и даже в отношении самого субъекта: *Este tentou suicidar-se no dia de eleições por inveja de ver a alegria de todos os sportinguistas* (A Bola). — ‘В день выборов он пытался из зависти покончить с собой, видя радость болельщиков «Спортинга»’.

Бессильная З., то есть З. без последствий, еще больше опустошает и разрушает завистника.

18. Заключение. Таким образом, при проведении семантического анализа предикатов эмоционального отношения зависти в португальском языке в сопоставлении с русским, выявилось, что З. — одна из важнейших мотивационных причин человеческого поведения. Предикаты З. несут сему отрицательной оценки, в этом чувстве не признаются, его тщательно скрывают, оно осуждается обществом. В структуре предикатов этого ЭО выделяются субъект, объект и причина; при этом в работе подробно анализируются семантические характеристики, синтаксические позиции и отношения между всеми тремя актантами. Исследуется этимология слова З. и явления «сглаза», «дурного глаза», непосредственно связанные с этим ЭО. При анализе выделяются следующие параметры семантической структуры З.: 1) оценка ЭО и его причины, условия возникновения предикатов З. с положительной оценкой и ее причины с отрицательной; 2) невозможность контроля З. и трудность контролируемости ее манифестаций; 3) корпоральные проявления З. и ее «носитель» — глаза, взгляд; 4) интенсификация, связанная, как правило, с отрицательной оценкой, и деинтенсификация, обозначающая в большинстве случаев часть от целого; 5) начинательность / финитность этого ЭО; 6) языковая метафора, описывающая З.; и наконец, 7) последствия З., проявляющиеся в разрушении внутреннего мира завистника, насилии, вандализме и преступлениях по отношению к объекту З., ее причине или самому субъекту.

Как можно видеть, З. носит универсальный характер. Из специфических характеристик предикатов З. в португальском языке следует отметить сравнительную бедность их сочетаемости с обозначением мимических проявлений: «носители» З. в португальском языке — только *olhos*, *olhar* — ‘глаза’, ‘взгляд’, в отличие от русского, где завистливыми могут быть лицо, гримаса, вид или улыбка. Отличительными признаками обладают также способы деинтенсификации предикатов З.: это ЭО обычно представляется в португальском языке как некое вещество, часть которого испытывает субъект, в то время как в русском для деинтенсификации употребляются характеризаторы типа *тихая, легкая, робкая зависть* и наречия *немного*, *слегка завидовать*.

Корпусы текстов и словари

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка https://royallib.com/book/dal./tolkoviy_slovar_givogo_velikorusskogo_yazika.html.

Толковый словарь русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=15880.

Corpus do Português // https://www.corpusdoportugues.org.

NOW Corpus Portuguese // https://www.corpusdoportugues.org/now.

Литература

1. Булыгина Е. Ю., Трипольская Т. А. Динамические процессы в содержании эмоциональных концептов «зависть» и «ревность» в славянских и романо-германских языках //Русин. 2015. № 3 (41). С. 191—209.

2. Волкова Я. А. Невербальная концептуализация зависти в русской лингвокультуре // Вестник Томского государственного педагогического университета, 2014. N 2 (143). С. 21—26 // https://cyberleninka.ru/article/n/neverbalnaya-kontseptualizatsiya-zavisti-v-russkoy-lingvokulture.

3. Григоренко Н. В. Концепт “envy” и его языковая репрезентация в современном английском языке. Автореф. дисс. канд. наук. Белгород, 2008.

4. Жун Кан. Концепт «зависть» в русской языковой картине мира на фоне китайской. Выпускная квалификационная работа магистра лингвистики. Санкт-Петербург, 2016.

5. Иоанесян Е. Р. К типологии семантических переходов в лексическом поле эмоциональных состояний // Эмоциональная сфера человека в языке и коммуникации: синхрония и диахрония. Материалы международной конференции. ФГБУ Институт языкознания Российской академии наук. М.-Ярославль: Канцлер, 2018. С. 43—55.

6. Кузнецова Д. А. Концепт «зависть» и языковая личность А. Б. Мариенгофа // Вестник ПГЛУ. 2006. №4. С. 40—43.

7. Матыцина М. С. Средства выражения речевых актов зависти и ревности в современном английском языке. Автореферат …канд. дисс. 2013.

8. Несветайлова И. В. «Зависть» и «ревность» как эмоциональные концепты русской и английской лингвокультур. Автореф. дисс. канд. наук. Волгоград, 2010.

9. Петрова Г. В. Семантика слова «стыд» в португальском языке (в сопоставлении с русским) // Эмоциональная сфера человека в языке и коммуникации: синхрония и диахрония. Материалы международной конференции]. ФГБУ Институт языкознания Российской академии наук. М.-Ярославль: Канцлер, 2018. С. 84—96.

10. Психология и психиатрия. Зависть // http://psihomed. com/zavist.

11. Хасад (зависть) в Исламе // https://umma.ru/hasad-zavist-v-islame.

12. Шёк Г. Зависть. Теория социального поведения. М.: ИРИСЭН, 2008 // https://bookap.info/sociopsy/shyok_zavist_teoriya_ sotsialnogo_povedeniya.

Н. К. Рябцева (Институт языкознания РАН)
N. K. Riabtseva (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Интегральное представление эмоциональной сферы человека: эмоциональное и рациональное в состояниях сознания[1]
Human Emotions and Their Integral Representation: The Emotional and The Rational in States of Consciousness

Аннотация

В статье рассматривается взаимодействие эмоционального и рационального в состояниях сознания и их интегральное представление. Систематизируются средства отражения в языке и речи состояний сознания, синтезирующих эмоциональное и рациональное, а также выявляется их роль и функции в научном познании. Особо подчеркивается взаимодействие эмоционального, рационального и эстетического в состояниях сознания и их полимодальность, составляющая объект одного из наиболее перспективных направлений в современных когнитивных исследованиях.

The paper studies interaction between human emotions and rational states of consciousness and their integral representation. The linguistic means of their identification and description are systematized, as well as their role and functions in scientific research. Particular attention is payed to the interaction of the emotional, the rational and the esthetic in states of consciousness and to their polymodality, which constitutes an object of a new and promising area of contemporary cognitive research.

Ключевые слова

Взаимодействие эмоционального и рационального, состояния сознания, интегральное представление, научное познание, полимодальность, эстетика, когнитивные исследования

Human emotions, states of consciousness, integral representation, scientific research, polymodality, esthetics, cognitive studies

Предварительные замечания

Изучение эмоциональной сферы человека ввиду ее чрезвычайной значимости было и остается актуальной областью исследований в целом ряде наук, особенно в психологии, социологии, философии, лингвистике (см., например, [Апресян 1995; 2006; Арутюнова 1988; 1999]) и др. В настоящее вре-

[1] Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 18-012-00736а) в Институте языкознания РАН.

мя изучение эмоций стало одним из отдельных направлений в когнитивных науках, в частности, в нейронауке. В соответствующих работах подчеркивается, что исследование сознания и мозга не может игнорировать особо важную роль эмоций в самых разных когнитивных процессах. Именно эмоции часто лежат в основе таких рациональных явлений, как выбор, принятие решения и мн. др. [Ekman 2004; Damasio 2010; Barret 2017]. При этом длительное время считалось, что эмоции и ментальные процессы следует рассматривать отдельно друг от друга. Полученные в новейших исследованиях данные о когнитивных и нейронных процессах, лежащих в основе обработки эмоций, требуют пересмотра этого подхода в пользу изучения взаимодействия когнитивного и эмоционального в деятельности человека [Zajonc 2000; Smith 2017]. В результате можно констатировать, что одной из наиболее перспективных проблем в системном описании внутреннего мира человека выступает интегральное представление взаимодействия эмоционального и рационального в его состояниях сознания, с одной стороны, и выявление «лингвистических» способов объективации этого взаимодействия — с другой.

Интегральное представление эмоциональной сферы человека: Исходные положения

1. Эмоциональная сфера человека порождается и предопределяется внутренней психологической реакцией человека на внешнюю или внутреннюю ситуацию — текущую, прошлую или будущую, и ее (интеллектуальной, рациональной) оценкой: аксиологической интерпретацией, положительной или отрицательной [Апресян 1995: 52; Tart 1972; Спивак Д. Л. 1986; Спивак Л. И., Спивак Д. Л. 1996; Wilber 2000; Hobson 2007; Рябцева 2010; 2011].

2. Эмоциональная сфера человека непосредственно связана с его рациональной сферой. Рациональное и эмоциональное находятся в отношениях взаимосвязи, взаимозависимости и взаимодополнительности [Апресян 1995: 53; Рябцева 2014; 2016; Riabtseva 2010]: рациональное регулирует и контролирует поведение человека, его чувства и эмоции: «Сознание — это следящее устройство, способное со стороны наблюдать за поведением человека (ср. *видеть себя со стороны*). Если сознание обнаруживает в поведении признаки неразумности, оно отдает распоряжение воле, которая возвращает поведение к норме. Ср. *Он понял, что боится, и усилием воли попытался подавить свой страх*» [Апресян 1995: 46].

Кроме того, эмоциональное и рациональное дополняются эстетическим отношением к объективному и субъективному миру [Рябцева 2018а]. Эмоциональное, рациональное и эстетическое в человеке связаны через его состояния сознания, которые синтезируют, интегрируют и синкретично соединяют в единое целое внутренний психологический мир человека.

3. Внутренний психологический мир человека носит аналоговый характер и не поддается непосредственному наблюдению. Наиболее показательным и информативным источником сведений о состояниях сознания вообще и о

внутренней эмоциональной сфере человека в частности, а также о ее внешних проявлениях и соотношении с рациональным и эстетическим, выступает естественный язык и особенности его использования в речи и коммуникации. Можно сказать, что язык, «означивая» внутренние «аналоговые» состояния сознания, «оцифровывает» их и тем самым представляет в «наблюдаемом» и «дискретном» виде.

Лингвистическая репрезентация эмоционального и рационального в состояниях сознания

Естественный язык является наиболее надежным источником знаний о своем носителе и о его внутреннем мире. Соответствующие знания репрезентированы в языке разнообразными способами: намеренно и ненамеренно, сознательно и подсознательно, прямо и косвенно, эксплицитно и имплицитно, дискретно и синкретично, лексически и грамматически, семантически и прагматически, номинативно и дескриптивно, «звукосимволично» и фразеологически, формально и содержательно, терминологически и стилистически маркировано, т. е. не всегда очевидным образом. Их выявление представляет собой самостоятельную, актуальную и важную задачу, цель которой — понять накопленный человеком опыт в данной сфере и принципы его использования на практике, или как сейчас говорят, «трансферизации» [Dechert, Raupach 1989; Демьянков 2015]. Основой этого опыта выступает зафиксированная в языке идея о том, что речь неразрывно связана не только с поведением, ситуацией и целью общения, отношениями между коммуникантами, их настроением, характером, статусом и т. п., но и с их эмоциональными и рациональными состояниями сознания (ср. [Гак 1994]), точнее, со всем лингвистическим и экстралингвистическим контекстом [Рябцева 2016].

Далее будет показана связь эмоциональных и рациональных состояний сознания с языком и речью, дана характеристика языковых средств, отражающих эмоциональные и рациональные состояния сознания, выведены принципы отражения в языке и речи эмоциональных и рациональных состояний сознания, показаны воздействие слова на подсознание говорящего и адресата, а также сущность суггестивной функции языка и ее связь с «жанрами позитивного настроя»; выделена роль естественного языка в когнитивном моделировании сознания вообще и научного познания — в особенности, а также в изучении полимодальности эмоциональной сферы человека.

Проявления эмоционального и рационального в языке и речи

Лингвистический материал показывает, что эмоциональные и рациональные состояния сознания связаны между собой, также, как и с языком и речью, в трех важнейших отношениях:

1. Эмоциональные и рациональные состояния явным образом проявляются в речи и речевом поведении, ср. *клокотать от злости*, *язык заплетается от усталости*, *заикаться от волнения*, *голос дрожит от страха*, *потерять дар речи от изумления*, *обольщаться*, *ликовать*, *восторгаться* и мн. др.; см.

выделенный курсивом фрагмент: «— Завязка есть! — *закричал я в восхищении*, — об развязке этой комедии мы похлопочем!» (М. Лермонтов. «Герой нашего времени»).

2. Состояния сознания как интеграция рационального и эмоционального во внутреннем мире человека идентифицируются, квалифицируются и характеризуются в языке целым комплексом лексических, грамматических и фразеологических средств: *заслушаться* (и *забыть* обо всем), *заиграться* (и *не услышать* звонка), *потерять голову* (*от любви*), *любить* / *ненавидеть до потери сознания*, *на грани нервного срыва*, *шок*, *стресс*, *эйфория*, *фрустрация*, *убитый горем*, *вешать нос*, *не видеть дальше своего носа, закрывать глаза на ч.л.*, *смотреть сквозь розовые очки*, *строить иллюзии, потерять чувство реальности, пылать страстью, пристраститься*, *зациклиться на ч.л.*, *море по колено*, *все трын-трава*, *бесшабашный*, *отрешенно* (*сидеть*), *самозабвенно* (*петь*), *держать ушки на макушке*, *душа поет* (*от радости*) и мн. др. Например: «Присутствие энтузиаста обдает меня крещенским холодом, и, я думаю, частые сношения с вялым флегматиком сделали бы из меня *страстного мечтателя*» (М. Лермонтов. «Герой нашего времени»). При этом видно, что чем более эмоционально текущее состояние субъекта, тем менее в нем рационального.

3. Текущее (преимущественно) эмоциональное или рациональное состояние сознания поддается изменению с помощью или под воздействием речи. Причем язык является одним из наиболее эффективных средств его изменения: «нейролингвистическим программированием» сознания, не только чужого, но и своего, как сознательно, так и подсознательно, человек занимался задолго до изобретения этого термина, ср. *самовнушение* (*вбить себе в голову*, *браться за ум*), *напутствие*, *молитва* и др.; пример: *Старик напутствовал детей теплыми словами*.

Языковые средства в первом случае отражают симптоматику состояний сознания и соответствующих эмоций, во втором производят их дифференциацию, дескрипцию и номинацию, а также выделяют их характерные признаки и проявления (*бежать сломя голову* (так, что *не замечать* ничего вокруг); *биться как рыба об лед* (не просто *отчаянно* и безрезультатно пытаться что-то сделать, но еще и при этом *выбрать* способ действия, *неадекватный* ситуации / *неэффективный*)) и т. д. В третьем случае языковые средства и приемы разграничивают различные «жанры» воздействия на сознание и подсознание, на эмоциональное и рациональное. При этом «сила слова» оказывается многогранной, разнообразной, действенной или драматичной и опасной, ср. *глаголом жечь сердца людей*, *слово лечит и калечит*, *злые языки страшнее пистолета*, *накликать беду*, *вынимать душу*, *играть на нервах*, *выставить на посмешище* и мн. др.

В целом отражающие эмоциональные и рациональные состояния сознания языковые средства включают как номинативные терминологические еди-

ницы и книжную лексику (*апатия*, *амбиция*, *азарт*, *ажиотаж*, *наваждение*, *мания*, *маразм*, *максимализм*, *катарсис*, *аффект*, *экзальтация* и т. п.), так и аксиологически маркированную разговорную (в том числе и сниженную) лексику (ср. *набычиться*, *артачиться*, *взбелениться*, *выкрутасы*, *балбес*, *мозги набекрень*, *башковитый* и мн. др.), а также морфологические, синтаксические и лексико-грамматические модели, особенно такие, что выражают смысл «интенсивность» (Magn, в терминах модели «Смысл — Текст» [Иорданская, Мельчук 2007]): *разбегаться*, *переволноваться*, *растревожиться*, *убиваться*, *разгуляться*, *заработаться*, *зачитаться*, *засмотреться*, *залюбоваться*, *кипеть от негодования* / *возмущения* и т. п.

Но более всего состояния сознания, особенно «отклонения» от нормального состояния, эмоционального и рационального, отражаются во фразеологии — в наиболее экспрессивно маркированном и потому самом выразительном языковом средстве (ср. *встать не с той ноги*, *метать громы и молнии*, *белены объесться*, *не от мира сего* и т. п.). Самое показательное здесь то, что большинство таких фразеологизмов также выражает смысл «интенсивность» проявления эмоций: *пороть горячку*, *наломать дров*, *рвать на себе волосы* (*от отчаяния*), *встать поперек горла*, *быть на седьмом небе от счастья*, *головокружительный успех* и т. д.

В лингвистическом отношении языковые средства, отражающие состояния сознания, эмоциональные и рациональные, важны в нескольких отношениях.

Во-первых, показательно, что «научные понятия», отражающие (преимущественно) эмоциональные состояния сознания (*эйфория*, *прострация* и т. д.) имеют разговорные параллели, в которых отражен «донаучный» опыт носителей языка в квалификации соответствующих состояний (ср. *кайф*, *улет*, «*отключиться*»; *грезить* — *витать в облаках*, *крыша поехала* (*от радости* и т. п.) и мн. др.). Особенно подробно в обыденном языке разработана тема *стресса* (потери душевного равновесия), недоброжелательного или отрицательного эмоционального воздействия на другого человека — *манипулирование* его сознанием («психологическое давление», обман, ложь и т. п.) и др., ср. *места себе не находить*, *оказаться между молотом и наковальней* / *меж двух огней*, *готов сквозь землю провалиться (от стыда*), *душа ушла в пятки* (*от страха*) / *не на месте*, *вешать нос*, *попасть впросак* / *в переплет*, *сесть в калошу*, *опростоволоситься*, *быть не в соей тарелке* / *не в себе* / *не в духе*, *спуститься с небес на землю*, *вынимать душу*, *лезть в душу*, *выбить из колеи*, *буйствовать*, *быть вне себя от гнева* / *возмущения*; *точить зуб на к.л.*, *завлекать в свои сети*, *мутить воду*, *перекладывать с больной головы на здоровую*, *пристать*, *как банный лист*, *портить кровь*, *выставить на посмешище*, *вешать собак на к. л.*, *натравливать*, *смешать карты*, *брать на испуг*, *вешать лапшу на уши, всучить кота в мешке*, *обвести вокруг пальца* и мн. др.

Во-вторых, эмоциональные и рациональные состояния человека часто описываются переносными или метафорическими значениями, причем особо выделяются выражения, уподобляющие человека животному (или другому живому существу, растению и др.), ср. *набычиться*, *смотреть волком*, *петушиться*, *ершиться*, *вертихвостка*, *молчать*, *как рыба* и мн. др.

В-третьих, становится ясно, что в полное (словарное) толкование соответствующих выражений может быть включена не только эмоциональная характеристика состояния сознания, в котором находится субъект, но и рациональная. Так, *бояться собственной тени* значит не просто «бояться того, чего бояться не стоит», но еще и *безосновательно* бояться: *неадекватно* оценивать (текущую) ситуацию, т.е. вести себя слишком эмоционально и потому *иррационально*.

Таким образом, лексика, грамматика и фразеология, отражающие зафиксированные в языке представления его носителей о соотношении эмоционального и рационального в состояниях сознания, отличаются многообразием и прямо или косвенно связывают состояния сознания с их проявлением — в поведении, речи, внешнем виде, с выражением лица и глаз, с настроением, характером, манерами и т. п. (ср. [Tart 1972]), ср. *отсутствующий взгляд*, *смотреть заворожено* / *зачарованно*, *счастливое лицо* и т. п., пример: «То был ослепительный, но *холодный взгляд*»; «Кто этот господин, у которого такой неприятный *тяжелый взгляд*?»; «Через минуту она вышла из галереи с матерью и франтом, но, проходя мимо Грушницкого, приняла вид такой чинный и важный — даже не обернулась, даже не заметила его *страстного взгляда*, которым он долго ее провожал» (М. Лермонтов. «Герой нашего времени»).

Кроме того, в самом языке отражаются сила слова и его суггестивные возможности [Базылев 2009: 130—145]. Здесь особо выделяются «жанры позитивного настроя»: передающие и создающие положительный «посыл», оптимистический стимул, хорошее / приподнятое настроение, рождающие положительную эмоциональную установку на благоприятный ход развития событий и т. д. К ним относятся *приветствие*, *поздравление*, *пожелание*, *напутствие*, *тост*, *здравица*, *шутка*, *анекдот*, *комплимент*, *похвала*, *утешение*, *молитва*, *проповедь* и т. п. Их особенностью выступает намерение выразить и передать свое позитивное отношение к адресату / окружающим, эмпатию. Им противостоят жанры и приемы манипулятивного и потому отрицательного для адресата (языкового) эмоционального и рационального воздействия на его сознание (ложь, введение в заблуждение, утаивание информации и т. д., см. [Рябцева 2005: 140—142, 203, 261—268]. Такие «жанры» *сужают* сознание, делают его ограниченным, тогда как первые — *расширяют* его и заряжают положительным эмоциональным настроем.

Как показывает естественный язык, эмоциональные и рациональные состояния человека в норме постоянно изменяются под воздействием внешних и внутренних факторов и представляют собой важный объект не только тео-

ретического изучения, но и практического (само)контроля. Особого внимания при этом заслуживают способы и приемы сужения и расширения сознания, которые более всего связаны с социальными и культурными факторами жизни человека.

Таким образом, лингвистический анализ отражения в языке эмоциональных и рациональных состояний сознания говорит, что в языке фиксируются знания и опыт, полученные преимущественно подсознательно и подсознательно заложенные в язык, что состояния сознания бывают разных типов и видов, они имеют отношение ко всем другим психологическим сущностям человека: к речи, поведению, внешнему виду, душе, настроению, духу, что эмоциональные состояния поддаются рациональному контролю, и что положительный настрой в целом повышает качество жизни и способствует самореализации личности.

Из изложенного материала следует ряд следствий. Главными из них являются следующие. В языке отражен богатейший опыт и знания носителя языка о связи эмоциональных и рациональных состояний сознания, и особенно отклонений от нормального состояния с их проявлениями, «симптомами», признаками, причинами и характеристиками, ср. *доиграться*, *допрыгаться* («*легкомысленным* поведением довести себя до неприятностей» (С. Ожегов)), *кипятиться*, *горячиться*, *места себе не находить* (от беспокойства) и мн. др. Эмоциональные и рациональные состояния сознания теснейшим образом связаны с состояниями тела, души и духа, а также (и потому) с настроением, здоровьем и т. д., ср. *терзаться сомнениями*, *иссохнуть от горя*, *падать духом*, *быть не в духе*, *отвести душу*, *за душу брать*, *одухотворенный*, *душевный подъем*, *задушевный* (*разговор*), *добрая душа*, *жизнерадостный*, *сердце болит* (*за к. л.*) / *замирает от восторга*, *заразить оптимизмом*, *здравомыслие*, *зрелое решение* и мн. др. Важным инструментом эмоционального и рационального саморегулирования и воздействия выступает речь [Рябцева 2012].

Таким образом, видно, что в широком теоретическом и практическом контексте содержащиеся в языке данные о соотношении эмоционального и рационального в состояниях сознания позволяют дополнить имеющуюся научную картину в соответствующей области знаний. Кроме того, они позволяют показать, что эмоциональное и рациональное в состояниях сознания взаимодействуют не только в практической и социальной жизни, но и в научном познании.

Соотношение эмоционального и рационального в языке науки

Вопреки распространенному мнению о «бесстрастности» и «объективности» научного изложения, оно высоко аксиологично [Riabtseva 2013] и потому имеет непосредственное отношение к сочетанию рационального и эмоционального (ср. понятие «knowledge emotions» и интерпретацию «когнитивной эмоции» *surprise* в [Hu Guangwei, Chen Lang 2019: 158], а также к соотношению объективного и субъективного, индивидуального и «общепринятого», ср. [Hyland 2005]).

С одной стороны, это объясняется наличием в языке науки средств, сочетающих в себе предметный (дескриптивный) и аксиологический смысл, с другой — прагматической нагруженностью оценки и ее активным участием в рассуждении: в аргументации, объяснении, сравнении и выборе, в способности оценки мотивировать действия, в ее модальности и «импликатурности», и в целом — в ее связи с психологически и рационально значимыми эмоционально маркированными состояниями уверенности, убежденности, намеренности и т.п., или, напротив — с эмоциональными и «эмоционально-рациональными» состояниями сомнения, неуверенности, колебания, опасения, недоверия и т.д. (ср.: «It is concerned with the expression of the writer's personal feelings, attitudes, value judgements, or assessments» [Biber 2006: 87]).

Так, многие общенаучные понятия, обозначающие познавательные процедуры, операции и действия, а также большое количество их разного рода квалификативных характеристик подразумевают «небезразличное», «эмоционально маркированное» отношение к ним, а также к научному познанию, к изложению его результатов и особенно — к его перспективам. Сочетание в таких случаях рациональной оценки с эмоциональным отношением носит синкретичный характер, проявляется в экспрессивности изложения и может относиться к самым разным объектам. Так что экспрессивность, оценочность и эмоциональность тесно между собой связаны: «экспрессивность оценочных выражений направлена на то, чтобы усилить эмоциональное воздействие на собеседника» [Вольф 2002: 42].

Если в практической жизни за оценкой стоит дескрипция: *хороший нож* — 'острый и хорошо режет', то в рассуждении многие дескрипции подразумевают оценку, ср. *недостаточно обоснованное суждение* — 'почти ложное'. Оценочность и экспрессивность не только не снижают качества изложения, но, напротив, позволяют его «свертывать», «развертывать» и организовывать. Так что, хотя наука стремится к объективной истине, собственно истинность суждений составляет предмет философии и логики. В остальных научных областях познание сосредоточено на правильности и обоснованности рассуждений и выводов, их непротиворечивости и значимости, ср. *правомерный* (*закономерный*, *резонный*, *точный*, *поспешный*, *неожиданный*, *важный*, *правильный*, *ошибочный*) *вывод*. За модальной (в широком смысле) характеристикой при этом стоит не только оценка и отношение к предмету речи, но и программа действий, ср. *неточный*, *неполный*, *недостаточный, ошибочный*, *поверхностный*, *односторонний*, *расплывчатый, противоречивый, запутанный* — *уточнить, дополнить*, *переосмыслить*, *сравнить*, *сопоставить*, *выяснить*, *установить, выявить*, *прояснить*. *Странные*, *интересные*, *новые*, *непонятные* явления и факты задают эпистемическую перспективу их *изучения*, *объяснения*, *систематизации*, *обобщения* и т.п.

Каждый класс теоретических объектов и ментальных операций имеет свои критерии оценки: выводное знание — гипотезы, подходы, методики и пр.

квалифицируются по их обоснованности, обобщения — теории, концепции и пр. —по объяснительной силе, классификации — по основаниям, события — по вероятности, законы — по области действия, построения — по сложности (ср. *a sophisticated system*), рассуждение и изложение — по непротиворечивости, непредвзятости, глубине, понятности, полноте, результаты — по значимости, новизне и т.п., ср. *an accurate / biased / detailed / comprehensive / full / resourceful account* (здесь и далее примеры из [Riabtseva 2010]) и т.д.

Прагматическая функция оценки, таким образом, проявляется в ее участии в рассуждении, в его обосновании, в способности задавать перспективу изложения. В результате отличительной особенностью отражения в научной речи состояний сознания, эмоционального и рационального в них, выступает синкретичное сочетание эмоционального и аксиологически маркированного. Соответствующие средства синкретичного отражения эмоционального и рационального характеризует целый комплекс свойств: 1) метакогнитивность – связь с рефлексией субъекта речи над процессом изложения своих мыслей (ср.: «*We* can *support* this idea by the fact that P»); 2) риторичность – связь с порядком изложения (ср.: «Let us (*now*) *check* this conclusion»); 3) аргументативность — связь с инферентными компонентами научного текста [Рябцева 2017]; 4) полемичность — связь с метанаучным контекстом [Hobson 2007]; 5) фокусирование и привлечение внимания — выделение главного, нового, актуального и т.п. [Hu Guangwei, Chen Lang 2019: 164].

В целом подобные лингвистические средства представляют собой синкретичное выражение эмоциональных, модальных, аксиологических, дискурсивных, коммуникативных и когнитивных смыслов, средства номинации которых нуждаются в идентификации, систематизации и экспликации. Так, аксиологически и эмоционально маркированная лексика присутствует во всех классах общенаучной лексики. Даже такое, на первый взгляд, рациональное понятие как «проблема» способно передавать эмоциональное отношение и выступать в качестве экспрессивного средства в коммуникации, ср.: *У меня проблема*, *С тобой одни проблемы* — ‘трудности’.

К наиболее типичным средствам повышения экспрессивности изложения в научном тексте относятся, помимо аксиологической и эмоционально окрашенной лексики, «усилительные» конструкции, а также разнообразные стилистические, грамматические, лексические, синтаксические (инверсия, эмфаза и др.), фразеологические и прагматические средства создания экспрессии и их сочетание, цель которых в целом — усилить выразительность и убедительность речи, передать небезразличное отношение, оказать воздействие на адресата, подчеркнуть логику рассуждения, важность получаемых результатов и т.п.

При этом в научной коммуникации наиболее ярким экспрессивно маркированным средством выступают так называемые «интенсификаторы» [Денисова, Петухова 2018; Riabtseva 2013]. Они бывают разных типов и видов,

имеют непосредственное отношение к выражению таких аксиологически и эмоционально маркированных смыслов, как уверенность, убежденность, намеренность, «подчеркивание и выделение наиболее значимого» и мн. др., т.е. к рассуждению, обоснованию, объяснению и пр. Ср. сочетание приведенных ниже и выделенных п./ж. шрифтом интенсификаторов с оценочной (*clear, clearcut* и т.д.), эмоционально маркированной (*important*, *interesting* и т.д.), «эмоционально-рациональной» (*appropriate*, *different*, *correct*, *detailed*, *goal-directed* и т.д.), экспрессивно значимой (*problematic*, *valid*, *stringent*, *apparent*, *significant* и т.д.) лексикой:

absolutely *clear/ different/ reliable*; *to* ***adequately*** *cover/ define*; ***completely*** *comprehensive/ irrelevant/ unacceptable/ typical/ convinced/ agree*; ***considerably*** *different/ change/ differ/ more difficult to assess/ in error*; *to* ***effectively*** *cover a gap/ decode/ measure/ base on*; ***entirely*** *appropriate/ different*; ***equally*** *valid/ forgotten/ conveniently* (*applied*); ***especially*** *difficult/ important/ regular/ problematic/ significant/ with respect to*; ***essentially*** *correct/ right/ computational/ the same/ goal-directed/ unchanged*; ***exactly*** *the same type* (*way/ members*)*/ once/ the case*; *to concern* ***exclusively*** *with*; ***extremely*** *large/ common/ complex/ difficult/ empirical/ important/ interesting/ interested/ precise/ stable/ stringent*; ***fully*** *automatic/ determinate/ fledged (theory)/ aware of/ determined by/ understood/ dealt with/ elucidate a (problem)/ agree*; ***fundamentally*** *conventional/ different/ differ*; *to add/ affect/ appreciate/ contribute/ deform/ differ/ impress/ vary* ***greatly***: ***highly*** *complex/ detailed/ developed/ desirable/ original/ probable/ similar/ variable/ amenable to investigation/ sophisticated/ controversial*; (*almost*) ***immediately*** *apparent/ evident/ accessible/ testable/ aware/ after; to* ***inevitably*** *arise/ be concerned with;* ***keenly*** *aware of* (*difficulties*); ***largely*** *irrelevant/ parallel/ ignore/ restricted/ unaddressed/ unexplored*; (*a theory*) *of* ***manifestly*** *superior status*; *to* ***markedly*** *advance understanding*; ***naturally*** (*we can apply the computer to various scientific problems*); (*not*) ***necessarily*** *identical/ informal/ limited/ rely on/ contain/ imply*; ***particularly*** *detailed/ important/ informative/ interesting/ necessary/ significant/ suitable/ useful/ for the teacher/ through this work/ in understanding/ if P can be obtained/ when/ with respect to****;*** ***perfectly*** *acceptable/ clear*; ***precisely*** *this/ because of*; ***primarily*** *conventional/ formal/ functional/ concerned with/ designed for*; ***purely*** *abstract* (*consideration*)*/ formal model* (*way*)*/ human purpose/ mechanical* (*in conceptual representation*)*/ negative* (*remark*)*/ technical* (*in nature*); *to change/ modify* ***radically***; ***radically*** *diverse;* ***really*** *fruitful/ just an extension/ only skin deep/ entail/ need/ relate to/ involve/ do hold for/ at stake*; ***significantly*** *easier/ greater/ affect*; *to use* ***solely*** *to signal P*; ***specially*** *concerned with*; *to* ***specifically*** *associate/ consider P*; *to affect/ depend/ indicate/ influence/ maintain/ vary* ***strongly***; ***strongly*** *biased/ encouraged/ temperature dependent*; ***totally*** *clearcut/ self-sufficient/ naturalistic (explanation)/ agree*; ***truly*** *in a race/ green economics/ interact*; ***ultimately*** *depend on an ability/ receive empirical interpretation*; ***uniquely*** *near P/ correct inventory (way)/ human mode of adaptation*; *to debate/ defend/ deny/ flourish* ***vigorously***.

Приведенные примеры показывают, что в общенаучном контексте соответствующие «интенсифицированные» выражения подразумевают противопоставления, т.е. им соответствуют выражения с противоположной оценкой и потому с противоположным к нему («рационально-эмоциональным») отношением, ср. *clear* — *unclear*, *regular* — *irregular*, *relevant* — *irrelevant*, *acceptable* — *unacceptable*, *negative* — *positive*, *aware* — *unaware* и т.д.

Следует отметить, что методологические и практически ориентированные проблемы изучения синкретичного выражения «рационально-эмоциональных» состояний в научной коммуникации имеют непосредственное отношение к преподаванию предмета «научная речь на английском языке», с одной стороны, и к изучению научного стиля мышления на иностранном языке — с другой (подробнее см. [Рябцева 2018б, 2018в]). Тем более, что они принимают непосредственное участие в таких чрезвычайно распространенных в научной речи коммуникативных «приемах» изложения, как имплицирование и «сворачивание» информации, на которые обращает внимание в своих последних исследованиях выдающийся британский специалист по языку науки Дуглас Байбер [Biber 2006, 2010, 2016]. Кроме того, они оказываются также непосредственно связанными с установлением мультимодальности состояний сознания вообще и эмоциональных состояний — в частности, уже хотя бы потому, что имеют непосредственное отношение к интенциональности и проспективизации изложения.

Мультимодальный характер состояний сознания: Эмоциональное, рациональное и эстетическое в культуре и искусстве

Эмоции являются неотъемлемой чертой коммуникации и в ней наиболее ярко проявляют свой мультимодальный характер. Он заключается в возможности его разнообразного отражения и в существовании разнообразных форм его проявления: эмоции могут проявляться различным, в том числе «синкретичным» способом, например, отражаться (и присутствовать) одновременно в выражении лица, жестах, движениях, настроении, голосе, речи, интонации, тембре, ритме, а также в отношении к себе, окружающим и миру, и т.п.

Основным «коммуникативным» свойством эмоций выступает их семиотичность и «дискурсивность» — способность эмоций выражаться и проявляться в дискурсивно присутствующих «субъективных смыслах», отражающих внутренние состояния субъекта речи. Причем это отражение может происходить как «естественно» и «спонтанно», так и «культурно-значимо» и «культурно-опосредованно», ср. музыка, танец, песня, театр, кино и т.д. Последние основаны на намеренном и культурно значимом отображении, воплощении и выражении чувств и эмоций человека — при помощи (разнообразных) эстетически значимых семиотических средств [Рябцева 2019].

Соответственно, современная когитология все более пристальное внимание уделяет таким культурно значимым модальным средствам воплощения

эмоционального мира человека, как произведения культуры, искусства (музыкального, сценического, изобразительного, хореографического, кинематографического и т.д.), литературы, поэзии, зодчества, архитектуры и мн. др. Ср.: «Заложенная внутри пьесы полимодальность обусловлена сценичностью текста, «заряженного» выразительными возможностями зрительного, слухового, тактильного и других модусов как способов выражения и передачи смыслов в ходе коммуникации» [Логинова 2018: 152].

Эмоции и настроение отражаются и воплощаются в (достаточной степени) сознательно сотворенном и эстетически обработанном звуке, свете, красках, оттенках, композиции, ритме, «линии», «конфигурации» и т.д. Так, по Лотману [Лотман 2005: 27], языки искусства как вторичные моделирующие системы относятся к наиболее сложным знаковым системам и являются особым кодом, транслирующим социокультурное эмоционально-маркированное знание.

Значимость эмоционального компонента, его ключевую роль в процессе художественной коммуникации подчеркивает В. П. Бранский, отмечая, что «коммуникативная функция художественного творчества в большинстве случаев определяется способностью художника вызвать сопереживание у реципиента, которое связано с выразительностью художественного образа, с помощью которого художник передает свое эмоциональное отношение к соответствующему объекту» [Бранский 2000; Денисова, Петухова 2018: 88].

Особо важное место здесь занимают невербальные средства выражения внутренних состояний, которые свидетельствуют о междискурсивной, межсемиотической и мультимодальной сущности эмоций (ср. [Pérez-Sobrino 2017]). В них происходит совмещение и сочетание вербального и невербального, эмоционального и рационального, замещение вербального невербальным и наоборот. (Ср.: «The generation of musical meaning is a singular cognitive operation — a cross-modal, cross-domain, or cross-space mapping between the musical structure and an extramusical experience» [Antović 2016: 118]; см. также [Bhatara, Laukka, Levitin 2014; Giordano, Egermann, Bresin 2014].) Подобные средства выражают, объективируют и интерпретируют в эстетически значимой форме внутренние состояния отправителя сообщения и призваны порождать ответные аналогичные эмоциональные и эстетические чувства и реакции у получателя сообщения.

Наиболее значимыми формами их идентификации, экспликации и интерпретации выступают разного рода комментарии, в первую очередь профессиональные [Shamaieva 2018], а также художественные описания и представления, см. художественно-поэтическое осмысление состояний сознания, души и духа в виде образа невидимого симфонического оркестра, все инструменты которого сливаются в своем звучании воедино: «*My soul is like a hidden orchestra; I do not know which instruments grind and play away inside of me, strings and harps, timbales and drums. I can only recognize myself as a symphony*» (Fernando Pessoa, *The Book of Disquiet*).

В целом отражение и осмысление эмоциональной сферы человека связано с широким научным, культурным и социальным контекстом: с философией, религией, медициной, физиологией, биологией, психологией, когнитивистикой, нейронауками, культурой, искусством, филологией, литературоведением, лингвистикой, этикой, эстетикой и др. Исходным моментом в осознании эмоций служит их различение и обозначение. Так, важным способом (косвенного) выражения эмоций выступает описание проявления эмоций и описание причин их возникновения [Shamaieva 2018] с точки зрения взаимодействия эмоционального и рационального в них.

Новым перспективным направлением изучения эмоциональной сферы человека выступает моделирование полимодальности ее проявлений, а также культурологически значимых интенциональных эстетических форм ее воплощения.

Литература

Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37—67.

Апресян Ю. Д. (отв. ред.) Языковая картина мира и системная лексикография. М.: ЯСК, 2006.

Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988.

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: ЯРК, 1999.

Базылев В. Н. Российская лингвистика XXI века: Традиции и новации. М.: Изд. СГУ, 2009.

Бранский В. П. Искусство и философия. Калининград: Янтарный сказ, 2000.

Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Едиториал УРСС. 2002.

Гак В. Г. Молчание и чувство // Логический анализ языка: Язык речевых действий. М.: Наука, 1994. С. 178—183.

Демьянков В. З. Языковые следы трансфера знаний // Когнитивные исследования языка. Вып. XXIII: Лингвистические технологии в гуманитарных исследованиях. М. —Тамбов, 2015. С. 17—29.

Денисова Н. В., Петухова Т. И. Вербальный код в поликодовом пространстве произведения живописи: когнитивно-коммуникативный и переводческий аспекты // Когнитивные исследования языка. Вып. XXXV. Взгляд в будущее: Новые перспективы когнитивных исследований языка. Материалы Круглого стола. Московский государственный лингвистический университет, 2 ноября 2018 года. Москва — Тамбов, 2018. С. 86—92.

Иорданская Л. Н., Мельчук И. А. Смысл и сочетаемость в словаре. М.: Языки славянских культур, 2007.

Логинова Е. Г. Полимодальный потенциал текста пьесы // Когнитивные исследования языка. Вып. XXXV. Взгляд в будущее: Новые перспективы когнитивных исследований языка. Материалы Круглого стола. Московский государственный лингвистический университет, 2 ноября 2018 года. Москва — Тамбов, 2018. С. 151—158.

Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб.: Искусство, 2005.

Рябцева Н. К. Язык и естественный интеллект. М.: Academia, 2005.

Рябцева Н. К. Терминологические проблемы в изучении состояний сознания // Терминология и знание. Материалы II Международного симпозиума. Отв. ред. С. Д. Шелов. М.: ИРЯ РАН, 2010. С. 332—342.

Рябцева Н. К. Измененные состояния сознания по данным языка // Сублогический анализ языка. Юбилейный сб. научных трудов. Под ред. В. Н. Базылева. М.: ИЯ РАН, 2011. С. 361—371.

Рябцева Н. К. Дискурс и состояния сознания: социокультурный аспект // Вестник Московского государственного лингвистического ун-та; вып. 6 (639), сер. Языкознание: «Дискурс как социальная деятельность: приоритеты и перспективы». Отв. ред. Л. А. Ноздрина. М.: МГЛУ. Ч. 2. Рема, 2012 С. 17—184.

Рябцева Н. К. Количество и качество в описании состояний сознания // Логический анализ языка: Числовой код в разных языках и культурах. Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: URSS, 2014. С. 474—487.

Рябцева Н. К. Состояния сознания в языке и речи: Когнитивный аспект // Сборник статей по итогам международной конференции «Язык и действительность. Научные чтения на кафедре романских языков им. В. Г. Гака». М.: МПГУ, 2016. С. 144—147.

Рябцева Н. К. Метакогнитивные состояния в языке, речи и познании // Научный диалог. 2017, № 5. С. 83—95.

Рябцева Н. К. Интеграция рационального, эмоционального и эстетического в современной научной коммуникации // Эмоциональная сфера человека в языке и коммуникации: синхрония и диахрония. Материалы международной конференции. М.: ИЯз РАН. 2018. С. 97—113.

Рябцева Н. К. Стиль мышления и коммуникации в межъязыковом и когнитивном аспекте // Когнитивные исследования языка. Вып. XXXIV. Cognitio и communicatio в современном глобальном мире. Материалы VIII Международного конгресса по когнитивной лингвистике. 10—12 октября 2018 г. Москва — Тамбов. 2018. С. 830—833.

Рябцева Н. К. Функциональные аспекты грамматики и языковое мышление: перспективы межъязыковых исследований и возможности их практического использования // Когнитивные исследования языка. Вып. XXXV. Взгляд в будущее: Новые перспективы когнитивных исследований языка. Материалы Круглого стола. Московский государственный лингвистический университет, 2 ноября 2018 года. Москва — Тамбов, 2018. С. 458—465.

Рябцева Н. К. Лингвистическая эстетика и современная научная коммуникация // Когнитивные исследования языка. Вып. XXXVI. Понимание. Интерпретация. Когнитивное моделирование. Сб. научных трудов в честь 70-летия В. З. Демьянкова. Москва — Тамбов, 2019. С. 566—573.

Спивак Д. Л. Лингвистика измененных состояний сознания. Л.: Наука, 1986.

Спивак Л. И., Спивак Д. Л. Изменённые состояния сознания: типология, семиотика, психофизиология // Сознание и физическая реальность. Т. 1, N 4, 1996. С. 48—55.

Antović M. From expectation to concepts: Toward multilevel grounding in musical semantics // Cognitive Semiotics 2016; 9(2). P. 105—138.

Barret L. How emotions are made. The secret life of brain. New York: Houghton Mifflin Harcourt. 2017.

Bhatara A., P. Laukka & D. J. Levitin (eds.). Expression of emotion in music and vocal communication. Lausanne: Frontiers in Psychology E-Books. 2014.

Biber D. University Language: a Corpus-based Study of Spoken and Written Registers. John Benjamins Publishing Company, Amsterdam/ Philadelphia, 2006.

Biber D., Gray B. Challenging stereotypes about academic writing: complexity, elaboration, explicitness // J. Engl. Acad. Purp., 9, 2010. P. 2—20.

Biber D., Gray B. Grammatical complexity in academic English: Linguistic change in writing. Cambridge: Cambridge University Press. 2016.

Damasio A. R. Self comes to mind: Constricting the conscious mind. New York: Pantheon Books, 2010.

Dechert H. W., Raupach M. Introduction // Transfer in language production. Ed. by Dechert H. W., Raupach M. Norwood: New Jersey. 1989.

Ekman P. Emotions revealed: Understanding faces and feelings. Phoenix, NJ: Phoenix Press, 2004.

Giordano B. L., Egermann H. & Bresin R. The production and perception of emotionally expressive walking sounds: Similarities between musical performance and everyday motor activity. 2014. PloS ONE 9(12). e115587. doi: 10.1371/journal.pone.0115587. eCollection 2014.

Hobson J. A. States of consciousness: Normal and abnormal variation // The Cambridge handbook of consciousness / Eds. P. D. Zelazo, M. Moscovitch, E. Thompson. New York: Cambridge University Press, 2007. P. 435—444.

Hyland K. Metadiscourse: Exploring interaction in writing. Continuum: London. 2005.

Hyland K., Jiang K. «We believe that…»: Changes in an academic stance marker 1965—2015 // Australian Journal of Linguistics. 2018. 38 (2). P. 139—161.

Hu Guangwei, Chen Lang. «To our great surprise»: A frame-based analysis of surprise markers in research articles // Journal of Pragmatics. 2019. Vol. 143. P. 156—168.

Pérez-Sobrino Paula. Multimodal Metaphor and Metonymy in Advertising. John Benjamins Publishing Company, 2017.

Riabtseva N. K. States of consciousness according to linguistic data: A cognitive perspective // Cognitive modeling in linguistics: Proceedings of the XII International conference. Croatia, Dubrovnik, 2010. P. 239—242.

Riabtseva N. K. English for Scientific Purposes. Moscow: Flinta–Nauka, 2013.

Shamaieva Ju. Ju. Category Emotions: A multimodality dimension // Cognitive Studies of Language. 2018. Moscow—Tambov. Vol. 34. P. 664—667.

Smith M. Mechanisms of the mind in introducing language and cognition: A Map of the mind. Cambridge: Cambridge University Press, 2017.

Tart C. States of consciousness and state-specific sciences // Science. Vol. 176, 1972. P. 1203—1210.

Zajonc R. B. Feeling and thinking: Closing the debate over the independence of affect // Feeling and thinking: The role of affect in social cognition / ed. by J. P. Forgas. New York: Cambridge University Press, 2000. P. 31—58.

Wilber K. Waves, streams, states and self: Further considerations for an integral theory of consciousness // Journal of consciousness studies. Vol. 7, N 11—12, 2000. P. 145—176.

К. Я. Сигал (Институт языкознания РАН)
K. Ya. Seagal (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Силлепсис как показатель эмоциональной акцентуации в речевом общении
Sillepsis as an indicator of emotional accentuation in verbal communication

Аннотация

Статья посвящена употреблению силлепсиса, т.е. концептуально неодинаковых, но синтаксически однофункциональных компонентов, в художественной и научной речи. Рассматриваются коммуникативные условия и семантические особенности силлепсиса. Высказывается мысль о том, что силлепсис может выступать в качестве показателя эмоциональной акцентуации в речи.

The article deals with the usage of sillepsis, i.e. conceptually unequal but syntactically single-function components, in artistic and scientific speech. Communicative conditions and semantic features of sillepsis are considered. The idea that sillepsis can act as an indicator of emotional accentuation in speech is introduced.

Ключевые слова

Силлепсис, сочинительный ряд, эмоциональная акцентуация, речевое общение, драматургический диалог, научная полемика

Sillepsis, coordinating construction, emotional accentuation, verbal communication, dialogue in drama, scientific polemic

Возникновение и бурное развитие такого направления в науке о языке, как лингвистическая теория эмоций, со всей очевидностью свидетельствует о том, что эмоциональная сфера человека определяет в речевом общении многое [Шаховский 2008]. Так, эмоции в языке и речи выражаются и описываются, модифицируют неэмотивную семантику и просодию, обусловливают морфологические и синтаксические девиации, опосредуют обновление приемов речетворчества и т.д. В рамках лингвистической теории эмоций довольно обстоятельно обсуждались проблемы отображения эмоциональной сферы человека в синтаксическом механизме речевой деятельности. В частности, разрабатывалась теория восклицательного высказывания, описывалась парадигматика эмоционального синтаксиса, отмечалась сигнификация эмоций посредством синтаксически нечленимых высказываний и др. [Деньгина 2009; Малинович 1989; Синеокова 2003].

Правда, наблюдения показывают, что на основе синтаксических средств как таковых эмоцию невозможно обозначить в ее конкретике и тем самым точно опознать ее и что представление эмоции в синтаксисе почти неосуществимо без взаимодействия с контекстом, в котором та или иная синтаксическая форма становится либо средой эмотивной сигнификации, либо особым сигналом эмоциональности высказывания (ср.: *Вот так встреча!* и *Встретились с тобой мы!..*). Надо отметить, что если в первом случае, более раритетном, эмотивное выражение стремится к фразеологизации (ср. *Вот так клюква!* как знак удивления), то во втором, обычно не выходящем за пределы свободного синтаксиса, возникает частичное преодоление того или иного синтаксического стереотипа (ср., например, в высказывании *Встретились с тобой мы!..* эмоционально обусловленный сдвиг порядка слов). Именно ко второму случаю относится силлепсис, призванный указывать на эмоциональную направленность речи, хотя и безотносительно к ее конкретному эмоциональному содержанию.

Согласно общепринятому толкованию, силлепсис представляет собой «прием… объединения в перечислительном ряду логически… неоднородных членов предложения как однородных» [Сковородников (ред.) 2016: 286]. В. В. Виноградов вместо термина «силлепсис» предпочитал терминологическое сочетание «прием разноплоскостных семантических перечислений» [Виноградов 1961: 97]. Однако для понимания сущности и функций силлепсиса, в том числе связанных со сферой эмоций, необходимо учитывать единый семантико-синтаксический принцип этого приема. Ср. сочетания без силлепсиса: *сын и дочь* (‘лицо’ + ‘лицо’); *чемодан и рюкзак* (‘предмет’ + ‘предмет’) — и высказывания, в которых имеется силлепсис: *Дебора Львовна осталась с сестрой, и Алик уезжал <u>с сыном</u> и клетчатым болгарским <u>чемоданом</u> среднего размера* (Л. Улицкая. Медея и ее дети) [НКРЯ]; *Я летала над латышским ландшафтом в своем новом обмундировании, которое досталось мне в трудном бою и которое пополнило мой бежевый небольшой <u>чемоданчик и чувство уверенности в себе</u>* (Т. Егорова. Андрей Миронов и я) [НКРЯ]. Очевидно, что при синтаксической однофункциональности компонентов, объединяющей силлепсис с типичным сочинительным рядом, силлепсис требует концептуальной неодинаковости этих компонентов (например, у Л. Улицкой — ‘лицо’ + ‘предмет’; у Т. Егоровой — ‘предмет’ + ‘чувство-состояние’). В этой отличительной особенности силлепсиса состоит частичное преодоление синтаксического стереотипа сочинительного ряда, в котором концептуальная одинаковость компонентов является синтаксически значимой [Сигал 2004; Dik 1968; Haspelmath (ed.) 2004]. Концептуальная неодинаковость, которую намеренно предпочел для синтаксически однофункциональных компонентов говорящий (пишущий) и включил в свой перцептивный фокус слушающий (читающий), способна маркировать эмоциональную акцентуацию речевого общения.

Становясь показателем эмоциональной акцентуации, тот или иной синтаксический прием (в частности, силлепсис) как бы намекает на то, что пред-

метный, атрибутивный и событийный компоненты информации, содержащейся в высказывании, выступают только как фон для передачи эмоционального состояния субъекта (говорящего / пишущего, наблюдателя, синтаксического лица) или его эмоционального отношения. Эмоциональную акцентуацию обеспечивает контекст в целом, в нем рассредоточены различные сигналы (показатели) эмоций, вплоть до их наименования, но синтаксические приемы, в том числе силлепсис, могут лишь привлечь внимание к эмоциональному «перебиву» в развертывании речевого общения. Силлепсис — это своего рода эмоциональный дейктик, находящийся в структуре клаузы, но работающий на контекст. В этом качестве силлепсис выступает преимущественно на основе того семантического субстрата, который свойствен сочинительным рядам с союзными / бессоюзными маркерами соединительно-перечислительных и разделительно-перечислительных отношений.

При этом стоит заметить, что силлепсис, равно как и другие синтаксические показатели, необязателен для эмоциональной акцентуации. Обращение к силлепсису объясняется идиостилевыми закономерностями отбора синтаксических приемов эмоционального речевого самовыражения. Кроме того, с выполнением этой функции никак не связаны те прецеденты силлепсиса (точнее сказать, квазисиллепсиса), которые возникли в результате речевой ошибки, вызванной «сбоем» в синтаксическом структурировании высказывания. Ср.: *У больного имеется жена, две дочери и прямая паховая грыжа* (Паспорт-Экспресс, № 4, 2001) [НКРЯ]. Быть показателем эмоциональной акцентуации может силлепсис, созданный намеренно, как особый синтаксический прием, потребность в котором связана, например, с воплощением эстетического задания или с экспрессивным подчеркиванием довода в научном обсуждении. По этой причине в качестве материала для наблюдений над силлепсисом привлечены драматургический диалог в пьесе М. Горького «Дачники» и фрагмент научной полемики из теоретико-методологической статьи профессора В. А. Звегинцева «Структурализм в лингвистике». Представляется, что подобный материал позволяет, с одной стороны, раскрыть функцию эмоциональной акцентуации у силлепсиса в речевом общении, а с другой стороны, обнаружить специфику силлепсиса в этой функции в разных доменах речевого общения.

Драматургический диалог у М. Горького — это бытовое диалогическое общение, преобразованное эстетическим заданием драматурга. Б. А. Ларин отмечал, что М. Горький добивается выражения «актуальных эмоций» путем прерывистости «в тематической, стилистической, иногда и синтаксической» организации диалогической речи [Ларин 1973: 168, 185]. Несмотря на то, что М. Горький нередко вкладывает в уста героев своих пьес прямые / косвенные наименования эмоций, облекая их в форму разных частей речи, его драматургическому диалогу свойственно не только и не столько обозначать эмоцию, сколько представлять ее. В этом случае «актуальные эмоции» (выражение М. Горького) передаются через намек, в синтаксическом изображении которо-

го находит свое место силлепсис. Надо сказать о том, что у М. Горького-драматурга имеется пристрастие к силлепсису, причем основанному на открытых и вследствие этого на более чем двухкомпонентных сочинительных рядах. Подобная структура силлепсиса, включающая до пяти компонентов, делает более ощутимым такой тип синтаксической прерывистости в диалогической речи, как концептуальная неодинаковость компонентов сочинительного ряда.

В конце 1-го действия пьесы «Дачники» Калерия собирается прочесть стихотворение в прозе. Это вызывает восторг Юлии Филипповны и иронический «подхват» ее реплики Власом. Ср.:

Юлия Филипповна. Мелодекламация! Как это хорошо! Люблю! Люблю все оригинальное… Меня, точно ребенка, радуют даже такие вещи, как *открытые письма с картинками, автомобили*…

Влас (в тон ей). *Землетрясения, граммофоны, инфлюэнция*… [Горький 1970: 207].

Короткие высказывания, в том числе однословные (по модели и эллиптические), идущие одно за другим и произносимые в быстром темпе с восклицательной интонацией, контактный повтор с распространением определенно-личных высказываний, а также прямое наименование позитивного эмоционального состояния (радости) посредством глагольного предиката отражают экзальтированность Юлии Филипповны, ее почти детскую восторженность, внезапную охваченность радостью. Сочинительный ряд, начатый Юлией Филипповной и прерванный Власом (ср. пунктуационный знак «многоточие» на границе реплик), не создает силлепсиса: в этом сочинительном ряду в соединительно-перечислительные отношения вступают компоненты, обладающие концептуальной одинаковостью (‘предметы’ + ‘предметы’) и относящиеся к субъективной общей картине ‘оригинальные вещи’. Однако Влас, поддразнивая Юлию Филипповну (ср. ремарку), в продолжение ее сочинительного ряда перечисляет концептуально неодинаковые компоненты (‘природные катаклизмы’ + ‘предметы’ + ‘болезнь’) и тем самым создает силлепсис. В данном случае силлепсис, образуясь на стыке реплик, с одной стороны, обеспечивает их формально-синтаксическую связность, а с другой стороны, семантическую прерывистость и эмоциональную конфликтность. Безусловно, формирование силлепсиса такого рода возможно исключительно в непосредственном речевом общении, в том числе изображенном драматургом.

Для научной речи характерны сочинительные ряды с подчеркнутой концептуальной одинаковостью компонентов. Это объясняется тем, что в форме сочинительных рядов предстают обычно те или иные звенья классификаций, где недопустимо отступление от принципа единства классификационного основания. Как уже отмечалось в нашей науке, если лингвист употребляет сочинительный ряд *синтаксис и семантика* (а, допустим, не *структура и семантика*), то это очень точно свидетельствует о его взглядах на язык. Казалось бы, силлепсис, требующий концептуальной неодинаковости компонентов

сочинительного ряда и связанный с эмоциональной акцентуацией в речевом общении, не может быть востребованным в научной речи. Однако силлепсис, хотя и крайне редко, встречается в научной речи тогда, когда от изложения наблюдений над фактами, от описания тех или иных закономерностей, от аксиоматического представления знаний ученый переходит к полемике, т.е. к опосредованному диалогу-спору с авторами (или сторонниками) определенных утверждений, взглядов, концепций. В научной полемике силлепсис позволяет ученому, стремящемуся продемонстрировать скептическое или ироническое отношение, применить тактику reductio ad absurdum. Силлепсис привносит в строгую научную речь разговорную просодию (даже при чтении она апперципируется во внутренней речи), что неизбежно превращает этот синтаксический прием в действенный маркер эмоциональной окрашенности полемического высказывания.

В статье профессора В. А. Звегинцева «Структурализм в лингвистике», посвященной основным идеям и принципам структурализма в науке о языке, было невозможно не затронуть возражений и сомнений, высказанных учеными более традиционных взглядов. В частности, В. А. Звегинцев останавливается на мнении о том, что лингвист должен работать с реально существующими языковыми фактами, а не заниматься дедуктивно-абстрактными схемами. Полемизируя с одним из сторонников этого мнения, В. А. Звегинцев настаивает на том, что оно «фактически означает, что если делается утверждение “дважды два — четыре”, то надо обязательно указать — четыре *чего* (*собаки, стола, морфемы*), а если такого указания нет, то подобное утверждение является недопустимой абстракцией» [Звегинцев 1996: 133]. Силлепсис представлен у В. А. Звегинцева в форме бессоюзного сочинительного ряда с разделительно-перечислительными отношениями. Концептуальная неодинаковость компонентов сочинительного ряда (‘животные’ + ‘предметы мебели’ + ‘термины лингвистики’) усиливается благодаря тому, что силлепсис употреблен в условиях вставки, раскрывающей возможное содержание относительно-вопросительного местоимения. Силлепсис позволяет ученому, с одной стороны, отметить эмоциональный «поворот» в полемике, а с другой — показать бессмысленность предметного уточнения абстрактно-арифметического утверждения, истинного для одной и той же счетной операции с любыми предметами. Тем самым в научной полемике силлепсис участвует при выдвижении аргумента с эмоциональной нагрузкой.

В заключение еще раз констатируем, что отнесение силлепсиса к средствам эмоционального синтаксиса вызвано прежде всего концептуально-семантическим дисбалансом синтаксически однофункциональных компонентов. «Если два конституента соединены сочинительной связью, — пишет П. Шехтер, — должна быть прагматическая мотивация для объединения — некоторая ситуация, которой это соединение соответствует. Когда такую ситуацию трудно или невозможно представить, конъюнкция кажется необычной, стран-

ной (odd)» [Schachter 1977: 91]. По-видимому, именно подобное ощущение необычности или странности побуждает намеренно использовать силлепсис в качестве показателя эмоциональной акцентуации в разных доменах речевого общения.

Список сокращений

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: http://www.ruscorpora.ru

Источники

Горький М. Полное собрание сочинений. Художественные произведения в 25-ти тт. Том VII. Пьесы, драматические наброски. 1897—1906. М.: Наука, 1970.

Звегинцев В. А. Мысли о лингвистике. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996.

Литература

Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. М.: ГИХЛ, 1961.

Деньгина Т. В. Восклицательное предложение в современном русском литературном языке. Армавир: АГПУ, 2009.

Ларин Б. А. Эстетика слова и язык писателя. Избранные статьи. Л.: Художественная литература, 1973.

Малинович Ю. М. Экспрессия и смысл предложения: Проблемы эмоционально-экспрессивного синтаксиса. Иркутск: ИГУ, 1989.

Сигал К. Я. Сочинительные конструкции в тексте: Опыт теоретико-экспериментального исследования (на материале простого предложения). М.: Гуманитарий, 2004.

Синеокова Т. Н. Парадигматика эмоционального синтаксиса. Нижний Новгород: НГЛУ, 2003.

Сковородников А. П. (ред.) Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты. Энциклопедический словарь-справочник. 4-е изд. М.: ФЛИНТА: Наука, 2016.

Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008.

Dik S. Coordination. Its implications for the theory of general linguistics. Amsterdam: North-Holland, 1968.

Haspelmath M. (ed.) Coordinating constructions. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2004.

Schachter P. Constraints on coordination // Language, 1977, Vol. 53, № 1. P. 86—103.

А. А. Смирнитская (Институт востоковедения РАН)
A. A. Smirnitskaya (Institute of Oriental studies, Russian Academy of Sciences)

Типологические особенности эмоционально-экспрессивной семантической деривации терминологии родства: на материале шести дравидийских языков
Emotive interjections derived from kinship terms: the case of Dravidian semantic shifts

Аннотация

Статья посвящена анализу семантической деривации, при которой термины родства переходят в междометия с эмоциональным значением. Рассматриваются данные шести дравидийских языков (малаялам, тамильский, каннада, телугу, курух, брахуи) в сопоставлении с шестью языками индоевропейской семьи (русский, английский, французский, испанский, хинди, кумаони). Делаются выводы о распространенности этого типа семантической деривации в дравидийском ареале, а также о месте этого перехода в модели деривации терминологии родства.

The article deals with the semantic derivation from kinship terms to emotive interjections. This widely spread type of semantic shifts is considered in South and North Dravidian languages (Tamil, Malayalam, Kannada, Telugu, Kurukh and Brahui), along with several Indo-European languages. The hypothesis of universality of this feature is rejected with the evidence of languages without this semantic shift (English, French). The investigation shows that this semantic shift is typical for Dravidian systems (especially South Dravidian) and is absent or rare in some Indo-European languages, as well as in North Dravidian Brahui, where the old system is decomposed and changed.

Ключевые слова

Термины родства, эмотивные междометия, семантический переход, семантическая типология, дравидийские языки, тамильский, малаялам, каннада, телугу, курух, брахуи

Kinship terms, emotive interjections, semantic shift, semantic derivation, semantic typology, Dravidian, Tamil, Kannada, Telugu, Malayalam, Brahui, Kurukh

I. Введение

В процессе изучения семантических переходов в лексическом поле «термины родства» в дравидийских языках [(см.. например, [Смирнитская 2016]). выяснился интересный факт: многие дравидийские термины родства могут использоваться как междометия с эмоциональным значением. Модель

семантической деривации этих лексических единиц в дравидийских языках включает в себя эмотивное междометие. Так, лексема со значением ‘мать’ используется в функции эмотивного междометия, выражающего удивление в тамильском языке (лексемы *ammā*, *ammammā*) [Tamil lexicon] и в языке телугу (лексема-когнат *ammā*) [Gwynn 1991]. Слово, выражающее значение ‘отец’ в языке малаялам, может использоваться как выражение удивления или боли (лексема *accan*) [Gundert 1872, 2011]. Удивительно, что семантическая деривация связывает такую содержательную, наполненную смыслом единицу, как термин родства, с одной стороны, и такую ситуативную, дейктическую единицу как междометие, с другой.

Конечно, упоминания о терминах родства, которые служили «источниками» прозводных эмотивных междометий, встречаются с самых первых русскоязычных работ, посвященных междометиям как классу лексики. Так, производное междометие *батюшки* встречается в толковом словаре Т. Ф. Ефремовой со значением «Возглас, выражающий сильные — обычно неожиданные — чувства: радость, испуг, удивление и т.п.» [Ефремова 2000]. Это междометие приводит И. А. Шаронов в своей фундаментальной работе [Шаронов 2008], относя его к производным эмотивным междометиям. Рассматривая такую ситуацию, кажется естественным предположить, что этот семантический переход в языках частотен. Однако оказывается, что это не всегда так.

В данной работе мы рассмотрим подробнее возникновение эмотивных междометий в модели семантической деривации дравидийских терминов родства, а также постараемся описать некоторые типологические особенности этого явления. В описании семантической деривации мы пользуемся аппаратом Каталога семантических переходов, разрабатываемым Анной А. Зализняк [Зализняк 2006, 2013], и реализованным в виде Базы данных семантических переходов в языках мира на сайте действующего проекта [DatSemShift]. Под семантическим переходом в данном методологическом подходе понимается наличие «концептуальной смежности между двумя языковыми значениями, проявляющейся в совмещении этих значений в пределах одного ‘‘слова в широком смысле’’» [Зализняк 2013: 37]. Совмещения эти могут быть реализованы одним из следующих типов: синхронная полисемия (ведущий тип реализации), диахроническая семантическая эволюция, морфологическая деривация, когнаты и заимствования [Там же]. Переход мы представляем английским «ярлыком», как например, **Mother — main; Mother — term of address to an elder woman** и другие.

Список лексикографических источников приведен в разделе «Библиография». Раздел 2 статьи посвящен описанию места эмотивных междометий в языковой системе. Раздел 3 посвящен данным русского и других языков; раздел 4 — собранным нами дравидийским данным. Раздел 5 посвящен анализу и некоторым выводам.

2. Производные эмоциональные междометия: анализ литературы и место в классификации

Традиционно изучение междометий относится к периферии языковых исследований. Согласно Грамматике 1980, междометия — «класс неизменяемых слов, служащих для нерасчлененного выражения чувств, ощущений, душевных состояний и других (часто непроизвольных) эмоциональных и эмоционально-волевых реакций на окружающую действительность» [РГ 1980, т. 1: 732]. В то время как одни исследователи возводили к междометиям эволюцию языка, другие в то же время выводили этот класс слов из языковой системы: «Язык начинается, когда кончаются междометия», как говорил в XIX в. Макс Мюллер [Мюллер 1865]. Как писал В. В. Виноградов, «Междометия осмысленны как коллективные знаки эмоционального выражения душевного состояния. Они отражают в себе эмоциональную жизнь личности, социальной группы или народа, находящуюся в органической связи с деятельностью интеллекта» [Виноградов 1986: 611].

Среди междометий принято выделять простые (первообразные, не имеющие семантической связи со знаменательными частями речи, в современном русском языке: *тпру*, *эх*, *ого*) и производные (непервообразные, вторичные) — образованные от других полнозначных лексических единиц, относящихся к какой-либо части речи. Так междометия могут быть связаны с существительными (*батюшки*), с глаголами (*вишь*, *пли*), с местоименными словами (*то-то*), наречиями (*ужо*), частицами (*эка*), союзами (*однако*) [РГ 1980: 1701]. В то же время по значению принято выделять побудительные, эмотивные (эмоциональные) и когнитивные (или фатические), междометия. (В англоязычной терминологии Анны Вежбицкой — volitive, emotive и cognitive, см. [Wierzbicka 1992]). Хотя в некоторых работах предлагалась более дробная классификация. Так, Е. В. Середа предложил трехступенчатую классификацию междометий: ядро (только непроизводные эмоциональные междометия, как *брр*); вторая ступень (междометия, обладающие некоторыми признаками частей речи, например, *брысь*); и третья ступень для слов, в равной степени сочетающих признаки междометий и других частей речи. Эмоциональные междометия он, в свою очередь, предложил делить на 2 группы: 1) эмоционально-рефлекторные (*брр*, *о*) и 2) оценочно-интеллектуальные (*уф*, *ура*) [Середа 2005]. Он же рассматривал понятие междометий неоднозначной (диффузной) семантики.

Интересующие нас междометия, производные от имен родства, относятся к типу эмотивных непервообразных междометий.

3. Эмотивные дериваты терминов родства в языках

3.1. В русском языке

В русском языке такой тип междометий не раз привлекал внимание исследователей. Так, восклицание *батюшки* часто приводится в литературе как пример непервообразного междометия, возникшего из существительного (как в классификации В. В. Виноградова, см. выше). И. А. Шаронов утверждает, что интересующий нас тип междометий возник из архаичных вокативов: «Непервообразные междометия образуются на основе абсолютивного употребления

некоторых существительных: *проклятие*, *беда*, *ужас*, **архаичных вокативов**: *батюшки*, *Господи*, *Боже мой!* и т.п., некоторых утративших синтаксические связи форм глаголов, наречий и из других частей речи» [Шаронов 2004: 661].

С этим утверждением соглашается исследователь русских диалектов И. Б. Качинская. В обширной монографии, посвященной семантической деривации терминологии родства в архангельских говорах, она пишет: «Частое употребление термина родства **в вокативной функции** способствовало переходу обращения в междометие» [Качинская 2018: 220]. Как она считает, «переход в междометия осуществлялся через несколько стадий. Начальной стадией было использование вокатива по отношению к неродственникам, например:

батюшко — обращение к отцу > свекру/тестю > старшему члену социума > к мужчине любого возраста, в т.ч. к ребенку > к нескольким лицам > междометие» [Там же].

Автор подробно не обосновывает именно такое представление о динамике семантического перехода, что говорит о предположительном характере этой схемы. Мы рассмотрим его далее. Возможен и другой вариант интерпретации: междометие *батюшки* имеет полный вариант *батюшки светы*, или *батюшки святы*, т.е. *Святые отцы* — обращение к христианским святым за помощью. Также и *матушки* можно возводить к просьбе о помощи, мольбе: *Матерь Божья!* Однако подробное сопоставление этих гипотез, их противопоставления или сосуществования, выходит за рамки данной работы.

В русском языке чаще встречаются междометия, основанные на лексемах, обозначающих понятия “родной отец” и “родная мать”. Таковы архангельские примеры, образованные от корней *мам-, мат- и бат-*:

(1) *Зайдешь в зало, картины-ти* — ***батеньки!*** ПИН. Врк.[1]

(2) *Такой умный парень был* — ***батюшки!*** КАРГ. Крч.

Эти междометия часто сопровождаются местоимением мой, а также другими простыми, непроизводными междометиями:

(3) *Мужыки угонины во время войны,* ***ой батюшки!*** КАРГ Ар.

(4) *Ну, парень, в Москву прялку увезут,* ***оо, матушка!*** ВИЛ.

(5) *Но они уш купили хорошо,* ***ой батюшки мои!*** УСТЬ. Брз.

Иногда термины родства используются в составе словосочетаний:

(6) *Сколько народу перемерло –* ***мама дорогая!*** ПРИМ. Ник. (ср. также выражение *мама не горюй!*)

Также, как и в говорах, являющихся предметом рассмотрения И. Б. Качинской, эти междометия можно встретить в городской речи:

(7) *Потом она встала и говорит: пойду отдохну — и ушла к себе. Тут я смотрю:* ***батюшки,*** *кот! Вскочил в окно — и под диван* (Вера Белоусова. Второй выстрел (2000)), [НКРЯ].

(8) *Заколотился, заревел лихоматно: —* ***О, батюшки,*** *где я?* (Е. И. Замятин. Север (1918)), [НКРЯ].

[1] Здесь и далее архангельские примеры цитируются по [Качинская 2018: 220—226]. Пометы в конце указывают название подкорпуса.

(9) — ***Мамочка моя****! — воскликнула, стараясь спрятаться на колонне, Кошка-хромоножка и потрогала шею* (Джанни Родари. Джельсомино в стране лжецов, 1960: 43).

В том числе в речи «про себя» (во внутренней речи):

(10) «***Батюшки,*** *да ведь это он про Торопецкую!» — подумал* я (М. А. Булгаков. «Записки покойника» («Театральный роман») (1936—1937)).

Согласно анализу распределения по годам, — возможности, которую предоставляет корпус НКРЯ, — наиболее частое употребление лексической формы *батюшки* относится к периоду между 1840—1860 гг. Однако из этого распределения трудно сделать определенные выводы, потому что случаи употребления полнозначной лексемы *батюшка* (в значении ‘православный священник’ или ‘отец’ (устар., ласк., уваж.)) в формах Gen и Nom Pl, и употребления ее в функции междометия в форме Gen корпус не разделяет. Интересные и, по-видимому, информативные данные о частотности именно междометного употребления в разные периоды времени и соотношения количественной динамики обоих употреблений в разные периоды времени приходится пока проверять вручную, что является отдельной задачей на будущее.

Кроме того, несмотря на частотность более ранних примеров, встречаются и современные:

(11) *Задумалась, вспомнила разговоры с другими моими знакомыми немосквичами и потряслась:* ***батюшки,*** *да это же общероссийский тренд…* (Дарья ЗАВГОРОДНЯЯ. Как Москва пожирает людей // Комсомольская правда, 2014.06.26) [НКРЯ].

3.2. Эмотивные дериваты ТР в других языках

По аналогии с материалом русского языка, в начале работы над статьей мы исходили из предположения, что явление перехода терминов родства в эмотивные междометия если и не универсальное, то достаточно частотное.

Однако данные, имеющиеся к данному моменту, пока не подтверждают это утверждение с уверенностью. Так, например, мало примеров таких междометий дает материал английского языка. Словарь [Collins English Dictionary] показывает семантическую деривацию в междометия только для ***brother*** — ‘брат’: “exclamation of amazement, disgust, surprise, disappointment etc.”, — как синоним междометия *oh*, *Man!*, имеющего значение “an interjection of surprise or emphasis” [Online Etymology dictionary].

Здесь можно вспомнить семантический переход MAN — EXCLAMATION, ср: *Man, I was scared!,* вошедший в известный список исследователей грамматикализации и лексикализации B. Heine и T. Kuteva [Heine, Kuteva 2002: 208]. Действительно, и функционально, и по происхождению эти семантические переходы в междометия схожи (хотя лексема *man* не относится к терминологии родства). Кроме того, для обоих можно говорить об альтернативном варианте происхождения — как замещающей единице для сокращенного варианта молитвы *Oh God!* и *Oh, Jesus!* Словарь сленга указывает ещё

междометие *Mother of God* — ‘exclamation of alarm / amazement’, или в другом варианте *Holy Mary mother of god* [Online Slang Dictionary], и *daddy* — ‘general exclamation’ согласно [Online Slang Dictionary]. А также различные обсценные производные от *fuck*: *motherfucker* и др.

Во французском словаре [Larousse: Dictionnaire de Français] схожих междометий не было найдено. Единственный пример схожего эмотивного междометия (хотя с несколько отличающимся значением) был обнаружен в подробном справочнике [Le portail lexical] — выражение *Un peu, mon* ***neveu*** (букв. ‘немного, мой племянник’) с ситуативным значением междометия, подкрепляющего утверждение (“Loc. interj. pop., par antiphrase, dans une réponse, pour marquer le renforcement, l’assertion, l’approbation”], синонимы *Et comment! Plutôt! Je te crois! Tu parles! Je veux!*

(12) — *Quoi? T’es d’Pantruche? Non, mais sans blague?...* — ***Un peu, mon neveu!*** *J’ai resté dix ans dans la rue d’la Gaîté. − Что? Ты из Пантрюша [жаргонное название Парижа]? Кроме шуток?.. — Немного, мой племянник! /Я провел десять лет на улице де ла Гаите* (Benjamin, Gaspard, 1915, p.10), [Le portail lexical].

Больше подобных случаев в испанском языке. Так, в словаре [Collins Spanish-English Dictionary] мы встречаем точный эквивалент русского *мамочка моя!* или *мать моя!* — междометие ***¡madre mía!*** (вариант *mamma mia!*), которое используется как восклицание, выражающее удивление (ср. англ. *good heavens!*). Также в словаре [Diccionario de la lengua Española, RAE] указывается *mi/su madre*; ***¡ay mi madre!*** (разг.) — междометие, выражающее ‘восхищение, удивление, изумление от неожиданного события’. И конечно, есть обсценные междометия — такие как ***¡tu madre!*** (vulgar) букв. ‘твоя мать!’ — уничижительный сленговый эквивалент *Заткнись!* или *fuck off!* (с мексиканским вариантом *¡chinga tu madre!*); *conchetumadre, concha de tu madre* и др.

Таким образом, в рассмотренных европейских языках междометия, производные от терминов родства, встречаются достаточно редко. Но есть и очень похожие языковые ситуации. Так, в словаре креольского языка пичи (фернандо-по) на основе английского языка в Экваториальной Гвинее, согласно грамматике “A Grammar of Pichi”, сами термины родства ***papa*** — ‘отец’ и ***mama*** — ‘мать’ используются в функции эмотивного, а также фатического междометия [Yakpo 2019: 453].

Активно используются в функции междометий термины родства в индоарийских языках. Так, в хинди лексема ***bāp*** — ‘отец’ входит в состав часто употребляющегося междометия ***bāp re***, выражающего удивление и др. В другом индо-арийском языке кумаони[2] сочетание ***o ijā*** (в стяженном вариант ***ujā!***), букв. ‘о мама!’, а также ***ijā merī!*** — ‘мама моя’ используются

[2] Данные кумаони и хинди приведены по личному сообщению Е. А. Ренковской.

при реагировании и на разные неожиданные раздражители, в том числе при испуге, боли, удивлении.

4. Дравидийские данные

4.1. Южные дравидийские языки

Обратимся к дравидийским языкам. Мы рассматривали данные языков тамильского, малаялам, каннада, телугу, курух и брахуи. В большинстве из них такие междометия возможны[3].

Так, в тамильском языке описания указывают на следующие семантические дериваты[4] (мы будем сначала указывать краткое описание семантического перехода): **Father — exclamation of wonder**: там. *attan* — ‘father’, *atto* — ‘excl. of wonder’. Аппелятив *appā* приобретает значение обращения к тем, кто ниже по социальному статусу или возрасту, а также междометия, выражающего удивление, неожиданную радость или боль: *aiyō, appā*! (ср. *Ох, батюшки!*). **Mother — exclamation of pity, surprise, joy** (там. *amma*, *ammamma* — ‘exclamation of surprise’). Лексикализуется в междометие, выражающее удивление, неожиданную радость или боль: *aiyō*, *ammā*! (ср. *Ох, матушки!*). **Grandfather — exclamation of pity, of surprise:** *appappa /appappā* — ‘an exclamation of pity, of surprise’, возможно также как редупликация *appā* — ‘отец’.

В языке малаялам встречаются: **Father — exclamation of wonder:** мал. *accan* — ‘father, lord’; **Mother/ father — exclamation of surprise or pain**: *acca* — ‘mother’; *accan* — ‘father, lord’; *acci, accō* (возможно, вокатив от *accan*) — ‘interjection of surprise or pain’; **Mother — exclamation of doubt or perplexity:** *ammammā* (выражает ‘скорбь, недоумение, сомнение’); **Mother — interjection of pain** (‘interjection of pain, as of a child’): семантический дериват *amminni* — ‘мама’, ‘соска’ от *ammā* — ‘мать’. **Father — interjection of derision**: полисемия *ayyan*, также *ayyā.*

В языке каннада встречаются: **Mother — interjection, denoting pain or weariness, grief, pain, surprise, compassion, joy, satisfaction** (кан. *amma, amama, ammamma*; тж. *ammammaa*); **father — interjection of pity, grief or surprise:** *appa, appappa/appappā*, *appāḍā.* Также в каннада употребимо междометие *bāpu re* (вариант просто *bāpu*) со значением одобрения (ср. Ура! Отлично!), от *bāpā* — ‘отец’ (вероятно, индоарийское заимствование) и экспрессивной частицы *rē*!, что отражает семантический переход **father — interjection of surprise and joy**. Кроме этого, надо упомянуть междометие *ayyayyē*, *ayyayyō,* выражающее ‘удивление, а также жалость, сочувствие, печаль’, которое автор словаря возводит к редупликации *ayyo*, что в известном словаре DEDR соответствует этимологическому гнезду эмотивных междометий 196(б), омонимичному гнезду 196(а) ПД **ája-* — ‘отец’, ‘брат отца’, ‘дед’ [Старостин 2019].

[3] Список использованных словарей см. в разделе Литература.

[4] При описании реализации семантического перехода вначале указывается его название, сформулированное с помощью английских «ярлыков», а потом реализации.

В языке телугу: **Mother— interj. expr. surprise** (тел. *ammā*, *ama*), также **mother — interjection expressing pain** (*ammā* как вокатив от *amma*). **Father — interjection of distress or displeasure**: *abba* — ‘*отец*’, ‘mode of address by one woman or girl to another’, ‘interjection’. **Aunt (JHP) — Interjection of relief:** *полисемия аттаууа* — старшая сестра матери’, диал. — леди’, ‘interjection, expressive of relief’. Обобщенные эмоции: **father — междометие, выражающее разные эмоции:** ‘удивление, страх, радость, печаль, ужас’: лексема *baapu,* дериваты *baapuree!*, *baabooyi!*

4.2.Северные дравидийские языки

В языке курух встречаются: **Mother — interjection of surprise or pain:** *ayō* — ‘мать’ (*yō; ē yō*; *ayō*! *Ayō ge!*). Так же используется выражение *ayō-babā* — ‘родители’. **Fathe — interjection expressing surprise or pain:** *babas* — ‘отец’. Пр.: *Babā, ēn ekā ōrtan anti engā rājī khakkhro’ō*, — Goodness gracious, who am I to be made a king? То же *arē babā, hairē babā, babā rē babā.* (ср. *alas! o dear! Ah me! Woe is me*!)

В языке брахуи встречается: **Son — interjection of surprise**: полисемия *mār 1* — ‘сын’, ‘мальчик’, ‘парень’, ‘детеныш животных’. Также *mār 2* — ‘interjection of surprise’. Однако в этом случае возможна омонимия, потому что автор «Этимологического словаря брахуи» возводит первое значение к дравидийским, а второе — к индоарийским корням: *mār 1* он сравнивает с гонд. *marri,* куи *mrī,* там, мал, кан. *ma̱ri*, тул. *mari* — ‘детеныш животных’, кан. также ‘ребенок’; тогда как значение *mar 2* автор сопоставляет с джатки (панджаби), синдхи *mār*.

Других междометий, которые однозначно можно было бы возвести к терминам родства, в брахуи нет. Возможно, **из системных соображений к реликтам такой семантической деривации можно отнести полисемию** *appā* 1 — ‘children’s food’, ‘nursery word’ и *appā 2* — ‘overcome with sorrow, fear, terrified’. Автор этимологического словаря Д. Брей сопоставляет первое значение с там., мал., кан. и тел. *appa* — ‘отец’ и тел. — ‘слово детской речи’ [Bray 1934]. Но тот же этимолог сопоставляет вторую форму с синдхи *happā* 2 — ‘to be dejected’, что является контраргументом к такой гипотезе.

Как можно заметить, когнаты в родственных языках могут иметь, судя по лексикографическим источникам, совершенно несвязанные между собой значения (см. таблицу ниже).

Таблица 1. Семантические переходы терминов родства в эмотивные междометия

	mother	father	brother	grand-father	son	aunt	nephew
русский	боль, изумление, испуг, радость и т.п.	сильные — обычно неожиданные — чувства: радость, испуг, удивление и т.п.	-	-	-	-	-
английский	-	-	disgust, surprise,[5] amazement, disappointment, etc / surprise or emphasis				
французский	-	-	-	-	-	-	подкрепление, одобрение
испанский	*удивление* / восхищение, удивление, изумление от неожиданного события.	-	-	-	-	-	-
пичи	эмотивное, а также фатическое междометие						
хинди	*Данных нет*[6]	удивление, сожаление	-	-	-	-	-
кумаони	неожиданные раздражители, в том числе при испуге, боли, удивлении.						
тамильский	pity, surprise, joy	wonder		pity, or surprise			
малаялам	pain/ doubt or perplexity / surprise or pain	wonder / surprise or pain / derision (насмешка)					

[5] Значения в таблице приводятся на языке лексикографического источника.

[6] Данных о других переходах в хинди у нас нет, поскольку в настоящем исследовании не проводилась подробная проверка, но это не означает, что они невозможны.

телугу	surprise, pain	distress or displeasure/ разные эмоции: удивление, страх, радость, печаль, ужас.		relief
каннада	pain or weariness, grief, pain, surprise, compassion, joy, satisfaction	surprise and joy / pity, grief or surprise		
курух	surprise or pain	surprise or pain		
брахуи			surprise	

5. Анализ семантического перехода в эмотивные междометия

Легко можно понять, что при встрече с чем-то новым, неожиданным, человек часто обращается к старому, к давно знакомому и родному объекту, в том числе к тем отношениям, которые могут придать ему силы. В этой ситуации неудивительно привлечение родителей (ср. детский плач и призыв: *Мама!*), а также воззвание и мольба к высшим силам. Как нам представляется, этот естественный порыв и является основанием для семантической деривации терминов родства в междометия.

Если вернуться к предположению И. Б. Качинской о том, что переход в междометия осуществлялся через несколько стадий [Качинская 2018: 220], начальной из которых было использование термина родства в качестве вокатива по отношению к неродственникам, нам кажется, что это предположение оправданно. Конечно, отдельным предметом исследования еще остается последовательность и языковая специфичность этих стадий. Но в нашем материале это предположение подтверждается. Тем более интересно, что в значении некоторых дравидийских корней синкретично выражаются сразу несколько из этих стадий.

Так, тамильский корень *аппа-* в лексеме *аппа̱н* имеет значения ‘отец’, ‘обращение к старшему по возрасту мужчине’, а также *разг.* ‘ласковое обращение к младшим’, в лексеме *аппаппа* выражает значение междометия ‘exclamation of pity, of surprise’, а в лексеме *аппā* — ‘exclamation of surprise, grief or pain’.

Возможным источником таких междометий также является обращение к высшим силам. Полисемия ‘отец’ — ‘Бог’, которая часто присутствует в языках в лексеме *отец*, может переинтерпретироваться в контексте неожиданной эмоции — удивления, боли, радости, — и становиться междометием. Здесь необходимо упомянуть и стяженные формы конструкций, обращающихся к высшим силам: *батюшки светы!* — от *Святые отцы!*, и т.д.

Как утверждает И. А. Шаронов в своей монографии, междометия национально специфичны [Шаронов 2008]. Этот тезис также подтверждается в нашем материале: при том, что в дравидийских и индоарийских языках (а также в русском, испанском и креольском фернандо-по) междометия, производные от терминов родства, частотны, в некоторых других из рассмотренных индоевропейских языков (английский, французский) таких примеров нет.

Термины родства являются сложной реляционной лексической единицей, описывающей отношение между одним человеком (элементом системы) и другим. Возможно, их переходу в обращения и в междометия способствует именно то, что они отображают отношение, и вовлекают в это отношение Эго и другого человека (даже подразумевающегося, даже если его нет, и это отношение только во «внутреннем плане» говорящего). Именно эта реляционность, по-видимому, и способствует переходу терминов нуклеарного родства в эмотивные междометия.

5. Выводы

Таким образом, мы рассмотрели тип семантической деривации, при котором термины родства переходят в производные эмотивные междометия. Гипотеза универсальности такого перехода была рассмотрена на материале шести дравидийских языков (малаялам, тамильский, каннада, телугу, курух и брахуи) и шести индоевропейских языков (русский, английский, французский, испанский, хинди и кумаони). Выяснилось, что этот переход не имеет свойства универсальности, он есть не во всех рассмотренных языках.

Также были проанализированы некоторые другие особенности этого типа семантической деривации, в частности его связь с переходом терминов родства в обращение, а также другие возможные пути эволюционного развития. Как можно заметить из таблицы (см. выше), значения этих эмотивных междометий самые разные: они варьируются от горя и отвращения до радости. Но в основном эти эмоции характерны для встречи с неожиданным событием.

Задача изучения типов и разнообразия эмоций, выражаемых такими производными междометиями, также как и задача восстановления пути семантической эволюции формы в разных языках, остается предметом будущего исследования.

Словари и электронные ресурсы

Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: Св. 136000 словарных статей, около 250000 семантических единиц: В 2 т. М.: Руский язык, 2000.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка // http://ruscorpora.ru.

Старостин Г. С. База данных дравидийской этимологии (2019) // http: // starling.rinet.ru/cgi-bin/main.cgi?flags=eygtnnl (Dravidian etymology).

Bray, Denys. The Brahui Language, part II — The Brahui Problem, Etymological Vocabulary“, Delhi, 1934.

Collins English Dictionary // https://www.collinsdictionary.com.

Collins Spanish-English Dictionary https://www.collinsdictionary.com / dictionary/spanish-english.

DatSemShift — Зализняк Анна А., Бибаева М. А., Бобрик-Фремке М. А., Воронов М. К., Грунтов И. А., Дереза О. В., Михайлова Т. А., Орлова М. В., Руссо М. М., Смирнитская А. А. Каталог семантических переходов в языках мира, DatSemshifts 2.0. // http://datsemshift.ru/.

Diccionario de la lengua Española, RAE (Real Academia Española) // https://dle.rae.es.

Grignard, A. An Oraon (Kurux). English Dictionary, New Delhi, 1924 (reprint 1986).

Gundert, Hermann. A Malayalam and English dictionary. Mangalore, London, C. Stolz; Trübner & Co., 1872 (2011 updated).

Gwynn, J. P. L. (John Peter Lucius). A Telugu-English dictionary. Delhi; New York: Oxford University Press, 1991 (2006 updated).

Larousse: Dictionnaire de Français // https://www.larousse.fr.

Le portail lexical (ORTOLANG) project de le laboratoire ATILF, Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales (CNRTL) // https://www.cnrtl.fr.

Online Etymology Dictionary https://www.etymonline.com.

Online Slang Dictionary // http://onlineslangdictionary.com.

Tamil lexicon. University of Madras, Madras, 1924—1936.

Učida, N., Rajapurohit, B. B. Kannada-English Etymological Dictionary. Tokyo, 2013.

Yakpo, K. A Grammar of Pichi (Studies in Diversity Linguistics 23). Berlin: Language Science Press, 2019.

Литература

Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове): Учеб. пособие для вузов / Отв. ред. Г. А. Золотова. 3-е изд., испр. М.: Высшая школа, 1986.

Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. М.: Языки славянских культур, 2006.

Зализняк Анна А. Семантический переход как объект типологии // Вопросы языкознания, № 2, 2013. С. 32—51.

Качинская И. Б. Термины родства и языковая картина мира (по материалам архангельских говоров). М.: Индрик, 2018.

Мюллер М. Лекции по науке о языке. СПб, 1865.

РГ 1980 — Русская грамматика. В 2 т. М., 1980.

Середа Е. В. Морфология современного русского языка: место междометий в системе частей речи. М.: Флинта: Наука, 2005.

Смирнитская А. А. Семантика терминов родства в тамильском языке с точки зрения типологии семантических переходов // Вестник РУДН. Серия «Лингвистика», № 2, 2016. С. 112—127.

Шаронов И. А. Назад к междометиям // Труды международного семинара «Диалог 2004» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. М., 2004. С. 600—665.

Шаронов И. А. Междометия в речи, тексте и словаре. М.: РГГУ, 2008.

Шаронов И. А. К вопросу о разграничении эмоциональных междометий и модальных частиц. // Труды международной конференции «Диалог 2008». М., 2008а.

Heine, B., Kuteva, T. World Lexicon of grammaticalization. Cambridge: Cambridge University Press, 2002

Wierzbicka, A. The semantics of interjection // Journal of Pragmatics Volume 18, Issues 2—3, September 1992, p. 159—192.

С. С. Тахтарова (Казанский (Приволжский) федеральный университет)
S. S. Tahtarova (Kazan Federal University)

Категория коммуникативного смягчения: лингвоэкологический аспект[1]
Category of communicative mitigation: a linguoecological aspect

Аннотация

В статье рассматривается лингвоэкологический потенциал категории коммуникативного смягчения (митигации). Исходя из основных митигативных прескрипций, установок и правил, определяется роль коммуникативного смягчения в обеспечении кооперативной коммуникации, направленной на сохранение экосистем говорящих субъектов.

The article deals with the linguoecological potential of the category of communicative mitigation. Based on the main mitigative prescriptions, attitudes and rules, the role of communicative mitigation in ensuring cooperative communication aimed at preserving the ecosystems of speaking subjects is determined.

Ключевые слова

Митигация, лингвоэкология, коммуникативная категория, коммуникативный стиль, прескрипции, конфликтный дискурс

Mitigation, linguoecology, communicative category, communicative style, prescriptions, conflict discourse

Изучение различных форм и способов организации в сознании говорящего субъекта языковых и неязыковых знаний, детерминирующих речевое поведение последнего, является одной из наиболее дискуссионных проблем когнитивно-дискурсивной парадигмы. Вопрос о структурах репрезентации различных видов знания, необходимых для успешного протекания коммуникативного контакта и составляющих неотъемлемую часть коммуникативной компетенции интерактантов, привлекает особое внимание исследователей. В когнитивно-дискурсивных исследованиях последних десятилетий отмечается необходимость особого подхода к анализу тех форматов знания, в которых наиболее явно отражается взаимосвязь языка с познающим мир человеком и которые позволяют понять процессы порождения и понимания речи. Вместе с тем, до сих пор среди исследователей нет единства мнений в понимании онтологического статуса коммуникативных категорий, что выражается, среди прочего, в разноплановости феноменов, определяемых как коммуникативные категории.

Предметом настоящей статьи является категория коммуникативного смягчения, определяемая термином «митигация» и трактуемая как коммуникативная категория, основным содержанием которой являются прескрипции, установки и правила, детерминированные максимами вежливости и направ-

[1] Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 18-012-00226 А).

ленные на минимизацию коммуникативных рисков в интеракции, реализуемые в общении митигативными стратегиями и тактиками, отмеченными этнокультурной спецификой. Основной прагматической характеристикой митигации является ориентация на «Другого». Известно, что ориентация на содержание, на себя и на собеседника всегда присутствует в диалоге, составляя, по К. Бюлеру, сущность языка в целом и языкового сообщения в частности [Бюлер 2000]. Однако, в процессе коммуникации возможно доминирование того или иного вида ориентации — на себя или на собеседника, что, в свою очередь, определяет различные коммуникативные стили — эгоцентрический, конфликтный или кооперативный, адресатноориентированный. Для митигативного стиля коммуникативного поведения определяющей является ориентация на собеседника. Учет коммуникативных эспектаций адресата при выборе речевых средств, реализующих интенции говорящего, способность к коммуникативной эмпатии играют важную роль при достижении говорящим своих целей в коммуникации, что, в конечном итоге, определяет эффективность речевого поведения в ситуациях кооперативного, гармоничного общения.

Мы солидарны с И. А. Стерниным, который рассматривает коммуникативные категории как самые общие коммуникативные понятия, упорядочивающие знания человека об общении и нормах его осуществления [Стернин 2004: 42]. Коммуникативные категории, в отличие от коммуникативных концептов, не всегда имеют определенную лексическую форму своего «оязыковления» в силу того, что отражают, согласно О. А. Кобриной, более размытые, часто субъективные и релятивные сущности, прежде всего, отношение к содержанию высказываемого и к собеседнику [Кобрина 2006: 91]. Исходя из этого, для лексической объективации данных форматов знания используются зачастую сочетания слов, указывающие на коммуникативный характер последних — коммуникативное давление, коммуникативная неприкосновенность, коммуникативное смягчение и др.

Объективация коммуникативных категорий, не имеющих ключевой лексемы, в дискурсе возможна благодаря наличию определенных дискурсивных маркеров, эксплицирующих данную категорию. Так, в частности, существование категории коммуникативного смягчения, или митигации, в сознании представителя русской лингвокультуры подтверждает метадискурсивный рефлексив мягко говоря, указывающий на смягченную, некатегоричную формулировку говорящим своих интенций. Следует отметить, что наличие аналогичных рефлексивов в других языках — *milde gesagt*, *gelinde gesagt* (нем.), *mildly speaking*, *to put it mildly*, *lightly* (англ.), — позволяет предположить достаточную универсальность категории коммуникативного смягчения в этнокультурном аспекте [Тахтарова 2017: 192].

О митигативной маркированности дискурсивного поведения говорящего субъекта, направленной на обеспечение позитивной, кооперативной тональности общения, свидетельствуют также метакоммуникативные формулы, указывающие на нерешительность последнего, демонстрирующие его стремление избежать категоричности в своих высказываниях, содержащие извинение за вынужденную резкость, бестактность и проч., например:

— *Веня, а что ты думаешь о Геле?* — *Ну, как тебе сказать*…— *Говори, как есть* (Соболева 2008: 258).

— *Думаю, она очень рано вступила в связь с мужчиной, она испытывала удовольствие от интимных отношений. Извините за пикантную деталь, но без неё никак не понять все остальное* (Донцова 2008а: 208).

Как отмечает Ю. М. Лотман, «категории дискурса можно сравнить с грамматическими значениями языка. Последние могут не осознаваться, более того, они как бы вообще не важны ни для говорящего, ни для слушающего, но «вырваться» из них невозможно» [Лотман 2004: 126].

Особое значение категория коммуникативного смягчения приобретает в условиях конфликтогенного развития дискурсивных событий. Как отмечает К. Ф. Седов, в основе коммуникативного конфликта обычно лежит стремление одного (или обоих) участников общения снять психологическое напряжение за счет собеседника. Такого рода разрядке (выпусканию паров) предшествует чувство фрустрации — психологический дискомфорт, возникающий при невозможности добиться какой-либо цели [Седов 2002]. По справедливому замечанию В. И. Шаховского, говорящий зачастую не прикладывает усилий для того, чтобы поддержать позитивную тональность общения, что выражается в отказе от рефлексии и ведет к превращению homo loquens в homo debilis [Шаховский 2013: 18].

Несмотря на то, что в сознании носителя языка речевой конфликт существует как определенная фреймовая структура, развитие коммуникативно обусловленных сценариев, как отмечалось выше, может быть различным — от кооперативного до конфликтного. Выбор дискурсивного сценария зависит от типа личности участников конфликта, их коммуникативной компетенции и других, не менее важных, параметров коммуникативной ситуации. В этой связи все большее значение приобретают исследования, посвященные изучению нормативных аспектов коммуникативного поведения, к которым с полным основанием можно отнести такое относительно новое научное направление как лингвистическая экология. Особое внимание в лингвоэкологических исследованиях уделяется «неэкологичному» использованию языка, к которому традиционно относят жаргонизацию и вульгаризацию речевого общения, легализацию сквернословия и др. Однако спектр лингвоэкологической проблематики является, по нашему мнению, более широким и должен включать такие факты нарушения коммуникативного баланса, как нанесение обид, использование негативных оценок и другие конфликтогенные формы речевого поведения, нарушающие экобаланс коммуникативного контакта и детерминирующие негативные последствия для экосистем коммуникантов, а также стратегии их предотвращения или смягчения, что подтверждает лингвоэкологический потенциал категории смягчения и ее особую роль в сохранении и эффективном функционировании коммуникативной экосистемы. Рассмотрим подробнее митигативные прескрипции, установки и правила, в которых находят свое отражение указанные лингвоэкологические характеристики коммуникативного смягчения.

По мнению И. А. Стернина, коммуникативная категория имеет опре-

деленную когнитивную структуру, включающую прескрипции, установки и правила развития интеракции и реализуемую в общении соответствующими стратегиями и тактиками [Стернин 2004: 46]. Основную гиперстратегию, реализующую категорию митигации, можно определить, как стратегию иллокутивного смягчения, направленную на сокращение интеракциональных рисков в общении. В зависимости от конкретного вида речевого акта, данная гиперстратегия может реализовываться в коммуникации в своих иллокутивных вариантах: директивное, ассертивное, оценочное и проч. смягчение.

Как известно, прескрипционная составляющая коммуникативной категории содержит информацию о нормах и правилах общения, о том, что можно и чего нельзя делать в общении. Митигативные прескрипции, детерминирующие речевой выбор говорящего в потенциально конфликтогенных ситуациях, можно определить следующим образом: антиконфликтность, некатегоричность, неимпозитивность, глорификация и эмоциональная сдержанность.

Митигативные прескрипции детализируются в установках, которые представляют собой более конкретные предписания, рекомендации по коммуникативному поведению, вытекающие из общей прескрипции, которые далее конкретизируются в коммуникативных правилах. Несмотря на то, что коммуникативные категории, как правило, характеризуются этнокультурной спецификой, а инвентарь конкретных установок и коммуникативных правил можно установить, изучая особенности национального коммуникативного поведения конкретного этносоциума, мы полагаем, что существуют основные, достаточно универсальные установки и правила смягчения, закрепленные в национальном сознании ряда этносоциумов.

Так, для митигации можно выделить следующие прескрипции:

I. Прескрипция *антиконфликтности*: предписывает избегать конфликтов в коммуникации. Данная прескрипция репрезентируется установкой на кооперативное, гармоничное общение. Мы солидарны с Т. Е. Владимировой, отмечающей врожденную инстинктивную склонность человека к доброжелательному, кооперативному общению, к коммуникативным «поглаживаниям» (Э. Бёрн) [Владимирова 2007: 51]. Этическая доминанта межличностного общения все отчетливей проявляется в идее всеобщей согласованности социального и, как следствие, коммуникативного поведения. Кооперативная установка в общении предполагает наличие особого внимания, проявляемого говорящим к адресату. Установка на кооперативное, гармоничное общение реализуется следующими коммуникативными правилами:

1) **сводо к минимуму возможные разногласия с собеседником** (максима согласия). Данное правило особенно ярко проявляется в ассертивных (информативных) речевых актах. Руководствуясь указанным правилом, говорящий использует митигативные средства для смягчения своей констатирующей иллокуции, оставляя за адресатом право на свое мнение о сообщаемом. Одним из способов реализации этого правила в общении является тактика финального инклюзивного переспроса, апеллирующая к мнению адресата и подчеркивающая важность последнего для говорящего, например:

— *Макс фон Ланц, — повторила Зинаида. — При чем «фон» самый что ни на есть настоящий. Забавно, да? Но в Германии парню скучно, он совсем не похож на немца, правда?* (Полякова 2007: 241).

2) **создавай и сохраняй позитивную тональность общения** (максима симпатии). Для создания благожелательной атмосферы в процессе интеракции говорящий может использовать различные уменьшительно-ласкательные и эмотивно маркированные формы обращений, настраивающие собеседника на позитивную тональность общения, например:

— *Ксюшенька, не могли бы заскочить ко мне домой на секундочку? ... Забегите, ангел мой, на секундоч*ку (Донцова 2008б: 254).

Кроме того, особый интерес представляют в этом отношении ксеноденотативные диминутивы [Девкин 2005: 138], отражающие не реальные количественные изменения объекта, а коммуникативную интенцию адресанта, направленную на создание атмосферы общения, благоприятной для реализации говорящим его конечной интенции:

— *Да что мы все об одном балакаем? Коньячку хочешь? Сейчас Зиночка кофеек подаст* (Донцова, 2008а: 87).

II. Прескрипции *некатегоричности* и *неимпозитивности* тесно взаимосвязаны и поэтому реализуются в коммуникации общими установками, а именно — установкой на ослабление категоричности высказываний и на смягчение вербализуемых интенций. Для указанных установок можно сформулировать следующие коммуникативные правила:

1) **смягчай категоричность своих высказываний** (максимы одобрения и симпатии). Это правило играет особую роль при реализации оценочных речевых актов, которые традиционно относятся к «ликоущемляющим» (face threatening act). Тенденция к снижению категоричности оценочных высказываний, детерминированная максимами вежливости, постоянно существует в кооперативной коммуникации, предполагающей социально приемлемое, нормативно-адекватное речевое поведение собеседников [Вольф 2002: 171], и вынуждает адресанта при вербализации оценочной иллокуции использовать митигативные тактики:

— *Признаюсь, вы поначалу произвели на меня не самое приятное впечатление, показались грубым и невоспитанным* (Соболева 2008: 121).

2) **оставляй собеседнику возможность выбора** (максима такта). При реализации директивной интенции говорящий, руководствуясь данным правилом, использует митигативные тактики, ослабляя иллокутивную силу различных директивных высказываний — просьб, советов, приглашений и проч.:

— *Здрассти, — вежливо сказала я. — Простите, конечно, но не могли бы вы мне помочь? Застряла тут случайно* (Донцова 2009: 242).

III. Прескрипция *глорификации* репрезентируется установкой на сохранение «лица» интерактантов, которая реализуется в интеракции следующими коммуникативными правилами:

1) **смягчай интенсивность «ликоущемляющих» высказываний** (максимы одобрения и такта). Данное правило, реализующее также прескрипции

некатегоричности и неимпозитивности, касается, прежде всего, оценочных и директивных речевых актов, так как оценка и директивы тесно связаны с имиджем адресата.

2) **меньше хвали себя** (максима скромности);

3) **смягчай негативную самооценку** (максима симпатии).

Положительная самооценка является, как известно, нарушением максимы скромности, предписывающей говорящему уменьшать свои заслуги и отводить похвалу в свой адрес. По справедливому замечанию М. В. Колтуновой, «хвалить себя или постоянно соглашаться с похвалами в свой адрес — значит, подчеркивать свое превосходство, что неизбежно расширяет зону разногласий и является конфликтогенной, т.е. социально неприемлемой тактикой» [Колтунова 2005: 276]. Однако и отрицательная самооценка содержит угрозу «лицу» адресанта, так как является нарушением максимы симпатии. Таким образом, потенциальная конфликтогенность указанных речевых актов также вынуждает адресанта при вербализации оценочной интенции использовать митигативные средства, смягчающие иллокутивную силу высказывания:

— *А у тебя как?*

— *Не все безоблачно, но жить можно,* — *рассмеялась Ирма* (Соболева 2008: 226).

IV. Прескрипция *эмоциональной сдержанности* играет важную роль в митигативно маркированной интеракции. Это объясняется, прежде всего, тем, что эмоции, являясь облигатрным компонентом национального сознания, выступают мотивирующим элементом большинства прескрипций для кооперативной, гармоничной коммуникации. Как отмечает В. И. Шаховский, если у собеседников отсутствует общий центр эмоциональной координации общения, то наблюдается эмоциональный диссонанс и, как следствие, неуспех общения [Шаховский 2016].

Способность адресанта контролировать свои эмоции, выбирая тот способ вербализации последних, который будет адекватен ситуации общения и эспектациям собеседника, является одной из основных характеристик митигации. Прескрипция эмоциональной сдержанности сопровождает все вышеназванные прескрипции, так как каждое митигативное правило содержит в себе явно или имплицитно установку на эмоциональную деинтенсификацию. Исходя из этого, для данной митигативной прескрипции можно сформулировать одно, основное коммуникативное правило:

— смягчай интенсивность проявления эмоций в коммуникации

Итак, категория смягчения, конституируя коммуникативное сознание homo loquens, содержит основные прескрипции, установки и правила, характеризующие кооперативную, гармоничную коммуникацию, направленную на сохранение экосистемы говорящих субъектов. Руководствуясь указанными прескрипциями, говорящий субъект выбирает наиболее оптимальные, адекватные стратегии реализации своих интенций в процессе интеракции, характеризующиеся несомненным лингвоэкологическим потенциалом.

Изучение коммуникативного поведения Homo loquens в конфликтных ситуациях может с особой наглядностью продемонстрировать уровень коммуни-

кативной компетенции последнего, прежде всего, ее лингвоэкологического компонента — способность к эмпатии, интенциональному тьюнингу [Шаховский 2016: 64], а также сформированность в коммуникативном сознании говорящего субъекта регулятивных категорий, позволяющих минимизировать деструктивные последствия конфликтов. Систематизация установок и правил, конституирующих коммуникативную категорию митигации, вне всякого сомнения, имеет важное значение, так как овладение данными правилами в процессе научающей коммуникации лежит в основе формирования коммуникативной компетенции говорящего субъекта, в том числе лингвоэкологического компонента последней.

Источники

Донцова Д. А. Монстры из хорошей семьи. М.: Эксмо, 2008а.

Донцова Д. А. Привидение в кроссовках. М.: Эксмо, 2008б.

Донцова Д. А. Шопинг в воздушном замке. М.: Эксмо, 2009.

Полякова Т. В. Сжигая за собой мосты. М.: Эксмо, 2007.

Соболева Л. П. Три черные колдуньи. М.: Эксмо, 2008.

Литература

Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. М. : Прогресс, 2000.

Владимирова Т. Е. Призванные в общение: Русский дискурс в межкультурной коммуникации. М.: КомКнига, 2007.

Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Едиториал УРСС, 2002.

Девкин В. Д. Немецкая лексикография. М.: Высшая школа, 2005.

Кобрина О. А. Модусные категории как способы выражения субъективного отношения человека к высказыванию // Вопросы когнитивной лингвистики, № 2, 2006 С.. 90—100.

Колтунова М. В. От постулатов прагматики к социокультурным конвенциям // Эмоции в языке и речи: сборник статей / Сост., отв. ред. И. А. Шаронов / Рос. гос. гуманит. ун-т, Ин-т лингвистики. М.: РГГУ, 2005. С. 271—281.

Лотман Ю. М. Семиосфера. С.-Пб.: Искусство-СПБ, 2004.

Седов К. Ф. Языковая личность в аспекте психолингвистической конфликтологии. Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Сб. науч. трудов // http://www.dialog-21.ru/digest/2002 /articles/sedov.

Стернин И. А. Теоретические проблемы языкового сознания // Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты. М.: Барнаул: Изд-во Алт.ун-та, 2004. С. 36—63.

Тахтарова С. С. Коммуникативные категории в когнитивно-дискурсивной парадигме // Вестник ВолГУ. Серия 2, Языкознание. Т. 16. № 2, 2017. С.189—196.

Шаховский В. И. Экология, валеология, лингвистика // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве. Колл. монография. Волгоград: Изд-во ВГСПУ, 2013. С. 8—22.

Шаховский В. И. Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции. Волгоград: ИП Поликарпов И. Л., 2016.

Г. В. Токарев (Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого)
G. V. Tokarev (Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University)

Эмоциональность и значение символа[1]
Emotionality and meaning of the symbol

Аннотация

В зависимости от семиотической природы символа переживание действительности может быть представлено в его семантике как эмоциональное или эмотивное. Семантика и прагматика квазисимвола сочетает эмоциональное и эмотивное, что обусловлено промежуточностью данной единицы. Эмоциональный аспект символа детерминирован его функциональностью.

Depending on the semiotic nature of the symbol, the experience of reality can be represented in its semantics as emotional or emotive. Semantics and pragmatics of the quasi-symbol combines emotional and emotive, which is due to the intermediacy of this unit. The emotional aspect of the symbol is determined by its functionality.

Ключевые слова

Символ, семантика, прагматика, эмоциональность, эмотивность
Symbol, semantics, pragmatics, emotionality, emotivity

К одной из задач исследования эмоциональной сферы человека можно отнести изучение семантики символа в целом и её эмотивного аспекта в частности. Понятие символа является междисциплинарным. В своём исследовании мы понимаем символ как культурную полисемантическую единицу, которая формирует в сознании пользователя определённую модель поведения.

Символы по своей природе являются натурфактами и артефактами. Первые представляют собой включённые в то или иное семиотическое пространство природные объекты. Например, в русской народной культуре болото было символом чужого, враждебного человеку пространства. Болото считалось «…опасным и нечистым местом, где водятся черти» [Славянские древности 1995: 228]. Существовало немало ритуальных практик, связанных с жертвоприношением в болотистую местность для того, чтобы откупиться от зла, которое может она принести.

Символы-артефакты созданы руками человека с опорой на различные языки культуры. В качестве примера таких единиц можно привести разнообразные подвесы-обереги. Подобные символы мы охарактеризовали бы как

[1] Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 19-512-18008).

первичные. В группе символов-артефактов можно выделить единицы, у которых символическая функция сформирована в результате переосмысления обычного предмета. Так, гребень в народной культуре использовался не только в своей основной функции, но и как ритуальная вещь. Новорождённой перерезали пуповину на ткацком гребне, чтобы из девочки вышла хорошая пряха [Славянские древности 1995: 541]. Гребень использовался в гадальных и свадебных обрядах как оберег от злых духов, в наведении порчи, в продуцирующей магии [Славянские древности 1995: 541—542].

С этим видом символов схожи единицы, культурно-семиотическая функция которых сформировалась на основе переосмысления семантики слова. «Телом» данного знака, по выражению В. Н. Телия, становятся слово или фразеологическая единица [Телия 1995: 227]. Подчёркивая особую семиотическую природу подобных символов, В. Н. Телия предложила использовать термин квазисимвол [Телия 1995: 243]. В качестве примера квазисимвола можно привести единицу хомут с семантикой несения тяжёлых обязанностей. Данные символы мы охарактеризовали бы как вторичные.

Все виды рассмотренных символов объединяет то, что они, во-первых, выполняют особую культурно-семиотическую функцию, во-вторых, выражают наивные представления о мире, сложившиеся в той или иной лингвокультурной группе. Указанная выше роль заключается в том, что единица не используется в своём обычном назначении — утилитарном или номинативном, она формирует систему знаков, с опорой на которые находят выражения принципы культуры, культурные установки, представления, стереотипы, эталоны и т.д. По мнению Н. Д. Арутюновой, символ функционален: «Стать символом значит приобрести определяющую жизнь человека или коллектива людей функцию, властно диктующую выбор жизненных путей и моделей поведения» [Арутюнова 1999: 338]. Из этого следует, что символ раскрывает своё значение, иллокутивную реакцию в реальной ситуации, здесь и сейчас. За символом стоит определённое семиотическое пространство, культурный текст, который разворачивает и детализирует семантику символа. Но не только в этом заключается роль текста культуры по отношению к символу. Текст культуры формирует символ. Текст актуализирует один из своих элементов, который в сжатом виде выражает изложенную в нём программу. Получению новой, культурно-семиотической функции языковой единицы способствует контекст. Квазисимвол формируется на основе переносного значения слова или на базе устойчивых выражений. Так, грабли становятся символом расплаты за невнимательность, самонадеянность. Символизация происходит путём актуализации компонента в выражении *наступать на одни и те же грабли*.

Важной частью семантики и прагматики символа является компонент, содержащий информацию о эмоциональной рефлексии на действительность. В. Н. Телия различала понятия эмоциональности и эмотивности [Телия 1996: 115]. Эмоциональность первична, представляет собой результат переживания

окружающей действительности. Эмотивность вторична, является следствием языковой рефлексии эмоциональности. Промежуточность квазисимвола, выражающаяся в том, что он формируется на вербальном уровне, а функционирует как знак культуры, даёт возможность заключить, что данной единице свойственна как эмотивность, что составляет часть её семантики, так и эмоциональность, формирующая её прагматику. Это связано с тем, что символ всегда переживается и отражает опыт эмоциональной рефлексии. У первичных символов эмоциональность формируется как следствие ритуальных практик. Так, пучок последних несжатых колосьев формирует план выражения символа, который называют бородой. Символ выражает эмотивность одобрения, которая связана с возвращением земле витальной силы, благодарностью за урожай, надеждой на плодородность следующего года и т.п.

Эмотивность вторичных символов продуцируется, с одной стороны, культурным контекстом, с другой — образным основанием. По нашим наблюдениям, образ невербальных символов может допускать амбивалентную эмотивную интерпретацию. Полярные эмоции формируют кластеры. [Шаховский 2009: 9]. Так, отражённые в образе бороны признаки функции, формы давали основу для двоякой в эмотивно-оценочном плане интерпретации. Борона могла, с одной стороны, служить оберегом от нечистой силы, выступать символом мужского начала в свадебных обрядах, с другой — быть атрибутом ведьм: «Ведьма с помощью бороны “отбирает” молоко у чужих коров» [Славянские древности 1995: 236].

Образ вербальных символов интерпретируется однозначно, либо как одобрение, либо как неодобрение. Так, образ гнезда становится основой символа домашнего очага. На положительную интерпретацию образа влияют фоновые знания: почитание птиц, запрет на разрушение гнезда и др.

Основу образа символа *грабли* формирует сценарий получения удара по голове, когда человек становится на грабли. Данный сценарий оценивается как нежелательный, на основе чего формируется негативная оценочность и эмотивность неодобрения.

Заметим, что образ, выраженный вербально, имеет более информативную интерпретанту, что связано с распространённостью естественного языка. Интерпретанта невербального образа очевидна для посвящённых людей.

Выше мы указали на ситуативность и функциональность символа. Названные свойства отчасти обусловлены ситуативностью эмоций. Таким образом, эмоциональный аспект символа обусловлен особенностями его семиотической природы. Функциональная направленность символа детерминирует эмоциональный аспект его семантики и прагматики.

Литература

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Школа «Языки русской культуры», 1999.

Славянские древности. Этнолингвистический словарь под ред. Н. И. Толстого. Т. 1. М.: Международные отношения, 1995.

Телия В. Н. Русская фразеология: семантико-прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.

Шаховский В. И. Эмоции. Долингвистика. Лингвистика. Лингвокультурология. М.: Книжный дом: «Либроком», 2009.

А. Л. Токарева (РГГУ; МГПУ)
A. L. Tokareva (Russian State University for the Humanities; Moscow City University)

Трансформации валентной структуры метафоризированных глаголов в современной итальянской художественной прозе
Transformations in the valency structure of metaphorical verbs in contemporary Italian fiction

Аннотация

В статье на материале современной итальянской художественной прозы рассматриваются способы авторского обновления языковых метафорических выражений с лексемой *ira* — ‘гнев’ за счет изменения валентной структуры входящих в них глаголов.

The article investigates strategies of conventional metaphor refreshing employed by contemporary Italian fiction authors, focusing on changes to the valency structure of metaphorical verbs in expressions with the word *ira* — ‘anger’.

Ключевые слова

Конвенциональная метафора, авторская метафора, метафоры эмоций, валентная структура

Conventional metaphor, novel metaphor, metaphors of emotions, valency structure

Эмоциональная жизнь человека в значительной степени отражается в языке при помощи метафор, поскольку эмоции и чувства недоступны непосредственному наблюдению и для адекватного описания часто требуют сопоставления с конкретными предметами и явлениями внешнего мира. Неоценимый вклад в изучение эмоциональных предикатов внесен Ю. Д. Апресяном, Н. Д. Арутюновой, Анной А. Зализняк, Е. Р. Иоанесян, И. Б. Левонтиной, А. Д. Шмелевым. Одним из важнейших и наиболее широко представленных в художественных текстах типов метафор эмоций является глагольная метафора. Перспективным представляется ее исследование с позиций анализа актантной структуры глагола. Однако если многие аспекты валентной теории прекрасно разработаны применительно к глаголам в прямом значении (труды Ю. Д. Апресяна, В. Г. Гака, Р. А. Говорухо, О. Н. Ляшевской, И. А. Мельчука, В. А. Плунгяна, Е. В. Рахилиной, В. С. Храковского), о трансформациях, происходящих при метафоризации глагола, мы находим лишь отдельные упоминания.

В данной работе мы хотели бы рассмотреть на материале современной итальянской художественной прозы изменения, вносимые авторами в стандартную актантную структуру метафоризированных глаголов в сочетаниях с лексемой *ira* — ‘гнев’ и «обновляющие» языковую метафору.

Начало и процесс переживания гнева часто описывается сочетаниями типа (*essere*) *assalito*/*invaso dall'ira* — '(быть) охваченным гневом' (с пассивными причастиями *assalito* от глагола *assalire* — 'атаковать' и *invaso* от глагола *invadere* — 'захватывать'):

Giulia a quelle parole fu invasa dall'ira (Francesca Sanvitale. L'uomo del parco). При этих словах Джулию охватил гнев.

Fu invaso dalla stessa ira che aveva provato a Seferdi <…> (Licia Troisi. Cronache del Mondo Emerso). Он был охвачен тем же гневом, что почувствовал ранее в Сеферди.

"È giusto che sia così", mormorò Colin, e tornò a guardare la porta, di nuovo assalito dall'ira per ciò che stava accadendo <…> (Mariangela Cerrino. Il segno del drago) «Так и должно быть», — пробормотал Колин и обратил взгляд на дверь, вновь охваченный гневом по поводу происходящего.

Ситуации потери субъектом контроля над гневом соответствует сочетание (*essere*) *travolto dall'ira* — '(быть) пораженным гневом' (с пассивным причастием *travolto* от глагола *travolgere* — 'опрокидывать (обычно увлекая за собой)'):

Alla vista del figlio, dritto di fronte a lui, con quel sorriso che gli parve di sfida, Yussuf fu travolto dall'ira <…> (Vauro Senesi. Il mago del vento). При виде сына, стоявшего прямо напротив с улыбкой, которая показалась ему вызывающей, Юсуф был поражен гневом.

В прямом значении актантная структура глаголов *travolgere*, *invadere*, *assalire* предполагает участников с ролями:

1) Агенса и Пациенса (глагол *travolgere* — 'опрокидывать (обычно увлекая за собой)': *L'impeto della cavalleria travolse il nemico* — 'Натиск кавалерии опрокинул врага'; *Il torrente in piena ha straripato travolgendo alberi e case* — 'Во время паводка река вышла из берегов, опрокидывая деревья и дома' [Vocabolario Treccani].

2) Агенса и Локатива (глагол *invadere* — 'врываться, захватывать': *Le orde barbariche avevano invaso l'Italia* — 'Орды варваров вторглись в Италию' [Vocabolario Treccani].

3) Агенса и Пациенса/Локатива (глагол *assalire* — 'атаковать': *assalire il nemico* — 'атаковать врага', *assalire le posizioni nemiche* — 'атаковать вражеские позиции' [Vocabolario Treccani].

Агенс занимает в стандартной диатезе данных глаголов в прямом значении позицию подлежащего, Пациенс или Локатив — позицию прямого дополнения.

При переносном, метафорическом употреблении глаголов *assalire*, *invadere* и *travolgere* участник с семантической ролью Экспериенсера получает, в силу исходной семантики глаголов, дополнительную роль Пациенса или Локатива (что не является проблематичным в силу укорененности метафоры ТЕЛО ЧЕЛОВЕКА — ЭТО СОСУД ДЛЯ ЭМОЦИЙ). Лексема *ira* выступает

в роли подлежащего, эмоция метафорически осмысляется как агенс. Однако практически всегда, как в вышеприведенных примерах, указанные глаголы принимают форму пассивного залога или пассивного причастия (в причастном обороте со значением причины или образа действия), и в этих случаях имя эмоции занимает позицию агентивного дополнения. Таким образом, в результате метафорического преобразования семантики изменяется и стандартная диатеза глаголов *assalire*, *invadere* и *travolgere*: в метафорическом значении в сочетании с лексемой *ira* (а также другими лексемами семантического поля «гнев») стандартной для них становится пассивная диатеза.

Художественный эффект малочастотных выражений типа *l'ira assalì qualcuno*, *l'ira invase qualcuno*, *l'ira travolse qualcuno* обусловлен возвратом к активному залогу, являющемуся исходной диатезой для этих глаголов в прямом значении:

Un'irrazionale ira la invase subito seguita da un senso di abbandono così totale da farle salire le lacrime agli occhi (Rosa Cerrato. Le uova del cuculo). Неразумный гнев охватил (букв. 'захватил') ее, и за ним тут же последовало чувство такой заброшенности, что у нее на глаза навернулись слезы.

L'ira la assalì. E non ce l'aveva con nessuna delle due, ma con se stessa <…> (Maria Martino. Apparente inesistenza. Io ci sono). Гнев охватил (букв. 'атаковал') ее. И она злилась не на них, а на себя.

L'ira la travolse e i suoi passi si fecero sempre più rapidi, fino a diventare una fuga precipitosa (Maria Martino. Apparente inesistenza. Io ci sono). Гнев поразил (букв. 'опрокинул') ее, и шаг ее все ускорялся, пока не превратился в поспешное бегство.

В последнем примере метафора движения, вводимая глаголом *travolgere*, поддерживается и контекстом реального движения: ускоряющихся шагов героини. В предложении *Manfredi ricacciò l'ira che lo stava invadendo, e si rivolse ad Adverto* (Mariangela Cerrino. Il segno del drago). Манфреди прогнал гнев, который начинал охватывать (букв. 'захватывать') его, и обратился к Адверто, метафора ГНЕВ — ЭТО ВРАГ реализуется не только уже рассмотренным выражением с глаголом *invadere*, но и сочетанием *ricacciò l'ira.* Глагол *ricacciare* имеет прямое значение 'respingere con la forza, con le armi' ('отбрасывать, отбивать с силой') (*Il nemico fu ricacciato oltre le Alpi* — 'Враг был отброшен за Альпы' [Vocabolario Treccani]), которое актуализируется в сочетании с принадлежащим в прямом значении к той же семантической области глаголом *invadere*.

Такое же преобразование стандартной пассивной диатезы (*A quel punto fu sopraffatta dall'ira* (Licia Troisi. Cronache del Mondo Emerso). В этот момент ее одолел гнев) в активную наблюдается и в следующем примере с глаголом *sopraffare* (букв. 'побеждать'):

L'ira lo sopraffece (Raffaele Isolato. Viaggio a Lost City), букв. 'Гнев победил его'.

Однако данный случай примечателен тем, что для глагола *sopraffare*, в отличие от рассмотренных выше *assalire*, *travolgere* и *invadere*, и в прямом значении пассивная диатеза характерна не менее, а возможно и более, чем актив-

ная, что специально отмечено в толковом словаре Ф. Сабатини и В. Колетти [Il Sabatini-Coletti: Dizionario della lingua italiana].

Заметим, что причастия *invaso* и *assalito* значительно чаще входят в метафорических сочетаниях с лексемой *ira* в состав сказуемого (*fu assalito dall'ira*), нежели причастие *travolto*, которое обычно употребляется в причастном обороте со значением причины или образа действия: *O forse, travolto dall'ira nei confronti della moglie, se n'era dimenticato* (Tiziano Resca, Paolo Stefanato. Il ritorno del maiale). Или, может быть, ослепленный гневом на жену, он об этом забыл. Таким образом, последнее метафорическое выражение обычно выводится из коммуникативного фокуса высказывания. Можно предположить, что такое различие между выражениями *invaso/assalito dall'ira* и *travolto dall'ira* связано с лежащими в их основе метафорами. Сочетания *invaso/assalito dall'ira* принадлежат, в силу прямых значений соответствующих глаголов, персонифицирующей метафоре ГНЕВ — ЭТО ВРАГ, тогда как глагол *travolgere* в прямом значении предполагает семантическую роль Агенса и может быть отнесен в сочетании *travolto dall'ira* к метафоре ГНЕВ — ЭТО СИЛА, не конкретизирующей семантический класс для совмещенной роли Агенса/Эффектора. Поскольку данная метафора акцентирует внимание на каузации потери носителем эмоции контроля над ней и «затеняет» семантический класс Агенса, принадлежащее ей выражение *travolto dall'ira* склонно отдаляться от коммуникативного фокуса высказывания. Сочетания, соответствующие метафоре ГНЕВ — ЭТО ВРАГ, предполагают конкретное персонифицированное осмысление гнева как Агенса, что, возможно, способствует постановке таких выражений в позицию ремы.

Рассмотренный выше глагол *travolgere* представляет и другой случай актуализации метафоры за счет изменения стандартной для переносного значения актантной структуры. Как уже было сказано, данный глагол в метафорическом значении предполагает наименование эмоции в качестве Агенса и носителя эмоции в качестве Пациенса. Прямое значение не предусматривает наличия носителя эмоции. В следующем контексте наблюдается актантная схема, более близкая к типичной для прямого значения глагола, в которой Пациенсом выступает субъект, отличный от носителя эмоции:

Mühlhausen è pietra di scandalo per gli empi della terra, è la premonizione dell'ira di Dio che sta per travolgerli ed è per questo che essi tremano come cani (Luther Blissett. Q). Мюльхаузен — кость поперек горла всех богохульников земли, напоминание о гневе Господнем, который вот-вот обрушится на них (букв. 'опрокинет их'), и поэтому они трепещут, как собаки' (пер. И. Цибизовой).

Для указания на стремление к обретению контроля над гневом часто используется выражение *trattenere l'ira*. В нем глагол употребляется в переносном значении 'frenare, contenere (cioè tenere dentro, impedire che esca o sfoghi)' — 'обуздывать, сдерживать (то есть держать внутри, препятствовать выходу или проявлению)', которое толкуется в Vocabolario Treccani как производное от прямого значения 'impedire, esercitando la propria autorità o anche usando

la coercizione fisica, che qualcuno si allontani, abbandoni un posto o un'attività o un servizio, compia determinati atti e movimenti' — 'препятствовать, используя свою власть или физическое принуждение, чьему-либо уходу из некоторого места, прекращению деятельности или службы, осуществлению определенных действий и шагов'.

Из толкования видно, что в прямом значении актантная структура глагола предполагает участника со значением Локатива (например, *È stato fermato dagli agenti e trattenuto per tutta la notte al commissariato* [Vocabolario Treccani] — 'Его арестовали агенты и всю ночь продержали в комиссариате')). В метафорическом значении этот актант принимает постоянное значение 'dentro' и инкорпорируется в структуру глагола, не получая поверхностного выражения. Заметим, что подобная инкорпорация обусловлена имплицированием фоновой метафоры ТЕЛО ЧЕЛОВЕКА — ЭТО СОСУД ДЛЯ ЭМОЦИЙ. В следующем контексте происходит экскорпорация инкорпорированного актанта-Локатива:

Figliolo — ancora trattenendo nel petto la mia ira — io vengo da una grande corte [Корпус итальянских письменных текстов CORIS/CODIS]. 'Сынок, — все еще сдерживая в груди мой гнев, — я принадлежу к великому дому'.

Выражение инкорпорированного актанта в поверхностной структуре высказывания может быть обусловлено различными причинами. Возможно, в данном метафорическом контексте экскорпорация инкорпорированного актанта имеет целью создание художественного эффекта за счет приближения к актантной структуре глагола *trattenere* в прямом значении.

Таким образом, обновление языкового метафорического глагольного сочетания может достигаться за счет возврата к диатезе, которая является исходной для глагола в прямом значении. В ряде контекстов наблюдается переход от стандартной для переносного значения пассивной диатезы к исходной для прямого значения активной (сочетания *l'ira invase/assalì/travolse qualcuno*). В отдельных случаях, возможность реализации которых зависит от валентной структуры конкретного глагола, в метафорическом сочетании может происходить перераспределение семантических ролей (выведение экспериенсера из обычной для него роли Пациенса в сочетании *l'ira travolge qualcuno*) или экскорпорация инкорпорированного актанта (например, Локатива в сочетании *trattenere l'ira nel petto*).

Источники, корпусы текстов и словари

Корпус итальянских письменных текстов CORIS/CODIS // http://corpora.dslo.unibo.it/coris_ita.html.

Blissett L. Q. Einaudi, 2010

Cerrato R. Le uova del cuculo. Frilli, 2013.

Cerrino M. Il segno del drago. Susalibri, 2010.

Isolato R. Viaggio a Lost City. Officine Editoriali, 2013.

Martino M. Apparente inesistenza. Io ci sono. GDS, 2017

Resca T., Stefanato P. Il ritorno del maiale. CDE, 1994.

Il Sabatini-Coletti: Dizionario della lingua italiana, Milano, Rizzoli Larousse, 2007 // http://dizionari.corriere.it.

Sanvitale F. L'uomo del parco. Mondadori, 1983.

Senesi V. Il mago del vento. Piemme, 2010.

Troisi L. Cronache del Mondo Emerso. La trilogia completa. Mondadori, 2006.

Vocabolario Treccani // http://www.treccani.it /vocabolario.

Литература

Апресян Ю. Д. Избранные труды, том I. Лексическая семантика: 2-е изд., испр. и доп. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995.

Гак В. Г. К проблеме семантической синтагматики. // Проблемы структурной лингвистики. 1971. IV. Вопросы грамматики и семантики. М.: АН СССР Институт русского языка, 1972. С. 367—395.

Говорухо Р. А. Предикаты эмоционального состояния с сентенциальным актантом в итальянском и русском языках // Эмоциональная сфера человека в языке и коммуникации: синхрония и диахрония. Материалы международной конференции. ФГБУ Институт языкознания Российской академии наук. М.-Ярославль: Канцлер, 2018. С. 30—36.

Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. М.: Языки славянских культур, 2012.

Иоанесян Е. Р. Специфика предикатов, отражающих разные способы концептуализации времени в языке // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Периодический сборник научных трудов ИЯз РАН. Вып. 5. 2013 г. С. 30—120.

Иоанесян Е. Р. Предикаты эмоционального состояния: прототипический сценарий и семантическая эволюция // Ученые записки Орловского государственного университета. № 3 (72), 2016. С. 160—166.

Иоанесян Е. Р. К типологии семантической деривации в лексическом поле эмоциональных состояний //Эмоциональная сфера человека в языке и коммуникации: синхрония и диахрония Материалы международной конференции. ФГБУ Институт языкознания Российской академии наук. М.-Ярославль: Канцлер, 2018. С. 43—55.

Ляшевская О. Н. Инкорпорация и экскорпорация в глагольном управлении: имена частей тела // Инструментарий русистики: корпусные подходы. Вып. 34. Хельсинки: Университет Хельсинки, 2008. С. 198—216.

Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ↔ Текст». М.: Наука. Главная редакция Восточной литературы, 1974.

Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Парадоксы валентностей// Семиотика и информатика, вып. 36, 1998. С. 108—119.

Храковский В. С. Понятие сирконстанта и его статус // Семиотика и информатика, вып. 36, 1998. С. 141—153.

Л. Л. Фёдорова (Институт лингвистики РГГУ)
L. L. Fedorova (Institute of Linguistics, Russian State University for the Humanities)

Лапушка и *лапочка*: к мотивации традиционных обращений
Lapushka and *lapochka*: towards the motivation of the traditional address forms

Аннотация

В статье на основании примеров употребления диминутивных форм *лапушка*, *лапочка* строятся гипотезы о возможных путях перехода от значения ‘лапа животного’ к обозначению ласкового отношения при обращении к человеку. Предполагается, что эти диминутивы, отмеченные в художественных текстах с XIX в., изначально более характерны для устной речи, для народно-поэтической традиции. Обсуждаются существующие этимологии данных диминутивов и предлагаются иные возможные способы преобразования исходного значения.

The paper aims to propose some hypotheses about the diminutive forms *lapushka, lapochka* concerning the possible ways of transition from the meaning of ‘paw of an animal’ to the designation of affectionate attitude when referring to a person. These diminutives marked in written text since the nineteenth century, could have been initially more typical for the spoken language, for the tradition of folk poetry. The paper continues discussion of the existing etymologies of these diminutives and proposes other possible ways of transforming the initial semantics.

Ключевые слова

Диминутивы, обращения, заимствования, семантические переходы
Diminutives, forms of address, borrowing, semantic transitions

Среди лексических единиц с эмоциональной семантикой особое место занимают ласковые обращения. В русской традиционной культуре используется ряд слов в переносном значении в функции неформального ласкового обращения. Это обычная для языков мира практика — выражать свое отношение к человеку, используя обозначения с положительными или отрицательными коннотациями. Так, для ласковых обращений в русской речи характерно употребление зоонимов (*зайка*, *рыбка*), названий растений и плодов (*цветочек*, *ягодка*), названий астрономических объектов (*солнышко*, *звездочка*) и др. Для них типично использование диминутивных форм, т.е. форм с уменьшительно-ласкательными суффиксами, которые в Русской грамматике квалифицируются как суффиксы субъективной оценки, выражающие среди прочих значение «ласкательности» [Русская грамматика 1982: 208]. А. Б. Пеньковский говорит о неточности этого термина: они выражают не оценку, но «“экспрессивное отно-

шение”, складывающееся на базе определенной оценки» [Пеньковский 2004: 75], оценка может осуществляться в предикативном употреблении, отношение проявляется в обращении.

(1) *Малфой, в исполнении Тома Фелтона, просто лапочка!* (коллективный. Форум: Обсуждение фильма «Гарри Поттер и принц-полукровка» (2009—2011)).

(2) — *Что это с тобой, лапочка ты моя, что с тобой приключилось?..* (И. И. Панаев. Барышня (1844)).

Ласковые обозначения, как и инвективные слои лексики, основаны на коннотативных значениях лексем, которые могут закрепляться как переносные в словаре (ср. *свинья*, *индюк*, *лопух*). Некоторые из подобных слов-обращений являются лингвоспецифичными и отражают народную культуру. Особенно богаты ласковыми обращениями славянские языки, например, украинский, где девушку могут назвать: *рыбонька*, *ластівка*, *лэбэдонько*, *сонечко*, *серденько*, *зіронька*, *пташка*, *кошенятко*, *вишенька* [https://22oa.ru/komplimenty-devushke-na-ukrainskom-iazyke] и др. Данные примеры демонстрируют широкий диапазон образов, в общем понятных и созвучных русским словам, которые могут использоваться и в соответствующих русских обращениях (*зіронька* — ‘звездочка’). А вот, к примеру, польское ласковое *żabka* (‘лягушка’) по отношению к девочке может показаться русскому не слишком позитивным (хотя и по-русски можно ласково сказать *лягушонок*) и представляется скорее лингвоспецифичным.

В рамках одного языка обращения и ласкательные номинации могут различаться стилистически. Одни имеют отпечаток народно-поэтической традиции, другие отражают модные веяния (ср. *мимимишки* и всякая *милота*) или индивидуальный выбор, нередко своеобразный. Особые ряды обращений передают языковую практику определенного времени. К последним принадлежат слова *душенька*, *душечка*, *голубчик*, ранее широко употреблявшиеся в неформальном общении разных слоев населения, и, в частности, в фамильярном светском общении, что подтверждается анализом текстов из НКРЯ (см. об этом подробнее [Федорова 2018]).

В основном для ласковых именований используются либо слова с исходно положительными коннотациями, либо лишь отмеченные уменьшительно-ласкательными суффиксами, способными обратить в разряд ласковых или шутливых нейтральное или даже обладающее негативными коннотациями слово (ср. *мышка*, *комарик*, *клопик*). Но в последнем случае может оставаться непонятной исходная мотивация такого выбора. К таким обращениям относятся слова *лапушка* и *лапочка*, активные в современном употреблении. Они используются и в номинативной функции, обозначая человека независимо от пола и возраста, но чаще ребенка, и в обращении к нему. Во всех употреблениях передается значение любования, особой теплоты, умиления.

Примеров использования этих форм в корпусе не так много, на порядок меньше, чем, например, для *душеньки*, однако они встречаются и в переписке

Пушкина, и у Гоголя, Данилевского, Писемского и др. авторов XIX в. Примеров на *лапушка* в НКРЯ 146 (104 по точной форме), начиная с 1824 г., примеров на *лапочка* — 247 (148 по точной форме). Можно предположить, что обе формы и в то время были в достаточно широком употреблении, но в ограниченных сферах. Если *душенька*, *голубчик* — принятые и в светском общении неформальные любезные обращения, то *лапушка* и *лапочка* — гораздо более интимные и, возможно, более распространенные в народе именования любимого человека или ребенка, которые не часто попадали на страницы художественных текстов.

Так, авторы XIX в. используют их в прямой речи персонажей, стремясь отразить сокровенные чувства, причем обычно в художественных произведениях на историческую тему, т.е. относя к прошлому или воспроизводя народный колорит:

(3) *Князь Платон (подходя к жене и заключая ее в свои объятия). Прощай, моя милушка, лапушка, прелесть! Покажи мне твои глазки: есть ли в них печаль и горе о моем отъезде* (А. Ф. Писемский. Самоуправцы (1867)).

(4) *Настя писала: «Сердце мое, лапушка, жизнь и суженый мой верный, Илья Романыч!* (Г. П. Данилевский. Воля (1863)).

(5) — *Бежим, Гришутка, бежим, лапушка!.. И Гришутка торопится, пыхтит, семенит ножонками* (Н. П. Вагнер. Сказки Кота-Мурлыки (1872)).

Уже в XX в. отмечается фольклорный характер именования *лапушка*:

(6) *Откуда это — «пригожий», «горемычный», «богатый», «лапушка»? Из книг, из фольклора, а главным образом — от любимицы ее, от тети Маши* (А. И. Пантелеев. Наша Маша (1966)).

Встречается это народное обращение у писателей, воспроизводящих народную речь разных российских мест — как на Дону, так и в Сибири:

(7) — *Не дури! — крикнула Аксинья и с силой ударила его локтем в переносицу. — Лапушка моя, не дерись! Глянь, какая кругом благодать…* (М. А. Шолохов. Тихий Дон. Книга четвёртая (1928—1940)).

(8) *И говорил дорогой: — Ах ты, лапушка ты моя! Любушка-голубушка…* (Василий Шукшин. Калина красная (1973)).

А. С. Пушкин использует форму *лапочка* в личной переписке, в письме к другу:

(9) <…> *поговори мнѣ о себѣ — о военныхъ поселеньяхъ — это все мнѣ нужно — потому что я люблю тебя — и ненавижу деспотизмъ — прощай, лапочка* (А. С. Пушкин. Письмо П. Б. Мансурову (1819.10.27)).

(10) [*Иван Иванович Орловский, муж*] *До каких же пор их ждать? Я, лапочка, есть хочу. Вот и Егор Петрович хочет* (А. П. Чехов. Леший (1890)).

Можно отметить, что *лапушка* и *лапочка* используются в ситуациях общения супругов или возлюбленных, причем по отношению к обоим, и в обращении к ребенку. Возможны они и в ситуации горячей просьбы и увещевания.

(11) *Иван Кузьмич! Лапушка, милочка! Ну хочешь ли, я стану на колени перед тобой?* (Н. В. Гоголь. Женитьба (1833—1842)).

(12) — *И, боярыня, лапушка ты моя, что ж в той песне веселого!* (А. К. Толстой. Князь Серебряный (1861—1863)).

Если на протяжении XIX в. употребление формы *лапушка* опережало *лапочку*, то в XX в., начиная особенно с 1960 г., *лапочка* становится гораздо более частотной формой, продолжая рост употреблений в XXI в., причем широко используется в разговорной речи, в чатах, смс:

(13) [*Саша, nick*] *Как бы ты себя ни вела, но я-то знаю, что в глубине души ты самая большая лапочка в мире!* [*Лена, nick*] *Я лапочка?! ты ошибся во мне…* (А мы тут с Леной напились (смс-переписка) (2008)).

Популярность слову добавило и клише *лапочка-дочка*, пришедшее, видимо, из мультфильма «Мешок яблок» (1974, по сценарию В. Сутеева), где папа-заяц говорит о своих детях — «четыре сыночка и лапочка-дочка». «Лапочка-дочка» стало торговым брендом детских товаров.

Вместе с *лапочкой* и *лапушкой* с 60-х гг. XX в. отмечается в текстах и *лапонька*:

(14) — *Давай, лапонька, ложку за бабушку… За дедушку… За маму пусть черти половниками смолу глотают* (Павел Санаев. Похороните меня за плинтусом (1995)).

Все три формы отмечены синонимичными суффиксами и используются в близких контекстах общения для выражения особо ласкового отношения, заботы и любования.

Есть в НКРЯ и примеры употребления диминутива *лапка* в подобном значении, но они единичны:

(15) *Все бы, кажется, отдал, кабы какая-нибудь лапка полюбила* (А. Ф. Писемский. Взбаламученное море (1863)).

Встречается *лапка* и в качестве прозвища, соотнося его носителя с ее законным обладателем:

(16) *Многие из ребятишек были соседями: Гришка Лягушонок, Ванюшка Гусиная Лапка, Тараска Брюхан* (А. А. Богданов. Сирота (1916)).

Итак, примеры показывают достаточную распространенность форм *лапушка*, *лапонька* и особенно *лапочка*. Но вопрос мотивации именования человека остается непонятным.

Не вызывает обычно сомнений его основа — *лапа*, но странным кажется выбор такого нетипичного для ласкового обращения референта. В самом деле, *лапа* в первых (неспециальных) значениях — это либо «ступня или вся нога у животных и птиц», либо «ветвь хвойного дерева» [БТС]. Можно уточнить, что не у каждого животного есть именно лапы — для копытных, например, используются другие названия. Но лапки есть и у насекомых, чего не отмечают словари. Для лапы и лапки, в отличие от копыта, важна способность цепляться, хватать, они царапаются. Лапы представляются обычно покрытыми мехом и с острыми когтями — такие они у кошки, у медведя. Лапы хвойных деревьев — с иголками, в переносном значении актуализируется признак ‘колючести’.

Фразеология *лапы* не содержит положительных коннотаций и подчеркивает хваткость обладателя лапы и опасность оказаться в его власти: *попасть/угодить в лапы* (*кому-то*), *запустить лапу*, *наложить лапу*, *быть в* (*чьих-то*) *лапах*, *мохнатая лапа*; в идиоме *писать как курица лапой* — акцент на неловкости, небрежности, неспособности к искусным действиям руки. Единственный, пожалуй, более или менее привлекательный компонент образа лапы — мех или шерсть (*муфта из беличьих лапок*). Но здесь, скорее, именно лапка. Так как же представить переход от когтистой и угрожающей лапы к ласковой лапочке-лапушке?

Попытка разобраться с символическим смыслом *лапушки* принадлежит Г. Ф. Одинцову. В статье, посвященной словам *зазноба*, *залётка*, *лапушка* [Одинцов 1974], он прежде всего отмечает их народно-разговорный характер «с заметным народно-поэтическим оттенком».

Для *лапушки* автор приводит толкование, принадлежащее Я. Автамонову (1902), который сближает *лапушка* как ласкательное обращение с диалектным названием клевера — *лапушка*, оно приводится в словаре Даля и присутствует в Словаре русских народных говоров. Название растения, цветка, казалось бы, укладывается в логику положительного образа. Но Одинцов отмечает, что в разных диалектах для слова *лапушка* отмечены разные соответствия, не только клевер, но и лопушник, и мать-и-мачеха, а также просто круглый лист растения. И важно то, что более распространены формы *лапу́шка* (с отмеченным ударением на *у*), чем *ла́пушка*. Это заставляет Одинцова усомниться в версии Автамонова. Другой не менее веский аргумент — отсутствие осознаваемого символического значения, связанного с цветком или растением. Параллель с обращениями *голубушка*, *голубчик*, которую приводит Автамонов, кажется неубедительной: хотя они и употребляются без всякой мысли о голубях, однако, как замечает Одинцов, символика образа сохраняется (например, ощущается связь с образом «сизый голубочек» фольклорных текстов). А в *лапушке* все же ощущается родство с *лапой*.

«Допуская образование *лапушка* из *лапа*, слова, звучащего применительно к людям с оттенком неприязни, следует иметь в виду, что рассматриваемое ласкательное обращение всегда употребляется с тем или иным диминутивным суффиксом», пишет автор [Одинцов 1974: 125]. Причем для формы *лапонька* в диалектах нет значения растения. Все это побуждает автора отвергнуть версию Автамонова о клевере, с чем вполне можно согласиться. И далее Г. Ф. Одинцов приходит к выводу: «В связи с этим нет оснований не считать *лапушка* и другие приведенные уменьшительные формы производными от *лапа*. Перенос названия при этом происходит метонимически, от части к целому (‘рука’ –> ‘милая, милый’). Во внешнем проявлении человеческого доброжелательства и ласки рука занимает едва ли не ведущее место, и такое толкование вполне естественно» [Одинцов 1974: 126]. При этом автор допускает, что в некоторых говорах в уменьшительных производных от *лопух* или *лапа* (о листе), употребляемых порой по отношению к людям, может осознаваться связь с растением

(Фасмер показывает и связь *лопух* с литовским *lapas* — ‘лист’ [Фасмер 1967: 520]).

Такое объяснение не кажется вполне убедительным: все же лапа и рука — не одно и то же. Метонимический перенос слова *рука* дает иные контексты: помощи, надежности, напр. *Он — моя правая рука*. Перенос названия части тела животного на человека не связывается очевидным образом с передачей значения доброжелательства и ласки. И хотя руку можно иногда назвать лапой или лапкой, смысл данной замены остается необъяснимым.

Нам видятся иные возможные пути происхождения ласкового обращения *лапушка/лапочка*.

Один из них связан с созвучием с финским *lapsi* — ‘ребенок, дитя’ (уменьшит. разговорное — *lapsukka*). Рассматриваемые русские обращения часто употреблялись именно по отношению к детям. Можно предположить здесь влияние финского субстрата, контактное заимствование слова, обращенного к ребенку. Известно, что в русском языке прижилось *пай* (*пай-мальчик*), *паинька*, заимствованное из финского *pai* — ‘хороший, милый’ [Фасмер 1971: 187], ср. также финский глагол *paijata* — ‘гладить, погладить’; *paijata (jkn) päätä* — ‘(по)гладить (кого-л.) по голове’, а также ‘баловать, лелеять’. Как говорит финская пословица, известная и у русских, — «у любимого дитяти много имен». Услышанное в местных финноязычных говорах название могло легко встроиться в русскую систему и оформиться в соответствующем русскому языку диминутивном варианте, в котором уже присутствовали похожие структуры (ср. *ладушка*). Впрочем, доказать факт устного заимствования в ситуации исторического контакта вряд ли возможно.

Другой путь основывается на собственном значении слова *лапа* в русском языке и положительном образе мягкой лапки — но не кошачьей с когтями, а заячьей, широко использовавшейся в крестьянском быту. Отголоски этого и сейчас можно встретить в воспоминаниях старшего поколения хозяек:

(17) *Девочки, не поверите, но у меня мама смазывала противни ...* ***заячьей лапкой*** *(отец охотник, поэтому этого добра было завались), потом купила кисточку и стала как все цивилизованные хозяйки. А бабушка моя смазывала противни чьим-то крылом //* https://www.babyblog. ru/community/post/cookingbook/548330.

Есть упоминание о подобном обычае и в литературе:

(18) *Во всех палатках и под навесами плещут на сковородки душистую блинную опару — шипит-скворчит! — подмазывают «кошачьей лапкой», — Домна Панферовна смеется. А кто говорит — что заячьей. А нам перышками подмазывали, Горкин доглядывал, а то заячьей лапкой — грех* (И. С. Шмелев. Богомолье (1930—1931)).

Заячья лапка в доме охотника или в крестьянской избе могла служить инструментом хозяйке и забавой ребятишкам:

(19) *Исправник Дмитрий Петрович Кобылин, большой охотник с собаками, давал мне заячьи лапки, а красавица его жена Пелагея Ивановна давала мне много пряников и леденцов; у них не было детей; меня очень ласкали;*

Кобылины были богаты, и это были аристократы Можайска (Э. И. Стогов. Записки (1870—1880)).

Вот и более современный пример:

(20) *Через какой-нибудь час девушка обнаруживала, что им обоим нравится одна и та же музыка, одни и те же писатели, что они любят один и тот же цвет моря в ветреную погоду, что оба в детстве любили сосать лед и клали на ночь под подушку один — беличий хвостик, другая — заячью лапу* (Николай Крыщук. Расписание // «Звезда», 2001).

Такая лапка в руках у ребенка могла бы послужить прообразом доступной мягкой игрушки, и уже игрушка ассоциировалась бы с ребенком, к которому и перешли метонимически (а отчасти и метафорически) наименования *лапочка*, *лапонька* и *лапушка*. Ведь и сейчас нередко называют ребенка и *куклой*, и *зайкой*, *заинькой*. В русском фольклоре заяц-плутишка осознается как существо симпатичное, хотя слабое и трусоватое. А мягкий мех заячьей лапки не вызывает негативных ассоциаций, связанных ни со словом *лапа*, ни с образом лапки насекомого. Заметим, что существовало и мужское прозвище *Лапка* (под которым был известен Петр Аврамович Лопухин (в Дневных записках И. А. Желябужского 1682—1709 гг., по данным НКРЯ). Подобное символическое наполнение не противоречит семантическим признакам слов *лапушка/лапонька* как уменьшительным от *лапа* (а *лапочка*, возможно, как вторичный диминутив от *лапка*), к которым можно отнести ‘малый размер’, ‘мягкость и пушистость, приятную на ощупь’, а также, возможно, ‘слабость и податливость’, ‘желание ухватиться, держаться’, характерные для ребенка. Естественные движения, возникающие у взрослого по отношению к милому ребенку, — погладить по головке и взять за ручку.

Этот возможный семантический переход предположительно показывает конкретный образ лапки — лапушки/лапочки и его символическое наполнение в сфере положительных коннотаций, однако и он остается гипотетическим.

Более доказательными в лингвистическом отношении могли бы быть регулярные семантические переходы подобного типа. И действительно, по отношению к ребенку можно найти и другие широко используемые номинации, образованные с помощью диминутивных суффиксов от (нейтральных) обозначений частей тела животного, причем варианты без суффикса в отношении человека имеют отчетливые отрицательные коннотации: *морда* — *мордашка*, *хвост* — *хвостик* (о бегающем за мамой ребенке). В первом случае происходит просто метафорический переход на основе внешнего подобия, во втором к нему добавляется и синекдоха — называние целого по части. В этот ряд встраиваются и *лапы* — *лапки* — *лапушка/лапочка*; причем с двойным переходом: метафорическим (детская ладошка уподобляется лапке по признакам малости, мягкости, цепкости) и метонимическим переносом от части к целому. Можно отметить и тот момент, что *лапушка* встречается в литературе также и как называние животного, и как его кличка — т.е. и здесь присутствует метонимический переход. (Очевиден и тот факт, что дети часто получают ласковые

именования по названиям маленьких животных или их детенышей: *цыпленок*, *котенок*, *заинька* и проч., а в идиоме *к маме под крылышко* «птичья» метафора захватывает и маму с ребенком). Интересен и дальнейший переход: от именования ребенка к именованию взрослого, причем, по-видимому, уже безотносительно к исходному образу и без идеи уподобления ребенку, а лишь с коннотацией ласки и любования, особенно в оценочном употреблении:

(21) *Не тетей она хочет быть вашей… — снова лукаво улыбнулась Даша, — а лебедушкой вашей, лапушкой* (Н. Э. Гейнце. Людоедка (1898)).

Именно так и сейчас нередко используют слово *лапочка* (см. также примеры (11) и (13)).

(22) *Он — такая лапочка и, кажется, влюблен по уши* (Татьяна Сахарова. Добрая фея с острыми зубками (2005)).

И наконец, предположим еще один путь происхождения ласкового именования. Он заключается в совмещении названных гипотез. Заимствованное из финского имя *lapsi/lapsukka* могло переосмыслиться на основе сближения с русским словом — обозначало ли оно бытовую игрушку — заячью лапку, или детскую ладошку, наполнив не вполне расслышанное звукосочетание понятным смыслом.

Высказанные идеи не могут, очевидно, являться вполне доказательными гипотезами происхождения распространенных сейчас ласковых наименований. Но отметим в заключение, что и *лапочка-дочка* отсылает к образу зайца-папы в упомянутом детском мультфильме, ласковым жестом лапки изображающего маленькую дочку; возможно, выбор персонажа и здесь не случаен.

Сокращения

БТС — Большой толковый словарь русского языка. Ред. С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург: Норинт, 2002 (авторская редакция 2014 года на сайте gramota.ru).

Литература

Одинцов Г. Ф. Русские *зазноба*, *залётка*, *лапушка* // Этимология 1974. Институт русского языка АН СССР. М.: Наука, 1976. С. 117—126.

Пеньковский А. Б. Лексикографические пометы терминов субъективной оценки // Пеньковский А. Б. Очерки по русской семантике. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 73—83.

Русская грамматика. Т.1. М.: Наука, 1982.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 2. М.: Прогресс, 1967.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 3. М.: Прогресс, 1971.

Федорова Л. Л. Обращения *душенька* и *голубчик* в художественных текстах (по данным НКРЯ) // Вежливость и антивежливость в языке и коммуникации. М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 264—276.

О. И. Федосов (Институт славистики, Университет им. Л. Этвеша, Будапешт)
O. Fedoszov (Institute of Slavistics, ELTE, Budapest)

Басовый ключ, *творог* и *мебельный склад* как «эмоциональные отдушины» в венгерском языке
Bass clef, *curd* and *furniture warehouse* as an „emotional vent" in Hungarian

Аннотация

В статье рассматриваются примеры эвфемистических замен обсценных выражений (*basszuskulcs* — 'басовый ключ', *túró* — 'творог', *bútorraktár* — 'мебельный склад') и некоторые другие способы «выпускания пара» в современном венгерском дискурсе, особенности употребления идиом с функцией «эмоциональной отдушины». Прилагается небольшой список таких единиц, а также краткий обзор современной венгерской фразеографии.

The paper discusses the use of Hungarian idioms and words *basszuskulcs* — 'bass clef', *túró* — 'curd', *bútorraktár* — 'furniture warehouse' as euphemisms, as well as similar "emotional vent" idioms in Hungarian. The paper includes a list of frequent idioms functioning as "vents" in Hungarian, and the annex comprises an overview of the new Hungarian idiomatic lexicography.

Ключевые слова

Идиомы, эмоции, «эмоциональные отдушины»
Idioms, emotions, "emotional vent"

0. Эмоции, идиомы и «эмоциональные отдушины»

Целью настоящей работы является краткий обзор венгерских источников, в которых отражена специфическая область фразеологии. Это, с одной стороны, такие фразеологические (или фразео-лексические) единицы, которые широко используются в современном венгерском языке в качестве «замены» единиц т.н. субстандарта, обсценных слов и выражений, мата. С другой стороны, это могут быть и не связанные с ругательствами (матом) слова и выражения. При этом мы сосредоточились на единицах, имеющих отношение к эмоциональной сфере человека. Поскольку речь не всегда идет об эвфемизации мата, мы будем использовать в качестве рабочей модели метафорическое определение подобных единиц, предложенное А. Н. Барановым и Д. О. Добровольским, — «эмоциональные отдушины» или «эмоциональные предохранители». В главе «Идиомы как фактор стабилизации эмоционального состояния» [Баранов, Добровольский 2008: 90—91] авторы известной книги пишут, что «в парадигмальных контекстах связь между эмоцией и идиомой-отдушиной очень сильна, например, в ситуации попадания молотком по пальцу» [Там же: 91].

Проверять этот тезис экспериментальным путем (т.е. молотком по пальцу) мы не будем, т.к. языковая реакция может быть не всегда адекватной сразу по ряду причин. Первое: выбор языкового кода, т.е. родной русский или «чужой», например, венгерский язык (хорошо известен факт, что франкоязычные канадцы прилюдно ругаются скорее по-английски). Второе: параметры ситуации (молотком по пальцу в одиночестве или при свидетелях, их состав, например — члены семьи / дети / женщины — или на стройке в мужском обществе); сила удара и соответственно боли и т.д. Третье: мы не уверены, что спонтанная языковая реакция будет иметь именно идиоматический характер и приведет именно к «стабилизации» эмоционального состояния «пострадавшего» и т.д. Оставляя в стороне эти умозрительные причины, можем предположить, что «в ситуации попадания молотком по пальцу» автор данной статьи воскликнул / вскричал / заорал (бы) по-русски что-то вроде: *Б...ДЬ* / *Б...Я* / *БЛИН* / *Б...ХА-МУХА* или — *йокарный / ёкарный бабай* и т.п.; по-венгерски: *basszus / basszuskulcs* (букв. ‘бас /басовый ключ’ / ‘bass clef’ / Bassschlüssel), при сильном же ударе: *A kurva életbe!* (букв. ‘в (с)курвенную жизнь!’), а по-чешски (при слабом ударе), например, *Kurník!* (букв. ‘курятник’).

Как известно, *отдушина* — это отверстие для выхода воздуха или то, что дает выход каким-либо чувствам, стремлениям, настроениям. Такой отдушиной в русском может являться, например, г*рёбаный Экибастуз, японский городовой / магнитофон, ёшкин кот, бляха-муха, ядрёна вошь* и ряд других ФЕ-«заменителей». Так, фраза *грёбаный Экибастуз* обычно определяется как простонародный эвфемизм, который употребляется при выражении возмущения, гнева или вообще любой сильной эмоции: *Очутившись внизу, я первым делом бросил взгляд в ту сторону, куда побежала Дженнифер. И виртуозно выругался: Грёбаный Экибастуз! На девку навалились два быка и уже заламывали ей руки* (Гладкий. Невеста из USA. 2007) [НКРЯ].

Мы должны сразу оговориться, что связь эмоций с идиоматикой видится нам настолько сложной, многогранной, неоднозначной, что в рамках настоящей статьи это практически исключает попытки делать какие-то выводы. Проблемным прежде всего видится соответствие / несоответствие самого эмоционального переживания и языковой реакции на него. Если языковая реакция имеет идиоматический (в широком смысле) характер, то она, как правило, «коллективно обусловлена», т.к. фразеологическая единица, идиома — это общественный, коллективный продукт. Таким образом, здесь индивидуальная эмоция находит выплеск в форме узуальной для данного языкового коллектива фразео-лексической единицы. С другой стороны, даже групповая, «предсказуемая» эмоция (болельщики на стадионе, демонстрация протеста и т.п.), сопровождаемая теми или иными языковыми реакциями (*Судью на мыло!*), переживается каждым членом некой социальной группы индивидуальным образом.

В качестве иллюстрации приведем примеры с названием других городов РФ (*Экибастуз* — город в Павлодарской области России), а именно

— *Урюпинска* и *Бобруйска*. Понятно, что словосочетание *Мисс Урюпинск* не является ни идиомой, ни другой ФЕ русского языка, но этот окказионализм способен вызвать у носителя русского языка, знакомого с прецедентным анекдотом, массу сложных, противоречивых ассоциаций и эмоциональных реакций (от смеха до ностальгии и тоски). Достаточно обратить внимание на название статьи, из которой взят пример: в определенной ситуации вырванная из контекста культового анекдота «крылатая фраза» *Брошу всё и уеду в Урюпинск* тоже может стать «эмоциональной отдушиной». Это делает однозначную интерпретацию данного языкового факта (выражения *Мисс Урюпинск*), на наш взгляд, крайне затруднительной:

Это только из Москвы, Петербурга, Кызыла, Нарьян-Мара или еще какого города с обычным названием кажется, что «Мисс Урюпинск» — это смешно. На самом деле город Урюпинск — это вовсе не сонное царство российской провинции. Он бодр, красив, экономически преуспевающ и в чем-то даже велик (Дмитрий Соколов-Митрич. Мисс Урюпинская Вселенная. Специальные корреспонденты «Известий» *бросили все и уехали в Урюпинск*. На конкурс красоты (2002)) // «Известия», 2002.09.26).

Другой известный пример взят нами из т. н. «языка падонков»: *В Бабруйск, жЫвотное!* Его, в частности, описывает журналист Ксения Новожилова в статье *Почему “падонки” прицепились к Бобруйску?* (//https://news.tut.by/kaleidoscope/73788.html), отмечая важный (для фразеологии) факт, а именно — «вторую жизнь» фразеологических единиц, например, такое индивидуальное «фразео-творчество», как антипословицы:

А уж сколько крылатых фраз о Бобруйске заполонило в последнее время Рунет (российский Интернет)! *Все дороги ведут в Бобруйск, Всякое жЫвотное свой Бобруйск хвалит… Ну а самый популярный анекдот — это телеграмма: Бобруйск переполнен. Возвращаюсь. Жывотное.*

1. Басовый ключ

В современном венгерском разговорном языке имеются такие фраземы, для которых несложно подобрать эквивалент и в русском языке, например: *Дурак или родом так? — Jó hülyének lenni?* (букв. ‘хорошо быть дураком?’), *Проклятые рудники! — Átkozott tüdőbaj!* (букв. ‘проклятая чахотка!’) и др. Такие ФЕ сегодня уже фиксируются новыми венгерскими словарями [Bárdosi 2003; Forgács 2003], которые классифицируют данный тип ФЕ с помощью квази-терминологических композитов *szólásmondás* (букв. *szólás* — фраза / выражение / поговорка / оборот / ФЕ, и *mondás* — изречение / афоризм) или *helyzetmondat* (букв. *helyzet* — ‘ситуация’, *mondat* — предложение / фраза). В русской терминологии это соответствует, скорее всего, речевым формулам; в чешской школе Ф. Чермака их называют фраземами-пропозициями. Однако фраземы-отдушины в венгерском языке могут иметь и ряд других форм или структур. Одной из особенностей венгерской фразеологии является наличие т.н. лексических фразем, т.е. фразем-композитов, формально — сложных слов, которые обыч-

но соответствуют в других языках фраземам-словосочетаниям. О проблемах подхода к «однословной фразеологии» мы уже писали в нескольких работах (см., напр. [Федосов 2002]), а сейчас приведем лишь пару примеров: *bűnbak = козел отпущения* / *aranybánya* = *золотое дно* / *kékvér = голубая кровь* и т.д. Эти примеры нужны для того, чтобы — переходя к нашей непосредственной теме — представить, пожалуй, наиболее популярную фразему-отдушину: *basszuskulcs* (букв. ‘басовый ключ’, где «по случайности» венгерская лексема *kulcs* — славянского происхождения). Словари определяют эту ФЕ гибридным квазитермином “mondatszó” (букв. ‘предложение + слово’), но по характеру употребления эта эвфемистическая замена является типичной речевой формулой. Приведем примеры ее употребления в дискурсе:

***Basszuskulcs**, még mindig nincs kész a munka!* (букв. ‘Басовый ключ, а работа-то до сих пор не готова!’); ***Basszuskulcs**, leégett a süteméný!* (букв. ‘Басовый ключ, пирог сгорел!’). Выражение это происходит от одного из самых распространенных обсценных глаголов: *bassza meg* (*káromkodás* — ‘мат, ругательство’, эквивалент русского глагола *е...ть* или английского *f..ck*, здесь в форме императива 3-го л. ед.ч.), и основано прежде всего на созвучии обсценного глагола со словом *basszus* (букв. ‘бас’). Широкая распространенность и высокая частотность этого эвфемизма, очевидно, связаны с его абсурдной «интеллектуальностью», т.к. в стандарте *basszuskulcs* — это музыкальный термин, специальное значение которого вряд ли известно тем носителям языка, которые не имеют музыкального образования. Из-за своего характера эта эвфемистическая «отдушина» звучит в современной Венгрии на каждом шагу, дома и на улице, в общественном транспорте и в дружеской компании и т.д. Грубость и обсценный смысл исходного ругательства стерты до такой степени, что это выражение, пожалуй, встречается чаще в языке женщин (кроме откровенно пожилых), девочек, девушек, чем мужчин. Высокая частотность, однако, может иметь и более глубокие корни. Сам обсценный глагол (особенно в приведенной выше форме императива) также весьма активен, например, «в ситуации сильного удара молотком по пальцу», и характерен, естественно, скорее для языка мужчин (типичная, каждодневная ситуация употребления в языке мужчин — дорожный конфликт между водителями). Но мы можем предположить также и влияние «исторической памяти»: этот обсценный глагол в венгерском языке имеет древнее происхождение и являлся на протяжении многих сотен лет основой бесчисленного количества ругательств-проклятий, часто в форме довольно сложных («виртуозных») словосочетаний. Об этом свидетельствует, в частности, довольно редкий источник, словарь ругательств XVIII—XIX вв. одной из областей т.н. «исторической Венгрии» (сегодня это территория Словакии) *Gömöri káromkodások könyve* [Zsupos 2010], т.е. ‘Книга ругательств области Гёмёр’. Собранный фольклористами материал основан на архивных данных: в нем документально зафиксированны ругательства из протоколов допросов и судебных преследований людей, привлеченных к от-

ветственности светскими или духовными властями именно за брань / ругань / богохульство (káromkodás, szitkozódás, átkozódás). (Кстати, этимологически связанные с русским ругаться чешские глагол *rouhati se* и существительное *rouhačství* означают ‘кощунствовать / богохульство’.) Вот несколько старых венгерских примеров с попыткой дословного перевода:

Basom Atta Teremtette az Anyád fel feszíttetett lelkét is (1752, Tornallya — здесь указываются год и место судебного разбирательства) — [Zsupos 2010: 95] = ‘Е..у распятую душу твоей чертом сотворенной матери’.

Baszom a Disznó Hunczvut Lelket ... (1779, Berzéte) — [Zsupos 2010: 90] = ‘Е..у (твою) лукавую свиную душу’.

*baszom a Szontágh Gyula taknyos szolgabíró lelkét (*1841, Csetnek) — [Zsupos 2010: 154] = ‘Е..у сопливую душу исправника Дюлы Сонтага’.

Достаточно заметить, что в указанном словаре только ругательства с компонентами *baszom, bassza meg, baszd meg, bazd meg, baszomadta, baszomadtával* и др. занимают около 90 страниц объемного издания.

2. Творог

Идиомы с функцией «отдушины» с компонентом *túró* (‘творог’) типа *Menj a túróba! Egy nagy túró! Mi a túró?* (букв. ‘Иди / пошел в творог!’, ‘Один большой творог!’, ‘Что за творог?’) сегодня уже фиксируются во фразеологических словарях [Forgács 2003: 747]. В стандартном толковом словаре, однако, в статьях *túró* и *túrós* (*túrós* — это и ‘творожный’, и ‘творожник’, ‘пирог с творогом, ватрушка’, т.е. то, что делается из творога или с творогом) уже приводятся и фразеологические значения этих лексем: в форме вин. пад. *Túrót! Túrót!* Эти восклицания выражают отрицание, отказ, отклонение чьего-то предложения [MÉK 1985: 1414]. Распространенным разговорным (сленговым, скорее, молодежным) вариантом является композит *lótúró* (букв. ‘лошадь + творог’, т.е. ‘лошадиный творог’), которая используется либо как выражение отрицания (подобным образом, как «простой творог»), либо для выражения смысла ‘ничего / пустое место / нечто неизвестное или непонятное’, т.е. нечто в смысле русского *Ничего — это дохлая лошадь*. Примеры:

Mi a ***lótúró*** *az-az EMMI?* (примерно: ‘Что за хрень это ЭММИ?’). EMMI — новая аббревиатура для т.н. министерства людских ресурсов, которое было создано как «топ-министерство» вместо привычных ранее и раздельных министерств образования, здравохранения, труда;

Vajon Pista bácsi Bivajbasznádon tudja, hogy mi a ***lótúró*** *az az Elempé?* (примерный эквивалент с учетом распространенности имени Пишта и обсценного названия стереотипной деревни: *А дяде Васе из Е...ловки на хрена знать, что такое это ваше Элэмпэ?*). LMP — аббревиатура оппозиционной, «интеллигентской» партии с названием Lehet Más a Politika, т.е. ‘политика может быть другой’.

Хотя самый новый этимологический словарь венгерской фразеологии [Bárdosi 2015] не приводит данных по истории фразеологического употребле-

ния «творожных» лексем, мы сделаем здесь попытку интерпретации. Распространенность и высокая частотность фразем, фразео-лексем с венгерским ‘творогом’, очевидно, связана с пословицей, которая входит в паремиологический минимум носителей венгерского языка: *Közös lónak túros a háta* [T. Litovkina 2005: 399], т.е. букв. ‘У общей лошади вся спина стерта до крови’. Поэтому в популярном блоге венгерского словарного издательства TINTA (см. Приложение 2.) в статье “Hogy kerül a túró a ló hátára?” (т.е. букв. ‘Как попал творог на спину лошади?’ // https://anyanyelvcsavar.blog.hu/2018/09/21/mitol_turos_a_lo_hata) авторы делают сначала орфографическое замечание, что спина у лошади *nem túrós, hanem túr**o**s* (с кратким О — т.е. не ‘творожная’, а ‘израненная, стертая в кровь’ от слова *túr* – букв. ‘гнойная рана’), что является признаком нехозяйского обращения с животным, если оно «общее».

3. Мебельный склад *(bútorraktár)*

(Примечание: на данный пример мое внимание обратила моя дочь, детский психолог, ссылаясь на свою бывшую преподавательницу, профессора психологии Эмюке Багди.)

Эмёке Багди (Bagdy Emőke) — автор многочисленных монографий, учебников и научно-популярных книг по психологии. Ее имя известно сегодня в Венгрии не только специалистам, но и широкому кругу читателей. Одним из ее излюбленных примеров на тему «как выпустить пар» является придуманный психологами (трудно установить, кем конкретно) композит *bútorraktár* (букв. ‘мебельный склад’), произнесение которой вслух рекомендуется именно как антистрессовое средство (об этом пишет автор, например, и в своей популярной книге по ментальной гигиене «Психофитнес»). Эта «эмоциональная отдушина» якобы действенна просто благодаря своему фонетическому сложению (это слово надо произносить как бы «грызя / рыча» — звучит рекомендация), и приобрела в последнее время широкую известность, в частности, и благодаря частым выступлениям проф. Э. Багди в венгерских масс-медиа. Однако автор в своих книгах и лекциях признает, что в условиях повышения психических нагрузок, роста числа стрессовых ситуаций в жизни современного человека основным языковым средством с функцией «эмоциональной отдушины» остается все же традиционная обсценная лексика или ее эвфемистические заменители, с чем связано и возрастание частотности употребления этих средств в современном дискурсе (источник: // http://keppeljellel.atw.hu/files/prof_bagdy_emoke_2.pdf).

Приложение 1.

В этом приложении нам хотелось бы привести всего несколько других «эмоциональных отдушин» современного венгерского языка без подробных комментариев. Этот список возник путем мини-опроса носителей языка в возрасте от гимназического до пенсионного. Если данная единица уже зафиксирована в словарях, здесь указывается источник.

Én vagyok a hunyó! [Bárdosi 2003: 143] — букв. ‘Я водящий!’ в значении

’Я не/виноват!’, где *hunyó* — ‘водящий (во́да) в жмурках’; «отдушиной» это выражение становится в тот момент, когда говорящий уверен как раз в обратном, в своей невиновности, и фраза звучит как проявление обиды за несправедливое обвинение, типа: *Ну да, конечно, хотите на меня всех собак повесить!*

Rá fogsz hugyozni a karbidra! [Bárdosi 2003: 168] — букв. ‘Смотри, не нассы на карбид!’. Со стороны говорящего это — предупреждение / угроза как реакция на несоответствующее поведение адресата (известна взрывоопасная химическая реакция при соприкосновении карбида с водой).

(*Na*) *és aztán?* [Bárdosi 2003: 20] — букв. ‘Ну и что потом?’ — выражение безразличия типа *А мне по фигу / до фени!*

Teremtő (szent) Atyám! [Bárdosi 2003: 20] — букв. ‘(Святой) Творец!’; по определению словаря это — выражение сильного удивления, испуга, страха, боли.

Mi (a) baj?Mi a fene bajod van? [Bárdosi 2003: 22] — букв. ‘В чем беда / проблема?’; используется в ситуации, когда говорящий не ожидает, что у адресата могут быть проблемы или он чем-то недоволен. Комментарий к слову *fene* см. в следующих примерах.

A fene essen bele! A fene egye meg! Egye meg a fészkes fene! Fene a jó dolgát! Vigye el a fene! Ha a fene fenét eszik is! Общий смысл этих выражений кратко можно описать как выражение безнадежности, бессилия, отказа от решения проблем. Здесь интересен прежде всего ключевой компонент — существительное *fene*, являющееся моноколокабильной лексемой (некротизмом) с неясной для носителей языка этимологией. В. Бардоши в своем новом этимологическом словаре венгерской фразеологии [Bárdosi 2015: 165] дает следующее объяснение этому квазислову: предполагается связь с глаголом *fen* в старом значении ‘оскалить зубы’, что находит отражение в значении композита *fenevad* (букв. ‘дикий зверь’), перешедшее в значение ‘gonosz vadállat’ (букв. ‘злой, опасный дикий зверь’), откуда берет начало негативное значение самого существительного *fene*.

Следующие выражения интересны как пример новообразований по некоему шаблону, их приводит и словарь В. Бардоши:

Nehogy már a befőtt rakja (tegye) el a nagymamát! [Bárdosi 2003: 27] — букв. ‘Еще не хватает, чтобы варенье заваривало бабушку!’

Nehogy már a fagyi visszanyaljon! [Bárdosi 2003: 695] — букв. ‘Еще не хватает, чтобы мороженное (меня) слизало!’

Nehogy már a cigi szívja az embert! [Bárdosi 2003: 43] — букв. ‘Еще не хватает, чтобы сигарета затягивалась человеком!’

Из попыток перевода на русский можно попробовать вывести общий смысл и ситуацию употребления этих выражений. Это — недовольство говорящего, предупреждение в адрес (более молодого, неопытного) кого-то, кто переходит допустимые границы.

В языке интеллигентов (в основном, пожилых) встречаются «виртуозные», откровенно юмористически окрашенные выражения:

A fűzfán fütyülő rézangyalát! — букв. ‘(Черт возьми этого) медного ангела, свистящего на вербе!’

Azt a káposztaszakállas Úristent! — букв. ‘Этого Господа Бога с капустной бородой!’

Для любителей венгерского языка приводим простым списком следующие выражения:

Cintányéros cudor világ! Eb ura fakó! A kutya macska rúgja meg! A kutya fáját A kutya fülét! A csudába! A pitvarba! Pukkadj meg! Toll a füledbe! A rohadt életbe! Lópikulát! Az anya Krausz! A francba! Az ördögbe! Egy frász / frászt! Egy frászkarika ! A hétszázát! A hét meg a nyolcat! (Hogy) a rosseb egye meg! Mi a rossebnek? A rossz seb essen beléd!

Приложение 2: библиографическая справка

Данная выборочная и краткая справка может быть полезна специалистам, связанным с тематикой угро-финской фразеологии и паремиологии, но не всегда имеющим непосредственный доступ к венгерским источникам.

Прежде всего необходимо отметить заметный «прорыв» в области венгерской лексикографии, фразеографии и паремиографии, наступивший в начале 2000-х годов. Это, помимо прочего, связано с основанием небольшого («семейного») частного специализированного издательства “TINTA Kiadó” (букв. ‘Изд-во Чернила’, web: http://www.tintakiado.hu). Его основателем и директором по сей день является математик-программист и лингвист Габор Кишш (Kiss Gábor), много лет работавший в Отделе лексикографии Института языкознания ВАН под руководством акад. Лайоша Кишша (Kiss Lajos akadémikus, 1922—2003); см. статью об этом выдающемся венгерском лексикографе [Fedoszov, Kiss 2005], которая содержит также много данных об истории венгерской лексикографии. Именно этому издательству принадлежит заслуга создания серии «толстых» современных фразеологических и паремиологических словарей, которые за последние 15 лет коренным образом изменили ситуацию в венгерской фразеографии и паремиографии. Это, в первую очередь, словари Вилмоша Бардоши (Bárdosi Vilmos) и Томаша Форгача (Forgács Tamás, см. список литературы), а также москвички по происхождению, лингвиста и психолога Анны Литовкиной (Litovkina T. Anna), автора большого словаря венгерских пословиц [Litovkina 2005], известной в Венгрии также исследованиями паремиологического минимума (методом Г. Л. Пермякова) и венгерских антипословиц, а на англоязычной арене как соавтора В. Мидера (см., напр. [Litovkina, Mieder 2006]). Каждый из этих объемных, новаторских словарей содержит в свою очередь богатую библиографию, которая поможет в дальнейшей ориентации в какой-нибудь специализированной теме (например, этимологии венгерских ФЕ). Продукция издательства “TINTA Kiadó” не ограничивается, естественно, словарями «академического» типа, а содержит сегодня уже сотни наименований как средних и малых словарей (и венгерских, и многоязычных), так и монографий и книг прежде всего современных венгерских языковедов.

В качестве одного из примеров использования этой лексикографической продукции достаточно привести справку: в первом номере академического журнала “Studia Slavica Hung” за 2019-й год выйдет статья Почетного Председателя Фразеологической комиссии при МКС В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной «Русско-венгерские паремиологические параллели (в поисках национальной специфики)».

Список сокращений

НКРЯ — Национальный корпус русского языка // www. ruscorpora.ru.

MÉK 1985 7 — Magyar értelmező kéziszótár, Eds. Juhász J. etc., Budapest, Akadémiai Kiadó, 1985.

Литература

Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008.

Федосов О. Передвигаются ли границы фразеологии? (О т.н. «лексических фраземах» на материале русского, чешского и венгерского языков) // Slowo. Tekst. Czas — VI. Nowa frazeologia w nowej Europie. Neue Phraseologie im neuen Europa.. Greifswald: Universität Greifswald, M. Aleksiejenko, W. Mokijenko, H. Walter (eds.), 2002. P. 545—559.

Bárdosi, Vilmos, Magyar szólástár. Budapest: TINTA, 2003.

Bárdosi, Vilmos, Szólások, közmondások eredete. Budapest: TINTA 2015.

Fedoszov Oleg, Kiss Gábor, Венгерская лексикография, опыт и перспективы (посвящается памяти акад. Лайоша Кишша, 1922—2003) // Verba et historia. Eds. P.Nejedlý, M. Vajdlová, Praha: ÚJČ AV ČR, 2005.

Forgács Tamás. Magyar szólások és közmondások szótára. Budapest: TINTA, 2003.

Litovkina T. Anna. Magyar közmondástár. Budapest: TINTA, 2005.

Litovkina T. Anna, Mieder Wolfgang. Old Proverbs Never Die, They Just Diversify. Burlington — Veszprém, 2006.

Zsupos Zoltán. Gömöri káromkodások könyve I. Rimaszombat: Gömör-Kishonti Múzeum Egyesület, a PATRIÓTA Kiadó altal, 2010.

О. Е. Фролова (МГУ имени М.В.Ломоносова)
O. E. Frolova (Lomonosov Moscow State University)

О чувствах, страстях и эмоциях: к вопросу категоризации
On feelings, passions and emotions: categorization, revisited

Аннотация

В статье рассматривается семантика слов *страсть*, *чувство*, *эмоция*, описывающих внутреннюю жизнь человека, семы, в которых обнаруживается близость их значений, а также различия в сочетаемости и узусе. В семантику существительного *чувство* входит понятие каналов восприятия: слуха, обоняния, осязания, зрения, и вкуса. В значение слова *страсть* включен интенсификатор. Существительное *эмоция* ближе всего к специальному узусу, оно тесно связано с положительной и отрицательной оценкой, называет системно устроенный внутренний мир человека, о чем свидетельствует его употребление во множественном числе.

The article discusses the semantics of the words *passion*, *feeling*, *emotion*, describing the inner life of a person, semes that reveal the closeness of their meanings, as well as differences in compatibility and pattern. In the semantics of the noun *feeling* includes the concept of channels of perception: hearing, smell, touch, sight and taste. An intensifier is included in the meaning of the word *passion*. Noun *emotion* is the closest to the special usus, is closely related to the positive and negative assessment, calls the systemically arranged inner world of man, as evidenced by the consumption in the plural.

Ключевые слова

Номинация, чувство, страсть, эмоция, терминологическое употребление, нетерминологическое употребление, состояние, реакция, оценка

Nomination, feeling, passion, emotion, terminological use, nonterminological use, state, reaction, assessment

Эмоции — область изучения психологии [Изард 2012; Леонтьев 1971; Рубинштейн 2002]. В чувствах и эмоциях человека выражается его отношение к миру [Рубинштейн 2002: 513]. Если чувства, связанные с восприятием окружающей действительности, «отражают содержание объекта» [Там же: 513], то эмоции «выражают состояние субъекта и его отношение к объекту» [там же]. Эмоции выполняют роль внутренних сигналов и отражают отношения между мотивами человека [Леонтьев 1971: 11] и тесно связаны с когнитивными процессами [Изард 2012: 49, 50]. Эмоции системны, поляризованы по двум векторам — хорошее/плохое, приятное/неприятное, и определяются по отно-

шению к потребностям, интересам и установкам индивида. К. Изард высказал идею о иерархии эмоций, часть из которых являются базовыми [Изард 2012: 54, 55]. В его монографии «Психология эмоций» специальные главы посвящены интересу, удовольствию, радости, удивлению, печали, горю, депрессии, гневу, отвращению, презрению, страху, тревоге, смущению, стыду, вине, совести, нравственности, любви (см: [Изард 2012]). К базовым эмоциям отнесены вина, волнение, гнев, горе, интерес, отвращение, печаль, презрение, радость, смущение, страдание, стыд, удивление.

С одной стороны, в работах по психологии термин «эмоция» включен в широкий контекст с иными специальными номинациями: аффект, восприятие, мотив, настроение, чувство. С другой, специалисты и неспециалисты пользуются одними и теми же словами: *чувство* и *эмоция*. «Большую путаницу в психологию эмоций вносят терминологические расхождения. В какой-то мере они заложены уже в повседневном языке, позволяющем нам называть, например, страх эмоцией, аффектом, чувством или даже ощущением или объединять под общим названием чувств такие различные явления, как боль и иронию, красоту и уверенность, прикосновение и справедливость» [Психология эмоций 1984: 5].

Достаточно сопоставления специальных текстов и общеязыкового употребления, чтобы увидеть, что специальный и неспециальный узусы различаются. Ситуацию усложняют и переводные тексты.

Мы видим свою цель в том, чтобы выявить особенности категоризации эмоций на примере близких по семантике существительных *страсть*, *чувство* и *эмоция*.

Лингвистика, изучающая эмоции, охватывает все уровни языка (см. [Эмоции в языке и речи 2005]). Изучение эмоций требует учета специфики объекта и дихотомии язык/речь. Коммуникативное намерение говорящего определяет его ориентацию на передачу информации или на фатическое общение — установление и поддержание контакта [Malinowski 1923; Винокур 1993]. Эмоции отражаются в языке и речи по-разному: на одном полюсе выражение эмоций, а на другом их категоризация (см. [Jakobson 1963; Формановская 2005; Шаронов 2008]). Градуальность выражения эмоций отражается в лексикографических описаниях, зависит от нарративного режима речи, диалогического или монологического характера высказывания, типа речевого акта в коммуникативном режиме, особенностей прямой речи говорящего [Формановская 2005: 106].

В анализе эмотивности возможны разные подходы: согласно одному, в системе языка выделятся единицы, выражающие эмоции, поскольку в языке присутствуют как нейтральная, так и эмоциональная лексика; другой же подход заключается в признании того, что в речи любая единица может быть эмоционально заряженной [Шаховский 2008: 14], т.е. речь идет о системе и ее реальном бытовании.

Лингвистическое объяснение различных эмоциональных концептов у А. Вежбицкой строится на предикате, выраженном глаголом *чувствовать*, положительной или отрицательной оценке события-стимула, модальности желательности или нежелательности события и вызвавшего его состояния для субъекта [Вежбицкая 1996: 348—356, 356—360]. С точки зрения В. И. Шаховского, категоризация эмоций происходит по объему, семантике, модусу, эксплицитности/имплицитности существования [Шаховский 2008: 6].

При этом вопрос, как организована семантика единиц, претендующих в русском языке на статус гиперонима, остается открытым.

В качестве первого шага обратимся к специальным и толковым словарям литературного языка. В «Психологическом словаре» находим все три единицы.

Чувство — «1. Высшая эмоция, свойственная только человеку и связанная у него с людьми, предметами, явлениями, событиями и многим другим, что окружает человека в современном обществе и составляет культурные условия его жизни. Все Ч. являются не только эмоциями, но также и мотивами поведения. <...> 2. Сенсорные переживания, сгруппированные на основе их общих особенностей. <...> 3. Неопределенные субъективные переживания человека, не связанные очевидным образом с каким-либо из органов чувств. Например, Ч. времени, Ч. пространства. 4. Форма осознания человеком некоторого абстрактного понятия или качества, например, Ч. юмора, Ч. справедливости. 5. Краткий, обобщенный способ выражения значения некоторой вещи, события и т. п. для человека, например, Ч. значимости. 6. Хорошо развитая способность, например, Ч. здравого смысла» [Немов 2007: 476]. Как видим, психологи определяют *чувство* как эмоцию. В качестве второго значения описывается каналы восприятия окружающей действительности. В толковом словаре значение данного слова объясняется иначе: *чувство* — 1. Способность живого существа воспринимать психофизические ощущения, реагировать на внешние раздражители. Органы чувств (зрение, слух, обоняние, осязание, вкус) <…>. 2. обычно мн.: чувства, чувств. Состояние, в котором человек способен сознавать окружающее; сознание <…>. 3. Внутреннее психическое состояние человека, его душевное переживание; способность отозваться на жизненные впечатления <…>. 4. Внутреннее волнение, душевный подъём, порыв <…>. 6. Осознание своего отношения к другим, своей связи с ними, общественного положения и т. п. [БТС 2000: 1484].

Соотнося специальное и неспециальное толкования, видим, что количество выделенных значений совпадает, но психологи показывают иерархичность внутренней жизни человека, говоря о чувстве как о высшей форме внутренней жизни, присущей именно человеку, а словарь литературного языка в качестве первого значения выделяет более конкретную способность к восприятию, которая для психологов является производной. Кроме того, в психологическом словаре *чувство* объясняется как *эмоция*, что позволяет сделать вывод, что для специалистов последняя является родовым понятием.

Слово *страсть* в «Психологическом словаре» объясняется через чувство также с отсылкой к эмоциям — «сильная, все подавляющая, все подчиняющая себе увлеченность человека чем-либо или кем-либо, обычно сопровождаемая глубокими положительными чувствами по отношению к объекту влечения (страсти)». См. *эмоции* (виды)» [Немов 2007: 419]. В словаре литературного языка находим следующее толкование: *страсть* — «1. *обычно мн.* … Сильное чувство, с трудом управляемое рассудком <…>. 2. Сильная любовь с преобладанием чувственного влечения <…>. 3. Сильная увлечённость чем-л., отдача всех своих душевных сил какому-л. делу, занятию; страстность, пыл <…>. || Сильное влечение к чему-л., пристрастие к какому-л. делу, занятию <…>. 4. О том, что является предметом сильного увлечения, постоянной склонности» [БТС 2000: 12776—1277].

В толковом словаре *страсть* описывается как многозначное слово и объясняется через гипероним *чувство*, для психологов же в значении главными являются интенсивность и положительная оценка, русисты-лексикографы также отмечают интенсивность: во всех четырех значениях в толковании присутствует прилагательное *сильный*, но увлеченность однозначно с положительной оценкой не связывают.

Наконец, термин *эмоции* определяется психологами как «класс психофизиологических явлений, представляющих собой внутренние, субъективно переживаемые психические и физические состояния человека, сопровождаемые приятными или неприятными ощущениями» [Немов 2007: 489]. Существительное *эмоция*, впервые отраженное в русской лексикографии в 1864 г., является заимствованием из французского языка (см. [БАС 17: 1861]), приводится в словаре в форме множественного числа и объясняется как «субъективные реакции человека и животных на воздействие внутренних и внешних раздражителей, проявляющиеся в виде радости, страха, удовольствия или неудовольствия <…>. || Чувства, душевные переживания человека. *Положительные, отрицательные эмоции* <…>. || *Разг.* Внешнее (обычно несдержанное) проявление чувств. [БТС 2000: 1522]. Заметим, в МАС и заголовочное слово давалось в единственном числе и предлагалось иное толкование: «чувство, переживание человека» [МАС 4: 760].

Психологи связывают эмоции с оценкой стимула и вызванной им реакции. И специалисты, и неспециалисты выделяют важную сему субъективности реакции на внешний раздражитель. В толковом словаре эмоция предстает как некая иерархия: субъективная реакция и чувство как феномен более сложной организации.

Проясним, каковы значения терминов. Для психологов эмоции, чувства и страсти различны. «Простейшими или биологическими Э. называются такие переживания, которые человек испытывает в связи с удовлетворением его органических потребностей» [Немов 2007: 490]. «Чувства представляют собой особую, сугубо человеческую разновидность Э. Большинство эмоциональных

переживаний человека представлено именно чувствами. Их можно определить как сложный комплекс разнообразных эмоций, связанных у человека с теми или иными людьми, предметами, событиями. Чувства имеют вполне конкретную, предметную отнесенность. Это означает, что они не могут существовать вообще, а возникают и проявляются только по отношению к определенным объектам: людям, предметам, событиям и т. п.» [Там же: 490]. «В отличие от других Э., чувства человека не являются врожденными и приобретаются в процессе жизни» [Там же: 491]. «Страстями принято называть самые сильные чувства человека, явно преобладающие над всеми остальными его чувствами, причем страсти являются настолько сильными чувствами, что часто не человек управляет ими, а они сами начинают управлять им» [Там же].

Как видим, психолог в значительной степени следует за естественным языком. Однако в русском языке помимо триады *страсть*, *чувство*, *эмоция* есть также слово *сантименты* (*сентименты*), которое словари приводят именно в форме множественного числа. По данным БАС, оно было лексикографировано в 1937 г. Первоначально БАС толкует значение этого слова как ‘чувства’ с пометой *разговорное* [БАС 13: 171], а в качестве оттенка значения указывает «проявление излишней, неуместной чувствительности, нежничанье» [Там же]. Более поздний словарь фиксирует изменение объема и конкретизацию значения «проявление излишней чувствительности» с сохранением пометы [БТС 2000: 1148]. Несмотря на то, что существительное *сантимент*, заимствованное из французского, буквально означает ‘чувство’ и встречается уже в текстах XVIII в. у Д. И. Фонвизина, изменение значения выводит его из претендентов на гипероним в описании эмоциональной сферы человека.

Вторым шагом, чтобы выяснить, каковы денотаты интересующих нас слов, обратимся к Национальному корпусу русского языка.

Слово *эмоция* отмечается в корпусе с 1870-х г. В подкорпусе 1800—1900 отмечено 25 документов и 57 вхождений. Один из первых примеров употребления обнаруживается в переводном романе (пример 1).

(1) — *Тише, тише, мистер Чиллингли, непреувеличивайте! Любовь, несомненно, — гм! — беспокойная страсть. Но всякая* ***эмоция****, которая вносит в жизнь застойной лужи свежесть и игривость быстрого потока, тоже беспокойна для лужи. А ведь беспокойны не только* ***любовь*** *и родственные ей* ***страсти*** *— например,* ***честолюбие****, — но и упражнение умственных способностей, которые вечно работают, меняя наши мысли. Любовь, мистер Чиллингли, имеет свою хорошую сторону, так же как и дурную* (Е. Ахматова [перевод романа Э. Булвер-Литтона с английского. Кенелм Чиллингли, его приключения и взгляды на жизнь (1873)]) [НКРЯ].

Показательно, что заимствованное слово *эмоция* употребляется в контексте с русским *страсть*, а также с номинациями состояния (*любовь*) и чертами характера человека (*честолюбие*). *Любовь* и *честолюбие*, в свою очередь, характеризуются не просто как чувства, а как сильные чувства, что побуждает

переводчика выбрать слово, имеющее в своем значении интенсификатор.

В ряде контекстов XIX в. слово *эмоция* употребляется в значении ‘сильное чувство’.

(2) *Понедельник. Утром встал с* ***ужасными эмоциями****, т. к. в 9 3/ 4, идя с Мама в Архангельский соб. через залы, должен был сказать несколько слов собравшимся сословиям в Георг[иевской] зале. Это сошло, слава Богу, благополучно! После литии гроб вынесли и поставили на колесницу и мы снова тронулись тою же дорогою к станции* (Николай II. Дневники (1894—1896)) [НКРЯ].

(3) *Завтракали у Ксении и Сандро. Был в* ***страшных эмоциях*** *перед тем, чтоб войти в Николаевскую залу, к депутациям от дворянств, земств и городских обществ, которым я сказал речь. Потом начался прием депутаций, каждой в отдельности в Концертн[ой зале). Приехали домой в 4 ч.* (Николай II. Дневники (1894—1896)) [НКРЯ].

В подкорпусе 1800—1900 гг. встречаются атрибутивные словосочетания: *высшие*, *духовные*, *животные*, *жизненные*, *изящные*, *могучие*, *неожиданные*, *поэтические*, *приятные*, *эстетические эмоции*.

Поиск в Корпусе по стимулу *эмоция* дает 2429 документов и 5904 вхождений, если же уточнить грамматические признаки стимула и искать только формы множественного числа, то результат оказывается 2333 документа и 5423 вхождений. С нашей точки зрения, столь значительное превалирование форм множественного числа свидетельствует о том, что в узусе слово *эмоция* выражает сложное, недискретно представленное устройство внутренней жизни человека. Вспомним, что в БТС, в отличие от БАС и МАС заголовочное слово *эмоция* дано в форме множественного числа, как и *сантименты*.

И в неспециальных текстах, и в специальной литературе существительное *эмоция* довольно часто употребляется в атрибутивных словосочетаниях с прилагательными *положительный* и *отрицательный*. Поиск по словосочетанию *отрицательная эмоция* с интервалом одна единица дает 139 документов и 207 вхождений, *положительная эмоция* — 187 документов и 239 вхождений, *негативная эмоция* — 80 документов и 117 вхождений, *позитивная эмоция* — 19 документов и 22 вхождения. Данные словосочетания практически вытеснили конструкции с существительным *чувство*. *Положительное чувство* встречается в Корпусе в 12 документах и 13 вхождениях. Самое раннее 1890-х гг. Похожая картина и со словосочетанием *отрицательное чувство*: 24 документа и 26 вхождений. Самое раннее употребление относится к 1830-м гг. *Негативное чувство* — 15 документов, 18 вхождений, *позитивное чувство* — 4 документа и 4 вхождения.

Сочетаемость с существительным *эмоция* во множественном числе такова: *незабываемые*, *негативные*, *неуправляемые*, *отрицательные*, *позитивные*, *положительные*, *чистые*, *яркие эмоции*; *без лишних эмоций*; *эмоции толпы*; *ноль эмоций*; *буря*, *градус*, *накал*, *всплеск*, *эмоций*; *эмоции через край*;

спектр эмоций; *сколько эмоций*; *поддаться эмоциям*; *справиться с эмоциями*; *сдерживать эмоции*; *умерить эмоции*; *эмоции берут верх*.

В такой сочетаемости реализуются жидкостная — *всплеск*, *через край* (см. также пример 4), световая — *яркая*, колористическая — *спектр*, метеорологическая — *буря*, «состязательная» метафоры — *брать верх*, *поддаться*. Те же типы метафор наблюдаются и для существительных *страсть* и *чувство*.

Н. И. Формановская заметила, что при выборе номинаций происходит дифференциация: когда говорящий имеет в виду длящееся эмоциональное состояние, он употребляет слово *чувство*, когда кратковременное прибегает к существительному *эмоция* [Формановская 2005: 109].

В сочетаемости существительного *эмоция* важен элемент ослабления контроля, когда человек не вполне отвечает за свое поведение. Этот момент находит отражение в интернет-форумах (см. пример 4).

(4) [Psychology] *Не позволяйте* ***эмоциям захватить*** *себя. Именно этого он и добивается. Будьте безразличны к* ***эмоциям****. Увидев, что обычная тактика не дает плодов, раздражаться начнет сам атакующий* (Юлия Донова, жен.). *Machine, спасибо! Было бы здорово уметь себя остановить! Даже порой это получается! Просто* ***эмоции*** *нужно куда-то* ***вылить*** *— вот тогда и приходится прибегать к простым методам-прогулкам вместо разговоров или простому приему душа. Это успокаивает и вопрос решается не так остро. Но все равно — сложно очень с собой бороться!* (коллективный. Форум: Как победить человека, который всегда прав (2013)) [НКРЯ].

Об утрате контроля свидетельствует глагол *захватить* и конструкция *сложно с собой бороться*.

В качестве третьего шага попытаемся выяснить, какая единица претендует на имя родового понятия: *страсть*, *чувство* или *эмоция*. Первое существительное не подходит на статус гиперонима, поскольку в его семантику «вмонтирован» интенсификатор. Соревнование между двумя оставшимися претендентами оказывается непростым и зависит от принадлежности контекста специальному или неспециальному дискурсу.

В психологической литературе и в ориентированных на нее форумах (см. примеры (5), (6) и (7)) к разряду эмоций отнесен целый ряд эмоциональных состояний: *гнев*, *грусть*, *оптимизм*, *пессимизм*, *радость*, *разочарование*, *симпатия*, *страх*, *удовольствие*, *шок*.

(5) *В каком случае у нас возникают положительные* ***эмоции — радость, симпатия, удовольствие****, а в каком случае мы переживаем внутреннюю взволнованность как неприятие, антипатию, неудовольствие? Определяется ли это когнитивной атрибуцией, предшествующим опытом, установками и ожиданиями?* (А. Лэнгле. Введение в экзистенциально-аналитическую теорию эмоций: прикосновение к ценности // «Вопросы психологии», 2004.08.10) [НКРЯ].

(6) [Rickitava, жен] ***Эмоции****, особенно, такие как* ***страх, гнев, разочаро-***

вание, шок — *это все энергии. И вы всегда можете поймать эту негативную энергию, распространяемую другими людьми. С энергетической точки зрения, негативные* ***эмоции*** *могут иметь следующие причины. 1. Прекратите поглощать чужие* ***эмоции****. Вот инструкции. Спросите себя, что вы чувствуете — свои* ***эмоции*** *или чужие? Откуда пришла эта* ***эмоция****?* ***Страх*** *и* ***гнев*** *почти никогда не рождаются в головах эмпатов, но они их хорошие переносчики. Возможно, все это потому, что вы поглощаете в себя* ***негативные эмоции*** *других людей в толпе. 3. Это поможет вам осознать себя во времени и пространстве, очистить голову от страха и других* ***тяжелых эмоций****. Представьте негатив как серый туман, поднимающийся из вашего тела* (коллективный форум. Как защитить себя от негатива (2015.04.15)) [НКРЯ].

(7) *Проведенный нами анализ литературы по проблеме связи между положительными и отрицательными эмоциями позволил обнаружить данные, свидетельствующие о существовании трех основных ее видов: обратная, нулевая и прямой. Первый вид связи соответствует традиционному представлению о взаимной противоположности положительных и отрицательных* ***эмоций — радости*** *и* ***грусти****,* ***оптимизма*** *и* ***пессимизма*** *и т. д.* (А. А. Горбатков. Две модели динамики связей положительных и отрицательных эмоций // «Вопросы психологии», 2004.06.15) [НКРЯ].

В неспециальном употреблении говорящие чаще прибегают не к конструкции *эмоция* + существительное, называющее внутреннее состояние в родительном падеже, а *чувство* + существительное, называющее внутреннее состояние в родительном падеже. Это можно подтвердить результатами по НКРЯ. Условия поиска были такими: задавалось словосочетание со словами *чувство* и *эмоция* и зависимым словом в форме родительного падежа с интервалом в одну единицу. В таблицу 1 включены базовые эмоции по К. Изарду и некоторые другие существительные, называющие внутреннее состояние человека.

Таблица 1.

	Название внутреннего состояния	Чувство N1+N2	Эмоция N1+N2
1	*Боль*	70 документов 82 вхождения	0 документов 0 вхождений
2	*Вина*	417 документов 594 вхождения	0 документов 0 вхождений
3	*Волнение*	10 документов 10 вхождений	0 документов 0 вхождений
4	*Гнев*	49 документов 69 вхождений	1 документ 2 вхождения

5	*Горе*	8 документов 8 вхождений	0 документов 0 вхождений
6	*Интерес*	4 документа 4 вхождения	2 документа 2 вхождения
7	*Печаль*	30 документов 30 вхождений	0 документов 0 вхождений
8	*Презрение*	31 документ 32 вхождения	0 документов 0 вхождений
9	*Радость*	218 документов 242 вхождения	0 документов 0 вхождений
10	*Разочарование*	33 документа 34 вхождения	0 документов 0 вхождений
11	*Симпатия*	83 документа 101 вхождение	1 документ 1 вхождение
12	*Смущение*	15 документов 15 вхождений	0 документов 0 вхождений
13	*Стыд*	225 документов 335 вхождений	0 документов 0 вхождений
14	*Тревога*	131 документ 159 вхождений	1 документ 1 вхождение
15	*Удивление*	63 документа 67 вхождений	0 документов 0 вхождений
16	*Удовольствие*	68 документов 78 вхождений	1 документ 1 вхождение

Таблица 1 показывает, что во всех случаях количество словосочетаний с существительным *чувство* превалирует над аналогичными словосочетаниями со словом *эмоция*. Подобный характер сочетаемости свидетельствует о том, что на статус гиперонима в неспециальном употреблении претендует слово *чувство*.

Подведем итоги. Существительное *чувство* «отвечает» за два больших класса денотатов: модусы восприятия — слух, обоняние, осязание, зрение, вкус, а также внутренние состояния человека — любовь, горе, радость. Этой многозначности лишено заимствованное слово *эмоция*. Что же касается существительного *страсть*, в его семантике важен интенсификатор.

Употребление существительного *эмоция* во множественном числе может быть интерпретировано как недискретное описание реакций человека на различные стимулы.

Из трех слов *страсть*, *чувство*, *эмоция* последнее тесно связано с оценкой.

Для специального психологического узуса инструментом толкования служит слово *эмоция*, оно же выступает как родовое понятие, для литературного языка эту роль играет слово *чувство*. Данное обстоятельство позволяет предположить, что в специальном узусе гиперонимом является существительное *эмоция*, а в неспециальном — *чувство*.

Список сокращений

БАС — Словарь современного русского литературного языка. Т. 1—17. М.-Л.: Изд-во АН СССР, Наука, 1950—1965.

БТС — Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000.

МАС — Словарь русского языка. Т 1—4. Изд-е 3-е. / гл. ред. А. П. Евгеньева. М.: Русский язык. 1985—1988

НКРЯ — Национальный корпус русского языка // www. ruscorpora.ru.

Литература

Агрессия в языке и речи / Сост. и отв. ред. И. А. Шаронов. М.: Изд-во РГГУ, 2004.

Апресян В. Ю. Семантические типы эмоциональных метафор // Эмоции в языке и речи / Сост. и отв. ред. И. А. Шаронов. М.: Изд-во РГГУ, 2005. С. 9—30.

Вежбицкая А. Толкование эмоциональных концептов // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. С. 326—375.

Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М.: Наука, 1993. С. 135—150.

Изард К. Э. Психология эмоций. СПб.: Питер, 2012.

Леонтьев А. А. Потребности, мотивы и эмоции. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1971.

Немов Р. С. Психологический словарь. М.: Владос, 2007.

Психология эмоций. Тексты / Под ред. В. К. Вилюнаса, Ю. Б. Гиппенрейтер. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.

Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2002.

Формановская Н. И. Эмоции, чувства, интенции, экспрессия в языковом и речевом выражении // Эмоции в языке и речи / Сост. и отв. ред. И. А. Шаронов. М.: Изд-во РГГУ, 2005. С. 106—116.

Шаронов И. А. Междометия. М.: Изд-во РГГУ, 2008.

Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008.

Эмоции в языке и речи / Сост. и отв. ред. И. А. Шаронов. М.: Изд-во РГГУ, 2005.

Jakobson R. Essais de linguistique gènèrale. Paris: Éditions de Minuit, 1963.

Malinowski B. Problem of Meaning in Primitive Languages. London: Kegan Paul, Trench and Trubner, 1923. P. 296—336.

Ш. В. Хайров (Университет Глазго)
Shamil Khairov (University of Glasgow)

— Кто? — Конь в пальто! Диалогические идиомы в славянских языках: языковая игра и речевая агрессия
— Кто? — Конь в пальто! Slavonic dialogue idioms as language play and verbal aggression

Аннотация

В статье рассматриваются характеристики устойчивых микродиалогов (диалогических идиом) типа «*Где? — В Караганде!*» в славянских языках с точки зрения их формальной организации и сжато анализируются прагматические особенности стоящих за ними коммуникативных ситуаций — такие, как театральность, борьба за коммуникативное превосходство, сохранение лица. Делается попытка объяснения их представленности в славянских языках на фоне речевых практик в соответствующих культурах.

The article deals with dialogue binomials, in which a particular reply is assigned to a particular 'ignition' word. These binominals can be qualified as dialogue idioms, i.e. set combinations of phrases occurring only in immediate oral interaction. Their formal varieties are considered and the main focus is set on their pragmatic features, such as: performance/scenic-type of their realization in verbal interaction and their use as a weapon for verbal suppression, and a tool in face-threatening-acts.

Ключевые слова

Диалогические идиомы, речевая агрессия, речевое подавление, лицо (в прагматике), принцип кооперации (в прагматике), борьба за коммуникативное превосходство

Dialogue idioms, verbal aggression, impoliteness (in pragmatics), face (in pragmatics), cooperative principle (in pragmatics), verbal dueling, face-threatening-acts

Ввиду своего пограничного положения между языком и речью диалогические идиомы (далее — ДИ) представляют собой весьма интересный объект для исследования как с точки зрения фразеологии, так и в рамках прагматики. В последние годы появились и обстоятельные работы [Бондаренко 2013], дающие список и описывающие основные признаки единиц этого типа.

Особенно перспективным нам представляется сопоставительный анализ таких конструкций в различных языках в прагматическом аспекте на фоне типичных речевых практик. ДИ присутствуют, согласно свидетельствам наших информантов, в языках самых различных семей и типов.

Ср. литовск.

(1) A: — *Kur?*
B: — *Kur višta daro pur-pur!*
A: — Где?
B: — Где куры делают «пур-пур»!

Финск.

(2) A: — *Mitä kuuluu?*
B: — *Kuukkuluuruu!*
A: — Как дела?
B: — [рифмованное звукоподражание]

В настоящей статье нас будет интересовать их представленность в славянских языках в силу структурной схожести последних. Основным типом диалогических идиом в славянских языках логично было бы считать двухступенчатую рифмованную ритмическую единицу, т.е. микро-диалог типа «инициирующий вопрос — ответная реплика». Предварительно собранный материал показывает, что они действительно употребляются в данной рифмованной и ритмической форме во всех славянских языках, однако в различных пропорциях, а если брать языки других групп, то есть и такие, например, английский, где эта форма может отсутствовать вовсе.

Вот несколько канонических примеров из славянских языков:

Польск.

(3) A: — *Co się stało?*
B: — *Cielę oknem wyleciało!*
A: — Что случилось?
B: — Теленок вылетел через окно!

Чешск.

(4) A: — *Proč?*
B: — *Pro slepicí kvoč!*
A: — Почему?
B: — По куриному кудахтанью!

Словацк.

(5) A: — *Prečo?*
B: — *Pre staré vreco!* [возможное расширение: *a novú záplatu*]
A: — Почему?
B: — По старому мешку [возможное расширение: и по новой заплате]

Сербск.

(6) A: — *Šta se desilo?*
B: — *Prase se obesilo!*
A: — *Что случилось?*
B: — *Поросенок повесился*!

Формальный диапазон ДИ на самом деле значительно шире рифмованных вопросно-ответных пар. Например, инициировать ответную реплику совсем не обязательно может вопросительное слово. В некоторых случаях диалог строится репликой на определенное слово или фразу: *дай*, *дай закурить*, *я*, *а мне*, *неудобно*, *как фамилия*, *можно*, *я думал*(*а*), а ответная реплика не обязательно должна быть рифмованной.

(7) A: — *Как-то неудобно…*

B: — *Неудобно штаны через голову надевать!* (Вариант: *Неудобно на потолке спать!*) [возможное *расширение: Одеяло падает!*]

(8) A: — *Ты что, пьяный?*

B: — *А ты что, наливал?*

Одним из подтипов ДИ можно считать и единицы с абсурдной репликой:

(9) A: — *Что ты делаешь?*

B: — *На трамвае еду!*

Кроме того, к ДИ можно отнести даже некоторые однофразовые единицы, инициирующий элемент для которых остается за кадром:

(10) — *Кто так обзывается, тот сам так называется!*

С формальной точки зрения обращает на себя внимание высокий уровень эстетизации ДИ (метр, ритм, рифма), что, например, в русском, и особенно в тюркских языках, находит аналогичное выражение в повторах и псевдо-повторах (*шуры-муры*, *тары-бары*, *тыр-пыр*, *восемь дыр*…, *базар-вокзал*, *культур-мультур*…). Однако в отличие от простых повторов диалогические идиомы выводят нас на уровень прагматики, так как каждая из них скрывает за собой определенную формулу намерений и ролей участников этого театрализованного типа коммуникации. Театральность их употребления подразумевает наличие предполагаемого «зрителя» («зрителей») или судьи, для чьих ушей они часто предназначены: надо иметь в виду, что во многих коммуникативных ситуациях с ДИ имеется на самом деле не два, а три участника. Это особенно касается случаев, когда ситуация выходит за пределы обычного балагурства, хотя и в ней ответная реплика может быть формой рисовки перед «зрителями».

Что касается прагматической конфигурации стоящих за ДИ коммуникативных ситуаций, нетрудно убедиться, что большинство из них удобно описывать в таких формулировках, как «коммуникативная западня», «коммуникативное подавление», «словесная дуэль», «борьба за коммуникативное превосходство».

Мы сталкиваемся со сценками подобного рода уже в раннем в детстве. Рассмотрим одну из них с точки зрения прагматики.

(11) A: — *Да?*

B: — *Два!*

A: — *Три!*

B: — *Нос подотри!* [возможное расширение: *Не платком, а горячим утюгом!*]

Роли в этом представлении (напомним, что наличие зрителей-арбитров является важным его условием) изначально расписаны и варьируются лишь в незначительных пределах. Из двух участников диалога один из них, обычно второй (B), оказывается победителем этой словесной мини-дуэли, поскольку, несмотря на попытку ответного выпада со стороны первого участника (A), он сохраняет за собой право последней фразы. Участник (B) выступает как провокатор конфликта и устроитель коммуникативной западни, поскольку сворачивает с конвенционального кода на конфликтный. Его реплики можно считать формой коммуникативного подавления.

Прагматика коммуникативных ситуаций с участием ДИ: методологический инструментарий.

При исследовании ДИ неизбежно встает вопрос метода и теоретического инструментария для их анализа. Дж. Лич, один из основателей прагматики как науки [Leech 1983: 10—11], выделяет две области прагматических исследований — социопрагматику, имеющую дело с различными специфическими условиями использования языка, и прагмалингвистику — практические ресурсы, которыми тот или иной язык располагает для осуществления различных намерений или иллокуций. Таким образом, изучение специфики ДИ в нашем случаен будет частью контрастивной прагмалингвистики. Мы полагаем, что наиболее эффективно прагматическая структура ситуаций с ДИ может быть проанализирована с использованием разработанного в прагматике методологического инструментария для исследования (не)вежливости ((im) politeness). Ключевым понятием здесь становятся понятие «лица» (face) (не в грамматическом, а в прагматическом значении термина), а также — «борьбы за сохранение лица», которое соотносится с понятием face-threatening-act (FTA), разработанным П. Браун и С. Левинсоном [Brown, Levinson 1988: 61]. Отсюда становится важным и учет невидимого «зрителя» или «судьи».

В данной системе координат можно расположить ДИ от безобидной шутки до грубой речевой агрессии. Причем, уже и в шутке присутствует элемент коммуникативной западни, провокации и вызова:

(12) A: — *Как дела?*
B: — *Как сажа бела!*

Второй участник, уклоняясь от формул вежливости типа «Спасибо, хорошо», использует ДИ с целью вызвать какую-то иную реакцию. Этот вызов усиливается и перерастает в косвенную речевую агрессию в варианте с привлечением лексики полового воспроизводства.

(13) A: — *Как дела?*
B: — *Пока́ не родила.* [возможное расширение: *Когда рожу — скажу!*]

Ср. также варианты:

(14) A: — *Куда?*
B: — *На кудыкину гору* [возможное расширение: *Воровать помидоры!*]

Именно попыткой сохранения лица является ответная реплика в следующей ДИ:

(15) A: — *Это шутка!*
B: — *Шутки пьяного Мишутки!*

Сюда же можно отнести и ситуации словесной дуэли, или борьбы за коммуникативное превосходство как в [10] или [8].

Б. Приего-Валверде [Priego-Valverde 2009], опираясь на идеи М. Бахтина о полифонии в коммуникации, обращает внимание на «двойной голос» в высказываниях, претендующих на юмор.

«Двухголосие» — это одновременная материализация двух модусов коммуникации — одного как «серьезного» и другого «как игрового». Этот контраст и создает эффект юмора. Говорящий должен обеспечить определенную дистанцию, чтобы не быть воспринятым в роли речевого агрессора. Это замечание уместно применить и к ДИ, в которых автор этих ответных реплик может, в зависимости от выбора идиоматической единицы, сдвигать эти границы безопасности вплоть до их разрушения.

Анализ устойчивых мини-диалогов выводит на заключение об их популярности в речевых практиках в потенциально агрессивных коллективных средах — таких, как двор, школа, армия, места заключения, где особенно важен ритуал. Проекция популярности ИД в речевых практиках на вес и влияние этих сред на жизнь человека дает основания и для объяснения большей их распространенности в одних славянских языках по сравнению с другими[1].

Наши списки ДИ показывают, что в количественном отношении за русским языком, который лидирует с большим отрывом, уверенно следуют польский и сербский с хорватским, в то время как к представленность ДИ в чешском и словацком достаточно скромная. Добавим к этому, что в польском, сербском и хорватском уровень речевой агрессии в ситуациях с участием ДИ значительно выше, чем в чешском и словацком. Такая дистрибуция в целом совпадает с речевыми практиками употребления обсценной лексики в этих культурах.

Польск.

(16) A: — *Po co?*
B: — *Pocą to się nogi nocą!*
A: — Зачем?
B: — Это ноги ночью потеют!

(17) A: — *Daj!*
B: — *Daj to był chiński sprzedawca jaj!*
A: — Дай!
B: — Дай был китайский продавец яиц!

Сербск., хорватск.

[1] На момент написания данной статьи у нас имеется полученный от информантов и из всемирной паутины материал для русского, польского, сербского, хорватского, чешского и словацкого языков.

(18) A: — *Šta radiš*?
B: — *Šta radim? Čupam pa sadim!*
A: — Что ты делаешь?
B: — Дергаю да сажаю!

Кроме того, в сербском и хорватском довольно распространены ИД абсурдистского содержания.

(19) A: — *Zbog čega?*
B: — *Zbog sira i vojne muzike.*
A: — Из-за чего?
B: — Из-за сыра и военной музыки.

(20) A: — *Šta čekaš*?
B: — *Limun s kišom.*
A: — Что ты ждешь?
B: — Лимон с дождём.

В наших примерах большинство ответных реплик в чешском и словацком языке имеют скорее шутливый, чем агрессивный характер, хотя наличие в приводимой ниже словацкой ДИ двух экспрессивов «лохматый (черт)» и «clūnēs» дает основания полагать наличие у него более сильного агрессивного элемента.

Чешск.

(21) A: — *Co je k obědu?*
B: — *Hrneček od medu!*
A: — Что к обеду?
B: — Горшочек от мёда.

Словацк.

(28) A: — *Čo budeme variť?*
B: — *Hlpatého za riť!*
A: — Что будем варить?
B: — Лохматого за clūnēs.

Просматривающиеся количественные различия в представленности ДИ в русском и других славянских языках позволяют сделать осторожный вывод о том, что, во-первых, коллективная среда бытования разговорных форм русского языка (двор, улица, детские лагеря, школа, армия, места заключения) стимулирует овладение как формами борьбы за сохранение лица, так и формами речевого подавления; во-вторых, эти коллективные формы оставляют глубокий след в языковой личности; и, в-третьих, эта среда более склонна к внешнему речевому эстетству. Кроме того, следует учитывать и влияние блатного мира, с его жесткой ролевой и речевой регламентацией, на речевые практики носителей русского языка. Еще больший контраст наблюдается при сопоставлении русского с английским языком, в частности, с его вариантами в Ирландии и Великобритании. Это, возможно, объясняется не только структурными различиями языков, но и иным характером ирландского

и британского речевого юмора, избегающего «внешних» украшений, а также более высокой степенью суверенитета личности и неколлективной доминантой речевого поведения.

Литература

Бондаренко В. Т. Ответные реплики в русской диалогической речи: словарь. Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2013.

Brown P., Levinson S. C. Politeness: Some universals in language usage. Cambridge University Press, 1988.

Leech G. Principles of Pragmatics. London, New York: Longman, 1983.

Priego-Valverde B. Failed humor in conversation: A double voicing analysis // Humor in Interaction. Ed. by Neal R. Norrick and Delia Chiaro. Pragmatics & Beyond New Series, 182. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Pub. Co., 2009. Pp. 165—184.

А. В. Шаров (Институт языкознания РАН)
A. V. Sharov (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Русское *надеяться* и венгерское *remélni*: сравнительный анализ значений[1]
Russian *надеяться* vs. Hungarian *remélni*: a comparative analysis of the two verbs denoting hope

Аннотация

Статья посвящена сопоставлению значений рус. *надеяться* и венг. *remélni* на материале одноязычных и параллельных корпусов. Выявляются общие и специфичные компоненты значения русского и венгерского глаголов.

The article deals with the comparison of Russian *надеяться* ‘to hope’ and Hungarian *remélni* ‘ditto’, revealing similar and differing semantic components of the two verbs.

Ключевые слова

Семантика, сочетаемость лексических единиц, эмоции, венгерский язык, модель управления

Semantics, lexical compatibility, emotions, the Hungarian language, case government

Цель данной статьи — сравнительный анализ семантики и моделей управления русского глагола *надеяться* и венгерского глагола *remélni*. Наше исследование опирается на описание семантики глагола *надеяться*, предложенного Анной А. Зализняк в работе [Зализняк 2006]. В работе использованы материалы параллельных корпусов [Glosbe], венгерских синхронических и диахронических корпусов [MEE.DEÉ; Mikes-szótár; MTSZ korpusz]

Первое значение венг. *remélni* совпадает с *надеяться 1* в классификации Анны А. Зализняк [Указ. соч.: 547]. Это значение представлено в предложениях типа *Я надеюсь, что он придет*. *Я надеюсь на успех*. *Я надеюсь поехать на конгресс*. Семантическая структура *надеяться 1* такова:

‘Надеяться 1’

Это значение представлено в предложениях типа *Я надеюсь, что он придет*. *Я надеюсь на успех*. *Я надеюсь поехать на конгресс*.

«[през.]: ‘X считает, что P хорошо’ [NB: оценочный компонент]

<…>

[acc.]: ‘X считает P вероятным’» [Там же].

[1] Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант №1801200736а) в Институте языкознания РАН.

Венгерский глагол имеет в целом похожую модель управления, но с рядом особенностей (1c):

(1) **a.** Управление придаточным предложением с союзом *hogy* — ‘что’[2].

… és mind addig reméllyük hogy meg láttyuk azt a tündér országot [Mikesszótár][2].

и все пока надеяться-PRS-1PL.DEF что PREV.y-видеть-IMP-1PL тот-ACC ART.DEF волшебный страна-ACC

‘И все пока надеются, что мы увидим эту волшебную страну’.

b. Управление инфинитивом.

áldások, amelyeket elnyerni remélek [Glosbe].

благословение-PL который-PL-ACC получить-INF надеяться-PRS-1SG

‘Благословения, которые я надеюсь получить’.

c. Управление существительным в аккузативе.

Egy kis jutalmat remélek [Glosbe].

ART.INDEF маленький премия-ACC надеяться-PRS-1SG

‘На какую-то небольшую премию надеюсь’.

Jobb időt remélek (Zilahy Károly, Késő számvetés; Munkái. 1. Költemények; Elbeszélések; 1861) [MTSZ korpusz].

Лучший время-ACC надеяться-PRS-1SG

‘На лучшее время надеюсь’ (Карой Зилахи. Поздний счет // Труды. Том 1. Стихотворения, рассказы; 1861).

‘Надеяться 2’

Второе значение — *надеяться 2* — представлено в предложениях типа *Я надеюсь на приезд сына*: «‘я считаю, что его приезд с достаточно большой вероятностью повлечет за собой некоторое положительное событие’» [Зализняк 2006: 553].

Придерживаясь толкования Анны А. Зализняк, мы считаем возможным рассматривать это «положительное событие» как валентность *надеяться 2*, не имеющую поверхностно-синтаксической реализации, но выводимую из контекста, например: — *Ты сама квартиру не отремонтируешь*. — *Я надеюсь на приезд сына*.

***X надеется на P* (в отношении *Z*)**

[през.]: ‘X считает, что P вероятно’

‘X считает, что Z хорошо’ [**Z— цель**[3]]

[acc.]: ‘X считает, что P с достаточно большой вероятностью приведет к Z’ 2

Я надеюсь на приезд сына.

Кроме того, мы выделяем еще одно, дополнительное, значение глагола *надеяться* — *надеяться 2a*, имеющее две модели управления.

---

[2] Венгерский язык, в отличие от многих других агглютинативных, развил конструкцию сложноподчинённого предложения, используя собственные лексические средства, практически не заимствуя союзы из соседних или культурно значимых языков. *Hogy* имеет уральскую этимологию и прослеживается в различных функциях по меньшей мере, с XII в. [Benkő 1993: 567].

[3] Пример XVIII в., орфография того периода сохранена.

‘Надеяться 2а’

Мод 1: *X надеется на P* в отношении *Z*

Я надеюсь на наше численное превосходство/на свое умение улаживать конфликты/на свой опыт/на его порядочность.

[през.]: ‘Имеет место P’

‘X считает, что Z хорошо’ [**Z — цель**]

[acc.]: ‘X считает, что наличие P с достаточно большой вероятностью повлечет за собой событие Z’.

NB: Фразы типа *Я надеюсь на наше численное превосходство*, *на его порядочность* и т.п. могут относиться и к ***надеяться 1***: ≈ надеюсь, что мы будем иметь численное превосходство/надеюсь, что он проявит порядочность и т.п.

Таким образом, отличие *надеяться 2* от *надеяться 2а* состоит в том, что в первом случае P (приезд сына) оценивается как вероятное в будущем, а во втором P (опыт, умение и т.п.) — как имеющее место в действительности.

Мод 2: *X надеется на P в отношении Z*

Приходилось надеяться лишь на свой штык (P) *в схватке* (Z) *с кирасиром*; *в борьбе* (Z) *с ним я могу надеяться только на свое умение* (P) *находить нужных людей.*

[през.] ‘Имеет место P’

‘X хочет добиться успеха в Z’ [‘X считает, что успех в Z хорошо’] [**Z — деятельность; цель — победа, успех в Z]**]

[acc.] ‘X считает, что наличие P с достаточно большой вероятностью повлечет за собой успех в Z’.

Различие между моделями 1 и 2 заключается в следующем. В первом случае **Z** — это **цель**, например, победа в войне, успех в решении какой-либо задачи. Во втором случае **Z** — это не цель, это та **сфера, область деятельности**, в которой человек стремится победить, это, например, война, схватка, решение какой-либо задачи и т.п.

Приведем примеры употребления *надеяться 2а* в параллельном корпусе [НКРЯ]:

(2) **a.** *В лица мертвецов заглядывал с осторожностью, не надеясь на мою впечатлительность* (М. М. Бахтин. Проблемы поэтики Достоевского (1963)). — Фр. *J’ai regardé avec circonspection les visages des morts, ne me fiant pas à mon impressionnabilité*. **b.** *А я сумлеваюсь в уме, что в Петербург меня шлешь, чтоб господину Ставрогину, Николаю Всеволодовичу, чем ни на есть по злобе своей отомстить, надеясь на мое легковерие* (Ф. М. Достоевский. Бесы (1872)). — Англ. *And I shouldn’t wonder if you are sending me to Petersburg to plot some revenge in your spite against Mr. Stavrogin, Nikolay Vsyevolodovitch, reckoning on my simplicity*. **c.** *Никаких записных книжек я с собой не брал, надеялся на память* (Чингиз Айтматов. Плаха (1987)). — Болг. *Никакви бележници не взех, разчитах на паметта си*. **d.** Белорус. *Але я спадзяюся на свой і на ваш меч, на сваё і на ваша плячо, на войскіх коней, на вятрылы лоддзяў, якія паня-*

суць нас удалячынь (Леанід Дайнека. След ваўкалака (1988)). — *Но я надеюсь на свой и на ваш меч, на свое и на ваше плечо, на боевых коней, на паруса ладей, которые понесут нас вдаль*.

Отметим, что в переводах на другие языки рус. *надеяться 2* соответствуют глаголы, аналогичные русским *полагаться* и *рассчитывать* (ср. выше англ. *to reckon*, болг. *разчитам*).

Венгерский глагол *remélni* в этом значении не употребляется, и эквивалентом *надеяться 2* следует, скорее, считать глагол *bízni* — ‘надеяться, доверять, полагаться’, ср.: *Bízok a fiam érkezésében* надеяться-PRS-1SG ART.DEF сын-POSS.1SG приезд-POSS.3SG-LOC ‘Я надеюсь на приезд сына’.

‘Надеяться 3’

По поводу *надеяться 3* Анна А. Зализняк пишет: «Это значение реализуется в контексте дополнения, представленного именем лица*: Я на него надеюсь*; *Можешь на меня надеяться* <…> Значение ‘надеяться 3’ отличается от ‘надеяться 1’ тем, что предикат характеризующий ситуацию-Объект, отсутствует, и ситуация оказывается представленной именем ее субъекта <…> Предложение *Я на него надеюсь* означает ‘Я надеюсь 1, что он совершит некоторое действие’» [Зализняк 2006: 555]. Венгерский глагол *remélni* тоже имеет это значение, и в нем дополнение выражено локативом, ср. (3):

(3) **a.** *Teljes életemben Tebenned remélek* (Diósgyőrben írt ének. Zöngedöző Mennyei Kar 1692. Zene: Tranoscius 1636)

Целая жизнь-POSS.1SG-LOC 2SG-LOC-2SG надеяться-PRS-1SG

‘Всю мою жизнь на Тебя надеюсь’ (букв. ‘во всей моей жизни в Тебе надеюсь’) (Хорал написан в Диошдьёре. Сборник песнопений «Звучащий райский хор», 1692. Музыка: Траносций, 1636) [MEE.DEÉ]

b. *Add Szentlelkedet, hogy benned bízzam és reméljek*

дать-IMP-2SG.DEF Святой-Дух-POSS.2SG-ACC что LOC-2SG, полагаться-IMP-1SG и надеяться-IMP-1SG

‘Дай [мне] Дух Святой Твой, на которого уповаю я и надеюсь…’ (букв. ‘… что в тебе надеюсь/полагаюсь и надеюсь’) [MEE.DEÉ]

В (3a) вместо стандартного *benned* употреблена архаичная и торжественная форма локатива венг. *te* ‘ты’ — *Tebenned* (букв. «Ты-в-тебе»). В (3b) глаголы *bízni*, и *remélni* оказываются контекстуальными синонимами.

В целом, значение венгерского глагола *remélni* совпадает со значением русского глагола *надеяться*, однако есть некоторые особенности, специфичные для венгерского языка. Так, в значениях, аналогичным русскому *надеяться 1* (*на что-л.*, напр., *надеяться на помощь сына*) и *надеяться 3* (*на кого-л.*, например, *надеяться на сына*) у *remélni* другая модель управления: *remélni*, соответствующий *надеяться 1*, управляет аккузативом, *remélni*, соответствующий *надеяться 3*, управляет локативом (‘надеяться что-л.’ и ‘надеяться в ком-л.’. Русскому *надеяться 2* соответствует уже другой глагол.

Необходимо упомянуть, что часто используемый с местным падежом

глагол *bízni* (*bízik*) — ‘уповать, полагаться’ зачастую передаёт несколько иные оттенки, чем *remélni*, поэтому заслуживает отдельного исследования.

* * *

Автор благодарит Е. Р. Иоанесян и П. С. Дронова за консультации по теоретической стороне исследования, а также Ш. Угриняка (Будапештский университет им. Л. Этвеша, ELTE) за компетентное подтверждение наших рабочих гипотез примерами из современного венгерского разговорного языка.

Источники

Glosbe // https://glosbe.com/hu/ru/

MEE.DEÉ — Magyarországi Evangélikus Egyház. Digitális Evangélikus Énekeskönyv // https://enekek.lutheran.hu

Mikes-szótár // http://mikesszotar.iti.mta.hu/

MTSZ korpusz // http://clara.nytud.hu/mtsz/run.cgi/first_form

Литература

Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. М.: Языки славянских культур, 2006.

Benkő L. Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen. Band I. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1993.

В. И. Шаховский
(Волгоградский государственный
социально-педагогический университет)
V. I. Shakhovsky
(Volgograd state socio-pedagogical University)

Эмотиология о коммуникации человека в эмоциональном пространстве языка
Emotiology of human communication in the emotional space of language

Аннотация

Рассматривается эмоциональное пространство языка и процесс глобального эмоционального раскрепощения человека. Подробно освещаются процессы эмоциональной коммуникации в условиях категориальных (типичных) коммуникативных эмоциональных ситуаций с помощью вербальных, невербальных и паравербальных средств на всех уровнях языка. Привлекаются отечественные и зарубежные исследования по проблеме статьи, а также собственные работы автора. Ставится вопрос о том, возможно ли общение человека вне эмоционального пространства языка, и даётся аргументированно отрицательный ответ.

The emotional space of language and the process of global emotional emancipation of a person are considered. The processes of emotional communication in the conditions of categorical (typical) communicative emotional situations with the help of verbal, nonverbal and paraverbal means at all levels of language are covered in detail. Domestic and foreign studies on the problem of the article, as well as the author's own works are involved. The question is raised whether it is possible to communicate beyond the emotional language space, and is given a reasoned negative answer.

Ключевые слова

Эмоциональное пространство языка, организованные эмоции, спонтанные эмоции, эмоциональная картина мира, коммуникативная эмоциональная ситуация (КЭС)

Emotional space of language, organized emotions, spontaneous emotions, emotional picture of the world, communicative emotional situation (CES)

Эмоции сегодня охватили всё коммуникативное пространство Homo loquens: СМИ, политику, бытовое и художественное общение, в том числе подростковое и молодежное. Эмоции явно стали важнейшими компонентами разума, мышления и языкового сознания современного человека, принадлежащего к любой лингвокультуре.

Это объясняется бурными, глобальными событиями в мире, широкими открытыми контактами между народами и всё усиливающейся тенденцией к агрессивности в отношениях внутри одной страны и между разными странами (см.: Северный Кавказ, Ирак, Израиль и Ливан, Иран, Украина и др.). Эта агрессивность не может не вербализоваться даже в дипломатическом языке, что ведёт к нарушению стилевого канона. Это объясняется также и многочисленными природными, технократическими, социальными и политическими катаклизмами и катастрофами, происходящими в мире, которые не могут не вызывать эмоциональное резонирование у населения и у авторов текстов СМИ (катастрофа SuperJet в Шереметьеве, гибель боинга над Украиной, пожар в «Зимней вишне», гибель космических кораблей, пожары в жилых домах, на военных складах, в Сибирской тайге, выборы нового президента в Украине и т.п.).

Кроме этого, широкое использование эмоций объясняется и общим глобальным эмоциональным раскрепощением человека, который перестал бояться открыто проявлять свои эмоции в обществе, особенно в Интернет-общении, которое наиболее агрессивно. Теперь уже является общепризнанным такой вид коммуникации, как эмоциональная коммуникация, и такие речевые акты, как эмотивные [Киселёва 2018; Филимонова 2001; Шаховский 2008; Goleman 1995 и др.].

Уже не оспаривается тот факт, что эмоции являются мотивационной основой сознания и языкового поведения. Фактически Homo loquens является Homo sentiens, так как люди в своём общении друг с другом не могут обойтись без эмоций, не сдерживают их и не организуют. Появившийся недавно термин «организованные эмоции» является противопоставлением термину «спонтанные эмоции». Эмотиологи пытаются разработать логистику регулирования человеком говорящим своих эмоций (см., напр., [Шаховский 2016: Гл. 6]). Коммуникативный успех, счастье, радость возможны только при условии адекватного общения людей друг с другом. Именно этим объясняется тот факт, что в многочисленных научных исследованиях специально или попутно затрагиваются вопросы теории и семиотики эмоций, их концептуализации и вербализации ([International Conference on Language and Emotions 2016] и др.).

Ключом к изучению человеческих эмоций является сам язык, который номинирует эмоции, выражает их, описывает, имитирует, симулирует, категоризует, классифицирует, структурирует, комментирует, изобретает искренние и неискренние средства для их экспликации / импликации, для манифестации и сокрытия, предлагает средства для языкового манипулирования и моделирования соответствующих эмоций. Именно язык формирует эмоциональную картину мира представителей той или иной лингвокультуры (см., напр., [Шаховский 2019б]).

Естественно, что когниция и эмоция идут рука об руку, рядом друг с другом: эмоция мотивирует когницию, когниция облегчается эмоциями;

эмоции не только порождаются особыми ситуациями, но и сами порождают определённые ситуации. Они неотрывны от языка, их можно и нужно изучать с помощью языка, и поэтому именно язык является и объектом, и инструментом изучения эмоций (как вербальный, так и невербальный, а также паравербальный).

Сказанное выше является лишь маленькой толикой современных теоретических и семиотических знаний об эмоциях. Какие же ещё знания являются достоянием современной эмотиологии? Уже известно, что коммуникант, обладающий эмоциональной / эмотивной компетенцией, может адекватно распознавать вербалику / авербалику эмоций своего речевого партнёра в естественной и художественной коммуникации (реальной), а также виртуальной (цифровой); может адекватно выражать и описывать свои эмоциональные чувствования; может вербально манипулировать своими и чужими эмоциями. Вот почему важно в современной лингводидактике разработать методику, научающую управлять своими и чужими эмоциями, т.е. организовывать их. В практических курсах преподавания языковых дисциплин желательно было бы предусмотреть направления, связанные с обучением парадигмам эмоционального общения, то есть конситуативно закреплённым эмоциональным средствам. Для этого необходимо с детства учить коммуникантов правильным лексическим и грамматическим решениям в ситуациях эмоционального речевого поведения, в процессе семантизации собственных эмоциональных чувствований. Это поможет коммуникантам адекватно резонировать настроения своих речевых партнёров.

Лингводидактам должны быть известны базовые (универсальные) эмоции, которые легко обнаруживаются в лексике и грамматике и семантизируются эмоционально даже вне контекста, т.к. они эмоциональны уже в словарном состоянии семантики и в синтаксических структурах языка. Их список по кластерному признаку пока ещё не составлен полностью, но имеются отдельные работы по КЭС (см., например, в [Толкачёва 2009]). Такая лексика уже определена в теории как эмотивная, а в семиотике — как кодированно эмотивная, поэтому в научающей эмоциональной коммуникации можно работать как со словарными, так и с контекстуальными эмотивами. При этом очень привлекательной лингводидактической задачей является составление парадигмы эмоциональных категориальных ситуаций, характерных для одного коммуникативного социума или для различных контактирующих социумов (универсальных КЭС). См., например, конфликтные ситуации (различных типов), интимные ситуации, ситуации обмана и др. ситуации в рамках трёх основных тем: «жизнь», «любовь», «смерть». Серьёзной проблемой для современной лексикографии является составление ситуативных (активных) как одноязычных, так и переводных словарей. Этим могла бы заняться современная корпусная лингвистика.

Определённая эмоция всегда вызывается какой-нибудь специфичной или абстрактной ситуацией, которую я называю типовой (категориальной). Например, эмоция страха обусловлена предвосхищением какого-либо зла (часто неопределённого, но часто заведомо известного и ожидаемого), так как эта эмоция может причинить горе или разрушение. А КЭС тревоги связана с неопределённым злом и непредвиденными ожиданиями опасности, которые нельзя просчитать. Существует логика отношений между типовой ситуацией и эмоцией, и это соотношение делает такую ситуацию категориальной. Например, несправедливость вызывает гнев, предательство может вызвать огорчение, разочарование и даже ярость и т.д. Каждый это знает и может ожидать вслед за своим поступком соответствующую эмоциональную реакцию, как свою, так и партнёра по коммуникации.

Все КЭС градуированы, и знание теории эмоций позволяет говорящему манипулировать (моделировать топосы своей вербалики) и снижать или усиливать силу моделированной или вызываемой эмоций, так как это знание позволяет говорящему предвидеть эмоциональную реакцию своего партнёра.

Лингводидакты также должны знать, что любая речевая интерпретация изначально имеет явный или скрытый эмоциональный заряд, который основан на эмоции интереса (выгодно / невыгодно; удобно / неудобно; нравственно / безнравственно). Эмоции Homo loquens выполняют функцию катализатора его креативной способности. Эти способности зависят от эмоционального состояния человека, которые обусловливают его эмоциональное резонирование на различные события, происходящие с ним, другими представителями социума или с самим социумом, и мотивируют порождение всё новых и новых эмотивных знаков для вербализации многочисленных новых контекстуальных понятий, особенно в сфере креатем: *кастрюлеголовые*; *мягкая ложь*; *неопознанный источник информации*; (*не*)*насильственная коммуникация*; *держимордовщина*; *чемпионесса*; *лунные гонки*; *масло, не помнящее корову*; *регуляторная гильотина*; *очистилище*; *мусорофобия*; *фейкньюс*; *перпетуум-новости*; *винтилово*; *новая нормальность* и др. Создание таких понятий начинается с восстановления эмоциональных следов в памяти коммуникативной личности, связанных с её предыдущим индивидуальным и / или видовым эмоциональным опытом. Эти следы восстанавливаются в виде образов, хранящихся в эмоциональной памяти, и открывают новые эмоциональные валентности языковых единиц, согласующиеся с новой эмоциональной ситуацией при перенесении в неё прошлого опыта. При этом автоматический поиск эмоционального резонанса, который отбирает и распределяет в эмоциональной памяти различные образы, не переходит определённых универсальных порогов распознавания, благодаря чему концептуализация, вербализация, смыслопорождение, смыслопреобразование и понимание эмоционального резонирования адекватно для всех коммуникантов данного языкового сообщества. Со временем интенсивность эмоционального резонирования может затухать и стираться в памяти

Homo sentiens (ср. пожар в «Хромой лошади» с пожаром в «Зимней вишне» и с недавним пожаром в Нотр-Даме; последний пожар затмил резонирование двух предыдущих, особенно первого), но время от времени этот эндосепт будет активироваться одновременно с активацией концепта «пожар». Одна новость позволяет понять смысл другой. А один текст — другой за счёт прецедентности.

Эндосепт посылает активирующую волну, которая имеет подсознательную природу и не управляется ratio человека. Эта активирующая волна может войти в резонанс с эмоционально близкими ему эндосептами. Отсюда и вышеприведённая креатема *перпетуум-новости*. Французский лингвист C. Mouchiroud выдвигает гипотезу о том, что активирующая волна эндосептов распространяется глобально, но по заранее предусмотренным маршрутам ассоциативных и когнитивных сетей, уже имеющихся в опыте человека, а иногда и apriori (доопытно) по семантическому типу [Mouchiroud 1994].

Да, многие лингвисты правы, что язык служит прежде всего для передачи актуальной информации, для рациональной обработки полученных знаний и для их межпоколенной трансляции. Но все эти процессы не могут не сопровождаться чувствованиями, переживаниями, желаниями, и потому не могут не учитываться лингвистикой.

Напомню, что в человеке всё движимо эмоциями, в том числе его креативное мышление, его аксиологическое поведение, все его (не)вербальные рефлексии, в том числе и эмоциональные. Об этом же писали в свое время и Ш. Балли, и Э. Станкевич, Д. Гоулман и Э.Стивенсон. Да и Э. Сепир фактически признаёт, что эмоции могут быть выражены языком. C. Kerbrat-Orecchioni признаёт, что эмоции могут быть выражены и телом, и в этом можно согласиться с автором, как и в том, что эмоции субъективны и они «подкрашивают» действительность. Но, по мнению данного исследователя, и эмоции, и язык, и тело являются неизменными формами демонстрации всего лишь инстинктов, присущих животным, поэтому они не могут быть рассмотрены как культурный концепт языка. С этим мнением современная лингвистика, в частности лингвокультурология и психолингвистика, согласиться уже не может. В настоящее время лингвистов очень интересует эмоциональное пространство языка: успешно разрабатываются проблемы эмоциональной концептосферы, культуры, толерантности, эмоционального поведения, эмоциональной / эмотивной лакунарности во внутри- и межкультурной коммуникации.

С 80-х годов прошлого столетия в мировой лингвистике активно развивается эмотиология (лингвистика эмоций): написаны сотни монографий и диссертаций об эмотивности языка, о роли эмоций в языковом поведении человека, об эмоциональной коммуникативной личности, об эмоциональных концептах (см. [Вежбицкая 1996; Красавский 2001; Ионова, Шаховский 2018]).

Ещё Шарля Балли интересовал вопрос, откуда возникла эмоция. Исходит ли она из слов и оборотов или идёт от личности, которая произносит фразы, в самом языке существует эмоция или в сознании говорящего, зависит ли

от обстоятельств произнесения речи, от ситуации? По мнению Ш. Балли, эмоциональные компоненты существуют на всех этих уровнях (что подтверждается современной лингвистикой эмоций и лингвокультурологией, а также эмотивной лингвоэкологией [Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве 2013].

Чрезвычайно интересным для современной лингвистики эмоций является утверждение о том, что чем более эмоционально нагружен знак, тем он менее лингвистичен; чем больше он становится лингвистичным, тем больше эмоциональности он теряет (Ш. Балли: цит. по: [Kerbrat-Orecchioni 1977]). Это мнение Ш. Балли нетрудно оспорить с позиции современной коммуникативистики. В эмоциональном типе коммуникации, в эмотивных речевых актах эмоциональные знаки несут (выражают) вершинные смыслы именно потому, что они остаются лингвистическими (см., например, междометия, эмоционально-усилительные наречия, прилагательные, восклицания, инвективы и т.п.). Заявление Ш. Балли о том, что «чем больше знак лингвистичен, тем больше эмоциональности он теряет» требует экспериментальной проверки, поскольку всё зависит от дискурса и от эмоционального состояния коммуникантов. Если Ш. Балли имел в виду дискурсивное и индивидуальное употребление лингвистического языкового знака, то можно с ним согласиться. Однако его противопоставление лингвистичности и эмоциональности языковых знаков с позиции современной психолингвистики представляется мне ошибочным. Повторю: с точки зрения психолингвистики, семантика всех слов ингерентно или адгерентно всегда эмоционально нагружена.

Напомню, что аналогичные противопоставления делал и Р. Якобсон, выделяя знаки, выполняющие экспрессивную vs репрезентативную функции [Jakobson 1963]. Как отдельные функции языка эти две функции действительно имеют место. Но в речевой деятельности, особенно в художественной, репрезентативные знаки могут выполнять и экспрессивную функцию, поэтому такое деление с позиции лингвистики эмоций является условным.

Лингвистика эмоций своими корнями восходит к давнему спору большой группы лингвистов (М. Бреаль, К. Бюлер, Э. Сепир, Як. ван Гиннекен, Г. Гийом, Ш. Балли и др.) о том, должна ли лингвистика заниматься эмоциональными составляющими семантики и стилистики общения. Все учёные расходились во мнениях в решении этого вопроса. Часть из них считала, что доминантой в языке является когнитивная функция, и потому они исключали изучение эмоционального компонента из исследований о языке (К. Бюлер, Э. Сепир, Г. Гийом). Другая группа учёных (Ш. Балли, ван Гиннекен, М. Бреаль) выражение эмоций считала центральной функцией языка. Современно звучит мысль М. Бреаля о том, что речь была создана не для описания, повествования и непредвзятых рассуждений, а для того, чтобы выражать желание, делать предписания, а всё это не может быть произведено без эмоционального сопровождения коммуникативного поведения человека и вне всего эмоцио-

нального пространства как человека, так и его языка. Сегодня большая часть лингвистов признаёт наличие в слове эмоционального и рационального компонентов и соглашается с тем, что стилистика речи задаётся эмоциональным выбором говорящего (ср.: бытовая речь, художественная коммуникация и др.).

Сегодня практически определено содержание термина «коннотация» ([Телия 1986] и др.), под которым понимаются все дополнительные к значению оценки, и установлено, что эмоциональные коннотации являются частью этих оценок. Стало общепризнанным положение о том, что любое слово может быть нагружено эмоциональными коннотациями. По мнению C. Kerbrat-Orecchioni, не следует смешивать «коннотацию» и «эмоциональную оценку», по моему мнению, эмотивность может быть коннотативной, а под «коннотацией» наряду с поликомпонентностью можно понимать и монокомпонентность, то есть коннотация и есть только эмотивность [Шаховский 2018]. Коннотативный компонент слова — это единство эмоциональных оценок, намеренное (или ненамеренное) изменение экспрессии, эмоциональная индексация вещи или слова, которая может быть социальной и индивидуальной и классически отличительной.

Кроме этого, лингвистика эмоций пришла к такому пониманию эмотивной коннотации, при которой она рассматривается не в качестве дополнения к денотации, а как её единственный составной компонент, например: *концлагерь*, *газовая камера*, *берёзка* (для россиян), *мама* и т.п. Что касается оценочной коннотации, то современная эмотиология считает, что нет проблемы в разграничении оценки и эмоции: поскольку эмоция всегда есть оценка, то эмотивная коннотация всегда является оценочной. Зато современные исследования доказывают наличие смешанных эмоций, а, соответственно, и оценок, когда трудно, а порой и невозможно идентифицировать / конкретизировать как оценку, так и эмоцию в определённом высказывании, особенно публичном.

Эмоции представляют собой разновидность человеческих страстей, которые пронизывают все сферы жизни человека и отражаются на всех уровнях его языка, поэтому не только лексика языка, но и фонетика, и грамматика также пронизаны эмоциональными обертонами. Так, фонетика эмоций включает эмоциональную интонацию, которая имеет не только коммуникативную, но и эмоциональную функцию. Известно, что интонация культуроносна и эксплицирует образованность и воспитанность говорящих. Она выражает все оттенки настроений и эмоциональных состояний. Интонация является носителем коммуникативных смыслов и средством психологического воздействия на человека. С ее помощью возможно создание образов. Не вызывает никакого сомнения, что идентификация нации происходит через язык и через национальные интонации (ср. интонацию китайской и русской речи, испанскую и грузинскую, украинскую и итальянскую интонации). Аргументом этого тезиса являются и меняющиеся интонации российских телеведущих под влиянием, например, американской речевой нормы (интонационной и

произносительной).

В этом же смысле (наряду с лексикой эмоций и эмоциональной интонаций) следует говорить о грамматике эмоций. Под грамматикой эмоций понимается эмоциональный синтаксис [Синеокова 2004; Вестник РУДН 2018] и эмоциональная морфология (аффиксация, грамматические формы слов в тексте) [Филимонова 2001].

Эмоции пронизывают всю коммуникативную деятельность человека с момента его рождения до ухода из жизни: эмотивность языка охватывает пространство от первого неосознаваемого крика ребёнка до разных видов сознательного использования эмоций в речи взрослого человека, она касается выражения эмоций, их описания и обозначения в языке.

Вся художественная литература является депозитарием эмоций: она описывает эмоциональные категориальные ситуации, вербальное и авербальное эмоциональное поведение человека, способы, средства и пути коммуникации эмоций, в ней запечатлён эмоциональный видовой и индивидуальный опыт человека, способы его эмоционального рефлексирования и резонирования. В этом плане вся художественная литература является бесценным учебником по воспитанию культуры эмоционального общения Homo sentiens. Результатом такого обучения является совершенствование эмоциональной / эмотивной компетенции, воспитание эмоциональной толерантности в межличностном, групповом и межкультурном общении, а также адекватное следование социализированным ритуалам эмоционального общения. Иллюстрацией такого ритуала являются, например, формы вежливости в разных национальных культурах (ср.: английскую вежливость (*Sorry! Excuse me!*) с американской облигаторной социальной улыбкой, политкорректностью и с японской улыбкой на похоронах, а также обучение подрастающего поколения японцев позитивному мыслепорождению и исключению слова ‘нет’ из всех видов общения). Проблема вежливости как аспекта эмоционального поведения продолжает успешно разрабатываться ([Ларина 2009] и мн. др.). В этом смысле проблематичен вопрос, являются ли сконфуженность и стыдливость компонентами вежливости. Есть мнение, что вежливость и эмоциональность — две противоположные категории, что вызывает сомнение и требует специального исследования. Аргументом в пользу последнего является то, что вежливость противоестественна, а эмоция, скорее, естественна. Мнение о том, что вежливость является социальным ритуалом не вызывает никакого сомнения. Другое дело, что в разных социумах, в разных коммуникативных средах (ср.: экология коммуникации в дипломатическом, научном и криминальном дискурсах) этот ритуал везде имеет разную семиотику и стилистику (ср. также: коммуникация дипломатов в официальной среде и в межличностной). Поэтому в современной лингвистике эмоции рассматриваются в аспекте семиотики и коммуникации, то есть как опыт не отдельно взятого субъекта, а межсубъектный опыт, введённый в процесс коммуникации и маркируемый специальными вербаль-

ными / невербальными знаками.

Работы по коммуникативистике сегодня уже не обходятся без обсуждения вопроса о значении эмоций в коммуникативном пространстве языка и человека, потому что выражение эмоций всегда означает адаптацию к психологическому образу собеседника и к коммуникативной ситуации вообще. В многочисленных работах А. Вежбицкой впервые было проведено изучение и описание разноцветной палитры одних и тех же эмоций в разных национальных культурах, различие которых всегда приводит к значительным помехам в межкультурной коммуникации (как в естественной, так и в художественной, т.е. при чтении оригинальной литературы) [Wierzbicka 1996; Ионова, Шаховский 2018]. Как пишет C. Kerbrat-Orecchioni, цветное стекло само влияет не только на интерпретацию чувств исследователя, но и на их непосредственное качество и квалификацию. Отсюда возникает чрезвычайно актуальная для коммуникации эмоций проблема изучения и картирования эмотиологией конкретной лингвокультуры и её эмоционального пространства. Я уверен, что это будет одной из проблем футурологической лингвистики. Тенденция в современной коммуникативистике уже сейчас подтверждает этот прогноз. Во-первых, уже известно, что различные сообщества пользуются не одним и тем же набором знаков для выражения своих эмоций; во-вторых, что эти знаки маркируют различные «коммуникативные жанры». Нормы эмоциональной экспрессивности варьируются в разных культурах и в зависимости от ситуации (ср.: приватная беседа и публичное выступление).

Всё большее количество теоретиков языка, обращаясь к проблемам эмоциональной коммуникации, сходятся в едином мнении о том, что эмоции ставят перед лингвистикой важные проблемы и своим «скользким» характером» бросают ей серьёзный вызов [Дронов, Ковшова 2019; Иоанесян, 2019]. Действительно, в сфере этой проблемы много неопределённого: расплывчатые категории, полиморфные понятия и неопределённые маркеры. Отмечается фантастическое разнообразие средств, которыми обладает эмоциональная речь, что позволяет говорить о полистатусном характере категории эмотивности языка. Нет строгого разграничения между ratio и emotio. В литературе уже отмечалось, что цифры заставляют рассуждать, и они же разбивают сердца. Любое предложение вызывает у нас определённые эмоции, а это значит, что эмоции проникают во все уровни системы языка и речи, однако пока невозможно установить точного соответствия между эмотивными высказываниями и их интерпретациями, дифференцировать эмоциогенный и эмотивный тексты.

Одной из проблем коммуникации эмоций, до сих пор не получившей должного внимания ни в лингвистике, ни в филологической герменевтике, является проблема эмоционального понимания и понимание эмоционального [Шаховский 1991; 2008]. До сих пор недостаточно изучено соотношение между когнитивным, психологическим и лингвистическим уровнями эмоциональности говорящего. Известно, что взволнованная речь не обязательно волнует,

и, наоборот, неэмоциональная речь может сильно волновать слушателя; что выраженные и реально переживаемые эмоции не всегда совпадают. Примером являются ритуальные речи некоторых представителей различных администраций, знающих правила воздействия обещаний на избирателей («Я обещал, обещаю и обещаю, что буду обещать»). Их асимметрия имеет разные варианты:

— эмоцию можно испытывать, но не выражать;

— можно выражать эмоцию, не испытывая её;

— можно выражать эмоцию, отличную от той, которую испытывают.

Некоторые способы аргументации также являются знаками выражаемой эмоции, то есть можно говорить об эмоциональном типе аргументации (в том числе и научной) или об эмоциях как форме / способе аргументации. Это тоже часть лингвистики и семиотики эмоций, которая требует самостоятельного исследования на материале разных языков.

И это далеко не всё, что ещё предстоит исследовать в эмотиологии.

Повторю: единство семиотики, теории и этики эмоций (трёх систем) и их реализация в конкретной КЭС позволяет всем коммуникантам однозначно интерпретировать переживаемую и выражаемую эмоцию. Знание этого единства вооружает коммуникативных партнёров знаниями механизмов порождения / выражения / вызывания эмоций, опознания их соматики. В условиях социума эмоциональные процессы между людьми имеют коммуникативную функцию, они всегда имеют движущее начало: соматическое, ментальное, вербальное, поведенческое. При этом определяющее значение приобретает умение ориентироваться в КЭС, знание топосов, вызывающих определённые эмоции, которое составляет существенную часть теории эмоций. Бывают неожиданные, непредвиденные реакции на определённые ситуации, знание и прогнозирование их тоже входит в теорию эмоций [Шаховский 2019а].

Именно семиотика кинетических и соматических эмоций позволяет коммуникантам однозначно считывать, например, страх или радость «с лица друг друга», так же как и однозначно семантизировать вербальные знаки эмоций (аффективы и коннотативы). Каждой эмоции соответствует своя семиотика тела. Эти симптомы типичны (и потому семиотичны) и одинаково понимаются всеми, даже в случае, когда они индивидуальны. Именно лингвистическое выражение эмоции делает её эксплицитной, внешней, доступной для понимания.

Окончательный вывод о выражаемой эмоции можно сделать только в конкретной ситуации, поэтому можно утверждать, что все эмоции дискурсивны и с этой точки зрения говорить о дискурсивном эмоциональном мышлении. Вербалика + невербалика + ситуация — делают понятной выражаемую эмоцию для наблюдателя и для партнёра по коммуникации.

Отсюда естественен вопрос: так возможна ли коммуникация человека вне эмоционального пространства языка? Полагаю, что ответ напрашивается однозначный, поскольку эмоциональной доминантой в целом неэкологичной коммуникативной среды является агрессия. Эта пропозиция — суть новой реальности, в том числе и коммуникативной.

Литература

Вежбицкая А. Толкование эмоциональных концептов // Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996.

Вестник РУДН. Серия Лингвистика. Дискурс эмоций. Том 22. № 1 (2018).

Дронов П. С., Ковшова М. Л. Образы обиды в русской лексике и фразеологии // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 1 (134). С. 188 —195.

Иоанесян Е. Р. Семантика слова *жалость* // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 1 (134). С. 195—199.

Ионова С. В. Лингвистика эмоций — наука будущего // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 1 (134). С. 124—132.

Ионова С. В., Шаховский В. И. Проспекция лингвокультурологической теории эмоций Анны Вежбицкой // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. Культурная семантика и прагматика. К юбилею А. Вежбицкой. 2018. Том 22. № 4. С. 966 —987.

Киселёва Л. А. Параметры языкового моделирования эмоциональных ситуаций в художественном тексте // Вестник ВолГУ. Серия 2, Языкознание. 2018. Т. 17. № 3. С. 108 —118.

Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. Волгоград: Перемена, 2001.

Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских культурных традиций. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009.

Синеокова Т. Н. Парадигматика эмоционального синтаксиса: дисс. докт. филол. наук. М., 2004.

Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986.

Толкачёва Т. И. Эмоционально-прагматический компонент коммуникативного поведения в ситуации «признание вины»: на материале англоязычной прозы: автореф. дисс. канд. филол. наук. Волгоград, 2009.

Филимонова О. Е. Язык эмоций в английском тексте: когнитивный и коммуникативный аспект. Санкт-Петербург: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2001.

Шаховский В. И. Эмотивное понимание и понимание эмоционального (к проблеме всесторонности понимания) // Сб.: Материалы IV научной конференции по проблемам семантических исследований: Лингвистическая семантика и прагматика. Москва-Харьков: ИРЯ АН СССР, ХТПИ, 1991.

Шаховский В. И. Эмоции и их конкретизация в различных лингвокультурных концептах // Русистика: сб. науч. трудов, вып. 1. Киев, 2001.

Шаховский В. И. Категориальная эмоциональная ситуация в свете теории и семиотики / В. И. Шаховский // Речевая деятельность. Языковое созна-

ние. Общающиеся личности. Тез. докл. на XV межд. симпозиуме по психолингвистике и теории коммуникации. Калуга: Эйдос, 2006. С. 347—348.

Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.

Шаховский В. И. Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции (монография). Волгоград: ИП Поликарпов И. Л., 2016.

Шаховский В. И. Коннотация: история, результаты, перспективы STUDIA LINGUISTICA. Вып. XXII. Язык и познание в современной науке. Сб. научных трудов. СПб.: Политехника-принт, 2018. С. 9—28.

Шаховский В. И. Обоснование лингвистической теории эмоций // Вопросы психолингвистики, № 1 (39), 2019а. С. 22—37.

Шаховский В. И. Эмоциональная картина мира в вербальной презентации. МИРС, № 1, 2019б. С. 35—43.

Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве. Коллективная монография. Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013.

Goleman D. Emotional Intelligence. New York: Bentam Books, 1995.

International Conference on Language and Emotions. Book of abstracts. Madrid, 2016.

Jakobson R. Essais de linguistique générale. Paris: Les Éditions de Minuit, 1963.

Kerbrat-Orecchioni C. La connotation. Lyon: Presses universitaires de Lyon, 1977.

Mouchiroud C. Utilisation et expression des émotions dans la créativité verbale. // Les émotions dans les interactions. Lyon : Presses universitaires, 2000. P. 71—83.

The Language of Emotions: Conceptualization, Expression, and Theoretical Foudation. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1997.

Wierzbicka A. Human emotions: Universal or Culture Specific? // American Anthropologist, New Series, Vol. 88, No. 3. (Sep., 1986). P. 584—594.

Е. Б. Яковенко (Институт языкознания РАН)
E. B. Yakovenko (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

К вопросу о семантике удовольствия в истории английского языка
Revising the semantics of pleasure in the history of English

Аннотация

В статье рассматривается развитие английских существительных *lust* и *pleasure* с древнего по ранненовый период истории английского языка, исследуются причины сдвигов в семантике обоих слов. Анализ, выполняемый на материале текстов религиозного и светского характера, показывает, что в древнеанглийском существительное *lust* обладало широкой семантикой, обозначая как удовольствие, так и желание. Начиная со среднего периода удовольствие обозначается в английском языке преимущественно заимствованием *pleasure,* а в семантической структуре исконного *lust* закрепляются отрицательные коннотации.

The paper focuses on the semantics of the words *lust* and *pleasure* in the history of English. The noun *lust* used to have a vaster referential area as compared to that in Modern English and was able to denote, besides pleasure, appetite, wish, and sexual desire. Some of these semantic domains were later covered by the French loan word *pleasure*. Subjecting to semantic analysis Old, Middle, and Early Modern English texts of religious and secular character, the author reveals changes of meaning that both words underwent throughout their history and tries to determine the causes of these changes.

Ключевые слова

Семантика, эмоциональная сфера, волевая сфера, семантический сдвиг, детериоризация значения

Semantics, emotional sphere, sphere of volition, semantic change, degradation of meaning

Эмоция удовольствия представляет большой интерес для целого ряда гуманитарных и естественных дисциплин. В психологии удовольствие понимается как эмоция, 1) переживаемая в результате положительно воспринимаемых ощущений и 2) возникающая при удовлетворении индивидом своих потребностей. Ввиду тесной связи и взаимообусловленности эмоциональной и волевой сфер представляется сложным, часто невозможным разграничить проявления радости, наслаждения, удовольствия, удовлетворения, с одной стороны, и желания, с другой стороны.

Удовольствие — одна из немногих эмоций, исследуемых в философии, точнее, теории этики. Совокупность проявлений удовольствия формирует гедонизм — «систему взглядов, образ жизни, в основе которого лежит принцип наслаждения» [Философский словарь 2001: 115]. Общее отношение человека к удовольствиям может быть различным и образует широкий диапазон взглядов: от гедонизма, объявляющего удовольствие высшей ценностью и сближающегося с индивидуализмом и эгоизмом, до аскетизма как полного отказа от удовольствий. В большинстве вероучений порицание находят лишь плотские удовольствия, поощряется стремление к духовным удовольствиям — таким, как блаженство. В повседневной жизни проявления удовольствия необязательно получают какую-либо оценку.

Сложность данной эмоции, ее принадлежность сразу двум сферам — эмоциональной и волевой — оборачиваются для лингвистов сложностями описания единиц, номинирующих удовольствие, и разграничения семантики единиц, обозначающих сходные с удовольствием эмоции. В отечественной лингвистике уже имеется опыт описания концепта УДОВОЛЬСТВИЕ в русской лингвокультуре [Колесов, Пименова, Теркулов 2012]; диахронические исследования семантики удовольствия в других языках разнообразны, но в целом фрагментарны, что показывают, например, материалы Международного конгресса по Средневековью (International Medieval Congress), проходящего ежегодно в г. Лидсе (Великобритания) и носящего междисциплинарный характер. Конгресс, состоявшийся в 2013 г., был целиком посвящен теме удовольствия в Средние века; на лингвистических секциях конгресса рассматривалась, в частности, семантика удовольствия на материале различных языков [http: //www.leeds.ac.uk/ims/imc/imc2013.html].

Данная статья представляет собой расширенную и переработанную версию доклада “Pleasure or Lust?: The Conflict of the Spiritual and the Carnal in Old and Middle English Texts”, сделанного на Международном конгрессе по Средневековью в 2013 г. [https://www.imc.leeds.ac.uk/imcarchive/2013/sessions/1114]. В работе рассматривается историческое развитие английских существительных *lust* и *pleasure*, определяются причины сдвигов в семантике обоих слов, их роль в вербализации концепта УДОВОЛЬСТВИЕ в отдельные периоды истории английского языка. Анализ выполняется на материале библейских переводов различных эпох, проповедей, художественных текстов, лексикографических источников.

Др.-а. *lust* (< о.-г. **lustuz* (ср. гот. *lustus*, двн., др.-с. *lust*, д.-исл. *lyst*, все с семантикой ‘радость, желание, удовольствие’ < и.-е. **las-* ‘желать, возжелать’, ср. лат. *lascivus* — ‘развратный, похотливый’ и совр. англ. *lascivious* с тем же значением) характеризуется крайне диффузной семантикой, обозначая в самом общем смысле радость, желание, удовольствие и входя наряду с такими существительными, как blis, *dreām*, *ēst*, *firenlust*, *gǣd*, *gamen*, *gelīcung*, *gelustfulnis*, *gemēde*, *gewil*, *hrōðor*, *līf-wynn*, *līðs*, *lustbǣrnis*, *lustfulnis*, *mirigþ*, *ofersǣlþ*, *sele-*

drēām, *symbelwynn*, *synlust*, *wel-gecwēmnis*, *weoroldlust*, *wyn*(*n*), *wynlust* и др. в лексико-семантическую группу «желание vs удовольствие». В словаре Босворта и Толлера *lust* определяется как «desire, pleasure, voluptuousness» [An Anglo-Saxon Dictionary 1898: 648].

Анализ употреблений *lust* в древнеанглийском дает несколько иные результаты. В поэме «Беовульф» *lust* встречается 3 раза (строки 599, 618 и 1653), обозначая всякий раз радость или готовность к какому-либо действию, т.е. скорее его предвкушение, чем удовольствие от его получения. Ср.:

He on *lust* geþeah
symbel ond seleful, sigerof keening (Beowulf, 618—619) (здесь и далее цифры в скобках соответствуют номерам строк).

he took in delight
feast-food and hall-cup, the victorious king (Translated by B. Slade [Beowulf… A New Translation 2019]).

Beowulf maþelode, bearn Ecgþeowes:
“Hwæt! we þe þas sælac, sunu Healfdenes,
leod Scyldinga, *lustum* brohton
tires to tacne, þe þu her to locast (Beowulf, 1651-1654).

Beowulf spoke, the son of Edgetheow:
“Listen, we you these sea-spoils, son of Half-Dane,
lord of the Scyldings, gladly brought
as token of glory, which you look at here (Translated by B. Slade [Beowulf… A New Translation 2019]).

В других контекстах *lust* обозначает как желание («The Seafarer»), готовность к выполнению каких-либо действий (в приводимом ниже фрагменте 72-й загадки речь идет о теленке (бычке), готовом сосать материнское молоко), радость («The Whale»), так и удовольствие («The Riming Poem»):

monað modes *lust* mæla gehwylce
ferð to feran, þæt ic feor heonan
elþeodigra eard gesece (The Seafarer, 36—38).

My heart’s desire incessantly calls on my spirit
to set forth in search of the land
of another people far from here (Translated by O. S. Anderson [The Seafarer 1955: 90]).

… Ic þæh *on lust*,
oþþæt ic wæs yldra ond þæt an forlet
sweartum hyrde… (Riddle 72, 9—11).

…I throve happily
until I was older and left all that
to the swarthy herdsman (Translated by P. F. Baum [Baum 1963: 24]).

Þonne gefeleð facnes cræftig
þæt him þa ferend on fæste wuniaþ,

wic weardiað wedres *on luste*… (The Whale, 25—26).

Then when the crafty fiend perceives that men,

Encamped upon him, making their abode,

Enjoy the gentle weather… (Translated by J. H. Pitman [The Whale 1821: 15]).

Giestas gengdon, gerscype mengdon,

lisse lengdon, *lustum* glengdon (The Riming Poem, 11-12).

Guests came and went, mingled chatter,

lingered over delight, joyfully embellished it (Translated by W. S. Mackie [Mackie 1922: 511]).

В древнеанглийских религиозных поэмах “Genesis”, “Exodus”, “Christ”, “Elene”, “Soul and Body II” и др. *lust* демонстрирует практически тот же спектр значений, функционируя, как правило, в составе словосочетания *on lustum* — ‘охотно, вволю, с удовольствием/в свое удовольствие’:

…se þæs wæstmes onbat,

swa him æfter þy yldo ne derede,

ne suht sware, ac moste symle wesan

lungre *on lustum* and his lif agan (Genesis, 471-474).

Because of that fruit, age after that would never harm him,

nor heavy disease, but he must continually be

long in pleasure and possess his life

in fealty to heaven’s king here in the world (Translated by S. Oldgrieve [Oldgrieve 2010]).

В поэме “Soul and Body”, дошедшей до нас в двух отличных друг от друга вариантах под условными названиями “Soul and Body I” и “Soul and Body II”, наблюдается выраженная оппозиция духовного и плотского начала в человеке; плотские желания представлены однозначно как греховные. Душа-обвинитель рисует мрачные картины разложения плоти, показывая телу, что ему грозит при несоблюдении заповедений Господних (подробнее см. [Яковенко 2015: 465—467]).

icwæs gæst onþe from gode sended

næfre ðu me wið swa heardum helle wita

ne generedest þurh þinra nieda *lust* (Soul and Body II, 47—48).

I was a soul sent by God in you, you

should never have prepared me of hard hell-torments

through pleasure of your desires (Translated by D. P. O’Donnell [O’Donnell 1996: 316]).

В древнеанглийских библейских переводах: уэссекских и нортумбрийских Евангелиях, переводе Пятикнижия, выполненном в X в. Эльфриком, – *lust* не встречается. В псалмах *lust*, выступая в качестве эквивалента лат. *desiderium*, идею возвышенного желания, блаженства; производный от него глагол *gelustfullian* (букв. ‘наполняться радостью’) означает ‘радоваться, ли-

ковать’:

beforan de is eall *lust* min (Juniuspsalter, 37:10).

et ante te est omne desiderium meum (Vulgata, Ps 37:10).

Fore frissum *gelustfullad* is heorte min (Juniuspsalter, 16:9).

Propter hoc laetatum est cor meum (Vulgata, Ps 16:9).

В среднеанглийском у существительного *lust* появляется конкурент — французское заимствование *pleasure* (< фр. *plaisir*) (более ранняя форма — *plesance*). Ср.-англ. *lust*, значительно сузив сферу употребления, начинает характеризовать преимущественно физическую сторону человеческого существования (половое желание, аппетит), что объясняется не только укреплением в рамках христианского учения противопоставления плотского (душевного, по апостолу Павлу) и духовного, но и другими причинами: семантика удовольствия и возвышенного желания все более закрепляется за французскими заимствованиями (*desire*, *joy*, *pleasure*, *charm*, *delight* и др.), присущими первоначально лишь англо-нормандскому — языку господствующего класса, но постепенно проникающими в английский язык. Благодаря сужению референции *lust* сохраняется в языке, выдержав конкуренцию с *pleasure*. Семантические области желания и удовольствия, изначально близкие, приобретают в языке более четкие очертания. См. ср.-а. контексты, в которых *lust* в сочетании с прил. *fleslich* — ‘плотский’ означает плотское желание, так же, как и образованный на его основе композит *fleyshelust*:

…þo ben þe fule tuder|ende of flesliche *lustes* and fule sinnes. þe flited eure toganes þe wreche saule (Old English Homilies, In Septuagesima 1873: 13).

…but also his breþeren & he nyl not sleen his broþer ne defoulen his sister þoru his *lust* of stynkyng lecherye (Life of Soul).

ȝef þou wolt *fleyshelust* ouercome,
þou most fiht & fle ylome,
wiþ eye & wiþ huerte;
Of *fleyshelust* comeþ shame;
Þah hit punche þe body game,
Hit doþ þe soule smerte.
’Wel fyht, þat wel fliþ;’
Quoþ Hendyng (Proverbs of Hendyng 1898, 40).

Тем не менее в конце среднего периода наблюдаются случаи употребления *lust* в значении ‘желание’ (в широком смысле и без каких-либо отрицательных коннотаций). Так, Уиклиф (конец XIV в.) для обозначения плотских желаний использует как *couertise*, *desire,* так и *lust* (последнее в его переводе Библии встречается также в нейтральных контекстах):

And Y seie you in Crist, walke ye in spirit, and ye schulen not performe the *desiris* of the fleisch (Wycliffe, Gal 5:16).

Lord, thou wost, that Y neuere *coueitide* man, and Y haue kept my soule cleene fro al *coueitise*.

Y have a daughter uirgin, and this man hath a [secondary] wife; and Y shall bring out them to you, that ye make low them, and fulfill your lust (Wycliffe, Judg 19: 24).

Y medlide me neuere with pleieris, nether Y yaf me parcener with hem that goon in vnstablenesse.

But Y consentide to take an hosebonde with thi drede, not with my *lust* (Wycliffe, Tob 3:16—18).

В отличие от своего современника, Чосер использует лексему *lust* довольно широко: данные конкорданса насчитывают свыше 50 ее употреблений в «Кентерберийских рассказах». *Lust* у Чосера обозначает, как правило, желание, готовность что-либо сделать. *Plesance* (*pleasure*) — ‘удовольствие’ встречается чуть более 10 раз.

I am thin ayel redy at thy wille

Weep thou namore I wol thy *lust* fulfille (Chaucer, The Knight’s Tale, 1619—1620).

somme folk han greet *lust* to deceyve but yet they dreden hem to be deceived (Chaucer, Melibee, 409).

This marchantz ban hym told of dame distance

So gret noblesse in ernest, ceriously,

That this sowdan hath caught so gret *plesance*

To han hir figure in his remembrance,

That all his *lust* and al his bisy cure

Was for to loue hir while his lyf may dure (Chaucer, The Man of Lawes Tale, 184—189).

В ранненовоанглийском семантика *lust* продолжает варьировать, что хорошо видно, в частности, в переводах Библии. К примеру, Тиндейл употребляет в своем переводе Библии (1535 г.) в одних контекстах *lust* как синоним *lasciviousness* (1 John 2:16, Deut 5:21 (в данном контексте стоит глагол *lust*)), в других — как синоним *desire* (Num 14:8, Deut 10:15):

For all that is in ye worlde (as the *lust* of the flesshe the *lust* of the eyes and ye pryde of gooddes) is not of the father: but of ye worlde (1 John 2:16).

only the Lorde had a *lust* vnto thy fathers to loue them, and therfore chose you theire seed after them off all nacyons, as it is come to passe this daye (Deut 10:15).

В Библии короля Иакова (the King James Bible, далее — KJB; 1611 г., окончательная редакция под тем же названием — 1769 г.) *lust* присутствует в ограниченном количестве (чуть более 40 употреблений). Для обозначения плотских желаний, наряду с *lust*, используется и *pleasure* (60 употреблений), ср.:

Therefore Sarah laughed within herself, saying, After I am waxed old shall I have *pleasure*, my lord being old also? (Gen 18:12).

Among whom also we all had our conversation in times past in the *lusts* of our flesh, fulfilling the desires of the flesh and of the mind; and were by nature the

children of wrath, even as others (Eph 2:3).

Однако, в то время как *pleasure* описывает в [KJB] широкий круг явлений эмоциональной и волевой сфер (радость, желание, удовольствие, наслаждение, утешение, симпатия и др.), *lust* обозначает par excellence страстное желание любого характера, сладострастие, голод и, изредка, благодаря метонимическому переносу, душу:

The enemy said, I will pursue, I will overtake, I will divide the spoil; my *lust* shall be satisfied upon them; I will draw my sword, my hand shall destroy them (Ex 15:9).

And the fruits that thy soul *lusted* after are departed from thee, and all things which were dainty and goodly are departed from thee, and thou shalt find them no more at all (Rev 18:14).

And they tempted God in their heart by asking meat for their *lust* (Ps 78:18; в др.-евр. тексте стоит *nephesh* — ‘душа’).

Flee also youthful *lusts*: but follow righteousness, faith, charity, peace, with them that call on the Lord out of a pure heart (2 Tim 2:22).

В современном английском языке *lust* сохраняет семантику, сложившуюся в ранненовоанглийский период, обозначая сильное желание, влечение, страсть, половое влечение, ср. контексты, приводимые авторитетными словарями английского языка:

He was consumed by *lust* [MD].

He was driven by a *lust* for power [MD].

Lust for chocolate drew her into the candy store [MD].

He was a man possessed by greed, jealousy and *lust* [LD].

She looked more desirable than ever; now, closing his aching eyes behind their glasses, he felt *lust* rise [LD].

Her *lust* for money is insatiable [LD].

Ничего подобного не обнаруживается в семантике *pleasure*: источником эмоции здесь выступают простые, легко достижимые объекты: общение с близкими, любимое занятие, отдых, поездки и т.д.:

I paint for the sheer *pleasure* of it [MD].

His grandparents took great *pleasure* in seeing him graduate from college [MD].

Is this trip for business or *pleasure* [MD].

It is a special *pleasure* for me to be here with you today [MD].

Now I can enjoy the simple *pleasures* of life, like spending time with my family [MD].

A really good game of basketball is a *pleasure* to watch [LD].

Her singing has given *pleasure* to so many people over the years [LD].

Любопытно, что в современном английском языке продолжается взаимодействие семантических структур единиц *lust* и *pleasure,* при котором происходит частичный обмен их признаками: *lust for sweets*, *lust for power*, *lust for*

life, но: *sexual pleasure*.

Итак, семантика удовольствия приобретает в английском языке в разные периоды его истории неоднозначное выражение. Единицы *lust* и *pleasure* представляют собой интересный пример того, как на протяжении истории референтная область слова может подвергаться последовательным сужениям и расширениям, а в его семантической структуре развиваются взаимоисключающие признаки. Функционируя первоначально с широкой и размытой референцией, принадлежа эмоциональной и волитивной сферам, *lust* испытывает воздействие внешних и внутренних факторов, таких, как развитие христианских представлений о низменном, греховном характере плотских желаний, формирование рыцарской культуры и лексикона рыцарства, а также все более широкое употребление конкурирующего *pleasure*. Семантика *lust* в течение некоторого времени (преимущественно среднего периода) подвергается специализации и детериорации, но в дальнейшем частично выходит из-под влияния этих процессов. В семантике родственных *lust* единиц других германских языков (нем. *Lust*, нид. *lust* — ‘желание, охота, радость’, также ‘сладострастие, похоть’, нем. *lustig* — ‘веселый, радостный’, нид. — ‘веселый, живой’, шв., дат., норв. *lust* — ‘желание, наслаждение, похоть’, исл. *lust* — ‘желание, охота; аппетит’ и др.) имеют место сходные процессы с развитием, как правило, одного из признаков, входивших в структуру о.-г. *lustuz*. Семантическое развитие *pleasure* оказалось гораздо более ровным: обозначая эмоцию меньшей интенсивности, с проявлениями, получающими положительную или нейтральную оценку со стороны социума; лексема получила широкое распространение, сближаясь с единицами-обозначениями радости и удовлетворения, а иногда и заменяя их.

Список сокращений

Baum 1963 — Anglo-Saxon Riddles of the Exeter Book Translated by Paull F. Baum. Durham, North Carolina: Duke University Press, 1963.

KJB — The Holy Bible. Authorized King James Version. USA: World Bible Publishers, 1989.

LD — Longman Dictionary of Contemporary English //https: //www.ldoceonline.com.

MD — The Macmillan English Dictionary //https://www.macmillandictionary.com.

Vulgata —– Biblia Sacra Vulgata. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 1994.

Wycliffe Bible — The Holy Bible, Containing the Old and the New Testaments, with the Apocryphal Books, in the Earliest English Versions Made from the Latin Vulgate by John Wycliffe and His Followers. Ed. by J. Forshall and F. Madden. Vol. IV. Oxford: University Press, 1950.

Источники

An Anglo-Saxon Dictionary. By Joseph Bosworth and T. Northcote Toller. Oxford: Clarendon Press, 1898 and 1921 //http://lexicon.ff.cuni.cz /png/oe_ bosworthtoller.

Beowulf // The Anglo-Saxon Poetic Records. Vol. IV. Beowulf and Judith. Ed. by E. van Kirk Dobbie. New York: Columbia University Press, 1953. Pp. 1—98.

Beowulf. Diacritically-Marked Text of Beowulf facing a New Translation (with explanatory notes) edited & translated by Benjamin Slade // http://www.heorot.dk/beo-intro-rede.html.

Chaucer G. The Man of Lawes Tale // Specimens of Early English, with Introduction, Notes, and Glossarial Index. By R. Morris and W. Skeat. Part II. Oxford: Clarendon Press, 1898. P. 249—269.

Genesis // The Anglo-Saxon Poetic Records. Vol. I. The Junius Manuscript. Ed. by G. P. Krapp. New York: Columbia University Press, 1931. P. 1—87.

Juniuspsalter – Der Altenglishe Junius-Psalter. Die Interlinear Glosse der Handschrift Junius 27 der Bodleiana zu Oxford. Hrg. von E. Brenner. Heidelberg: Carl Winter, 1908.

The Holy Bible, containing the Old and New Testaments, with the Apocryphal books, Wycliffe, John, d. 1384., Forshall, Josiah, 1795-1863, Madden, Frederic, 1801—1873. Oxford: University press, 1850.

Life of Soul. Oxford. Bodleian Library. Manuscript. Laud Misc 210 //http://quod.lib.umich.edu.

O'Donnell D. P. Manuscript Variation in Multiple-Recension Old English Poetic Texts. The Technical Problem and Poetical Art. A Dissertation … in Candidacy for the Degree of Doctor of Philosophy. Yale University, 1996.

Old English Homilies of the Twelfth Century: from the unique ms. B. 14. 52. in the library of Trinity College, Cambridge: Second series, with three thirteenth century hymns from ms. 54 D.4.14 in Corpus Christi College, edited, with introduction translation, and notes by the Rev. R. Morris. London: Early English Text Society, 1873.

Oldrieve S. Genesis B: Introduction and Translation. The Department of English, Baldwin Wallace College. Электронный ресурс. URL: http://homepages.bw.edu/~uncover/oldrievegenesisb.htm. Последнее обращение: 03.09.2019.

The Proverbs of Hendyng // Specimens of Early English, with Introduction, Notes, and Glossarial Index. By R. Morris and W. Skeat. Part II. Oxford: Clarendon Press, 1898. P. 35—42.

Riddle 72 // The Anglo-Saxon Poetic Records. Vol. III. The Exeter Book. Ed. by G. P. Krapp and E. van Kirk Dobbie. New York: Columbia University Press, 1936. P. 232—233.

The Riming Poem // The Anglo-Saxon Poetic Records. Vol. III. The Exeter Book. Ed. by G. P. Krapp and E. van Kirk Dobbie. New York: Columbia University Press, 1936. P. 166—169.

The Seafarer // The Anglo-Saxon Poetic Records. Vol. III. The Exeter Book. Ed. by G. P. Krapp and E. van Kirk Dobbie. New York: Columbia University Press, 1936. P. 143—147.

The Seafarer. Translated by O. S. Anderson // Poetry and Prose of the Anglo-Saxons. A Text-Book with Introductions, Translations, Bibliography, and an Old English Etymological Dictionary. By M. Lehnert. Berlin: Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1955. P. 89—92.

Soul and Body II // The Anglo-Saxon Poetic Records. Vol. III. The Exeter Book. Ed. by G. P. Krapp and E. van Kirk Dobbie. New York: Columbia University Press, 1936. P. 174—178.

Tyndale Bible //http://wesley.nnu.edu/fileadmin/imported_site /tyndale.

The Whale // The Anglo-Saxon Poetic Records. Vol. III. The Exeter Book. Ed. by G. P. Krapp and E. van Kirk Dobbie. New York: Columbia University Press, 1936. P. 171—174.

The Whale // Yale Studies in English. A. S. Cook (ed.). Vol. LXIII. The Old English Physiologus. Text and prose translated by A. S. Cook. Verse Translation by J. H. Pitman. New Haven: Yale University Press; London: Humphrey Milford; Oxford University Press, 1821.

Литература

Колесов В. В., Пименова М. В., Теркулов В. И. Гедонизм как явление русской лингвокультуры (на примере концепта удовольствие): коллективная монография. Киев: Издательский Дом Д. Бураго, 2012.

Философский словарь. Под ред. И. Т. Фролова. М.: Республика, 2001.

Яковенко Е. Б. «О, кто бы мне помог освободиться…» (спор души и тела в английской поэзии) // Логический анализ языка. Человек в интерьере. Внутренняя и внешняя жизнь человека в языке. М.: Издательский дом ЯСК, 2017. С. 463—473.

Mackie W. S. The Old English “Rhymed Poem” // The Journal of English and German Philology. Vol. 21, № 3. Jul. 1922. Pp. 507—519.

Янь Кай (Университет Сунь Ятсена, Гуанчжоу, Китай)
Yan Kai (Sun Yat-Sen University, Guangzhou, China)

Этнокультурная специфика лексикографического описания наименования эмоции РАДОСТЬ в русской и китайской лингвокультурах[1,2]

Cultural and national specificity of lexicographic description of the emotion of JOY in the Russian language against the backdrop of the Chinese linguoculture

Аннотация

В настоящей статье рассматривается проблема этнокультурной специфики наименования эмоции РАДОСТЬ в русском и китайском языках. В статье представляется лексикографическое описание наименования эмоции РАДОСТЬ в древнерусском и современном русском языках; выявляются основные свойства, формы проявления, когнитивные категории, основные метафорические модели, базовые оппозиции и культурно-концептуальные составляющие концепта РАДОСТЬ по данным словарных дефиниций русского и китайского языков. Актуальность статьи обусловлена выявлением культурных различий в русской и китайской лингвокультурах, нашедших своё отражение в лексикографических источниках. Цель исследования — показать сходства и различия между русским и китайским языками, которые проявляются в словарных дефинициях эмоции РАДОСТЬ.

The paper deals with the problem of ethnocultural specificity of naming the emotion of JOY in Russian and Chinese. The article presents lexicographical descriptions of JOY in Old and Modern Russian, analysing its main properties, forms of manifestation, cognitive categories, basic metaphorical models, oppositions, and cultural/conceptual constituents of the concept of JOY in Russian and Chinese dictionaries. The author focuses on linguistic cultural specificity of the emotion reflected in Russian and Chinese lexicography.

Ключевые слова

Эмоция, культура, метафора, радость, лексикография, лингвокультурология
Emotion, culture, metaphor, joy, lexicography, cultural linguistics

Проявление эмоций «сопровождается проявлением этнокультурных различий», так как сама эмоция является частью культуры любого лингвокуль-

[1] Данная статья написана во многом с опорой на собственную кандидатскую диссертацию (см., работу [Янь 2018]).

[2] Статья подготовлена в рамках гранта «Российская лингвокультурология: образование, состояние и перспектива» (19wkpy26) Университета имени Сунь Ятсена. 本文系2019年度中山大学青年教师培育项目“（俄罗斯）语言文化学研究：形成、现状与发展（19wkpy26）”研究成果。

турного сообщества [Шаховский 2008: 318]. При этом содержание этнокультурной информации есть «система знаний, представлений, оценок, описывающих явления внутреннего и внешнего мира, которые имеют маркировку при кодировании в языке и других сферах культуры» [Березович 2009: 27].

Понятие *культура* мы, следуя за В. Н. Телия, рассматриваем как «особую семиотическую концептосферу» [Телия 2007: 435], являющуюся результатом восприятия мироздания [Телия 2010: 776]; это «мировидение и миропонимание» определенного лингвокультурного сообщества, «обладающее семиотической природой» [Телия 1996: 222], т.к. знак несет социокультурный смысл и влияет на сознание и психику человека, а также отражает реалии окружающего мира. По мнению А. А. Леонтьева, в основе мировидения и миропонимания народа лежит своя система предметных значений, стереотипов и когнитивных схем. Поэтому человеческое сознание всегда этнически обусловлено; мировидение и миропонимание любого народа нельзя перевести простым перекодированием на язык культуры другого этноса [Леонтьев 1993: 20]. Поддерживая эту позицию, Н. В. Уфимцева отмечает, что «за словом родного языка стоит множество знаний, связанных с культурным предметом, которое оно (слово) обозначает, а когда мы переходим на язык другой культуры, то мы можем усвоить, как правило, только знание» [Уфимцева 2017: 23].

Отметим, что в рамках когнитивных исследований Дж. Лакофф выделяет следующие виды знания: дефиниционное и энциклопедическое [Лакофф 2011: 229]. По его мнению, дефиниционное знание есть знание существенных признаков слов, а энциклопедическое знание — это знание их случайных признаков [Там же]. При этом исследователь пишет, что «слова языка имеют объективный институциональный статус. Поскольку слова являются объективно существующими сущностями, они имеют существенные и случайные признаки. Поэтому объективисты полагают, что слова имеют правильные определения — определения, которые являются объективно правильными в силу институционального фактора» [Там же]. Иными словами, можно полагать, что различие между дефиниционным и другими этапами знания и есть различие между словарной (языковой) и энциклопедической информацией. В этом случае следует привести слова Л. О. Чернейко, которая пишет, что в языковом знании «отражаются все внеязыковые представления носителей той или иной культуры независимо от их социального статуса и уровня образования» [Чернейко 2013: 152]. При этом Л. О. Чернейко считает, что языковое знание — «это все то, что данный язык знает (на уровне рациональном/логическом и внерациональном/сублогическом) о действительности и о себе как фрагменте этой действительной» [Там же: 153].

В настоящей работе нами рассмотрена эмоция РАДОСТЬ в русской и китайской лингвокультурах по данным лексикографических источников.

Рассматривая значение лексемы *радость* в истории русского языка, можно отметить, что существует несколько версий происхождения данного

слова. Например, по мнению М. Фасмера, дериват слова *радость* — *рад*. Слово *рад* могло произойти из **ārda-*, ср.: греч. *Ардагастос*, Αρδάγαστος — имя славянского вождя. В таком случае следовало бы привлечь греч. *ἔραμαι* (‘люблю’), *ἔρως*, род. п. -ωτος ср. р. (‘любовь’). При этом исследователь пишет, что данные слова трудно отрывать от форм, приводимых на *радéть*, *рáди* [ЭР].

В «Словаре древнерусского языка» И. И. Срезневского слово *радость* и однокоренные ему слова используются: 1) для обозначения назначения (*живота ради*); 2) для обозначения подчинения (*смириться Бога ради*); 3) для обозначения возмездия (*принял смерть грех ради наших*, т.е. радея, заботься о нас); 4) для обозначения причинной связи (*яко послал мя живый Отец, и аз живу Отца ради*). При этом добавим, что через слово радость толкуются такие лексемы, как *пища* («Радость, пища, еда, питание, кормление, запас, пропитание, наслаждение, блаженство»); *веселье* («радость, свадьба»); *праздьновати* — ‘радоваться, быть свободным, бездействовать’ [СДРЯ].

Н. Э. Арсланбекова считает, что в древнерусском языке РАДОСТЬ воспринималась через чувственные ощущения как нечто конкретное, причем данная эмоция не разграничивалась с такими чувствами, как удовольствие, наслаждение и веселье. Исследователь отмечает различные конкретные проявления радости: смех, подпрыгивания, возгласы, аплодисменты, танцы [Арсланбекова 2016: 367]. Она приводит следующие примеры из словаря И. И. Срезневского [СДРЯ]: слово *играти* в истории русского языка имело значение ‘ликовать, веселиться, прыгать, скакать, быть в движении, шутить, насмехаться, играть на музыкальных инструментах’. Радость как одно из значений входило в семантическую структуру слова *плескание*: ‘радость, рукоплескание, торжество, один из языческих обрядов, игра’. Древнерусский глагол *склабитися* означал не только ‘улыбаться’, но и ‘радоваться’. Также слово *смехъ* в истории русского языка имело значение ‘радость, смех, хохот, веселье, насмешка’. Н. Э. Арсланбекова указывает на то, что радостное состояние человека обозначалось глаголом *ликовати*: ‘ликовать, водить хороводы, петь, пением прославлять кого-либо’ [Филин: 233]. Однако с приходом на Русь христианства произошли некоторые изменения в восприятии эмоции РАДОСТЬ. Мирское удовольствие стало считаться греховным, и радость оказалась в тесной связи с такими чувствами, как милосердие и доброта [Арсланбекова 2016: 368]. Так, в древнерусском языке слово *милость* означало ‘милосердие, благорасположение, жалость и духовную Радость’ [СДРЯ]. В данном контексте можно рассматривать и слово *утешение,* имеющее значение ‘радость, поддержка’ [Там же]. Более того, глагол *отрадити*, однокоренной современному глаголу *радоваться*, означал ‘утешить, иметь сострадание’ [Там же]. С точки зрения христианина, *радость* ассоциировалась со светом, сиянием или раем. По данным «Церковнославянского словаря» прот. Г. Дьяченко [Дьяченко], изначально корень *рад-* означал ‘блестящий, просветленный’ [Дьяченко: 24]. Это подтверждается значением слова *светлость* в древнерусском языке: ‘радость, красота, блеск, сверкание,

сияние, благодать’, а также ‘торжество, слава, величие, высота, важность, богатство’ [СДРЯ]. В русском языке есть устойчивые выражения типа *светлое воскресение*, *светлые дни* (слово *светлый* в христианской культуре означает ‘нечто святое, благородное, чистое’). Очевидна взаимосвязь слова *свет* и его символического значения с концептом НЕБО (рай находится именно на небесах по представлениям христиан), а также с соматическим кодом культуры (*светлый ум*, *светлая голова* и др.) и с символикой противоположного начала (*тёмные дела*, *чёрные мысли* и т.п.).

Ю. С. Степанов считает, что слово *радость* является производным от краткой формы прилагательного рад. Русское слово *ради* и полностью соответствующее ему др.-перс. *radity* употребляются, по мнению ученого, как «послеслоги», ср.: рус. *Христа ради*. При этом *ради* означает как причину, так и цель, т. е. «целевую причину» — некий мотив, заставляющий человека действовать и тем самым выступающий в роли причины действия» [Степанов 2004: 304—305]. Исследователь отмечает, что *радость* — это внутреннее чувство, противопоставленное внешнему, физическому ощущению удовольствия. Интересен тот факт, что само слово *радость* в норме никогда не выступает в позиции подлежащего [Там же: 446]. Говоря о внутренней форме слова *радость*, ученый определяет ее как «ощущение внутреннего комфорта, удовольствия бытия, возникшее в ответ на осознание/ощущение гармонии меня со средой, заботы кого-то обо мне и сопровождающееся моей готовностью проявить такую же заботу в отношении к другому» [Там же: 453]. Упомянутые выше идеи согласуются с позицией Э. Г. Шимчук, которая пишет, что «в комплекс средневековых представлений, связанных с внешними проявлениями радости, входят пение, пляски, смех, улыбки, плач. В языке древнерусской письменности *радость* образует пару с весельем. *Радость* — веселье “живут” в земном и горнем мире, а также в человеке — его сердце, душе и теле» [Шимчук 2004]. Исследователь утверждает, что «в древнерусских контекстах *радъ*, *радовати* выражается желание (пожелание) вызвать или продлить приятное или полезное событие» [Там же].

Таким образом, этимология слова *радость* указывает на изначальную связь данного понятия с желаниями, стремлениями человека, а также положительным отношением к людям (забота). При этом, согласно мнению Н. А. Красавского, первоначально значение слова *радость* не включало в себя эмоциональную составляющую [Красавский 2008: 112]. Слово *рад* в значении ‘радостный, довольный’ встречается в памятниках древнерусской письменности уже в XI веке [СДРЯ]. Например, в «Остромировом Евангелии» (1057): «Авраамъ отецъ нашъ радъ бы былъ да бы виделъ дни мои».

Помимо представления происхождения слова *радость*, обратим внимание на его семантизацию в лексикографических источниках (см. таблицу 1).

Таблица 1.
Словарные толкования лексемы *радость* в русском языке.

№	Наименования словарей	Семантизации
1	Даль	‘веселье, услада, наслажденье, утеха, и внутреннее чувство удовольствия, приятного, вследствие желанного случая’
2	Ушаков	1) ‘чувство удовольствия, внутреннего удовлетворения, веселое настроение’; 2) ‘событие, предмет, возбуждающие такое чувство’
3	МАС	1) ‘чувство удовольствия, удовлетворения’; 2) ‘то, что (или тот, кто) доставляет удовольствие, дает счастье’; 3) ‘разг. ласковое, нежное обращение’
4	ТСРЯ	1) ‘весёлое чувство, ощущение большого душевного удовольствия’; 2) ‘то, что вызывает такое чувство’; 3) ‘радостное, счастливое событие, обстоятельство’
5	БТС	1) ‘чувство удовольствия, ощущение большого душевного удовлетворения’; 2) ‘то, что (тот, кто) доставляет удовольствие даёт счастье’; 3) ‘разг. ласковое, нежное обращение’
6	РСС	1) ‘весёлое, счастливое чувство, ощущение полного удовлетворения’; 2) ‘тот или то, кто (что) вызывает чувство радости, счастья, удовлетворения’; 3) ‘нежное обращение к ребёнку, к любимому человека, а также (в непринуждённой речи) снисходительное и фамильярное обращение к собеседнику, вообще ласковое или ироническое упоминание о ком-н.’; 4) ‘радостное, счастливое событие, обстоятельство’
7	Ефремова	1) ‘чувство удовольствия, внутреннего удовлетворения’; 2) ‘внешнее проявление такого чувства’; 3) ‘перен. разг. употр. как обращение к кому-л., соответствуя по знач. сл.: милый, любимый, дорогой’

Также отметим, что при сопоставлении словарных дефиниций лексемы *радость* можно выделить следующие повторяющиеся элементы: 1) чувство удовольствия, удовлетворения; 2) веселое настроение; 3) приятные события (или приятные причины); 4) счастливое чувство; 5) внешнее проявление такого чувства. Добавим, что в русской лингвокультуре проявление концепта РАДОСТЬ связано с обращениями к пище, питанию, свадьбе, праздникам, пению, заботе и доброте [СДРЯ]. Кроме того, концепт РАДОСТЬ тесно связан с цветовыми представлениями (например, *светлое воскресение*, *светлые дни*). По данным лек-

сикографических источников можно определить значение лексемы *радость* следующим образом: это ‘внутреннее чувство и ощущение говорящего, возникающее тогда, когда человек испытывает удовольствие, чувство приятного удовлетворения’.

На основе проведенного анализа, нами были выделены главные когнитивно-семантические категории концепта РАДОСТЬ: внутреннее ощущение и чувство, причина, цветовые (или световые) оттенки и внешнее действие. Подчеркнем, что проявление эмоции РАДОСТЬ в русской лингвокультуре тесно связано с такими чувствами, как счастье, веселье, удовольствие, удовлетворение. На основе выделенных когнитивных категорий мы выявили основные свойства и формы проявления концепта РАДОСТЬ: *ощущение и чувство*, *приятность*, *удовлетворённость*, *весёлое настроение*, *нежность*, *светлость*; *внутреннее ощущение*, *чувство и внешнее действие*.

Опираясь на вышесказанное, мы построили некоторые метафорические модели концепта РАДОСТЬ в русской лингвокультуре: «радость — приятное событие» (или «радость — приятность»), «радость — нежность», «радость — удовлетворённость», «радость — свет». Соответственно, можно полагать, что концепт РАДОСТЬ в русской лингвокультуре тесно связан с базовыми оппозициями: внутри — снаружи, действие — бездействие, приятный — неприятный, нежность — грубость, свет — тьма. В данном случае мы выделили соответствующие культурно-концептуальные составляющие вышеуказанных оппозиций: пространство, движение, чувство, любовь, цвет (или оттенок).

Русское слово *радость* на китайский язык можно перевести следующими эквивалентами: ‘1) 高兴 (букв. пер.: *радость*), 喜悦 (букв. пер.: *радость*), 快乐 (букв. пер.: *весело*, *счастливо*); 2) 喜事 (букв. пер.: *радостное событие*), 乐事 (букв. пер.: *радостное событие*), 乐趣 (букв. пер.: *удовольствие*)’ [НРКС 2012: 860]. Можно утверждать, что слово *радость* в китайском языке выражает внутреннее *чувство веселья*, *счастья* и *удовольствия человека*, описывает радостное событие вокруг говорящего. Отметим, что слово 高兴 (букв. пер.: *радость*), которое относится к двум морфологическим категориям: 1) прилаг. 愉快, 兴奋 (букв. пер.: *радостный*, *счастливый*); 2) гл. 带着愉快的情趣做某件事 (букв. пер.: *с радостным чувством/ощущением делать что-л.*); 喜欢 (букв. пер.: *нравиться*, *любить*). Заметим, что в слове 高兴 содержатся две морфемы: 高 (букв. пер.: *высокий*) и 兴 (букв. пер.: *интерес*).

На основе вышесказанного нами были выделены главные когнитивные категории концепта РАДОСТЬ: внутреннее ощущение и чувство, причина и внешнее действие. Подчеркнем, что проявление эмоции РАДОСТИ в китайской лингвокультуре тесно связано с такими чувствами, как счастье, веселье, удовольствие и любовь. На основе выделенных когнитивно-семантических категорий мы выявили основные свойства и формы проявления концепта РАДОСТЬ: ощущение и чувство, приятность, удовлетворённость, весёлое настроение; внутреннее ощущение, чувство и внешнее действие.

Опираясь на вышесказанное, нами были построены следующие метафорические модели концепта РАДОСТЬ в китайской лингвокультуре: «радость — приятное событие» (или «радость — приятность»), «радость — удовлетворённость», «радость — любовь». Соответственно, можно полагать, что концепт РАДОСТЬ в китайской лингвокультуре тесно связан с базовыми оппозициями: внутри — снаружи, действие — бездействие, любовь — ненависть, приятный — неприятный, быстро — медленно, верх — низ. В данном случае нами были выделены соответствующие культурно-концептуальные составляющие указанных оппозиций: пространство, движение, чувство, скорость, объект.

Итак, по данным проведенного анализа нами выявлены следующие культурные особенности (отмечены в таблице полужирным) наименования эмоции РАДОСТЬ в русской (РЛ) и китайской (КЛ) лингвокультурах. (см. таблицу 2).

Таблица 2

Сопоставление концепта РАДОСТЬ в русской и китайской лингвокультурах

№	Параметры	РЛ	КЛ
1	наименование	радость	高兴、喜悦、快乐
2	форма проявления	внутреннее ощущение и чувство; внешнее действие	внутреннее ощущение и чувство; внешнее действие
3	внутреннее выражение	счастье; веселье; удовольствие; удовлетворение;	счастье; веселье; удовольствие; **любовь**;
4	внешнее выражение	не указано	не указано
5	свойство	ощущение; чувство; приятность; удовлетворённость; весёлое настроение; **нежность**; **светлость**;	ощущение; чувство; приятность; удовлетворённость; весёлое настроение
6	когнитивные категории	внутреннее ощущение и чувство; причина; внешнее действие; цветовые оттенки	внутреннее ощущение и чувство; причина; внешнее действие

7	метафорические модели	радость — приятные события; радость — удовлетворённость; **радость — нежность**; **радость — свет**	радость — приятное событие; **радость — удовлетворённость**; **радость — любовь**
8	базовые оппозиции	внутри — снаружи; действие — бездействие; приятный — неприятный; **нежность — грубость**; **свет — тьма**	внутри — снаружи; действие — бездействие; приятный — неприятный; **любовь — ненависть;** **быстро — медленно;** **верх — низ**
9	культурно-концептуальные составляющие указанных оппозиций	пространство; движение; чувство; **любовь**; **цвет (или оттенок)**	пространство; движение; чувство; **скорость**; **объект**

Итак, результаты проведенного анализа показывают, что словарные дефиниции эмоции РАДОСТЬ в русском и китайском языках не только содержат культурно-национальную информацию, но и отражают языковое сознание данного лингвокультурного сообщества, которое зафиксировано и актуализировано в значениях языковых знаков. При этом подчеркнём, что анализ лексикографических источников русского и китайского языков помогает раскрыть значительный объем имплицитной информации, которая стоит за словом. Также отметим, что словарь как часть этнокультуры содержит обширные знания о прошлом и настоящем состояниях языка и культуры народа.

Список сокращений

БТС — Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998.// http://gufo.me/kuznec_a.

Даль — Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля. в 4-х т. М.: Олма-Пресс, 2001 // http://slovardalja.net.

Дьяченко — Полный Церковнославянский словарь / Г. Дьяченко. М.: Отчий дом, 2001.

Ефремова — Современный толковый словарь русского языка / под ред. Т. Ф. Ефремовой // http://slovonline.ru/slovar_efremova.

МАС — Словарь русского языка: В 4т. /АН СССР, Институт русского языка, под ред. А. П. Евгеньвой. М.: 1981 // http://www.slovari.ru/default.aspx?p=240.

НРКС — Новый русско-китайский словарь. Пекин: Иностранные языки», 2005.

РСС — Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Российская академия наук. Ин-т рус.

яз. им. В. В. Виноградова; Под общей ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 1998 // http://www.slovari.ru/default. aspx?s=0&p=235.

СДРЯ — Словарь древнерусского языка/ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменнымъ памятникамъ. В 3 т. М.: Книга, 1989 // http://oldrusdict.ru/dict.html.

СЛТ — Словарь лингвокультурологических терминов / Отв. ред. М. Л. Ковшова. М.: Гнозис, 2017.

ТСРЯ — Толковый словарь русского языка (Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.). М.: Азбуковник, 1999 // http://www.slovari.ru /default.aspx?s=0&p=244.

Ушаков — Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: «Терра» — «Тегга», 1996 //http:// ushakovdictionary.ru.

Филин — Словарь русского языка XI—XVII веков/ глав. ред. Филин Ф. П. М.: Наука, 1983.

ЭР — Этимологический словарь русского языка М. Фасмера // http:// www.vasmer.slovaronline.com.

Литература

Арсланбекова Н. Э. Концепт «радость» в языковом сознании британского и русского народов: историко-этимологический аспект // Проблемы истории, филологии, культуры. Москва -Магнитогорск-Новосибирск. 2016, № 52 (2). С. 364—371.

Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Пространство и человек / под ред.: А. К. Матвеева. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.

Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах М.: Гнозис, 2008.

Лакофф Джордж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. Книга 1: Разум не машины / Пер. с англ. И. Б. Шатуновского. М.: Гонзис, 2011.

Леонтьев А. А. Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М.: Институт языкознания РАН, 1993.

Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2004.

Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996.

Телия В. Н. Глубинно-смысловые пласты культуры и её символарий в архитектонике фразеологизмов-идиом // Язык и действительность: Сборник научных трудов памяти В. Г. Гака. М.: ЛЕНАНД. 2007. С. 433 — 441.

Телия В. Н. Послесловие, замысел, цели и задачи фразеологического словаря нового типа // Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический словарь русского языка / Отв. ред. В. Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2010. С. 776—782.

Уфимцева Н. В. Этнопсихолингвистика как раздел теории речевой деятельности // (Неопсихолингвистика) и (психо) лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем / под ред. В. В. Красных. М.: Гнозис, 2017.

Чернейко Л. О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013.

Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008.

Шимчук Э. Г. Концепт РАДОСТИ в русском языке (диахронический аспект) // Русский язык: исторические судьбы и современность. Труды и материалы. М.: Изд-во Московского ун-та, 2004 // http://www.philol.msu.ru/~rlc2004 /files/sec/96.doc.

Янь Кай. Анализ лексических средств выражения эмоций в современном русском языке и в художественных текстах И. А. Бунина (радость, удивление, страх). Канд. дисс. филол. наук. М., 2018.

Сведения об авторах

Абакумова Ольга Борисовна, д. филол. н., доцент, профессор кафедры английской филологии Орловского государственного университета им. И.С. Тургенева; e-mail: abakumova-ob@mail.ru.

Виноградова Софья Петровна, к. филол. н., старший научный сотрудник сектора иранских языков Института языкознания РАН; e-mail: sophiapv@yahoo.com.

Дронов Павел Сергеевич, к. филол. н., старший научный сотрудник научно-образовательного центра теории и практики коммуникации им. Ю. С. Степанова (НОЦ ТиПК), Институт языкознания РАН; e-mail: nord.dronov@gmail.com.

Иоанесян Евгения Рафаэлевна, д. филол. н., ведущий научный сотрудник сектора романских языков Института языкознания РАН; e-mail: ioanevg@mail.ru.

Ковзеле Оксана Геннадьевна, д. филол. н., исследователь Института гуманитарных и социальных исследований Даугавпилсского университета (Латвия); e-mail: oksana.kovzele@gmail.com; oksana.kovzele@du.lv.

Ковшова Мария Львовна, д. филол. н., ведущий научный сотрудник сектора теоретического языкознания Института языкознания РАН; e-mail: kovshova_maria@list.ru.

Королева Елена Евгеньевна, д. филол. н., ассоциированный профессор Института гуманитарных и социальных исследований Даугавпилсского университета (Латвия); e-mail: elena.korolova@du.lv.

Куликов Сергей Юрьевич, к. филол. н., исследователь, Балтийский федеральный университет им. И. Канта; старший лингвист Центра когнитивных исследований «Ай-Теко ВЦ»; e-mail: sukulikov@gmail.com.

Лазуткина Елена Михайловна, к. филол. н., ведущий научный сотрудник отдела культуры русской речи Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН; email: lazutkelena@yandex.ru; lazutkina@ruslang.ru.

Масленникова Евгения Михайловна, к. филол. н., доцент, доцент кафедры английского языка Тверского государственного университета; e-mail: e-maslennikova@inbox.ru.

Мидер Вольфганг (Wolfgang Mieder), профессор кафедры немецкого и русского языкознания Университета штата Вермонт, г. Бёрлингтон, (США), редактор ежегодника “Proverbium: Yearbook of International Proverb Scholarship”; e-mail: Wolfgang.Mieder@uvm.edu.

Найдич Лариса Эриковна, к. филол. н., старший научный сотрудник кафедры общего языкознания Еврейского Университета в Иерусалиме (Израиль); e-mail: larissa.naiditch@mail.huji.ac.il.

Орлова Ольга Сергеевна, младший научный сотрудник сектора теоретического языкознания Института языкознания РАН; e-mail: orlovaolgas@list.ru.

Павлова Анна Владимировна, к. филол. н., научный сотрудник кафедры русистики факультета «Язык. Перевод. Культура» Майнцского университета (Германия); e-mail: anna.pavlova@gmx.de.

Петрова Галина Викторовна, к. филол. н., доцент, кафедра романских языков (итальянского, португальского и латинского) им. Т. З. Черданцевой; МГИМО МИД России; e-mail: galia.petrova@mail.ru.

Рябцева Надежда Константиновна, д. филол. н., ведущий научный сотрудник, зав. сектором прикладного языкознания Института языкознания РАН; e-mail: nadia_riabceva@mail.ru.

Сигал Кирилл Яковлевич, д. филол. н., заведующий отделом экспериментальных исследований речи Института языкознания РАН; e-mail: kjseagal@yandex.ru.

Смирнитская Анна Александровна, младший научный сотрудник отдела языков народов Азии и Африки Института востоковедения РАН; e-mail: nyushas@gmail.com.

Тахтарова Светлана Салаватовна, д. филол. н., доцент, заведующая кафедрой теории и практики перевода Института международных отношений (отделение Высшая школа иностранных языков и перевода) Казанского (Приволжского) федерального университета, заместитель директора по международной деятельности; e-mail: alfia@mail.ru.

Токарев Григорий Валериевич, д. филол. наук, профессор, заведующий кафедрой документоведения и стилистики русского языка Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого; e-mail: grig72@mail.ru.

Токарева Александра Леонидовна, аспирант Российско-итальянского учебно-научного центра Российского государственного гуманитарного университета (научный руководитель — кандидат филологических наук, доцент Роман Алексеевич Говорухо), ассистент кафедры романской филологии Московского городского университета (МГПУ); e-mail: annsilver@mail.ru.

Фёдорова Людмила Львовна, к. филол. н., доцент, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики Российского государственного гуманитарного университета; e-mail: lfvoux@yandex.ru.

Федосов Олег Иванович, д. филол. наук, профессор Института славистики Будапештского университета им. Л. Этвёша; e-mail: fedhod@t-online.hu.

Фролова Ольга Евгеньевна, д. филол. н., зав. лабораторией фонетики и речевой коммуникации филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова; e-mail: olga_frolova@list.ru.

Хайров Шамиль Валиуллович, д. филол. н., лектор факультета современных языков и культур Университета Глазго (Великобритания); e-mail: Shamil.Khairov@glasgow.ac.uk.

Шаров Александр Владимирович, аспирант отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН (научный руководитель — д. филол. н., профессор А. Н. Дыбо); e-mail: ghauasha@gmail.com.

Сведения об авторах

Шаховский Виктор Иванович, д. филол. н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, почётный доктор университета, главный научный сотрудник Института иностранных языков Волгоградского государственного социально-педагогического университета; e-mail: shakhovsky2007@yandex.ru.

Яковенко Екатерина Борисовна, д. филол. н., доц., ведущий научный сотрудник сектора германских языков Института языкознания РАН; e-mail: yakovenko_k@rambler.ru.

Янь Кай, к. филол. н., научный сотрудник школы международного перевода Университета им. Сунь Ятсена, г. Гуанчжоу (КНР); e-mail: ky_710@mail.ru.

Подписано к печати 21.09.2019
Сдано в набор 12.10.2019
Формат бумаги А5 – 60х90 1/16
Тип гарнитуры “Таймс Нью Роман”.
Объем 18,1 усл.печ.л.
Тираж 500 экз.
Отпечатано в типографии
«Канцлер»